

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА
И ПРОДОВОЛЬСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
«БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АГРАРНЫЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР

Сборник статей и рассказов

Минск
БГАТУ
2009

УДК 342.542.5(07)

ББК 65.321.4я7

К80

Рецензенты:

д-р экон. наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси Г.И. Гануш;

д-р экон. наук, профессор И. Л. Акулич

Крестьянский мир: сборник статей и рассказов / сост. М.Ф. Рыжанков, О.В. Рыжанкова, И.М. Рыжанков; под ред. Г.М. Лыча. – Минск: БГАТУ, 2009. - 248 с.

ISBN 978-985-519-172-9.

В сборнике собраны тексты видных экономистов, социологов, историков, политологов, писателей, публицистов различных стран мира о крестьянах и крестьянском вопросе. Данный труд состоит из трех разделов: «Феномен крестьянства», «Крестьянская экономика», «Стратегия выживания и созидания». Издание рассчитано не только на студентов, начинающих изучение аграрных концепций в контексте современного восприятия деревенской жизни, но и на преподавателей аграрных вузов, специалистов, руководителей, поскольку содержит изложение идей и фактов такой значимости, к которым приходится обращаться при осмыслении сегодняшних реалий стремительно развивающейся международной экономики.

УДК 342.542.5(07)

ББК 65.321.4я7

ISBN 978-985-519-172-9

© Оформление. БГАТУ, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

О проблемах социально - экономического познания сущности и роли крестьянства	4
--	---

РАЗДЕЛ I. ФЕНОМЕН КРЕСТЬЯНСТВА

<i>Т. Шанин.</i> Понятие крестьянства	11
<i>Т. Шанин.</i> Перспективы исследования крестьянства и проблемы восприятия параллельности общественных форм	17
<i>Дж. Берджер.</i> Крестьянская этика: видение крестьянства.	26
<i>К. Маркс.</i> Крестьянство как класс	31
<i>М. Левин.</i> Деревенское бытие: нравы, верования, обычаи.	34
<i>А. Энгельгардт.</i> Из деревни (3-10 письма)	41
<i>Я. Лесік.</i> Быт, права, звичаї	50
<i>М. Гарэцкі.</i> У лазні.	56
<i>Ф. Сяодун.</i> Крестьянство как образ жизни	59
<i>И. Тургенев.</i> Деревня	61

РАЗДЕЛ II. КРЕСТЬЯНСКАЯ ЭКОНОМИКА

<i>А. Чаянов.</i> К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства	62
<i>А. Чаянов.</i> Организация крестьянского хозяйства	74
<i>Н. Макаров.</i> Крестьянское хозяйство России начала века и его интересы	78
<i>А. Челинцев.</i> Региональность как центральный вопрос сельского хозяйства	81
<i>А. Гордон.</i> Типология семейного хозяйствования в крестьяноведении (90-е гг. XIX — 90-е гг. XX в.)	82
<i>Б. Галенский.</i> Семейное сельское хозяйство как профессия	92
<i>А. Сен.</i> Политическая экономия голода	102
<i>Алави, Т. Шанин.</i> Карл Каутский и «аграрный вопрос». Крестьяне и капитализм	104
<i>Торнер.</i> Крестьянская экономика как социальная категория	116
<i>Т. Шанин.</i> Эксплоярные экономики и политэкономия обочин. Формы хозяйства вне систем	119

Э. Мингиони. Неформальная экономика сквозь призму западного опыта: воздействие изменения режимов регулирования	125
В. Виноградский. Природные и социальные контексты неформальной экономики крестьянской России	139
Виноградский. Бюджетное исследование как метод выявления динамики социального капитала крестьянских домохозяйств	144
А. Никонов. Аграрная реформа П. А. Столыпина	148
В. Данилов. Аграрные реформы и аграрная революция в России	152

РАЗДЕЛ III. СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ И СОЗИДАНИЯ

А. Чайнов. Краткий курс кооперации	158
Т. Шанин. Кооперация и коллективизация	181
Г. Лыч. Маці	185
Дж. Скотт. Моральная экономика крестьянства как этика выживания	199
Дж. Скотт. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян	203
Штейнберг. К вопросу об определении сети социальной поддержки на селе	221
Виноградский. Крестьянские семейные хроники: репортаж с диктофоном на шее	225
Родионова. Современное сельскохозяйственное предприятие и стратегия выживания сельских сообществ: симбиоз функций и величин	235
Омведт. Экологическое движение крестьян	239
Смирнова. Добровольная кооперация крестьянских хозяйств — залог эффективного использования человеческого потенциала на селе	241

О проблемах социально-экономического познания сущности и роли крестьянства

Предлагаемое вниманию читателя издание «Крестьянский мир» призвано содействовать научной разработке назревших проблем, которые в современной Беларуси приобрели особую значимость и актуальность.

Следует заметить, что системное исследование крестьянства вплоть до начала XIX в. практически отсутствовало. Как самостоятельная отрасль общественной науки со своей особой теорией, методами и предметом крестьяноведение сложилось лишь во второй половине XIX в. При этом в нее вошли, часто весьма обширные, разделы многих дисциплин и наук – экономики и социологии, юриспруденции и истории, этнографии и антропологии, политических наук и языкознания, агрономии и организации производства. В нее вписались также произведения искусства, литературы и поэзии. Синтез оказался возможен и нужен, так как их объект – крестьянин, его семья и его хозяйство, а также его «мир» – село и взаимодействующая с этим миром природа.

Начав с выяснения жизнедеятельности, социальных связей, культуры и роли крестьянства в развитии общества на путях цивилизации, наука пришла к признанию наличия крестьянских обществ на определенных стадиях исторического процесса, которые, как оказалось, в разных регионах мира не совпадают во времени. Нельзя забывать, что на всех этапах исторического развития крестьянство создавало основу богатства богатых, было базой культурной жизни образованных, а их число определяло власть властителей.

Крестьянская экономика являлась и поныне является составной частью мировой экономики. Исследование крестьян и крестьянских сообществ, закономерностей их собственного развития и способности к самосохранению и выживанию определило проблематику крестьяноведения. Пришло понимание необходимости исследования крестьянства и форм его выживания как массовой части населения Земли и его далеко не одинаковых судеб в условиях стремительно развивающегося мира. В настоящее время все большее внимание привлекает мысль о смешанных формах, а также о комплексном и параллельном существовании и развитии различных социальных форм, движение которых отнюдь не обязательно идет по одному «магистральному» пути истории. По-новому ставится вопрос о сельских и семейных отношениях в обществах.

На начальных стадиях становления и развития крестьяноведения заметное место занимала русская наука. У ее истоков стоят такие ученые, как А. Энгельгардт, А. Васильчиков, А. Ефименко, В. Воронцов, Ф. Щербина, А. Чупров, Н. Черников, Н. Каблуков, А. Кауфман и др., создавшие русскую крестьяноведческую литературу, сохранившую свое значение и в наше время.

В их работах содержится богатый материал, раскрывающий феномен крестьянства, его особую жизненную стойкость и способность во имя выживания адаптироваться к любым, даже самым сложным внутренним и внешним условиям.

В этом плане особый интерес представляют 12 писем «из деревни» Александра Энгельгардта, где ярко повествуется о деревенской реальности конца XIX в. с ее острейшими противоречиями, проблемами, бедами и потаенными надеждами. Письма А. Энгельгардта вскрывали социально-экономические реальности того времени без оглядки на установки чиновников, без страха разрушения устоявшихся представлений и стереотипов. Это проявлялось в обнаружении и показе действительных социальных качеств и устремлений крестьянства. Так, о крестьянских заботах он писал, «что решительно ни о чем другом ни думать, ни говорить, ни писать не могу, как о хозяйстве. Все мои интересы, все интересы лиц, с которыми ежедневно встречаюсь, сосредоточены на дровах, хлебе, скоте, навозе. Нам ни до чего другого дела нет».

Не скрывал А. Энгельгардт и своих выводов о том, что крестьяне в вопросе о собственности самые крайние собственники, и ни один крестьянин не поступится ни одной копейкой, ни одним клочком сена. В качестве следствий такого поведения крестьян автор писем указывал на сильное развитие индивидуализма в крестьянах, на их обособ-

ленность в действиях, и порой нежелание соединиться в хозяйстве ради общего дела. И все же А. Энгельгардт был убежден, что будущее принадлежит хозяйствам тех людей, которые будут сами обрабатывать свою землю и вести хозяйство не единолично, каждый по себе, а сообща.

К началу XX в. уже появились научные работы и был собран значительный эмпирический материал по крестьянскому вопросу, обозначилась необходимость в глубоком осмыслении и обобщении накопленных наблюдений, появилась возможность создания научных концепций, выработки практических рекомендаций. За эту работу взялся Александр Васильевич Чаянов.

На достигнутой базе он создал научно-методологические основы исследования семейной крестьянской экономики и возглавил крестьяноведческую школу в России, в которую вошли такие крупные ученые, как Н. Макаров, А. Челинцев, Н. Кондратьев, А. Хрящева, А. Фортунатов, А. Рыбников, А. Минин. Их работы сказали свое слово не только о российской деревне, ее состоянии и возможностях развития, но и о теории крестьяноведения, предопределившие ее нынешний уровень. Эта школа стала мировым лидером в исследовании крестьянства и удерживала это лидерство на протяжении первой четверти XX в. С тех пор теория крестьянского хозяйства навсегда осталась связанной с именем А. Чаянова, она не утратила своей актуальности и в наши дни.

Теоретическая работа А. Чаянова по моделированию социально-экономических систем включала и крестьянскую экономику, и государственную аграрную политику в России до 1929 г., и аналитические исследования «закрытых обществ». Это позволило ему в середине 20-х гг. прошлого века в своей «теории некапиталистических экономических систем» представить теоретическую концепцию, которая вобрала восемь возможных аналитических моделей экономики, включая характеристики таких базовых компонентов, как зарплата, рента, неэкономические ограничения и т.д., а также логику связей между ними и внутри каждой системы.

Представленная А. Чаяновым крестьянская экономика являлась одной из полноправных исторических систем наряду с капитализмом, рабством, крепостным хозяйством, социализмом и др. Хотя для него эти системы не представляли исторической цепи необходимых и последовательных стадий, и это имело центральное значение. Он считал, что они могут появляться рядом, вступать в симбиотические отношения и существовать параллельно. Отсюда модель крестьянской семейной экономики, основой которой являлся двор и в которой экономические факторы и показатели соотносились с демографическими, социальными и экзистенциальными факторами, виделась А. Чаянову как действенная в разных других эпохах и социальных условиях.

А. Чаянову принадлежит большая заслуга и в создании «организационно-производственной школы», которая сформировалась еще перед первой мировой войной, но наибольшее свое развитие получила в годы новой экономической политики.

Сторонники А. Чаянова всерьез занялись разработкой конкретных предложений по повышению эффективности крестьянского хозяйства. В центре их внимания были, в частности, такие вопросы, как районирование и специализация сельскохозяйственного производства, оптимизация размеров трудовых крестьянских хозяйств, их снабжение и сбыт произведенной продукции, бюджетные обследования крестьянских хозяйств, кредитные отношения на селе.

Особое место в работе «организационно-производственной школы», в первую очередь ее лидера, А. Чаянова, заняло изучение проблемы развития сельской кооперации. Он различал две стороны кооперации — организационно-хозяйственную, или экономическую, и социальную. Характеризуя первую ее сторону, ученый отмечал, что кооперация «никогда не может являться самодовлеющим предприятием, имеющим собственные интересы, лежащие вне интересов создавших его членов; это предприятие, обслуживающее своих клиентов, которые являются его хозяевами и строят его управление так, чтобы оно было непосредственно ответственно перед ними, и только

перед ними».¹ В своей социальной ипостаси крестьянская кооперация выступает защитницей крестьян, призванной помочь им успешно противостоять любым попыткам посягательства на их интересы, предпринимаемым иными классами и социальными группами общества.

Весьма продуктивна и следующая мысль А. Чаянова, касающаяся данной проблемы: «крестьянская кооперация... представляет собой весьма совершенный организованный вариант крестьянского хозяйства, позволяющий мелкому товаропроизводителю, не разрушая своей индивидуальности, выделить из своего организационного плана те его элементы, в которых крупная форма производства имеет несомненное преимущество над мелкой, и организовать их совместно с соседями на ступень той крупной формы производства, часто используя наемный труд».²

Вообще, с развитием кооперации А. Чаянов напрямую связывал будущее сельского хозяйства: «Только опираясь на союзное, кооперативное начало обобществленного хозяйства, крестьянство может на своих полях и в стойлах использовать все завоевания агрономической науки и на том месте, где растет теперь один колос, действительно вырастить два, может сбросить со своих плеч бремя ростовщиков и скупщиков и твердыми шагами пойти в лучшее будущее... Тогда перед нами вырастает новая, невидимая далее форма земледелия, построенная на принципе обобществления, современной техники и научной организации производства. Это будущее заставляет нас видеть... будущий грандиозный социально-экономический переворот, превращающий распыленное стихийное крестьянское хозяйство в стройное хозяйственное целое, в новую систему земледелия...».³

И, надо сказать, первые годы новой экономической политики — касательно сельского хозяйства — проходили именно в таком русле. В этот период кооперация стремительно развивалась как вширь, так и вглубь. Она охватывала более 40 различных видов деятельности. Удельный вес крестьянских хозяйств, вовлеченных в различные виды кооперативов, к концу 1929 г. достиг 68,4%. Костяк сельскохозяйственной кооперации составила система связанных с банком кредитных товариществ, взявших на себя финансирование крестьянских хозяйств, а также масштабных мероприятий, осуществляемых различного рода производственными товариществами, включая мелиоративные хозяйства. Весьма высок был удельный вес кооперации и в торговле: в 1928–1929 гг. в ее руках оказалось около половины оптового и две трети розничного товарооборота. Все более активно начала вторгаться кооперация и во внешнеторговую деятельность. Велика роль тогдашней кооперации и в снабжении населения.

Идеи А. Чаянова и его школы получили дальнейшее развитие и оказались востребованными в нынешних условиях. Так, известный исследователь крестьянства К. Полани, например, вслед за А. Чаяновым показал, что рынок не существует вне сети социальных отношений. Контекст политических и социальных институтов, среди которых государство занимает центральное место, дает жизнь образцам экономического рационального поведения для разных обществ и эпох, среди которых рыночные отношения представляют собой только одну из многих возможностей поведения.

Такой подход позволил К. Полани установить три различных, но равно рациональных и эффективных способа обмена благами: формализованный обмен подарками, государственные сборы/перераспределение и рынок.

Среди важнейших теоретических предтеч и основателей современного анализа крестьянской экономики стоит Дж. Скотт. В своих работах он применил к сельскому хозяйству важный термин — «моральная экономика» и представил анализ рационального экономического поведения, погруженного в социальную структуру. Его анализ весьма отличен от тех, которые можно извлечь из учебников по рыночной экономике и максимизации прибыли.

¹ Чаянов А.В. Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации. 2-е изд. М.: Книгосоюз, 1921. — С. 17.

² Чаянов А.В. Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации. 2-е изд. М.: Книгосоюз, 1927. — С. 20.

³ Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. 4-е изд. М.: 1925. — С. 78-79.

В поле научных интересов Дж. Скотта и такая проблема, как скрытые, или так называемые обыденные формы сопротивления крестьян, о которых он поведал в своей статье «Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян». Это, в частности, нерадение в выполнении работ, симуляция, фальшивое, для виду, согласие, притворное понимание, уклонение, подворовывание, злословие, нападение исподтишка, анонимные угрозы и т.д. В этом проявилась своеобразная «власть слабых», стремящихся приспособиться к окружающей среде, отвести от себя угрозу, защитить себя и свою семью при ограниченных возможностях и выжить.

Примечательно, что указанные выше обыденные формы сопротивления крестьян в той или иной мере применялись практически во все времена и повсеместно, как в доиндустриальную, так и в индустриальную эпоху развития человечества, и в развитых, и в развивающихся странах.

Весомый вклад в развитие теории и методологии исследования крестьянской экономики (неформальной / эксплоярной) вносит крупный западный ученый профессор Манчестерского университета Т. Шанин (Великобритания). Его усилиями впервые за 80 лет после А. Чаянова воссоздана научная школа крестьяноведения. Отдельному исследованию крестьянского вопроса посвящены его наиболее крупные работы-монографии «Неудобный класс», «Великий незнакомец» и двухтомник «Россия на рубеже веков». В течение ряда лет он руководил масштабным фундаментальным научным исследованием постсоветского пространства, проводя полевые исследования по регионам России и стран СНГ.

По инициативе Т. Шанина в начале 1990-х гг. в Москве был создан Центр крестьяноведения и аграрных реформ. Это позволило приобщить к активной творческой работе по исследованию крестьянской экономики таких российских ученых, как В. Данилов, А. Гордон, В. Радаев, С. Никольский, Е. Серова, Т. Реброва, О. Фадеева, В. Виноградский, А. Никулин, Г. Ястребинская, Е. Ковалев, И. Штейнберг, а также белорусских ученых, в числе которых и составители данной книги. Благодаря такого рода усилиям в экономической науке значительно расширено исследовательское поле деятельности и создан банк данных по крестьянскому вопросу, ведется большая аналитическая работа: издаются монографии, проводятся научные конференции, диспуты, симпозиумы.

Из проведенных исследований вытекает, что семейная экономика весьма многогранна, ее невозможно уместить в чисто экономические характеристики. Так, одной из ее черт является этика поведения — этика в смысле услуг, оказываемых адресно, где адресат — не работник по контракту, приказу или для получения материальных благ — адресат есть, кто он есть.

Вторая черта семейной структуры выражается в поколенческом разделении труда, третья — в динамике экономических решений, определяемых стадиями подрастания детей — «демографических циклах», о которых говорил в свое время А. Чаянов. Четвертая черта заключается в некапиталистической природе хозяйства крестьян, в двойственной природе крестьянина как хозяина и работника. Следует заметить, что в III томе «Капитала» К. Маркс отметил особую мотивацию крестьянского хозяйства, указав, что сельскохозяйственное производство в очень большой мере служит для удовлетворения потребностей самого земледельца и совершается независимо от регулирования общей нормой прибыли.

«Неформальные экономики» или структуры — возможно, более подходящий термин для того, чтобы суть проблем, «растворенных» не только в экономических структурах, получила значимые характеристики, а именно — операциональные характеристики, т.е. отражение того, как они видятся «изнутри», как — «снизу», а не только на уровне государства или национальной экономики. Такой подход обеспечит центральное место изучению семейных стратегий и социальных инструментов выживания тех, кто вовлечен в так называемую «неформальную» деятельность из-за нахождения вне рамок фундаментальных экономических структур или, скорее, вне их поддержки и внимания.

Концепция стратегий семейной экономики подразумевает, что, объединяя ресурсы, работая как в формальной, так и в неформальной экономике, самостоятельно обустроивая свой быт, основываясь на самообеспечении и умелом использовании социальных сетей, семьи избегают ловушек нищеты, попав в которые, трудно вырваться, так как культура нищеты склонна к самовоспроизводству. Они становятся социальными факторами, которые работают вместе с другими, чтобы добиться хоть чего-то от существующей системы.

Семейная (неформальная) экономика и семейные стратегии соотносятся между собой вполне определенным образом. В семейной экономике задействованы неконтактные, но, тем не менее, к чему-то обязывающие отношения, и родство нередко лежит в основе связей подобного рода. Семьи часто находят в неформальной (семейной) экономике ту гибкость и доступность, которой не обладает формальная экономика. Кроме того, неформальная экономика и семейные стратегии представляют собой, по сути, территориальное явление. Они укоренены в местных нравах, традициях, обычаях, верованиях, понятиях, практиках и взаимоотношениях.

Хорошо показаны эти стороны межличностных отношений в крестьянской среде в статье Я. Лёсика «Быт, права, звычаі». В ней он отмечает, что глава белорусской крестьянской семьи ничем особенно не отличался от остальных ее членов, и что, хотя он и управлял всеми мужскими работами в хозяйстве, все основные вопросы работы и жизни крестьянской семьи решались на семейном совете, который обычно проходил спокойно и рассудительно. Замечания и пожелания каждого члена семьи непременно выслушивались и принимались к сведению. Не были особенно ущемлены в своих правах в белорусских крестьянских семьях даже женщины. К примеру, главная хозяйка, в роли которой, как правило, выступала жена главы семьи, была полноправной управляющей женскими делами в поле и дома. И все это нисколько не мешало нормальным крестьянским семьям постоянно поддерживать у себя строгий порядок, без которого им просто было не выжить.

Трудолюбие и жизненная стойкость преобладающей части крестьянства, основанные на осознании настоящей необходимости добросовестной и упорной работы на земле во имя выживания семьи, явились главной предпосылкой живучести крестьянского хозяйства, раз за разом опровергавшей всякие предреkania его неизбежной скорой гибели под ударами нарастающего мирового научно-технического и социально-экономического прогресса.

Следует заметить, что в ближайшей перспективе крестьянские (фермерские) хозяйства в Республике Беларусь хотя и не станут основной формой организации сельскохозяйственного производства, но их роль и значение в развитии аграрного сектора экономики будут возрастать. Это положительно скажется на улучшении использования ресурсного потенциала агропромышленного комплекса, на повышении эффективности его функционирования в целом.

Естественно, речь не идет о каком-то массовом возрождении индивидуальных крестьянских хозяйств, тем более в их прежнем виде. Жизнь, как известно, не стоит на месте, все в ней течет и изменяется. Изменяются и крестьянские хозяйства, их место во всей национальной экономике и роль в решении экономических, социальных и иных проблем, встающих перед нашим обществом и государством. Сохраняется лишь естественная, жизненная потребность человека в труде на земле. И одна из главных обязанностей государства — предоставить каждому реальную возможность для удовлетворения этой его потребности.

Возрождающееся крестьяноведение, прежде всего, призвано ответить на многие вопросы, поставленные современным развитием села. Нуждается в новом исследовании широкий спектр проблем, связанных с производственной деятельностью современного крестьянина, его экономикой, культурой и бытом, его взаимоотношением с природой, городом и властью, с вопросами бытия и воспроизводства на селе крестьянского рода.

Одновременно важными являются понимание феномена крестьянства и рефлексивная оценка жизнедеятельности крестьян в контексте социальных и экономических проблем, которые возникают в наши дни.

Сборник состоит из трех разделов: «Феномен крестьянства», «Крестьянская экономика», «Стратегия выживания и созидания». Обращение к работам ученых разных стран мира позволит в конкретном историческом, теоретическом и практическом контексте вновь поставить вопрос о накоплении новых знаний о крестьянстве, о проведении научно-исследовательских работ по данной тематике. Настало время создать банк научных знаний по крестьяноведческой науке. Настоящая наука всегда многогранна и противоречива, как и реальная жизнь.

*М.Ф. Рыжанков
О.В. Рыжанкова*

Репозиторий БГАМУ

РАЗДЕЛ I. ФЕНОМЕН КРЕСТЬЯНСТВА

Т. ШАНИН

ПОНЯТИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

В конце 60-х — начале 70-х гг. нашего века мир науки несколько парадоксально вновь открывает для себя крестьян. Специфика многочисленного сельского населения в беднейших и потенциально наиболее взрывоопасных районах, его образ жизни и судьба стали рассматриваться в быстро расширяющемся мире одной из самых злободневных проблем современности. За репортерскими заголовками о бойких политиках, бесчинствующих генералах, напористых иностранцах и пламенных революционерах внезапно возник великий неизвестный крестьянин, как одна из главных структурных детерминант, превращающих так называемые развивающиеся страны в то, чем они являются. После четвертьвекового игнорирования «крестьянский вопрос» зазвучал с новой силой, став определяющим фактором вьетнамских войн, индийской нищеты, латиноамериканской герильи, африканского застоя и китайского «большого скачка». Для англоязычного ядра западной академической культуры послевоенных лет это было не столько возвращением к давно открытому, сколько первым столкновением с этим социальным феноменом, в результате чего появились и новые аналитические построения, и даже сам термин «крестьянин» в применении к современности. Затем, по мере того как слово «крестьянин» входило в моду у обществоведов, оно стало продвигаться прямо к вершинам издательской популярности; началось настоящее половодье крестьяноведческих публикаций: от спорадических и единичных до сотен, а затем и до тысяч названий.

Здесь возникает ряд вопросов. Во-первых, почему все получилось так неожиданно? Ведь крестьяне существовали тысячелетиями, составляя подавляющее большинство человечества, и оставались большинством во время так поразившего западных ученых знакомства с ними. Во-вторых, в чем, собственно, заключалась неожиданность, то есть чем так отличаются крестьяне в качестве понятия аналитической концепции от соответствующего описательного бытового термина. Кроме того, каков тот теоретический инструмент, с помощью которого можно было рассмотреть этот вопрос, когда он встал перед исследователями? И наконец, какова была эвристическая ценность «помещения в фокус» и выдвижения на первый план крестьянских исследований, то есть что мы узнали, и в каком направлении расширилось поле знаний?

Определение крестьян: общий тип

Есть три причины, по которым обоснованность понятия «крестьянство» подверглась сомнениям. Во-первых, громадные различия, существующие между крестьянами (или среди тех, кто обозначается в качестве таковых) разных регионов и стран, а также внутри большинства сельских общностей, как будто свидетельствуют против такого обобщения. Во-вторых, крестьян надо рассматривать в процессе изменения, в движении. А как ухватить сущность, подверженную очевидным для всех переменам? И наконец, современные крестьяне составляют часть более крупной социальной системы. А если это так, то зачем вообще их выделять, почему не изучать в рамках общих категорий социологии (в соответствии с количественными показателями, свидетельствующими, что часть крестьян, как и не крестьян, беднее или менее образованна, или более традиционна» и т.д.)? Именно анализ отмеченных сомнений ведет нас к определению качественной специфики, которая и обуславливает правомерность использования термина «крестьянство» в качестве обобщения и теоретического понятия.

Что касается аргумента по поводу разнородности крестьянства, то существование этого социального слоя как реальности, а не только как семантической единицы можно обосновать эпистемологически, логикой и материалом сравнительных исследований. Во-первых, любая попытка рассматривать понятие «крестьянство» как бессодержатель-

ное парируется основным положением методологии общественных наук банальной, но часто забываемой истиной, что социологическое обобщение — это отнюдь не требование однородности или стремления к единообразию. Напротив, сравнительные исследования предполагают наличие, как подобий, так и различий, и без этого любое обобщение, естественно, было бы бессмысленным. Занимаясь «обобщающей наукой», социологи действуют иначе, чем представители дисциплин, для которых центральным является изучение неповторимости явления, и тем самым легко превращают свой поиск обобщения в каноны веры. В большинстве случаев это происходит по недоразумению, часть случаев просто иллюстрирует трудности теоретического осмысления неповторимой социальной реальности. С наибольшей ясностью эту мысль выразил Макс Вебер, сказав, что социологическое исследование, абстрагируясь от реальности, помогает лучше понять ее, вместе с тем абстрагирование лишает социологические понятия полноты конкретного содержания.

Во-вторых, достаточно сопоставить ряд крестьянских исследований, выполненных на материале тех стран, что претерпели значительное изменение экологических и социальных условий своего существования (таких, как Россия, Венгрия, Турция, Китай, Танзания, Колумбия и др.), или еще лучше именно для того, чтобы заметить существенное сходство. Разумеется, существуют и важные отличия, естественные при различных условиях и опыте. Однако что поражает, так это «устойчивость определенных черт, характерных для крестьянства в очень разных обществах», это «нечто общее в нем... (некий) тип, безотносительный к конкретной местности». Широко распространенный вывод практических исследований, что мы имеем дело с «повторяющимся синдромом» (Э. Вольф) стал центральным для обобщения и возрастающего использования. Это привело также к усилиям сделать понятие «крестьянство» особой единицей теоретического мышления.

И наконец, еще раз по поводу вопроса о разнородности крестьянства. Солидная эмпирическая и аналитическая работа, проделанная в последнее десятилетие по проблемам деревенского общества и крестьянского хозяйства, показала полезность перенесения применяемых исследователями крестьянства методологий из одного конкретного ареала в другой, сближая страны и континенты. Методология Щербины, примененная в бюджетных обследованиях пореформенной России, понятие посредников власти («power brokers») Э. Вольфа или Марксовы оценки общинной основы крестьянской земельной собственности или семейных хозяйств как картофелин в мешке независимо от того, справедливы они или нет, все еще активно определяют и направление спора, и предполагаемые решения для местностей, удаленных на тысячи миль, и в ситуациях, иногда разделенных столетиями. Само собой разумеется, что бессмысленное повторение понятий, методов и выводов вне связи с реальной действительностью — это привилегия дураков. Региональные и исторические особенности требуют корректировки и разумного применения любого заимствованного где-либо сравнения или метода. Однако знаменательно, что нет необходимости начинать каждый раз сначала. Опыт крестьянских исследований частично уже накоплен.

В первом приближении мы можем определить крестьян как мелких сельскохозяйственных производителей, которые, используя простой инвентарь и труд членов своей семьи, работают прямо и косвенно на удовлетворение своих собственных потребительских нужд и выполнение обязательств по отношению к обладателям политической и экономической власти. Следующий аналитический шаг ведет к созданию более развернутого общего типа, отражающего четыре взаимосвязанных грани: семейное хозяйство, хозяйствование на земле, деревенская культура и низшее положение в системах социального господства. Определение крестьянства по одному-единственному определяющему фактору «изыщнее», однако слишком узко для наших целей.

Крестьянское семейное хозяйство (двор) как основная многомерная единица социальной организации

Хозяйство обрабатывается семейным или в основном семейным трудом. Крестьянское хозяйство обеспечивает потребительские нужды семьи и оплату ее обязательств. Оно не автаркично: крестьяне вовлечены в повседневный товарообмен и в рынки труда. Однако их экономическая деятельность тесно переплетается с отношениями в семье. Семейное разделение труда и потребительские нужды семьи порождают специфическую стратегию выживания и использования ресурсов.

Семейное хозяйство функционирует как основная единица крестьянской собственности, производства, потребления, биологического воспроизводства, самоопределения, престижа, социализации и благосостояния. В его рамках личность подчиняется формализованному семейно-ролевому поведению и патриархальной власти.

Хозяйствование на земле как основной источник существования

Крестьянское занятие сельским хозяйством включает установленное традицией специфическое сочетание обязанностей при относительно низком уровне специализации. (Другими словами, в крестьянской производственной деятельности «спрессованы» различные профессии.) С этим связано неформальное профессиональное обучение крестьян в семье. Собственный труд и производство пропитания в условиях господства естественных производительных сил превращали крестьянское хозяйство в экологически обусловленную ячейку производства. Природное воздействие весьма важно для выживания мелких производственных единиц с ограниченными ресурсами, какими являются крестьянские хозяйства. Оно определяет их ритм: сезонная цикличность оказывает сильное воздействие на жизнь семьи, семейные события отражаются на динамике хозяйства, а неурожай может привести к его исчезновению. Среди факторов производства центральное положение занимают земля и семейный труд: они своего рода «патент» на занятие этим видом деятельности и способ определения местного статуса семьи.

Специфические культурные образцы, привязанные к образу жизни малой сельской общности

Жизнь малой сельской общности, внутри которой удовлетворяются основные потребности крестьян и обеспечивается социальное воспроизводство, создает специфический контекст, в котором протекает жизнь крестьян. Особенности существования, социальная структура и сознание связаны и взаимозависимы. Культура крестьянства, в смысле социально обусловленных норм и знаний, являет такие типичные тенденции, как, например, преобладание традиционных и конформистских установок (то есть оценка действия в категориях прошлого опыта и взглядов соседской группы), специфические нормы наследования собственности, нормы взаимопомощи и т.д. Крестьянская культура одновременно и отражает, и усиливает специфические стороны и жизненный опыт малой сельской общности, и прежде всего личностный характер отношений, сильный взаимный нормативный контроль и общую практику возникающих в схожих экологических и социальных условиях отношений к чужакам.

Подчиненное положение — господство некрестьян над крестьянами

Крестьян, как правило, держат на солидном расстоянии от социальных источников власти. Их политическая подчиненность переплетается с подчиненностью культурной, а также экономической эксплуатацией через налоги, ренту, проценты и невыгодные для крестьян условия торговли. Подчинение сопровождается постоянными актами самозащиты крестьян путем широкого использования такого «оружия слабых», как эконо-

мический саботаж, уклонение от выполнения повинностей, бойкот административных инстанций и т.д., а в некоторых ситуациях и восстания. В XX столетии крестьянские восстания превратились в крупную революционную силу, действенный фактор общественного развития.

Четыре представленные грани означают не только ряд особенностей, но и их взаимозависимость — это Gestalt, целостность, отдельные стороны которой взаимно усиливают друг друга. Если из набора устранить одну из важных черт, то изменится характер остальных компонентов.

Разные научные направления в изучении крестьянства часто выражают свои расхождения путем выделения одной из характеристик, которую рассматривают в качестве сердцевины (*Differencia specifica*) крестьянства как грань, определяющую поле дефиниции. В ограниченном смысле такая иерархия значений может быть оправданна и для предлагаемого определения. По мнению большинства современных исследователей, воспринимающих крестьянство как понятие, семейное хозяйство является самой значительной особенностью крестьянства. Этот подход принимает также и автор настоящей статьи.

Определение крестьян: пограничные состояния и изменения, включенность и обособленность

Следующим шагом на пути к раскрытию и изучению предложенной типологии и понятия будет аналитическое рассмотрение «пограничных зон», то есть взгляд на социальные группы, которые разделяют с крестьянством не все, но большинство основных характеристик. Расхождение между четкими границами теоретических понятий и более тонким, а нередко и амбивалентным разделением социальных явлений в реальности, конечно, само по себе неотъемлемая ее составная часть практики обществоведения. Но мы можем сделать нечто большее, чем просто отметить это, определив пограничные группы и специфику изменений сельских обществ. Здесь следует иметь в виду несколько моментов. Во-первых, аналитическая пограничность (маргинальность) не означает обязательно малочисленности или специфической нестабильности. Во-вторых, представители этих общественных форм живут в деревне бок о бок с «коренными» крестьянами и могут переходить друг к другу в историческом процессе. Наконец, их часто называют крестьянами, а такое обращение отражает сельскую действительность и может с полным основанием быть принято в исследовании до тех пор, пока не выяснится различие между крестьянством в узком и в широком смысле слова.

Аналитически пограничные группы можно более четко классифицировать по их основным характеристикам, которые не являются общими для предлагаемого основного типа: например, сельский работник, для которого ферма не является источником существования, но который занят в сельском хозяйстве, живет в деревне и имеет низкий социальный статус, или сельский ремесленник, имеющий немного земли, и т.д. На сегодняшний день самыми важными из этих групп являются:

1. Сельскохозяйственные рабочие, а также и рабочие-крестьяне, часто практикующие такое разделение труда, при котором «мужчина в городе, а остальная семья — на селе». В эту же категорию войдут и члены производственных кооперативов (будь то советский колхоз или столь отличные от него венгерский, китайский, африканский или латиноамериканский варианты подобных организаций).

2. Семейные группы, занятые в производстве, которое существенно отличается от хозяйствования крестьян, опирающегося главным образом на земледельческий труд. Значительным здесь является полукочевое население, а также рыбаки, часть охотников, которые заняты в основном непосредственным использованием природных ресурсов, обычно сочетающихся с ведением, дополняющим основную отрасль сельского хозяйства.

3. Живущие вне деревни крестьяне, у которых также часто отсутствуют соответствующие формы коллективного сознания, как, например, некоторые из скваттеров на границах сельскохозяйственных районов в Латинской Америке, ее «гаучо», или крестьяне-земледельцы, населяющие окраины больших городов.

4. «Невключенные» крестьяне, то есть крестьянские сообщества, лишь в очень ограниченной степени доступные для проникновения и контроля со стороны «национальных» государственно-бюрократических служб, рыночного хозяйства и аккультурации, например, современные земледельцы Восточной Африки, горные курды и живущие вдоль границ или в горах вооруженные крестьяне прошлого, которым удалось избежать политического подчинения (например, швейцарские кантоны).

Особое место среди «правопреемников» крестьян (и их собратьев по более широкой аналитической категории семейных экономических форм) занимают семейные фермеры, использующие капиталоемкое оборудование и тем самым преобразующие природу традиционного сельского хозяйства.

Аналитические типологии рассматриваются иногда статично, то есть как косвенное признание социальной стабильности стагнации. Подобно любой социальной общности, крестьянство в действительности существует только как процесс. Его социологию следует рассматривать, по справедливо прославленному выражению Поля Суизи, как «историю настоящего времени». Предложенную типологию можно использовать также в качестве мерил в историческом исследовании, то есть для «измерения» степени окрестьянивания или раскрестьянивания. При этом, однако, важно не втискивать сложные и идущие часто по многим направлениям изменения в те схемы, которые предлагают жестко одноколейное предустановленное развитие крестьянства для всех времен, стран и народов. И впрямь, значительные региональные различия между крестьянами являются отражением их разных исторических судеб и естественно-географических условий.

В той мере, в какой затрагиваются вопросы широкой социальной динамики, должны быть учтены также социальное воспроизводство и разные циклические ритмы, которые не приводят к изменениям социальной структуры, а скорее, напротив, стабилизируют ее, оставляя, в сущности, незатронутыми основные типы социального взаимодействия. Но внимание ученых было направлено главным образом на структурные изменения, особенно на те из них, что ведут к увеличению интеграции крестьянства в национальные и мировое сообщества. Это происходило в каждом измерении, выделенном у нас в качестве основных компонентов понятия. Вложения капитала и «углубление» рыночных отношений (чьи характеристики по ходу дела меняются) трансформируют крестьянские дворы в предприятия, более близкие капиталистическим. Профессионализация отразила рост разделения труда, изменивший характер сельского хозяйства и приведший к профессиональному сужению функций крестьянина. С развитием городских и деревенских связей исчезли некоторые специфические черты деревенской общности и культуры, меняются также формы подчиненности крестьянина внутри общества.

Что касается преобразований в современном мире, затрагивающих крестьянство, то их можно разбить на пять категорий, различных в аналитическом плане, но часто взаимосвязанных в действительности.

1. «Фермеризация», имеющая место, когда семейное хозяйство продолжает действовать в качестве основной единицы сельскохозяйственного производства, но изменяется его характер. Такая эволюция «от крестьянина к фермеру» сопряжена с новой технологией и крупными вложениями, привязывающими семейного фермера через кредит, снабжение и сбыт, часто организуемые агробизнесом, к капиталистической экономике. Капиталоемкий семейный фермер, повышая свою производительность, часто оказывается в подчиненном положении по отношению к динамике и контролю Большого Бизнеса, но создает и свои формы самозащиты и кооперации. Сельское население уменьшается: самые богатые и самые бедные уходят в города. Обычно параллельно этим процессам происходит падение значения сельского хозяйства как отрасли экономики и сферы занятости. Развивая дальше эту типологию экономики и социальных отношений, можно взглянуть на фермеров и крестьян как на подкатегории более общего типа семейных экономических форм современности.

2. Социально-экономическая дифференциация, то есть нарастающая поляризация сельского богатства и средств производства. Она сопровождается превращением части крестьян в крупных фермеров, придерживающихся предпринимательской страте-

гии, в основе которой лежит использование наемного труда, в то время как бедные превращаются в батраков, покидают деревню или вымирают.

3. Пауперизация, возникающая вследствие роста сельского населения при неизменной площади имеющейся земли, что при отсутствии альтернативных источников дохода в городе и селе и/или новых производственных вложений ведет к замкнутому кругу бедности и порождает экономический спад, сопровождающийся особенно жестким экологическим кризисом. Прибавочный продукт при этом почти полностью выкачивается из сельскохозяйственного производственного цикла. Четверть века назад один из старейших этнографов назвал эту ситуацию «аграрной инволюцией» (К. Герц). И она до сих пор остается фактом жизни многих крестьянских обществ третьего мира.

4. Коллективизация/огосударствление, осуществляемые государством, которое берет на себя прямое руководство сельским хозяйством, формируя его в виде крупных производственных единиц, открытых для государственного контроля (однако формально часто функционирующих как производственные кооперативы с добровольным членством). Не следует преувеличивать исключительность или социалистический характер этой формы деревенской организации. В наши дни вмешательство государства в сельское хозяйство стало всеобщим, будь то контроль над ценами, субсидии, кредиты и пр. Предприятия колхозного типа поддерживались и насаждались не только в СССР, но и в шахском Иране. Наконец, коллективизация в разных странах существенно отличается друг от друга по форме и по тем способам, какими сочетается семейное хозяйствование на земле с коллективным сельским хозяйством и т.д. Китай и Россия — пример такого различия и в смысле экономической структуры, и в отношении результатов производства.

5. Окрестьянивание через уравнительную земельную реформу, а временами и переокрестьянивание, когда в результате государственного поощрения, политического давления или благодаря тому, что открываются новые возможности вести рентабельное хозяйство, дети крестьян возвращаются к работе на земле (например, недавний подъем овощного производства в венесуэльских пригородах благодаря вернувшимся на заброшенные земли мелким владельцам). Частично в эту категорию входят и многочисленные деревенские мигранты, настолько преуспевшие за время работы на стороне, возможно даже за границей, что смогли накопить достаточно денег для создания или воссоздания жизнеспособной фермы. Здесь необходимо сделать одно предостережение аналитического характера. Установление факторов социального изменения не обязательно означает, что такое изменение имеет место. Если одновременно действующие другие социальные механизмы противодействуют этому или отводят его, то реальное изменение деревни (и «программ развития») может повернуть вспять или стать совершенно непредвиденным.

Чтобы покончить с исходными вопросами обоснованности крестьянства как теоретического понятия и особой области научного исследования, скажем, что любые представления о крестьянском хозяйстве или крестьянских обществах как изолированных либо замкнутых являются или абстракцией, или исключением. Крестьяне составляют часть более обширных сообществ и их исторических процессов. Мощное развитие интеграции в последнее десятилетие сделало эту проблему более важной и неотложной, чем когда бы то ни было, для понимания крестьянства. Нередко она принимает вид проблемы «подчиненности» крестьян, управляемых могущественными внешними силами, которые используют их, превращая в объект разработанных где-то схем и планов, в источник получаемой другими прибыли. Но нет нужды предполагать наличие заговора против крестьян — это обычный порядок функционирования экономических и политических систем. Не менее важна способность крестьян и фермеров и активно, и пассивно противостоять нажиму и контролю «извне».

Проблема определения, дефиниции крестьянства, подчиненного крупномасштабной экономике, контролируемого как национальными, так и международными силами и все же не утратившего своей специфики, слишком сложна, чтобы ее обсуждать в кратком введении. Достаточно отметить эту проблему, освещение которой и дискуссия по которой представлены в данной книге. Крестьяне (и фермеры) являются частью более широких структур и потоков, но их специфика проявляется уже в сопротивлении «пере-

менам» или «обществу», «капитализму» или «государственным планам развития». Еще более она выражена в способах противодействия тем влияниям, что подрывают основные черты крестьянской специфики. Именно эта специфика черт и реакций способствовала развитию особых методов и способов исследований.

Многие определения крестьянства, рассматривающие его в качестве представителя прошлого, требуют осторожного обращения. Прошрое, сохранившееся в настоящем, совсем не то же самое, что «мертвое прошлое». Фермер, являющийся звеном агроиндустрии, отличается, конечно, от своих крестьянских предшественников, однако сходство с ними не исчезнет полностью. Даже в наше «динамичное» время мы живем не в будущем, а в настоящем, уходящем корнями в прошлое, и здесь формируется наше будущее. Именно поэтому стоит помнить, что крестьяне и крестьянские дети как в прошлом, так и в настоящем представляют большинство человечества и останутся таковыми до конца нашего столетия и еще долго после. Мы не должны забывать, что и современных семейных фермеров, и так называемые неформальные (эксплоярные) виды экономики нельзя понять вне исследования семейных и социально-экономических форм, стоящих в центре анализа современного крестьяноведения.

Т. ШАНИН

ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА И ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ ПАРАЛЛЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ФОРМ

Понятия и значения

Существует три фундаментальных подхода к исследованию проблемы современного крестьянства как социального явления. Первый подход предполагает, что нет определенного набора характеристик, на основе которых возможна типологизация этой социальной структуры. Следовательно, крестьянство — не аналитическое понятие, а просто слово, напоминающее нам, скорее всего, об историческом прошлом. А поэтому не может быть и теории крестьянской специфики — будь то специфика экономическая, политического поведения, коллективного сознания и т.п. Второй подход исходит из того, что в социальном отношении крестьяне сильно отличаются от некрестьян, но эти отличия могут и должны быть полностью раскрыты в рамках существующих теорий общества (особенно в области экономической теории). Наконец, третий подход предполагает, что отличительные черты крестьянства настолько велики, что для их анализа требуется особая понятийная система, т.е. создание особой теории, позволяющей наилучшим образом изучить крестьянскую проблему. Это значит, что экономические аспекты крестьянства лучше всего исследовать с помощью особой экономической теории крестьянства, специального раздела экономики; это относится и к другим аспектам крестьянской социальной жизнедеятельности — вопросам территориальной организации, культуры, самосознания и пр. Чтобы не быть неверно понятым, хочу сразу сказать, что этот третий подход отнюдь не предполагает полного разделения всего и вся по какой-то жесткой схеме «крестьяне-некрестьяне», что, конечно, совершенно непригодно для восприятия взаимопересекающихся реалий современных обществ.

Предложенные мною три категории подхода проиллюстрированы в таблице 1.

Таблица 1– Понятийные категории теории крестьянства

Понятие категории	Подход		
	первый	второй	третий
Социальная «особость» крестьян	НЕТ (-)	ДА(+)	ДА(+)
«Особость» теории крестьянства	НЕТ (-)	НЕТ (-)	ДА (+)

Особая ценность этого «троичного» понятийного разделения важна, но не всегда очевидна, поскольку часто тот или иной подход самым неожиданным образом может объединить и разъединить представителей разных идеологий, школ и поколений. Порой он идет вразрез с самооценками тех или иных аналитиков, которые не всегда могут сказать, какие эпистемологические структуры и предубеждения познания заложены в основу их воззрений, так как в зависимости от этого они оказываются наряду с людьми, взгляды которых они не разделяют. Например, молодой Ленин, автор работы «Развитие капитализма в России» (1899), и директор мирового банка Р. Макнамара оказываются представителями первого подхода с двумя «нет». Первый во время написания своей книги ставил само слово «крестьяне» в кавычки, второй же в известной речи 1973 г. вообще старательно избегал его, заменив «бедняками сельских регионов, не вносящими значительного вклада в развитие». Таким же образом в одном ряду «второй категории» оказываются К. Каутский в его работе «Аграрный вопрос» (1899), и Т. Шульц, нобелевский лауреат из Чикаго, автор работы «Трансформация традиционного сельского хозяйства» (1964). Подобно Макнамаре, Шульц отказывается от использования термина «крестьяне» (по причине семантических хитросплетений языка академической культуры Англии и США, к которым мы еще вернемся), Каутский же использовал этот термин. Он стремился создать социалистическую теорию общего благоденствия, в то время как Шульц разрабатывал планы оздоровления капитализма на всей планете. Однако в главном, в части анализа крестьянства и всего, что с ним связано, у них куда больше общего, чем различий. Наконец, начиная со второй половины 60-х гг., в западных аграрных исследованиях наибольшее отражение третий подход получил в работе А. Чаянова «Организация крестьянского хозяйства». Но чаяновский подход к анализу экономики встречается и у других авторов, представителей разных традиций и дисциплин, ничего и не знавших о творчестве А. Чаянова, как, например у К. Поланьи.

Разнородность данных категорий не всегда очевидна, т.е. присутствует как внутренняя логика, определяющая, скорее, как методы и предположения, так и основные решения по главным спорным вопросам о современном крестьянстве, его проблемах и определениях. Очень часто исследователи занимают определенные позиции и используют методы анализа как само собой разумеющиеся, не связывая их четко со своими убеждениями по крестьянскому вопросу и вопросам науки в целом. Нагромождение новых «данных» не способствовало разрешению споров, а лишь запутывало отправные позиции спорящих сторон. Чтобы исследовать выбор основных ориентиров, мы должны двигаться в другом направлении.

У истоков различий в общем подходе к вопросу о крестьянстве лежит более глубокая и общая проблема восприятия параллельных реальностей. Мы знаем, сколь разнообразно человечество. Усилия и достижения всех наук направлялись на то, чтобы свести сложные проблемы к простейшим, в которых бы аналитически воспроизводилась глубокая логика реалий. Несколько большая относительность и менее жесткие формулировки были всегда присущи общественным наукам, однако их главные усилия были также направлены на выявление и объяснение универсальных явлений. Особенно это характерно для теории прогресса, как самой важной из современных моделей всеобщей теории общества и истории. В ней признается как должное объективная необходимость всеобщего движения от социального многообразия и несообразностей к универсальности социальных форм и образований, т.е. к форме, которая и более рациональна, и более удовлетворительна, с точки зрения материальных потребностей людей, и лучше по своим этическим основам, и исторически необходима.

Главная особенность исследований крестьянства, и, прежде всего в тех случаях, когда аналитики руководствуются третьим подходом, состоит в том, что они бросают вызов идее общественного единообразия форм развития, а также универсальной логике общественного анализа. Отсюда естественная притягательность этих исследований для одних и враждебность и неприятие их другими, как в среде ученых, так и вне их. В современных общественных науках изначально образ крестьянства широко использовался как общий символ «иного» — социальной организации, не похожей на нашу собст-

венную, хотя явно со своей внутренней сбалансированностью и логикой. В частности, социология как дисциплина начиналась с серии бинарных типологий: «община» и «общество» Тенниса; «коллективизм» и «индивидуализм» де Куланжа; «первичные» и «вторичные» отношения Кулея и т.п. Если внимательно посмотреть, что стоит за подобными определениями, то можно увидеть, что это всегда аналогично различию между «современностью» (куда включены «мы») и абстрактным представлением о том, как устроены и живут крестьянские общества «тех» дней. Это же нашло отражение и в категориях «механической» и «органической» общности Дюркгейма, хотя он выделил и третий тип общественной организации — будущее лучшее общество, когда в рамках новой гильдийской организации общества соединятся положительные черты первых двух типов. Маркс — крупнейший теоретик из выступавших против дуальных или тройных таксономий общества и придававший особое значение историографии, в немалой мере использовал аналогичный подход к крестьянству — в первом томе «Капитала» и в «Grundriss» обобщенные материалы по крестьянству явились точкой отсчета ранних доклассовых и в классовых обществах, в их докапиталистической трансформации, а также, в конечном счете, в формировании капитализма. Крестьянин как тип существования в то время встречался повсюду — на каждом местном рынке, в познавательных путешествиях интеллектуалов и т.д. Но он входил в восприятие социальных исследователей тех дней в основном как синоним чего-то иного и принципиально прошлого, которое «все еще» существует в настоящем.

История «крестьяноведения»: крестьяне как объект умолчания

Хотя таким образом в самой ткани социальной науки косвенно присутствовал анализ крестьянства, однако чаще всего его непосредственные исследования проводились редко. Краткий очерк истории крестьяноведения поможет лучше определить современные постановки проблем в этой области знаний.

Взгляд на крестьянство «образованных сословий» до индустриального мира выражается и замалчиванием, и враждебностью. Крестьянство — большая часть человечества — создавало основу богатства богатых, было базой культурной жизни образованных, а их число определяло власть властителей. Чтобы добиться всего этого, крестьян надо было подчинить. И, по-видимому, чтобы сделать это, крестьян необходимо было также дегуманизировать. Основа для бинарных типологий социологии XIX — XX вв. закладывалась уже в то время — крестьянская грубость противопоставлялась цивилизованности общества, что использовалось, конечно, для оправдания привилегий «цивилизованных». Крестьянское сопротивление рассматривалось как иррациональная, бессмысленная ярость толпы, поскольку так проще — стирать людей в пыль, не допуская и мысли, что они своими руками создают основу их благополучного бытия. А лучше всего было просто забыть про «них». Средневековые писания переполнены королями и войнами, философией и поэзией, законами и астрологией, житиями святых и мудрецов. А вот о крестьянах они по большей части умалчивают.

Когда о крестьянах все же упоминалось, обычно это было связано с ужасными творениями рук человеческих (будь то закон о закрепощении или бунт доведенных до иступления рабов), то в отношении к ним всегда сквозили враждебность и презрение. «Declinatio rustica» — книга XIII в. — дает шесть вариаций слова «крестьянин»: негодяй, неотесанный, бес, разбойник, бандит, злодей, а во множественном числе — негодяи, нищие, лжецы, бродяги, дрянь и язычники. Это нашло свое отражение в языке. Польское «хам» означает также грубиян. В английском языке XVIII в. слово «peasant» имеет значение «грубый и необразованный», а глагол «to peasant» употреблялся в XVI в. в значении «подавлять и поработать». В старорусском языке крестьян называли смердами, имеющее общее значение с глаголом «смердеть».

Прогресс и становление капитализма в Европе связывают с тройной революцией — индустриализацией, образованием гражданских национальных государств и распространением новой светской науки, выросшей из математики, получившей практиче-

ское применение. По своим фундаментальным понятиям и самовосприятию это был мир без крестьян; в самом деле, раскрестьянивание определяло уровень модернизации. Прежнее враждебное отношение к крестьянам тех, кто жил за их счет, сменилось сожалением по поводу иррациональности и грубости этого прошлого и успокоительной верой, что всему этому наступает конец. На первый взгляд такое отношение менее жестоко, но это, по сути, — все та же попытка отделаться от проблемы и людей, ее представляющих. К крестьянам теперь стали относиться просто как к анахронизму.

А ведь и в условиях растущего промышленного производства в XIX в. и даже в первой половине XX в. крестьяне продолжали составлять большинство европейцев, не говоря уже о человечестве в целом. Подходы ученых к реальным крестьянским проблемам оказались очень различны. Они могут быть разбиты на три в соответствии с тремя глобальными регионами, хотя, конечно, абсолютного соответствия между географическим положением и его интеллектуальным потенциалом не было.

Во-первых, в общественном и научном сознании индустриального Запада (в котором особенно важна роль англоязычных авторов), доминировала историографическая типология, согласно которой общественный мир делился на «современный» и «отсталый». Предположение об этом делении и закономерном исчезновении элементов отсталости было частью модели. В таком интеллектуальном пространстве крестьяне попадали под размытую категорию «пережитков прошлого» (вместе с рабами и феодалами, караванами и пиратами, астрологами и ведьмами). Главным для всех, отнесенных к этой категории, было то, что их значимость снижалась. Когда на рубеже веков появилась сельская социология как самостоятельная дисциплина (сначала в США), основное внимание в ней уделялось фермерству как виду хозяйственной деятельности, не принимая во внимание крестьян как социальную общность. Слово «peasant» сохраняло в английском языке свое средневековое значение. Оно и его звучание носило оскорбительный характер и унижало тех, кого им называли, а потому исключалось из современных научных дискуссий, экспертных оценок и обоснований политических программ.

Диаметрально противоположны Западу с его «современностью», мощью и изобилием были в те дни «колонии» и «Восток». Жизнь там текла более медленно, рука государства — более тяжела, а современная наука — слабее развита, разбросана, в основном завезена с того же Запада. Тот факт, что там 9/10 населения, а то и больше, были крестьянами, мало что значил для местных образованных людей. Когда затрагивалась тема крестьянства, обсуждение проходило под прямым воздействием европейской теории прогресса, т.е. крестьянство рассматривалось как нечто принадлежащее в основном прошлому. Конечно, были и исключения — некоторые ученые (как зарубежные, так и отечественные) рассматривали крестьянство по-другому. Но это было всего лишь исключения.

А вот в третьем («серединном») регионе, в Восточной и Центральной Европе, на рубеже XIX — XX вв. крестьянские исследования получили наибольшее развитие. В этих странах высокообразованная интеллигенция, политически приверженная национализму и модернизации в либеральной, народнической или социалистической формах, лицом к лицу столкнулась с массовым крестьянством — крупнейшей, беднейшей и наиболее угнетенной частью ее народов. Многие идеологии сосредоточились на крестьянском большинстве как на главном объекте, который может составить основу или стать препятствием для необходимого прогресса той или иной страны. Попытки интеллектуалов активизировать крестьянство совпали с усилиями самих крестьян в рамках мощных политических движений в защиту своих собственных интересов в Польше, Румынии, Болгарии, России и т.д. Германия, академическая традиция которой тоже несла отпечаток пограничности, сочетала западноевропейскую основу и восточноевропейский опыт крестьянских исследований. В результате появились блестящие работы о крестьянах, их прошлом и настоящем: Маркс и Вебер, Зомбарт и Каутский, Бюхнер и Давид. В Дании к этому времени появились первые образцы очень успешного сельского кооперативного движения, а также новшеств, которые сами крестьяне вводили в свою жизнедеятельность. От Балтики до Черного моря и Урала появились исследования крестьян-

ства и на теоретическом, и на эмпирическом материале. Качество и глубина многих из аналитических работ того времени являются непревзойденными до сих пор.

Крестьянские исследования в Восточной и Центральной Европе и их плодотворное влияние прекратились в 20 — 30-е годы. Быстро распространившиеся диктатуры разрушили и нанесли сокрушительный удар по большинству крестьянских партий, так называемому «Зеленому Интернационалу». Нацизм и подобные явления громили академические исследования, включая и исследования крестьянских обществ. Сталинская коллективизация и «чистки» погрузили в великое молчание СССР — и марксистский, и немарксистский высокоразвитые методы анализа крестьянства оказались под запретом. Подготовка к мировой войне и сама война повсеместно оттянули на себя интеллектуальные и политические силы. Фей и Уарринер были редкими исключениями, но крестьянские исследования повсюду прекратились на 30 лет.

Они возродились уже в совершенно ином мире. После войны последовала быстрая деколонизация, изменившая мировую карту и расстановку сил. В условиях существования ООН проблема «недоразвитости», представленная «отстающими» странами, была поставлена в мировом масштабе. Какое-то время глобальная теория прогресса, т.е. теория модернизации, определяла преобладающие воззрения, стереотипы самосознания, предсказания и планы. Независимость, образование и включение в мировой рынок, а также экономическое планирование должны были обеспечить «отсталым» обществам мира, особенно бывшим колониям, быстрое выравнивание уровней с индустриальным Западом. Крах этого предсказания и основанной на нем стратегии, вопрос «углубляющегося разрыва» между богатством и бедностью должны были осмысливаться на основе новых моделей и были выражены новыми концепциями «кумуляции продвинутой и отсталости» Мюрдаля и «политической экономией отставания» Пола Барана. «Развивающиеся страны» стали синонимом «зависимости» и мировой трущобы. Социальные исследователи-политики и разработчики политических планов вынуждены были также переключить свое внимание с чисто экономических показателей и диаграмм на особенности социальной структуры «развивающихся обществ». Большинство их населения составляли крестьяне. Одновременно «критика оружием», наступление на коррумпированные режимы «третьего мира» развивалась по нарастающей силами партизанских движений, которые приняли стратегию Мао, согласно которой их успех зависит от связи с сельским населением. Правые и левые, ученые, политики и революционеры обратили свое внимание на проблемы, связанные с крестьянами и крестьянскими обществами. Настоящий взрыв крестьянских исследований западных ученых во второй половине 60-х гг. был результатом новой политической ситуации, кризисом оптимизма 50-х гг., глобального перефокусирования взглядов, достигшего высшей точки в бурные дни 1968 г.

К этому времени общее состояние знания предмета, и особенно аналитических и теоретических компонентов, было очень скромным. Но аппетит приходит во время еды. Стал быстро создаваться новый теоретический арсенал из некоторых старых и частично забытых текстов — Знанецкого, Маркса, Ленина, Сорокина, Кребера, Редфилда и др. Их дополняли и с ними перекликались некоторые основные классические работы, которые были «новыми», т.е. только что переведенными и интегрированными в англосаксонскую академическую традицию. Среди них особо мощным был вклад работы А. Чаянова «Организация крестьянского хозяйства» и вновь обнаруженной работы Маркса «Grundriss», опубликованных на английском соответственно в 1963 и 1964 гг. Ряд обобщающих работ, особенно работы Вольфа, Шанина, Хосбаума и Галеского, в 60-х — 70-х гг. обозначили контуры предмета современных крестьянских исследований, их основные параметры. Другие важные работы были посвящены отдельным аспектам крестьянских исследований и их результаты вписывались в вырисовывающуюся общую картину. Несколько новых аналитических работ по русскому крестьянству XX в. стали частью этой волны крестьяноведения. Определение крестьянства как такового стало задачей первостепенной важности для выявления диапазона и приоритетов исследований. Хотя подходы различались, все определения, предложенные теми, кто считал про-

блему крестьянства автономным и первостепенным предметом исследования, имели две общие черты. Они признавали, что современное крестьянство представляет социальную систему, вмонтированную в более широкие системы, но структурированную особо. Они также признавали и выявляли некоторые институционные характеристики крестьянства, объяснявшие феномен его социального воспроизводства, т.е. парадокс его «неисчезновения» большинству прогнозов XIX в. Началась новая работа над английским определением крестьянства. Мое собственное определение крестьянства, предложенное в 1971 г., рассматривало крестьян как «мелких сельскохозяйственных производителей, которые с помощью простого оборудования и труда членов семьи производят в основном для своего собственного потребления, а также для исполнения своих обязанностей перед носителями политической и экономической власти». В более развернутом виде в этом определении крестьян рассматриваются характеристики четырех взаимосвязанных аспектов: семейный двор, сельскохозяйственное производство, деревня и ее культура, зависимое положение по отношению к доминирующим общественным силам.

Споры, продолжавшиеся три десятилетия, получили практическую значимость в социальном планировании, следствием чего явилось огромное расширение и углубление исследований. Они стали многоаспектными как в связи с разнообразием задач, дисциплинарных перспектив и региональных традиций, так и в связи с тем эпистемологическим разнообразием, о котором говорилось выше. На какое-то время они стали модными, термином «крестьяне» стали злоупотреблять, и от этого содержание его становилось все менее понятным, а интеллектуальный продукт исследований — все менее весомым. Временами прежние ортодоксии, уверенно предрекавшие исчезновение крестьянства, заменялись подобными же упрощениями, по которым крестьяне становились ключом ко всем и всему, рассматривались как неизменяемые и независимые от более широкого общества и мира.

Мы находимся на послепиковом этапе развития крестьянских исследований. Мода прошла, и интеллектуальные кладоискатели ушли искать более эффективный товар на продажу. Однако основная группа специалистов сформировалась и продолжает свою работу. В 80-х гг. появились прекрасные новые исследования, основанные на достижениях 60-х — 70-х гг., сочетающие теорию и практику. Грандиозные изменения в «третьем мире» и вне его, массовая урбанизация сельского населения (и часто перенос сельских форм жизни в пригодные районы «фавелл»). На эпистемологическом уровне фундаментальный спор о том, существуют или не существуют крестьяне, вышел на новый виток интеллектуальной спирали. В определенной степени, возобновление спора связано с прошлыми капризами интеллектуальной моды — слишком частое использование всуе понятия привлекло к естественной реакции «разоблачить» надоевшую игрушку. Надо также принять во внимание ту общую неразбериху, которая царит в «теориях развития». Но по большому счету вопрос связан с коренными проблемами социальных наук как таковых, т.е. чем они занимаются и чем заниматься не могут. Исчерпывающий ответ не может быть дан исходя из одной лишь логики и возможен только на основе его изучения и оценки значимости концепций и методологий общественного развития и политического выбора.

Другой стороной вопроса является рассмотрение возможных направлений крестьянских исследований и их эвристического потенциала в тех случаях, когда речь идет о восприятии параллельных, но взаимодополняемых реальностях.

Достижения и направления

Изначально проблема современных крестьянских исследований 60-х — 70-х гг. включала четыре основных вопроса, признание которых зависело как от отражения крестьянства в научном общественном сознании, так и от того, как и на какой основе, оно произойдет. Во-первых, это была «проблема исчезновения» крестьянства или, по крайней мере, его слишком медленного сокращения по сравнению с прогнозами господ-

ствовавших теорий. Во-вторых, вопрос об особенностях реакции крестьянских хозяйств на вызов рыночной экономики и государственной сельскохозяйственной политики (например, крестьянские небанкротства в условиях быстрой гибели фермерских хозяйств). За этим также стояли удивление перед лицом крестьянской изобретательности, стремление понять природу социального выживания в условиях кризиса и перемен. В-третьих, проблема очевидной крестьянской мощи, позволяющей часто противостоять политике государства и диктатуре рынка, причем опять-таки особым образом — как с помощью разнообразного «оружия слабых», так и при умении занять свое особое место в политических конфронтациях, движениях и вооруженных конфликтах. Мощь, кажущаяся аморфными, давление со стороны явно разобщенных, политика там, где часто нет и намека на политические партии, — все это бросало вызов социальным исследователям. В-четвертых, что следует из вышеперечисленных загадок, — требовал изучения вопрос о механизмах социального воспроизведения крестьянства и семейных производственных форм вообще как особой системы, в которой живет значительная часть современного человечества, — рассмотрение реальной ее природы, а не дедуктивные рассуждения о ней на основе глобальных теоретических схем.

Работы, посвященные крестьянским семейным хозяйствам как основным ячейкам жизнедеятельности, были центральными для крестьянских исследований 60-х — 70-х гг. Эта проблема рассматривалась на все более обширных региональных материалах и на разных уровнях обобщения. Гибкое использование семейного труда (в отличие от труда наёмного) объясняло многое в жизнеспособности и конкурентоспособности крестьянства в сравнении с более крупными и лучше оборудованными предприятиями. Возрастающее внимание уделялось семейной стратегии комбинации использования форм семейного труда, особенно феномену крестьянина-рабочего. Исследование миграции деревня-город и обратно и случаев возвращения в ряды крестьян шло параллельно с рассмотрением проблем раскрестьянивания. Также изучались случаи «окрестьянивания» африканской племенной экономики. Вырисовывалась более сложная и более интересная картина, чем та, которая существовала ранее. Бытовавшее мнение о деревенской стабильности уступало место исследованию внутренней динамики, связанной как с преобразованием, так и с воспроизводством.

Особенности крестьянских рынков и рыночных структур (в отличие от «чистых», т.е. деперсонифицированных рыночных отношений) начали исследоваться с новой точки зрения, также как и политическая экономия форм сельской власти. Деревни и персонализированные рыночные структуры были рассмотрены как институты социализации, коммуникации, взаимной зависимости и поддержки, что позволило лучше понять социальную экономику сельской жизни. При исследовании сельских обществ представления о сложности и конфликтности пришли на смену стереотипам беспроблемного «примитивизма». Все больше внимания стало уделяться и таким проблемам, как экологические и социальные особенности крестьянского производства, в отличие от индустриализированного сельского хозяйства, а также приоритеты крестьян и их отличие от приоритетов капитализированного фермера. Были созданы новые методы для эмпирического исследования специфически крестьянской экономики: бюджетные исследования семейных хозяйств, обследования бюджетов времени, изучение «устной истории» семейных хозяйств, изменения в ресурсах, землепользование и земледелие, сельские переписи и т.п.

Особая нацеленность на устранение «сопротивления прогрессу» дала начальный импульс и стимул многим современным исследованиям крестьянской культуры. От описательных трудов о «народных культурах» (или их «отсталых») интерес переместился к проблемам самосознания прогресса и вопросам «политической мобилизации». Для этих целей исследователи сформировали новые аналитические вопросы и понятия, такие как «крестьянский взгляд на плохую жизнь». Более пристальное внимание к тем элементам крестьянских культур, которые направлены на выживание и сопротивление, выразилось в особой терминологии — «моральной экономике» крестьянства, введенной Дж. Скоттом. Исследование повседневной жизни сельских крестьянских общин позволило более глубоко изучить особенности крестьянской культуры и тенденции в ее изменении.

Значение крестьян в становлении режимов, установленных марксистами, было неожиданностью и для их друзей и для их врагов, что послужило дополнительным толчком к исследованиям. В 1960 — 1980 гг. усилия многих ученых были направлены на активный поиск политических моделей, с помощью которых можно было бы бросить вызов коррумпированным режимам в странах «третьего мира». Параллельно велись исследования поиска пути реформирования сельских обществ в самостоятельные политические режимы. Важные начинания были сделаны также в изучении локальных узлов структуры власти: кланы и клики, патронаж и отношения с внешним для крестьянства миром были рассмотрены под этим углом зрения.

Отношения с внешним для крестьянства миром рассматривались также и в более широком контексте — политика правительства и международных организаций по отношению к крестьянству. Данные исследования показали колебания и повороты идеологической конъюнктуры: земельная реформа, видевшаяся как решение проблемы сельской бедности в 50-е гг., позже — программы коммунального развития и «зеленая революция» 1960 — 1970 гг., которая, как надеялись, технологически разрешит все проблемы, параллельно — изучение в государственно-социалистических странах коллективизации и деколлективизации. И хотя результаты этих исследований оказались весьма далеки от тех целей, ради которых предпринимались, они сыграли важную роль в аналитической работе 80-х — 90-х гг.

Значительно увеличился поток информации, подлежащей обработке, усложнились методы ее анализа, приведшие к пересмотру некоторых методологических и эпистемологических основ. Была разработана новая методика анализа реальных социальных структур и форм; экономические модели пересматривались в связи с ситуациями, складывающимися в существующих семейных хозяйствах. Приближение к реальным условиям, связанное с осознанием огромной сложности реально существующих форм, и создало картины исторических путей, ведущих от одних сложностей к другим (а не от социальной сложности к некоей окончательной простоте — массовой, универсальной, понятной и скучной).

Дальнейшие исследования крестьянских проблем в 80-е г. связаны с расширением их сферы применения на основе достигнутого взаимопонимания. Крестьяне все больше являлись объектом анализа макросоциальных, национальных и интернациональных структур. В то же время многие из занимавшихся изучением крестьян переходили от крестьянских исследований к сопряженным проблемам, в которых крестьянская проблема являлась ее частью. Среди работ по истории и историографии есть такие, как исследования «неисторических» народов (Вольф), «сценарии» межклассового взаимодействия (Скотт), исследования революций как «моментов истины» (Шанин) или социальных корней ислама (Алави), а исследования крестьянства проводились между тем все более в контексте «целых» обществ; некоторые ученые больше внимания стали уделять тому, как жизнь крестьян влияет на природу более широкого общества, а также и на ортодоксальные социальные науки.

Во многих работах 80 — 90-х гг. анализировались проблемы, поставленные в 70-х г. Крестьянские хозяйства, т.е. производства, основанные на семейном труде, оставались в центре крестьянских исследований. И это позволило сделать выводы, касающиеся комбинирования и увязывания семейных функций и производственной деятельности, производства рыночной продукции и вне рыночных услуг. По-новому подошли к исследованию места женщины в крестьянской экономике. Детерминанты, которые применялись как «объективные» и количественно уловимые (например, максимизация дохода), соотносились с качественными показателями — мастерством, преданностью, престижем или принятыми этическими нормами. Исследования смешанных источников дохода у современного крестьянства показали, насколько способность к «комбинированию» наряду с сельскохозяйственным характером труда определяет глубинную природу «крестьянской экономики». Стратегии жизни крестьян и их предпочтения в использовании ресурсов и выборе целей продолжали способствовать применению более гибкого (и реалистичного) типа анализа, который помогал избежать соблазна скатиться к узкому

экономическому детерминизму или к официальным правительственным программам по деревне. Такой подход помогал уловить, что происходит в деревне действительно, часто «вне статистики». Это, конечно, не означало, что крестьянское хозяйство рассматривалось независимо от внешних факторов (контроля и эксплуатации), т.е. как абсолютно автономное. Наоборот, такой подход давал возможность лучше понять, как крестьянство взаимодействует с «внешними» силами и структурами, позволял более реалистично оценивать результаты этого взаимодействия. Крестьянин не может не взаимодействовать с всеобщественными структурами, но это не означает, что он находится в полной зависимости от представителей внешнего мира и у него нет выбора и возможности вести свою собственную игру, «используя» тех, кто хочет использовать его самого. В то же время, в стремлении уловить и отразить реальные тенденции, крестьянские исследования привлекали внимание к формам крестьянского инкорпорирования в национальную и международную системы. Внедренность крестьянства в более широкие структуры власти и обмена всегда признавались исследователями современного крестьянства, но это понимание выливалось теперь в более обоснованные разработки.

Экономическое влияние государства стало все больше привлекать внимание исследователей, признавая исключительную важность государственных институтов и чиновников в сельских сообществах. Пути взаимодействия местных неформальных структур, официальных чиновников и глобальных структур исследовались более тщательно, чтобы лучше понять действительную социальную ткань «инкорпорации» крестьян в «общество». Все это придавало дополнительный импульс исследованиям сельского населения в контексте «внешнего» и «внутреннего» социального неравенства, как природных, так и созданных руками человека массивных государственных вторжений, стратегии Мирового банка и широких «программ развития». Проблема голода среди производителей продовольствия во многих странах мира была выдвинута на передний план Сенем и рассмотрена как проблема социальной власти, привилегий и прав, а не просто как проблема производственных возможностей.

В новых исследованиях, связанных с местами проживания крестьян, обращалось внимание на более гибкое реагирование ими на возникающие ситуации, сочетание «экономических» и «неэкономических» параметров в сложных системах и противодействие внешним воздействиям. Дальнейшие исследования проблем местной власти, кооперации и конфронтаций дали более реалистичную картину повседневной жизни и личностных отношений. Вопросы экологических и производственных традиций более тесно ввязывались теперь с социальной жизнью деревни. Эти смещения в аналитических приоритетах нашли отражение и в более внимательном отношении к чувству здравого смысла крестьянина и реалистичному восприятию действительности. Специфическое знание существующих отношений, процессов и институтов пришло на смену более абстрактным супермоделям, таким, как методологический индивидуализм, универсальная классовая война или вера в природное единство и добродетель сельских общин. Исследования реальной общинной жизни помогли лучше понять социальные корни коллективного сознания и крестьянской культуры. Концепция «оружия слабых» Дж. Скотта и предшествовавшая ей концепция «моральной экономики» связали культуру и политику и помогли сделать более конкретной ту институциональную структуру, которая лежит в основе народного сопротивления зависимости и угнетению. Это вызвало волну региональных исследований и помогло показать пути взаимодействия и взаимозависимости крестьян-некрестьян и сельских местностей — бюрократических структур. То же можно сказать и о ряде великолепных новых исследований в области современной сельской истории.

Постепенно заполнялся концептуальный разрыв между крестьянами стран «третьего мира», высококапитализированными семейными фермерами стран «первого мира», и членами коллективизированной деревни стран «второго мира». Дюрфельдт и другие исследователи показали и задокументировали, как и в какой степени семейные фермеры западного мира могут побеждать в соревновании с «фабриками продовольствия», когда капитал уходит из сельского производства в агробизнес и банки, снимающие

сливки «извне» с доходов. В сельском хозяйстве эти формы капиталистического дохода явно выигрывали по сравнению с «классическими» капиталистическими формами, т.е. с производствами, основанными на наемном труде. Дальнейшая работа выявляла сходства и несходства между крестьянами и фермерами в более широкой категории «семейного хозяйства». В это же время кризис сельского хозяйства в государственно-социалистических странах вызвал волну исследований коллективизации и деколлективизации, причем внимание уделялось взаимозависимости между узкоэкономическим и широкосоциальным и политическим аспектам и этих процессов. Подвергались исследованию аналитические и идеологические грани между категориями «коллективного» и «крестьянского» сельского хозяйства. По иронии судьбы, пищей для размышлений стала информация о том, что советская пресса в горбачевскую эру призвала к окрестьяниванию деревни в СССР в качестве составной части «второй социалистической революции» в стране. В 1987 г. А. Чаянов дождался, наконец, своей реабилитации в СССР после стольких лет забвения.

Диапазон интереса крестьянских исследований, по-видимому, будет расширяться, отражая растущую взаимозависимость от общества в целом, равно как и внутреннюю логику аналитических парадигм. На сегодняшний день уже ясно обозначились, по крайней мере, три направления, по которым будет происходить дальнейшее развитие. Первое — это растущее значение общей проблемы сочетания разных форм социальной организации, которые характеризуются, скорее, взаимовыгодной связью, нежели взаимным пожиранием и уничтожением. Второе — растущий интерес к прежним и новым формам выживания, инициативы и «сопротивления снизу» тем процессам давления, которые Тилли однажды назвал «капитализацией и огосударствлением». Третье, связанное с вышесказанным, — рост внимания к изучению общественно-экономических форм, которые не являются ни рыночно-капиталистическими, ни государственно-плановыми, ни простой комбинацией тех и других. Такие эксплоярные экономические формы пренебрежительно рассматривались в рамках доминировавших теоретических стереотипов как маргинальные и переходные. Мы все больше убеждаемся в немаргинальности таких форм, и растущее распространение и значение уже явно не являются ошибкой или недоразумением. Теоретический анализ «снизу», понимание стабильности и позитивной сущности комбинированной разности, социальных и экономических форм, а также — какими путями основанная на этом политика может дополнить будущие модели социального развития, может оказаться самым важным вкладом крестьянских исследований в то, с чем наука войдет и двадцать первый век.

ДЖ. БЕРДЖЕР

КРЕСТЬЯНСКАЯ ЭТИКА: ВИДЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

Очень мало крестьян становятся художниками — разве что случайно ими могут стать сын или дочь крестьянина. И это отнюдь не вопрос таланта, а вопрос возможности и свободного времени. О крестьянской доле сложены песни, а в последнее время появилось несколько автобиографий. Еще есть замечательный философский труд Гастона Башляра. В общем-то, не так уж много. Этот пробел означает, что крестьянская душа неродственна или незнакома большинству горожан, как и крестьянская жизнь и материальные условия крестьянского труда.

Правда, в средневековой Европе крестьяне иногда становились художниками, каменщиками и даже скульпторами. Но тогда их нанимали для того, чтобы они выражали идеологию Церкви, а не свое собственное видение мира.

Но есть одна грандиозная работа, не похожая, ни на одну другую, и в ней непосредственно отразилось крестьянское мироощущение. Вот как раз об этой работе, в которой и поэзия, и скульптура, и архитектура слиты воедино, я и хотел бы рассказать.

«Сельский почтальон, как и 27 тысяч моих коллег, я каждый день выхожу свой путь из Отрив (Hauteri-ves) в Терзан, в район, где до сих пор видны следы от тех времен, когда здесь шумело море. Иногда иду через снега и льды, иногда — среди цветов. Что же остается делать человеку, когда он все время ходит через одно и то же место, как только мечтать? Я строил в своих мечтах дворец, превосходящий все представления, во всяком случае, превосходящий то, что может себе представить гений простого человека,— дворец с садами, гротами, башнями, крепостными стенами, музеями и статуями: он был настолько прекрасным и живописным, что его образ жил в моей душе самое малое десять лет.

А когда я уж было, забыл о своей мечте — и она была последним, о чем я думал,— то мне о ней напомнила моя нога: она наткнулась на что-то, и я чуть не упал. Тогда я заинтересовался, что же это было: то был камень дивной формы, я поднял его, положил в карман, чтоб на досуге полюбоваться им. На следующий день, проходя мимо того самого места, я подобрал еще пару камней, которые были даже лучше давешнего. Я собрал их вместе и поразился. Я облазил ущелья, пригорки, самые заброшенные и безлюдные места. Я нашел туф, проточенный водой, который был столь же прекрасен.

Вот отсюда и начались все мои испытания и несчастья. Тогда я принес несколько корзин. Кроме своих почтальонских 30 километров в день, я проделывал еще дюжину, неся на плечах корзину, полную камней. В каждой общине были свои особенные виды очень крепких камней. Когда я проходил через деревню, я обычно ссыпал их в маленькие кучки, а вечерами возвращался с тачкой и забирал их. Самые близкие из них находились на расстоянии 4 — 5 километров, иногда в 10 километрах. Случалось, я выходил из дому в 2 или 3 часа ночи».

Написал это родившийся в 1836-м и умерший в 1924 г. Фернан Шеваль: в течение 33 лет строил он свой «дворец, превосходящий все представления». Этот дворец все еще стоит в Отрив (департамент Дром, Франция) — деревне, где родился его создатель.

Вечером, когда спускается тьма

И все люди отдыхают,

Я работаю в моем дворце.

Никто не узнает о моих страданиях.

В минуты досуга,

Которые остаются у меня от работы,

Я строил этот дворец

Из тысячи и одной ночи —

Я памятник свой ваял.

Сегодня дворец разрушается, его скульптуры рассыпаются, а слова, высеченные в камне или написанные на стенах, постепенно стираются. Сооружению менее 80 лет. Многие более древние строения и скульптуры находятся в лучшем состоянии потому, что они не выходят из русла преобладающей традиции и созданы в соответствии с ее канонами, по которым известно, для кого они сделаны и как их следует сохранять. Эта же работа обнажена, она вне традиции, потому что это всего лишь работа «сумасшедшего» крестьянина-одиночки.

Сейчас существует масса книг с фотографиями дворца и даже фильм о нем, но вот беда — все это сделано с точки зрения стороннего наблюдателя, а дворец — это опыт пребывания внутри. Это как лес: чтобы его увидеть, надо в него войти. Вы или входите в него, или проходите мимо.

Как объяснял Шеваль, толчком для воображения стали камни: камни, приобретшие свою форму в разные геологические эпохи, казались ему карикатурами. «Странные скульптуры всевозможных зверей и карикатурных персонажей. Таких, что даже трудно вообразить. Я сказал себе: если природа хочет изваять скульптуру, то я построю стены и возведу здание для нее». Если вы всмотритесь в эти камни, они предстанут перед вами живыми существами, по большей части — птицами или зверями. Одни пристально глядят на вас, другие лишь мельком выглядывают из камня и снова в него прячутся. Дворец полон жизни, той жизни, которую сразу и не разглядишь.

За редким исключением — а об этих исключениях я скажу позже,— здесь определенно нет поверхностей, обращенных наружу, каждая поверхность смотрит внутрь. Животные обращаются в камни, а когда вы не смотрите, они выглядывают вновь. Причем каждый раз они появляются в новом обличье. Поэтому неправильно было бы думать о дворце, что он похож на мечту. В этом состояла ошибка сюрреалистов, первыми «открывших» дворец в 30-е гг. Психологизировать дело, задаваться вопросом о шевалевском бессознательном — значит рассуждать в терминах, которые никогда не объяснят уникальности дворца.

Вопреки названию моделью Шевалю служил вовсе не дворец, а лес, внутри которого много маленьких дворцов, замков, храмов, домов, берлог, нор, гнезд, отверстий и т.д. Невозможно с точностью установить все содержимое дворца или всех его обитателей. Каждый раз, когда вы в него входите, вы видите больше, чем видели там до сих пор, или видите все то же, но в другом свете. Шеваль далеко не ограничился каменной кладкой и архитектурным обрамлением природных скульптур. Он начал делать свои собственные скульптуры. Но и здесь природа осталась для него моделью: не вместилищем фиксированных видов, не источником систематики всего, а образцом постоянных превращений. Стоит взглянуть, как тут же увидишь:

Сосну
теленка, такого большого, что сосна могла стать его рогом
змею
римскую вазу
двух женщин-прачек размером в родинку
выдру
маяк
улитку
трех друзей, примостившихся на коралле
леопарда, который больше, чем маяк
ворону.

Этот список можно продолжать и продолжать, с тем, чтобы составить перечень в первом приближении. И как только вы это поймете, вам сразу станет ясно, насколько чужды духу работы подобного рода упражнения. Ее функция не в том, чтобы представлять, изображать что-то, а в том, чтобы окружать.

Взбираетесь ли вы на его башни, прохаживаетесь ли среди его крипт (подземных часовен) или смотрите на фасад, стоя на земле, вы понимаете, что вы входите куда-то. Вы оказываетесь внутри системы, которая включает в себя занимаемое вами пространство. Эта система может менять свое обличье, предполагая в разное время самые разные превращения. Я уже сравнивал ее с лесом. Местами она похожа на живот. В других местах она как мозг — физический орган в черепной коробке, а не абстрактный разум.

Все, что вас окружает, обладает физической реальностью и построено из песка, туфа, известняка, песка, ракушек и окаменелостей. В то же самое время все эти разнообразные материалы являются целостной и исполненной таинственности живописью. Я говорю сейчас не о населении его образов, а о минеральных материалах, так скомпонованных в единое целое, что оно представляет живую органическую систему.

Все это соединено своеобразной тканью. Вы можете думать об этом как о существующем из листьев, как о складках, коконах или пещерах. Вся неумная шевалевская энергия, вся его жизнь ушли на эту постройку. Именно в этой ткани вы чувствуете настоящий ритм его движений, то, как он заливал цемент, или укладывал камни. Его поддерживало созерцание того, как материя растет под его руками. Вот эта-то материя и окружает вас, как лоно.

Я говорил, что основной элемент этой материи напоминает листья или складки. Возможно, самое точное определение, какое я мог бы дать этому как внутри дворца, так и за его пределами — основному элементу, или наиболее полное представление о нем — это подумать об идеальном листе, о котором писал Гёте в своей работе «О превращении растений». О том архетипическом листе, от которого ведут свое начало все растения.

Во дворце этот основной элемент подразумевает процесс воспроизводства: не воспроизводство проявлений, а воспроизводство самого себя путем роста.

Шеваль покидал Дром всего лишь раз в жизни: в молодости он несколько месяцев работал в Алжире, а свои знания о мире он черпал из новых популярных энциклопедических журналов, появившихся на книжном рынке во второй четверти XIX в. Эти знания дали ему возможность расширить свой кругозор до мирового масштаба, столь отличавшегося от масштаба локального и частичного. (Сегодня современные средства связи оказывают в разных частях мира заслуживающий внимания политический эффект. Крестьяне в принципе могут ощутить свою принадлежность к миру в целом).

Без ощущения дыхания мира Шеваль ни за что бы не смог в течение 33 лет поддерживать в себе уверенность в необходимости своей работы. В средневековые церкви предлагала универсальный взгляд, но ее ремесленники работали по большей части в условиях ограничений, предписанных иконографией, в которой крестьянское мировоззрение присутствовало, но не играло ведущей роли. Шеваль появился для того, чтобы противопоставить современному миру свое незамутненное крестьянское мировоззрение, и в соответствии с которым он возводил дворец.

Это событие было невероятным, невозможным, зависевшим от стечения многих обстоятельств. От темперамента. От географии. От социального окружения. Вот, например, тот факт, что он был почтальоном и что у него была хоть маленькая, но зарплата. Будь он крестьянином, работавшим на своей собственной земле, он никогда бы не смог выкроить тех 93 тысяч часов, которые он провел на строительстве дворца. Но все же он органически и сознательно оставался членом того класса, из которого вышел. «Сын крестьянина, я желал жить и умереть как крестьянин, чтобы доказать, что и в моем классе есть люди энергичные и гениальные».

Характер дворца определяют два существенных качества: телесность (дворец не содержит абстрактной, сентиментальной привлекательности, да и все шевалевские явления подчеркивают громадный физический труд по его созданию) и обращенность вовнутрь (весь его упор на то, что внутри, и на пребывание в интерьере). Такого сочетания нет в современном урбанистском опыте, но оно в высшей степени типично для опыта крестьянского.

Понятие внутреннего здесь, вероятно, можно использовать в качестве примера. Необходимо, однако, и предостеречь. Думать, что крестьянское отношение более «внутреннее», чем городское, — это значит не понять сути и скатиться к избитому клише.

Дверь хлева. На гвозде висит освежеванный и выпотрошенный козленок; дедушка с величайшей осторожностью раскрыл лезвие складного ножа, так осторожно, как будто это игла. За ним стоит бабушка: она держит кишки козленка и помогает своему мужу выбрать их, не повредив. В ярде впереди, сидя на земле, забыв на минуту о своих дедушке-бабушке, четырехлетний внук играет с кошкой и трется своим носом о ее нос. Внутренности — это ежедневная, привычная с юных лет категория для крестьянина.

Напротив, ужас, который испытывает город от внутренностей, усугубляется редкостью подобных картин и ассоциируется с отношением городских к смерти и рождению. Оба эти события становятся секретными, отстраняемыми моментами. В обоих невозможно отрицать примат внутренних, невидимых процессов.

Идеальная городская поверхность — это блестящая поверхность (например, хромированная), которая отражает все, что впереди и, похоже, отрицает, что есть еще что-то видимое за ней. Ее антитезой является бок тела (*flank of body*), поднимающийся и опускающийся в ритме дыхания. Городской опыт сосредоточивается на узнавании того, что снаружи и для чего оно, на измерении этого, опробовании его и использовании в дело. Затем приходит черед объяснить то, что внутри (я веду разговор не в терминах молекулярной биологии, а на языке обыденной, повседневной жизни), оно объясняется как механизм, хотя механические параметры обычно всегда относятся к области внешнего. Внешнее отмечено постоянной визуальной репродукцией (копированием) и подтверждается эмпирически.

Для крестьянина же эмпиризм наивен. Он работает с тем, что никогда полностью нельзя предсказать, что только зарождается. Видимое обычно является для него показателем состояния невидимого. Он дотрагивается до поверхностей, с тем, чтобы сформировать у себя в мозгу более точную картину того, что лежит за этой поверхностью. Прежде всего, он чувствует, начинаются или застопориваются длительные процессы изменений, которые протекают помимо его или кого-нибудь: он всегда сознает себя внутри процесса.

С фабричного конвейера сходят одинаковые изделия. Но нет двух одинаковых полей, овец, деревьев. (Катастрофы «зеленой революции», когда сельскохозяйственное производство планируется сверху городскими экспертами, обычный результат игнорирования специфики местных условий или пренебрежения законами природного разнообразия.) Компьютер стал складом, «памятью» современной городской информации: в крестьянских культурах таким складом является устная традиция, поддерживаемая в течение многих поколений; однако между ними есть и различие: компьютер очень быстро дает четкий ответ на сложный вопрос, а устная традиция дает многозначный ответ иногда даже в форме загадки на простой практический вопрос. Истина как определенность и истина как неопределенность!

Крестьян считают традиционалистами, поскольку помещают их в русло исторического времени, но в своей жизни они гораздо больше приучены к циклическим изменениям.

Близость к непредсказуемому, невидимому, неконтролируемому и циклическому к религиозной интерпретации мира. Крестьянин не верит, что прогресс раздвигает границы неизвестного, потому что крестьянин не принимает стратегической схемы, навязываемой ему таким утверждением. В крестьянском опыте постоянно присутствует непознанное, и оно находится в центре: знание окружает непознанное, но никогда его не исключит. Нельзя сделать обобщающих выводов относительно роли религии среди крестьян, но можно сказать, что через нее находит четкое выражение другой глубинный опыт: их трудовой опыт участия в производстве.

Я уже говорил, что некоторые поверхности своей реальностью в шевальевском дворце обращены не вовнутрь. В их число входят изображения, например, Белого дома в Вашингтоне. Мезон Каре (Квадратного дома) в Алжире. Остальные представляют человеческие лица. И все они загадочны. Человеческие лица скрывают свои секреты, и, возможно, как ничто другое в этом дворце, их секреты ненатуральны (неестественны). Он изваял эти лица с уважением и настороженностью.

Сам Шеваль называл свой дворец храмом природе. Не природе путешественников, пейзажистов или даже Жан-Жака Руссо, а той природе, о которой мечтал гений, выражая взгляд класса ловких и закаленных бойцов за право жить.

В центре дворца находится крипта, окруженная скульптурными изображениями животных — лишь по отношению к ним Шеваль показал всю свою нежность. Кроме животных, попадаются и раковины, и камни, из которых, кажется, на вас смотрят глаза, и все это соединяет материя, ткань перволиста. На потолке этой крипты по кругу Шеваль написал: «Здесь я хотел бы уснуть».

КРЕСТЬЯНСТВО КАК КЛАСС

(из статей «Классовая борьба во Франции», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» и «Наброски ответа на письмо В. И. Засулич»)

10 декабря 1848 г. было днем крестьянского восстания. Лишь с этого дня начался февраль для французских крестьян. Символ, выразивший их вступление в революционное движение, неуклюже-лукавый, плутовато-возвышенный, расчетливое суеверие, патетический фарс, гениально-нелепый анахронизм, озорная шутка всемирной истории, непонятный иероглиф для цивилизованного ума, этот символ явно носил печать того класса, который является представителем варварства внутри цивилизации. Республика заявила ему о своем существовании фигурой сборщика налогов, он заявил ей о своем существовании фигурой императора. Наполеон был единственным человеком, в котором нашли себе исчерпывающее выражение интересы и фантазия новообразованного в 1789 г. крестьянского класса. Написав его имя на фронте республики, крестьянство этим самым объявляло войну иностранным государствам и борьбу за свои классовые интересы внутри страны. Наполеон был для крестьян не личностью, а программой. Со знаменами, с музыкой шли они к избирательным урнам, восклицая: *Plus d'impôt, à bas les riches, à bas la république, vive l'Empereur!* — «Долой налоги, долой богачей, долой республику, да здравствует император!» За спиной императора скрывалась крестьянская война. Республика, ими забаллотированная, была республикой богачей.

10 декабря было *coup d'état* крестьян, свергнувших существующее правительство. («Классовая борьба во Франции»).

Бонапарт — представитель класса, и притом самого многочисленного класса французского общества, представитель парцельного крестьянства.

Подобно тому, как Бурбоны были династией крупной земельной собственности, а Орлеаны — династией денег, Бонапарты являются династией крестьян, т.е. французской народной массы. Избранником крестьян является не тот Бонапарт, который подчинялся буржуазному парламенту, а тот, который разогнал буржуазный парламент. Городам удавалось в течение трех лет извращать смысл выборов 10 декабря и обманывать крестьян в их надежде на восстановление империи. Выборы 10 декабря 1848 г. нашли свое осуществление только в перевороте 2 декабря 1851 г.

Парцельные крестьяне составляют громадную массу, члены которой живут в одинаковых условиях, не вступая, однако, в разнообразные отношения друг к другу. Их способ производства изолирует их друг от друга, вместо того чтобы вызывать взаимные сношения между ними. Это изолирование еще усиливается вследствие плохих французских путей сообщения и вследствие бедности крестьян. Их поле производства, парцелла, не допускает никакого разделения труда при ее обработке, никакого применения науки, а, следовательно, и никакого разнообразия, никакого различия талантов, никакого богатства общественных отношений. Каждая крестьянская семья почти что довлеет сама себе, производит непосредственно большую часть того, что она потребляет, приобретая, таким образом, свои средства к жизни более в обмене с природой, чем в сношениях с обществом. Парцелла крестьян и семья; рядом другая парцелла, другой крестьянин и другая семья. Кучка этих единиц образует деревню, а кучка деревень — департамент. Таким образом, громадная масса французской нации образуется простым сложением одноименных величин, вроде того как мешок картофелин образует мешок с картофелем. Поскольку миллионы семей живут в экономических условиях, отличающих и враждебно противопоставляющих их образ жизни, интересы и образование образу жизни, интересам и образованию других классов, — они образуют класс. Поскольку между парцельными крестьянами существует лишь местная связь, поскольку тождество их интересов не создает между ними никакой общности, никакой национальной связи, никакой политической организации, — они не образуют класса. Они поэтому не способны защищать свои классовые интересы от своего собственного имени, будь то через по-

средство парламента или через посредство конвента. Они не могут представлять себя, их должны представлять другие. Их представитель должен вместе с тем являться их господином, авторитетом, стоящим над ними, неограниченной правительственной властью, защищающей их от других классов и ниспосылающей им свыше дождь и солнечный свет. Политическое влияние парцельного крестьянства, в конечном счете, выражается, стало быть, в том, что исполнительная власть подчиняет себе общество.

Историческая традиция породила мистическую веру французских крестьян в то, что человек по имени Наполеон возвратит им все утраченные блага. И вот нашелся некто, выдающий себя за этого человека только потому, что он на основании статьи Code Napoléon: «La recherche de la paternité est interdite» (Кодекса Наполеона: «Отыскание отцовства запрещается») — носит имя Наполеон. После двадцатилетнего бродяжничества и целого ряда нелепых приключений сбывается предсказание и человек становится императором французов. Навязчивая идея племянника осуществилась, потому что она совпадала с навязчивой идеей самого многочисленного класса французского общества.

Но тут мне могут возразить: а крестьянские восстания в доброй половине Франции, а облавы, устраиваемые армией на крестьян, а массовые аресты, массовая ссылка крестьян?

Со времени Людовика XIV Франция не знала подобных преследований крестьян «за демагогические происки».

Но прошу меня понять. Династия Бонапарта является представительницей не революционного, а консервативного крестьянина, не того крестьянина, который стремится вырваться из своих социальных условий существования, определяемых parcelлой, а того крестьянина, который хочет укрепить эти условия и эту parcelлу, не того сельского населения, которое стремится присоединиться к городам и силой своей собственной энергии ниспровергнуть старый порядок, а того, которое тупо замыкается в этот старый порядок и ждет от призрака империи, чтобы он спас его и его parcelлу и дал ему привилегированное положение. Династия Бонапарта является представительницей не просвещения крестьянина, а его суеверия, не его рассудка, а его предрассудка, не его будущего, а его прошлого, не его современных Севернов, а его современной Вандеи.

Трехлетнее суровое господство парламентарной республики освободило от наполеоновской иллюзии и революционизировало, правда, пока лишь поверхностно — часть французских крестьян; но каждый раз, как только они приходили в движение, буржуазия силой отбрасывала их назад. При парламентарной республике в сознании французского крестьянина происходила борьба между новыми идеями и традицией; этот процесс протекал в форме непрерывной борьбы школьных учителей против попов — буржуазия усмиряла учителей. Крестьяне первый раз делали усилия, чтобы занять самостоятельную позицию по отношению к правительственной деятельности; это обнаруживалось в беспрестанных столкновениях между мэрами и префектами — буржуазия смещала мэров. Наконец, в различных местностях Франции крестьяне в период парламентарной республики восставали против своего собственного детища, против армии, буржуазия наказывала их осадным положением и экзекуциями. И эта самая буржуазия вопит теперь о тупости масс, этой презренной толпы, которая якобы передала ее Бонапарту. Она сама насильственно укрепляла приверженность класса крестьян к империи, она усердно сохраняла положение вещей, образующее ту почву, на которой вырастает эта крестьянская религия. Правда, буржуазия должна одинаково бояться невежества масс, пока они остаются консервативными, и сознательности масс, как только они становятся революционными.

В восстаниях, последовавших за d'état, часть французских крестьян с оружием в руках протестовала против своего же собственного выбора от 10 декабря 1848 г., научила их уму-разуму. Но они продали свою душу преисподней истории, история их поймала на слове. («Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»).

Россия — единственная европейская страна, в которой «земледельческая община» сохранилась в национальном масштабе до наших дней. Она не является, подобно

Ост-Индии, добычей чужеземного завоевателя. В то же время она не живет изолированно от современного мира. С одной стороны, общая земельная собственность дает ей возможность непосредственно и постепенно превращать парцеллярное и индивидуалистическое земледелие в земледелие коллективное, и русские крестьяне уже осуществляют его на лугах, не подвергающихся разделу. Физическая конфигурация русской почвы благоприятствует применению машин в широком масштабе. Привычка крестьянина к артельным отношениям облегчает ему переход от парцеллярного хозяйства к хозяйству кооперативному, и, наконец, русское общество, так долго жившее на его счет, обязано предоставить ему необходимые авансы для такого перехода. С другой стороны, одновременное существование западного производства, господствующего на мировом рынке, позволяет России ввести в общину все положительные достижения, добытые капиталистическим строем, не проходя сквозь его кавдинские ущелья.

Если бы представители «новых столпов общества» стали отрицать теоретическую возможность указанной эволюции современной сельской общины, их можно было бы спросить, должна была ли Россия подобно Западу пройти через долгий инкубационный период развития машинного производства, чтобы добраться до машин, пароходов, железных дорог и т.п. Их можно было бы также спросить, как им удалось сразу ввести у себя весь механизм обмена (банки, акционерные общества и пр.), выработка которого потребовала на Западе целых веков.

Есть одна характерная черта у русской «земледельческой общины», которая служит источником ее слабости и неблагоприятна для нее во всех отношениях. Это ее изолированность, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других, этот локализованный микрокосм, который не повсюду встречается как имманентная характерная черта этого типа, но который повсюду, где он встречается, воздвиг над общинами более или менее централизованный деспотизм. Объединение северных русских республик доказывает, что эта эволюция, которая первоначально вызвана была, по видимому, обширным протяжением территории, была в значительной степени закреплена политическими судьбами, пережитыми Россией со времен монгольского нашествия. Ныне этот недостаток весьма легко устраним. Следовало бы просто заменить волюсть, учреждение правительственное, собранием выборных от крестьянских общин, которое служило бы экономическим и административным органом, защищающим их интересы.

С одной стороны, «сельская община» почти доведена до края гибели; с другой ее подстерегает мощный заговор, чтобы нанести ей последний удар. Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция. Впрочем, те, в чьих руках политические и социальные силы, делают все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе.

И в то же время как обескровливают и терзают общину, обеспложивают и истощают ее землю, литературные лакеи «новых столпов общества» иронически указывают на нанесенные ей раны, как на симптомы ее естественной и неоспоримой дряхлости, и уверяют, что она умирает естественной смертью и что сократить ее агонию было бы добрым делом. Речь идет здесь, таким образом, уже не о проблеме, которую нужно разрешить, а просто-напросто о враге, которого нужно сокрушить. Впрочем, русское правительство и «новые столпы общества» делают все возможное, чтобы подготовить массы к такой катастрофе. Если революция произойдет в надлежащее время, если она сосредоточит все силы, чтобы обеспечить свободное развитие сельской общины, последняя вскоре станет элементом возрождения русского общества и элементом превосходства над странами, которые находятся под ярмом капиталистического строя. («Наброски ответа на письмо В.И. Засулич».)

ДЕРЕВЕНСКОЕ БЫТИЕ: ПРАВЫ, ВЕРОВАНИЯ, ОБЫЧАИ

Труд, социальная психология, тип личности

<...>

Сельскохозяйственный труд, семья как производственный коллектив и самодостаточность, самообеспеченность этого коллектива — вот три главные характеристики деревенской жизни. Ничего этого в больших городах не было уже в первые десятилетия нашего века. Мы полагаем, что условия сельской жизни и сельского труда в России были примерно на таком уровне, который был характерен для Западной Европы предшествовавших столетий, скажем, для французской деревни еще где-нибудь XVI в. Не было электричества, не было и никакого другого уличного освещения, сельскохозяйственные машины были крайней редкостью, об удобрениях крестьяне практически не знали, и даже плуг все еще не стал основным сельскохозяйственным орудием. Древняя трехпольная система, не слишком-то многочисленные стада, избы, отапливаемые по-черному, — все это напоминает какой-то прошлый этап истории цивилизованного человечества, когда день остро отличался от ночи, а зима от лета, когда болезни по большей части оставались тайной и нередко несли людям смерть, когда человек в 40 лет был уже стариком и смерть присутствовала в жизни людей как нечто обыденное и привычное, иногда давая кому-то отсрочку благодаря труду знахарей и колдунов.

Крестьянскую продукцию можно было назвать «биологической». И не потому, что это соответствовало характеру ее производства, а потому, что жизнь людей напрямую зависела от собранного урожая. При скудных запасах все надежды свои семья возлагала на будущий сезон, а плохой урожай грозил обернуться настоящей катастрофой, потому что он лишь отсрочивал момент, когда пришлось бы идти побираться. Весь производственный процесс в огромной степени зависел от капризов погоды, а также от того, что он был полностью сориентирован на достижение этого самого судьбоносного нового урожая любой ценой. Последнее имело большое социально-психологическое значение. Технологические нововведения и совершенствование производства требуют планирования на перспективу и готовности к риску. Но крестьяне на этой стадии развития их хозяйства и так невероятно рискуют. Цена любого изменения могла оказаться слишком тяжелой, и крестьянское стремление вести хозяйство по старинке имело под собой основательные причины. Так что вполне естественны те трудности, порой непреодолимые, с которыми сталкивались наиболее предприимчивые, чаще всего молодые, пытавшиеся делать по-своему, на свой (однако не только на свой!) страх и риск.

Власть и влияние старшего поколения определялись и другим фактором, который можно назвать «структурным». Деревенская жизнь в тот период все еще практически полностью была регламентирована «сельскохозяйственным календарем» — в общем-то, не писаным, но четко привязанным (не случайно, разумеется) к календарю религиозных дат и празднеств. Этот религиозный календарь, можно с уверенностью сказать, учитывает цикл сельскохозяйственных работ, их сезонность, страдные периоды. Но это особый вопрос. Факт состоял в том, что крестьяне знали от стариков — к середине апреля пора сеять яровые, в мае надо валить лес и поднимать ранний пар, в начале июня пора подумать о позднем паре, к концу июня подоспеет уборка ржи, а в июле уже время убирать пшеницу. В августе и сентябре надо молотить и не забывать при этом о посеве озимых. Интенсивность этих работ поразительна, тем более что список их, конечно, далеко неполон — ведь надо было правильно выбрать время и для прополки, и для сенокоса. Здесь требовалось четкое знание некоего календаря.

Как мы уже отмечали, этот календарь был увязан с днями празднеств и гуляний, проходивших на протяжении всего цикла работ и дававших какие-то ориентиры в сельскохозяйственной деятельности. Что конкретно необходимо делать, скажем, с 14 октября по 14 марта («от Покрова до Евдокии») или, например, до 6 мая («до Егория»). Надо

ли говорить, что только старики в тонкостях знали весь этот сложный аграрно-церковный регламент, который мы здесь набросали лишь в самых общих чертах.

И неудивительно, что люди в такой системе координат мыслят «временами», а не часами и минутами, что характерно для совсем другого рабочего ритма. Как сказал однажды о крестьянах Киплинг, их жизнь — «это большой вопросительный знак между двумя урожаями». Он писал это об индийских крестьянах 1890-х годов, но это верно для крестьян вообще. Жизнь и работа по сезонам совсем не подразумевает леность, вялость и медлительность. Как раз, напротив, период основных работ, а особенно страда, были чреватые непредсказуемостью, драматизмом и несчастьями. Длительные времена отдыха, пассивности и даже праздности сменялись взрывом лихорадочной активности. Погодные капризы и примитивная техника (или вообще отсутствие таковой) иногда компенсировались невероятными физическими усилиями, потому что сенокос надо заканчивать в срок, зерно, как хочешь, а убрать под крышу до дождей, засевавшую при этом в грязь тяжелую телегу надо быстро вытаскивать. Таким образом, освященный веками и опирающийся на устоявшиеся приемы и методы ход работ отнюдь не исключал неожиданных ударов и срывов, пожиравших большое количество эмоциональной, нервной и физической энергии. А потому резонно было бы предположить, что те же факторы в деревенской жизни, которые «клонили к осторожности и консерватизму, привели и к преобладанию в деревенской среде людей раздражительных и легко выходящих из себя, людей сангвиников — над спокойными и флегматичными.

<...>

Хотелось бы сказать несколько слов о деревне. Название это было характерно для лесистой северной местности (в южных степях больше говорили «село»), где было настоящее царство рубленых бревенчатых изб. Однако заметим, что происходит это вовсе не от «дерева». Это была первичная ячейка российского общества, но, к сожалению, о ней написано слишком мало. Мы больше знакомы с глобальными экономическими, культурологическими и социологическими схемами. Но без понимания деревни невозможно понять деревенское общество... Ведь именно в деревенской жизни существуют те традиции (семейная организация работ, система соседских взаимоотношений, социальная иерархия и иерархия ценностей), которые присущи громадной части человечества и которые направляли, формировали, а иногда и препятствовали развитию многих обществ... Раньше мы не задумывались над тем, почему так много внимания всегда уделялось изучению общины и так мало — деревне. Вспомним хотя бы то, что буря коллективизации смела общину — но оставалась деревня. А с ней на какое-то время — и крестьянство.

Сельские религии

<...>

О русских крестьянах всегда писали как о людях очень «набожных». Они все время осеяли себя крестом, часто преклоняли колена, творили молитвы, иной раз очень истово, соблюдали пост, исповедовались и каялись. Если их спрашивали, кто такие будут, отвечали: «Православные». И не нужно было добавлять «русские». Православие было государственной религией, и вплоть до 1905 г., когда было внесено соответствующее законодательное изменение, каждый русский считался православным, и было запрещено избирать для себя другую религию, хотя, конечно, это делалось, несмотря на запреты и преследования.

И все же не стоит слишком просто трактовать фразу: «Мы православные». Некоторые авторы (Белинский, Чехов, Ленин) полагали, что русский крестьянин не набожен, а «суеверен». Он был, по их мнению, слишком практичен, чтобы быть истинно и глубоко верующим. Но многие, включая Достоевского и некоторых более поздних «богоискателей», утверждали обратное: крестьянину свойственна глубокая христианская вера. Паскаль даже добавил бы, что крестьяне с их народным православием сумели сохранить истинное христианство, чистое и незапятнанное, отражающее российскую религи-

озность лучше, чем канон официальной церкви. При этом крестьянин не был «клерикалом» и не очень-то зависел от церкви.

На то С. Кравчинский возразил бы, что крестьянин вообще не был православным, а, скорее, язычником, или, на худой конец, исповедовал двойную веру — смесь христианства и язычества. Столь противоречивые взгляды на проблему существуют и по сей день, и это не единственная трудность.

Социологи (Вебер) и этнографы (Малиновский) учили, что религиозные верования и религиозные системы обществ обуславливаются их социальной структурой. Если они правы, то официальная версия религии, по определению, не может отражать всей сложности реального ее существования в обществе. Следовательно, поскольку условия существования крестьян в обществе держат их на солидном расстоянии от других общественных слоев и групп, постольку они должны двигаться своим особым путем в области веры и верований. Мысль о том, что они должны были вполне разделять религиозную систему и мировоззрение с высшим духовенством и другими высшими слоями обитателей города, можно смело отбросить. Это в равной мере относится и, скажем, к католической Польше или Италии — в прежние времена. Это наверняка было так, да и сегодня более чем вероятно. В самом деле, ведь все великие религии стремились добиться народного признания и верности, а для этого приходилось вести длительные военные действия в сочетании с готовностью к компромиссам по отношению к прежним, дохристианским верованиям масс, бывших в основном крестьянами. Как сказал Р. Бендикс со ссылкой на М. Вебера, «ни один священник или пророк не в состоянии отринуть все компромиссы с традиционными верованиями масс». Это справедливо и для христианской веры, и, без всякого сомнения, для политических систем...

Церковь приняла многие языческие праздники, обряды и ритуалы, приспособив их к своим нуждам и своей символике. Все сельские религии очень привержены магии и волшебству, и церковь с особой яростью искореняла именно этот элемент язычества. В то же время сама церковь, в своих, правда, формах, несла определенный элемент магии, к которой была столь непримирима. Чаше или реже, но ей приходилось практиковать заклинание и изгнание бесов, чтобы не оставлять этого на откуп народным целителям и знахарям; приходилось до какой-то степени признавать чудеса, чтобы противостоять кудесникам; она преследовала ведьм как продавших душу дьяволу, тем самым признавая, что дьявол присутствует в повседневной жизни и что ведьмины чары — реальность, хотя, как известно, начиная с XVIII в. все это официально церковью было отвергнуто.

Как бы то ни было, но сосуществование «чуда» (творимого святыми) и «волшебства» (это у ведьм и колдунов) представляет собой важный компонент народной религии повсеместно и вплоть до наших дней; мы можем наблюдать, что исторический компромисс продолжает сохраняться непосредственно в умах и представлениях крестьян — даже если современная церковь станет это отрицать.

Таким образом, можно предположить, что процесс приспособления через компромисс шел двумя путями: церковь приспособлялась, принимая народные обычаи, с тем, чтобы сохранить свою монополию на неведомое и священное; сельский же мир решал эту задачу с другого конца. Он в основном принимал новую официальную веру, но многие из этих черт переосмысливал и переиначивал. Крестьяне также сохранили множество элементов своей прежней религии и пронесли их через века до наших дней, ухитряясь каким-то образом сочетать с официальным вероучением. Таким образом, народной религии, подобно многим другим сторонам народной жизни (культуре, закону, социальной организации) были свойственны большая специфика и своеобразие — и именно ее исповедовали российские крестьяне даже в XX в.

Мужицкое христианство

Большинство русских крестьян вплоть до конца 30-х годов были православными христианами и не скрывали этого. Мужик в целом верил в Бога и, более того, во Христа. Хотя никаких опросов на этот счет не проводилось, но почти наверняка можно утверждать, что понятие Бога и образ Христа смешались и переплелись в его мозгу, а ступенькой ниже по степени почитания — интересная особенность православной традиции — шла Богородица, как не просто святая, но пресвятая. Он принимал обряды и таинства, он ходил в церковь не к повседневной службе, но по большим праздникам, особенно на Рождество, Пасху, Троицу. Он также истово постился, имел представление о загробной жизни и тешил себя какой-то надеждой на спасение души, хотя, по-видимому, этот аспект веры не был для него главным. Конечно, спасение зависело от Бога, но такая Божья благодать, как хороший дождь в нужное время, по значимости перевешивала. Возможно, на смертном одре он думал иначе, но в повседневной жизни помыслы его были отличны от помыслов представителей других социальных слоев.

<...>

Крестьянин совершенно не знал догмы и ничего не мог с этим поделать — не умел читать; он не мог объяснить множества церковных законов и правил, если когда-то и слышал о них. А когда нет сковывающего влияния догмы, есть свобода фантазии и разного рода трактовок. Крестьянина роднило с церковью иконопочитание. Иконы были его Библией. Он не мог читать, но библейские сказания оживали перед ним на иконах и иконостасах в церкви. В то же время икона, висевшая у него в красном углу над семейным столом, была для него знаком связи со своими предками, от которых она перешла к нему, защитой от напастей...

Многим из бесчисленных святых (православная церковь почитает около 300 святых) с настойчивостью приписывалась «ответственность» за многочисленные нужды и заботы местной общины, особенно тех, которые связаны с календарем сельскохозяйственных работ. Почти каждое крестьянское дело имело своего святого покровителя: Влас покровительствовал быкам и коровам, Фрол и Лавр — лошадям, Илья распоряжался дождем и грозой и др.

Но помимо сельской церкви, крестьянин для отправления своих религиозных потребностей, не выходя за рамки официальной веры, имел и еще кое-что. Его изба — центр его жизненного цикла, непрменный атрибут его семейного производства и воспроизводства — была одухотворена и окружена мистической аурой. Здесь помещалась икона, и это уже поднимало статус избы до маленького святилища, примерно ранга часовни и даже выше. Основные церемонии, связанные с рождением, свадьбой, смертью, происходили в избе. И здесь же, наряду с местным кладбищем, находился центр культа предков (или, скажем так, многочисленных пережитков этого культа). Этот аспект крестьянских верований официальная церковь разделяла только отчасти, по определенным дням поминая усопших, которые по православному закону продолжали оставаться членами церковной общины. Крестьяне шли здесь значительно дальше, поминая предков чаще и разнообразнее. Наиболее выразительно это выглядело во время народных празднеств, бережно сохранявших древние языческие обряды. Крестьяне оставляли еду для своих умерших родителей после церемониальных застолий, «приглашали» их присоединиться к застолью, ходили на Пасху на кладбище и христосовались тройным поцелуем на могилах предков, разговаривали с ними, клали на могилы блины. Сельские похороны — торжественная! церемония, пронизанная древними обычаями, например рвущими душу стенаниями родственников или профессиональных плакальщиц, обычно продолжались широким застольем дома или прямо на кладбище, в котором много пили и напивались за долгую и добрую память и за жизнь.

Мы знаем, какое огромное значение имеет в деревне семья. Само существование этой основной ячейки часто было столь рискованно и подвержено случаю, что все зависело от ее способности максимально мобилизовать силы и средства. И большое дело, что в связи с этим можно было обращаться за поддержкой к духу предков, особенно ро-

дителей, души которых всегда были рядом с избой. Так что большая семья была больше, чем это могло показаться на первый взгляд — она включала и ушедшие поколения, связанные с живущими многими невидимыми нитями.

Крестьянство и нечистая сила

Как гласит народная поговорка, «Поп — свое, черт — свое». В деревенской традиции церковь и черти сосуществовали как два мира, каждый со своими правилами и законами. Крестьяне верили и в тот, и в другой, тому и другому воздавая должное и живя между этих полюсов своей собственной жизнью, в своем собственном мире.

<...>

Церковь признавала сатану и поддерживала представления о нем; крестьяне, естественно, тоже — и о нем и о его полчищах. Но изба, как уже говорилось, была центром своей собственной мифологии, практически независимой от церкви, лишь частично с ней перекликающейся. В этой крестьянской мифологии около 40 наименований разных чертей, злых и не таких уж злых духов.

Опять же, подобно святым, они были подразделены на категории, каждая со своими функциями, определяемыми реальностью деревенской жизни. Здесь мы встречаем духов домашнего очага, домовых, обитающих в избе, в сараях и в других постройках. Среди них дух дома (домовик) и его супруга, дух двора (дворовик), а также банник, овинник.

Затем духи, вызывающие (и толкующие) болезни, вроде кикиморы, наводившей женскую истерию (она называлась кликушеством), и духи, наводившие всякие трясухи и лихорадки.

Наконец, духи полей и других природных угодий. Здесь мы встречаем полудницу, женский дух, «действующий» в полях, появляющийся, как правило, в полдень (отсюда название) и очень злобный — не приведи Господи встретить. Есть в поле и «свой» дух, полевик. В лесах хозяин — лесовик; в реках и озерах обитал столь грозный дух, как водяной.

На перекрестках дорог и в лесу, и в других местах, где ты можешь попасться им один да в потемках, озорует множество разных чертей, путая и сбивая с толку людей, особенно пьяных, которых они больше всех любят. А еще они любят женщин, и поскольку могут оборачиваться кем угодно, они наведываются в деревню к разного рода девицам, солдаткам и вдовам. Это поверие помогало крестьянам трактовать подозрительные беременности в их деревне и всякие хвори, прежде всего душевные недуги. Считалось также, что на всякий случай в ведра или кадку, где хранишь воду, нужно класть две дощечки в виде креста и не забывать крестить рот, когда зеваешь, потому что черти быстро в тебя заберутся, дай только возможность. Конечно, этого не увидишь, но со многими крестьянами такое случалось. Подобных историй множество, и не только в фольклоре — литература и театр воздавали им должное, вызывая и трепет и смех одновременно. Отношения между крестьянами и нечистью, особенно чертями, были сложными. Над чертями насмехались и в то же время действительно боялись их. Противоречие тут только на первый взгляд. Дело в том, что образ черта присутствовал в повседневных мужицких трудах и заботах, а они хоть и были знакомы крестьянину до тонкостей, однако в самом деле были чреватые неожиданностями и опасностями. С чертями можно было общаться не только мысленно и духовно, но и напрямую. Черта можно подкупить, ибо он, как все мы, грешен; его можно улестить, уговорить и даже отпугнуть. Существовал целый арсенал средств — церковных и колдовских, — чтобы прогнать его, причем все они сугубо утилитарны и расписаны, вроде рецепта в кулинарной книге; возьми такую-то и такую-то траву, трижды повтори такое-то заклинание, перекрестись так-то и так-то и т.п. Самое интересное, что черта можно перехитрить, несмотря на его могущество, и крестьянину следует воспитывать в себе эту сноровку. У мужика свое самосознание. Он неучен, но ловок и хитер, и уж, конечно, только он может обхит-

ритель черта, равно как и представителя любого другого класса и сословия, хоть оно и могущественнее мужицкого.

«Нечистых» множество, их — сонмы, у них есть семьи и слуги, хвосты и рога, есть среди них дружелюбные и жутко злые, и в этом диапазоне — целая гамма оттенков.

Есть и некая промежуточная категория, на которой у нас нет возможности сейчас более подробно остановиться. Это оборотни, т.е. кого черт или колдун превратили в волка или во что-то подобное. Они ведут жуткую жизнь и очень опасны.

Существуют такие дни в году, когда черти свободно бродят повсюду и очень злобствуют. Они охотятся на людей, хватают новорожденных (и подменяют чертенятами), если матери случилось в муках и страданиях пытаться возводить проклятия на свое дитя.

Многочисленные истории о деяниях этого «народа» изобилуют настолько конкретными деталями, что и правда получается: «Поп — свое, черт — свое». В другом варианте этой поговорки вместо «попа» идет слово «Бог». Насколько я знаю, крестьяне верят в Бога, но никогда не описывают и даже не пытаются его себе представить — их воображение имеет достаточно другой пищи.

Когда с очевидностью убеждаешься, насколько живуча была крестьянская вера во всех этих чертей, становится ясным и то, что церкви так и не удалось ни искоренить этот древний пласт верований, уходящий корнями в политеизм, ни ассимилировать и тем самым узаконить его — попытайся она сделать это, ей пришлось бы признать такую вещь, как «порча», кроме которой у крестьян не было объяснений своим бедам и несчастьям. Бесполезно было толковать, что это им за «грехи».

Двор и семья

<...>

Двор был столь же сложным, что и община, организмом, он воспроизводил многие из ее черт. Это была производственная единица, владелец (через общину) земельного надела, вместилище собственности и главный центр в жизни семьи. Согласно исследованиям в области обычного права, выводы которых в основном поддерживал Сенат:

1) имущество двора было в «общей собственности семьи»;

точнее, как считали некоторые специалисты, это была собственность артельного типа, подобная корпоративной. В нее были включены не только кровные родственники, но и другие работники, ставшие членами семьи; наоборот, прожившие значительное время вне двора из нее исключались. Такая «артель» в равной мере базировалась и на родстве, и на праве труда;

3) наследование по завещанию было в этой форме собственности неприемлемо, тем более что дворовый надел чаще всего был в общинной собственности и периодически подвергался переделам;

4) орудия и постройки были «общие», однако некоторые виды собственности являлись действительно частными и вполне могли рассматриваться как таковые;

5) двор возглавлялся большаком (обычно отцом), который не был владельцем двора. Он должен был распоряжаться всем сообща с совладельцами — с другими взрослыми членами семьи, не оговаривая специально отдельных прав и обязанностей. Такой уклад мог разрушить только раздел, что иногда случалось со смертью большака.

Все эти постановки вопроса горячо дебатировались. Многие возражали против определения двора как семейной ассоциации артельного типа, утверждая, что бессмысленно изобретать дефиниции европейского звучания, когда ясно, что большак и есть настоящий хозяин (что, несомненно, так и было) и настоящий владелец. Большак обладал столь огромной властью, какая только возможна в глубоко патриархальном обществе. Он мог, например, беспощадно бить жену и других членов семьи — и нередко злоупотреблял этим своим правом. Как же можно было отрицать, что он настоящий владелец двора?

Вопрос правомерный, но можно привести факты и обратного свойства. Если в семье царил постоянный возмущение и беспорядок или большак оказывался явно некудышен и ленив, община могла назначить вместо него другого члена семьи. Он не мог завещать имущества двора. Он мог, если хотел, написать завещание или устно высказать свою волю, но это могло касаться только того, что принадлежало ему лично. После его смерти двор оставался в распоряжении той же семьи, а большаком становился его сын, брат или — очень редко — вдова. Бывало, правда, что имущество двора в этом случае распределялось между его членами. Но это происходило не по гражданскому закону, а в рамках того же обычного права, и по форме могло существенно варьироваться. В маленьких семьях отец-большак мог во всех отношениях действовать как хозяин и собственник, но после его смерти образовывалась артель. Бывало и так, что вместо раздела был выдел, когда сын вместе со своей женой получал долю в имуществе двора и заводил свое хозяйство. Это могло произойти и при живом большаке с его, иной раз вынужденного, согласия — и все это осуществлялось исключительно на основе обычного права.

Таким образом, проблема определения собственности в рамках двора подобна вопросу о собственности в общине, поскольку двор был органической частью общины и нес в себе что-то от ее сущности, от ее загадочности. Эта загадочность и двусмысленность порождались тяжким внешним давлением и на ту и на другую и конфликтом внутри обеих между общинным, артельным принципом, с одной стороны, и тенденцией к индивидуализму и частной собственности — с другой.

Семья

Рассмотрение проблематики семьи делает общую картину еще более захватывающей. Деревенские семьи проходили путь трансформации от огромной сложной семьи — чуть ли не мини-общины — через меньшую, но тоже сложную семью (родители, дети и хоть один побочный родственник, например, женатый брат), которая преобладала в конце прошлого века, к малой нуклеарной семье, преобладающей теперь. Этот переход принес важные изменения в деревенскую жизнь. Здесь нас интересует, главным образом, сложная семья, как в большом, так и в более компактном ее варианте, в котором она выступала одним из главных действующих лиц на сельской сцене еще и в нашем столетии.

В таких семьях, наряду с упомянутой властью большака, не надо упускать из виду ту внушительную власть, которой обладала свекровь. Ее ужасающей властью объясняется то, почему деревенские девушки и мечтали о замужестве, и боялись его. Жизнь под грозной свекровью представлялась им тем же рабством. Так оно и было в больших семьях, где свекровь буквально железной рукой управляла несколькими невестками, видя в них угрозу своему положению. Борьба за ухват и квашню была настоящей борьбой за власть, в которой свекровь была полна решимости сохранить свой контроль над печью и над столом. Муж же ее зорко следил за кошелем, особенно когда отходничество давало заработок сыновьям и братьям и у них был соблазн что-то утаить.

Эта борьба за ухват, квашню и кошель требовала немалых сил. Она создавала огромную напряженность, разлад, вражду, заставляя взрослых сыновей и их жен подумывать о выделе из двора. Вдобавок к трениям между отцом и сыновьями и борьбе свекрови с невестками существовала проблема сексуальных притязаний большака, известная как «снохачество». Все это вполне могло обусловить резко непримиримую позицию младших сыновей или братьев, а особенно их жен.

Если мы спроецируем эти внутренние конфликты на широкое полотно общины в целом, то увидим, что внутренние и внешние противоречия объединенными усилиями усугубляли центробежные силы, действовавшие одновременно и внутри общины, и внутри соответствующих ее семей. Была основа для конфликта между общиной и хозяевами дворов, многие из которых тяготели к большей независимости от общины и подворному владению. У этой тенденции была своя параллель на уровне семьи, где

большаки искали способ покончить с собственностью артельного типа и обратить весь двор в свою частную собственность. Эти люди не были знакомы с концепциями собственности в римском праве, они просто реагировали на давление рынка в сочетании с демографическим давлением. Потребовалась аграрная революция 1917 — 1920 гг., чтобы сдержать на какое-то время эти центробежные силы.

Рассмотрение положения женщины в системе двора помогает лучше разобраться во всех этих запутанных тенденциях. Женщины, включая, по всей видимости, и саму большуху-свекровь, были чем-то вроде низшего класса — это притом, что положение крестьянства в целом было далеко незавидным. Угнетение молодых женщин было весьма реальным, причем тройным: муж, свекор (большак) и свекровь. До замужества девушкам защитой были матери, хотя детей в деревне воспитывали жестко. Мать часто продолжала защищать дочь, как могла, и после ее замужества.

Сдвиг в направлении нуклеарной семьи обусловил важные изменения в таком положении вещей, но реальные перемены были еще впереди. Некоторые старые обыкновения отмирали очень медленно. Женщины в семье не имели права наследовать по смерти отца или мужа, будь они хоть вдовы с детьми. Позже, только благодаря этим же детям, они такое право получили. Хотя некоторые старые обычаи и охраняли отдельные права и преимущества женщин. Женщина имела свою коробь, где хранилось приданое, свою кладку (подарки от жениха и от матери), свои заработки, которые, как считалось в большинстве сельских местностей, принадлежали исключительно ей (доход от прядения, ткачества и другой работы на стороне). Кроме того, она могла передать свою коробь дочерям. Все это было хоть каким-то утешением женщинам в их тяжелой доле. Но все это, конечно, не имело никакого экономического значения, кроме одной ситуации: когда молодому мужу удавалось утаить от родителей определенную сумму из заработанного на отходе, то вместе с коробью это уже создавало некоторую основу для выделения из родительского двора и обзаведения своим хозяйством. Появившаяся возможность добывать деньги и усталость от постоянных ссор большой семьи сами по себе могли породить решимость молодого мужика порвать с семейной артелью, и поддержка жены здесь играла не последнюю роль. Хозяева дворов и государственное законодательство все время чинили препятствия этим независимым поползновениям, но ничего поделаться с ними было невозможно.

Здесь будет уместен один пример из столыпинского законодательства. Росчерком пера Столыпин прекратил дискуссию о том, кого считать собственником имущества двора. Закон гласил, что если двор выходит из общины, он переходит в исключительную собственность большака. Предполагалось, что это внесет ясность в существовавшую тогда путаницу с отношениями собственности и создаст здоровое отношение к частной собственности и, возможно, даже потребность в ней. Некоторые наблюдатели полагали, что этот революционный закон — экспроприация де-юре сыновей и братьев — будет иметь неисчислимы социальные последствия. По всей видимости, они были правы.

А. ЭНГЕЛЬГАРТ

ИЗ ДЕРЕВНИ (3-10 ПИСЬМА)

Письмо третье

4-го мая мы засеяли половину поля овса, 10-го — вторую половину, 17-го посеяли ячмень. Посев ярового окончился благоприятно. Заделали хорошо. Ну, теперь все кончено, можно отдохнуть, только бы Бог дал благоприятную погоду. После сева вскоре наступила засуха. С утра до ночи печет солнце, постоянно дует сухой юго-западный ветер. Земля высохла, потрескалась. Скоро превосходные вначале всходы овса начали желтеть. Неделя прошла, другая беда: если еще несколько дней засухи, то яровое выгорит, как в прошедшем году. Тяжело хозяину в такое время; ходишь, на небо посмотри-

ваешь, в поле хоть не ходи, овес заострился, желтеет, трава на лугах не растет, отцвела ранее срока, зреет не своим успехом, сохнет. Чуть сделается пасмурно, набежит тучка — радостно смотришь на небо. Упало несколько капель дождя... Ну, слава тебе, Господи, наконец-то дождь! Нет, небо нахмурилось, походили тучи, погромел гром в отдалении, и опять нет дождя, опять дует суховей, опять солнце жжет, точно раскаленное железо. Вот опять набежала тучка, брызнуло несколько капель дождя, а потом опять солнце, опять зной, а по сторонам все тучи ходят. Ну, наконец, будет дождь, совсем стемнело, с запада медленно надвигается темная грозовая туча, сверкнула молния, раз, другой; громовые удары следуют один за другим, все ближе и ближе надвигается туча «старуха» в застойной уже зажгла страстную свечу и накурила ладаном, вот пахнуло холодом, поднялся вихрь — сейчас польет дождь. Нет, туча прошла мимо, и в пяти верстах разразилась проливным дождем и градом, который отбил рожь. Нас Бог помиловал, а в окрестностях много полей отбито градом, так что засеять нечем было, и крестьяне должны были покупать рожь на посев.

Уже началась вывозка навоза, а дождя нет как нет, трава посохла, овес желтеет и видимо чахнет. Наконец, на второй день возки навоза, под вечер набежала туча и разразилась проливным дождем, который хорошо промочил землю. К утру все зазеленело. На другой день с утра зарядил обкладной дождь, так что после обеда пришлось прекратить возку навоза, потому что повознички — мальчики и девочки 7-12 лет, которые водят лошадей с возами навоза, — размякли, а повознички — такой народ, что как размякнут да озябнут, убегут и лошадей побросают — что с ними поделаешь!

Прошло несколько дней; яровые поправились; но травы уже не могли поправиться — отавы зато хороши были, потом, все время навозов шли дожди, перемежаясь с хорошими днями. Наступило время покоса, а дожди все идут. Перед Петровым днем как-то выскочило несколько хороших дней, начали косить. Только что подкосили лучший луг — дождь. Через день опять погода, и пошло так: вечером помочит, утром парит, только что повернем, опять дождик — сеногой. Просто измучились: луг, который обыкновенно убирался в 5 дней, убирали 2 недели, да и то большая часть сена убрана сильно испортившегося, а травы-то и без того были плохи. Не успели еще покончить с главными покосами, наступило жнитво. Выскочило нескольких хороших дней, и у меня в три дня сжали все поле; еще два хороших дня — и весь хлеб будет в сарае. Не тут-то было — пошел дождь и намочил снопы. Пришлось накрывать, расставлять, пересушивать; к счастью, выскочило три сухих дня с ветром; в два дня снопы высохли, на третий все 450 телег ржи были свезены и уложены в сарай. Уф! Когда положили последнюю телегу и Иван, замкнув сарай и перекрестившись, проговорил. «Теперь только разлучи, Господи, с дымушком», точно камень с сердца свалился. Не успели бы с Иваном дойти от сарая до дому, как пошел дождь. С уборкой ржи кончились все наши волнения. После того погода благоприятствовала всем работам: и поздние покосы, и посев озими, и уборка льнов и яровых шли хорошо. Конечно, не без того, чтобы мы не волновались; в особенности нас беспокоили льны, потому что мы, на основании того, что весна была ранняя, ожидали ранней осени и ранних зазимков; но если весна была такая, что и старики запомнят, то осень тоже стояла превосходная, на редкость: скот ходил в поле до 1-го ноября, следованно, был в поле 6 ¹/₂ месяцев.

За исключением трав и местами картофеля, все нынче родилось хорошо.

<...>

Письмо четвертое

В прошедшем 1872 г. у нас был урожай хороший. Конечно, крестьянам хлеба до «нови» не хватит, но все-таки же не то, что в 1871 г., когда был неурожай на рожь и на яровое. У богачей-крестьян ржи уродилось более чем нужно для собственного пропитания; у зажиточных крестьян своего хлеба хватит до «нови», у тех, которые покупали с марта, хватит до июня; у тех, которые покупали с января, хватит до марта, и т.д. У помещиков рожь тоже уродилась хорошо — все хотят продать, потому что рожь составля-

ет главную доходную статью помещичьих хозяйств, а между тем цен нет и, главное, нет покупателей. Вот если бы у помещиков был урожай, а у крестьян неурожай, да если бы не было железной дороги, по которой в случае неурожая подвезут хлеба из степи, тогда другое дело, тогда рожь поднялась бы до 12 рублей и ценность работ понизилась бы.

Крестьянин, который не может обернуться своим хлебом, который прикупает для собственного продовольствия, молит Бога, чтобы хлеб был дешев. А помещик, купец-землевладелец, богач-крестьянин молят Бога, чтобы хлеб был дорог. Когда погода стоит хорошая, благоприятная для хлеба, когда теплые благодатные дожди сменяются жаркими днями, бедняк-мужик радуется и благодарит Бога, а богач, как выражаются крестьяне, все охает и ворчит: «Ах, Господи! — говорит он, — парит, а потом дождь ударит — ну, как тут быть дорогому хлебу!»

Это выражение крестьян насчет богачей-крестьян рисует положение дела. В самом деле, при существующей системе хозяйства, когда помещики ведут такое же хозяйство, как и крестьяне, то есть сеют по-старому рожь и овес, только в меньших размерах, чем до «Положения», и вообще продолжают в уменьшенном размере ту же систему хозяйства, какая существовала прежде, помещичьи интересы идут совершенно вразрез с интересами крестьян.

Благосостояние крестьянина вполне зависит от урожая ржи, потому что, даже при отличном урожае, большинству крестьян своего хлеба не хватает, и приходится покупать. Чем меньше ржи должен прикупить крестьянин, чем дешевле рожь, тем лучше для крестьянина. Помещик, напротив, всегда продает рожь, и от ржи, при существующей системе хозяйства, получает главный доход. Следовательно, чем дороже рожь, чем более ее требуется, тем для помещика лучше. Масса населения желает, чтобы хлеб был дешев, а помещики, купцы-землевладельцы, богачи-крестьяне желают, чтобы хлеб был дорог.

Если бы благосостояние крестьян улучшилось, если бы крестьяне не нуждались в хлебе — что делали бы помещики со своим хлебом? Заметьте при этом еще, что при урожае не только понижается цена хлеба, но, кроме того, возвышается цена работы. Если бы у крестьянина было достаточно хлеба, то разве стал бы он обрабатывать помещичьи поля по тем баснословно низким ценам, по которым обрабатывает их теперь?

Интересы одного класса идут вразрез с интересами другого. Понятно, что помещики не могут выдержать, что помещичьи хозяйства приходят в упадок, что помещичьи земли переходят в руки крестьян-кулаков, мещан, купцов...

Наше хозяйство тогда только будет на верном пути, когда каждый будет желать благодатной погоды, урожая, дешевого хлеба, когда никто не будет с сердцем говорить: «Ну, как тут быть дорогому хлебу!»

<...>

Письмо пятое

Крестьяне обыкновенно берут работы сообща или целой деревней, или несколько товарищей, согласившись вместе. В последнее время это, однако, уже начинает выводиться, и на многие работы начинают наниматься отдельно, одиночками, обыкновенно под руководством местного воротилы, который тогда уже получает название рядчика и в некоторых случаях получает в свою пользу из заработной платы до 10 процентов так называемых лапотных денег. Взяв работу сообща, крестьяне производят ее в раздел — каждый свою часть работает отдельно от других и получает соответствующую часть из заработной платы. При крепостном праве крестьяне многие работы производили огульно, так как во многих случаях огульная работа гораздо выгоднее, и потому первые годы после «Положения» крестьяне по старой привычке еще производили некоторые работы сообща, огульно, и не тяготились такими работами, но теперь на огульные работы иначе нельзя нанять как при особенных условиях с ответственным рядчиком, который стоит к артели почти в тех же отношениях, как и хозяин к батракам, с той только разницей, что он артельщика, который заленился, не только выругает, но и по уху свистнет, или от-

правит без расчета, чего хозяин сделать не может, потому, что на хозяина есть суд у мирового, а на местного рядчика есть только свой, по особенным понятиям судящий суд. Никто из крестьян не знает, что если проступок совершен на помещичьей земле, то, по желанию одной из сторон, дело должно разбираться у мирового судьи, потому что разбору волостного суда обязательно подлежат только проступки, совершенные в пределах волости, а помещичьи земли в состав волостей не входят, чего не знают даже многие волостные старшины и, как кажется, некоторые мировые судьи, потому что, не спросив даже, где совершен проступок, отсылают крестьянина в волостной суд. Укоренению таких понятий много способствует то обстоятельство, что лишь немногие владельцы живут в своих имениях и сами хозяйничают, большею же частью владельцев на месте нет, и имения управляются старостами, обыкновенно из местных крестьян, следовательно, людьми, подчиненными волостным старшинам и потому считающимися старшин своими начальниками даже и в помещичьих имениях.

Итак, пахать облогу нужно всем вместе. Сговорились начать тогда-то. Выезжают утром, шестеро уже приехали, а двоих нет — проспал, выпивши вчера был, сбруя разладилась. Приехавшие стоят на десятине, поджидают опоздавших, лошадям сенца подкинули, трубочки покуривают, ругаются. Но вот приехали и остальные — кому вперед ехать? — спор, наконец, установили очередь. Пашут. У одного соха разладилась — все стоят. Наладил, пошли: у одного лошадь и сбруя лучше, другой сам плох. Неудовольствие.

— Кабы я отдельно пахал, то выехал бы до свету, а то в деревне жди, пока встанут, здесь жди, — говорит один. — Я на своих лошадях давно бы вспахал, а тут жди — ну его, этот лен! — говорит другой.

Вспахали, выскородили, засеяли и заделали. Скородят и заделывают бабы. Разумеется, ругаются, но это еще все ничего, потому что лето, с 15 апреля по 15 ноября, баба обязана работать на хозяина, и ей все равно где работать: на своем поле или на панском. Конечно, у барина будет построже, нельзя отделять землю кое-как, как у себя дома, потому что староста переделает заставит, но в сущности-то все равно. Нужно работать от зари до зари, что здесь, что там, а барин-то, может быть, если останется доволен работой, по стаканчику поднесет «на засевки».

<...>

Я говорил, что баба летом обязана работать на двор, на хозяина, будет ли баба ему жена, сестра, невестка, как батрачка. К этой работе бабы большей частью, особенно в многосемейных домах, относятся, как батрачки: «хозяйской работы — де не переделаешь». Зимой баба работает на себя и главное ее занятие — прясть волну и лен ткать, сверх того, все, что баба зимою заработает на стороне, поступает в ее собственность. Мужчина ничего не дает бабе на покупку одежды, баба одевается на свой счет, мало того, баба должна одевать своего мужа и детей. Волна от овец поступает в распоряжение баб и делится между ними, точно так же делится между бабами и лен. Вот что получает баба на свою часть из двора, да и то только до тех пор, пока жив ее муж, если же муж умер и у бабы не осталось детей мужского пола, то она никакой, даже бабьей части, не получает, и к имуществу мужа не наследница. Волна и лен достаются бабе в сыром, неотделанном виде. Баба должна расчесать волну, вытрепать и вычесать лен, прясть и выткать полотно, сукно, материю для юбок. Баба должна одеть мужика, то есть приготовить ему рубашки и портки, должна одеть себя и детей, а все, что у нее останется — деньги, вырученные от продажи сческа, лишние полотна, наметки и пр., — составляет ее неотъемлемую собственность, на которую ни муж, ни хозяин, никто не имеет права. Точно такую же собственность бабы составляет все то, что она принесла с собою, выходя замуж, что собрала во время свадьбы, все те копейки, которые заработала, собирая ягоды и грибы летом и пр. Баба всегда падка и жадна на деньги, она всегда дорожит деньгами, всегда стремится их заработать. Между мужиками еще встречаются такие, которые работают только тогда, когда нет хлеба, а есть хлеб, проводят время в праздности, слоняясь из угла в угол, между бабами — никогда. Баба подвижна, охотно идет на работу, если видит себе в том пользу, потому что у бабы нет конца же-

ланиям, и как бы ни был богат двор, как бы ни была богата баба, она не откажется от нескольких копеек, которые достаются на ее долю, когда дарят на свадьбе игрицам, величающим молодых и гостей. Баба всегда копит, уже маленькой девочкой она бежит за ягодами и грибами, если есть, кому продать их, и копит вырученные деньги на наряды — на платки, крали. Вырастая, она копит на приданое, и деньги, и полотна, и наметки, и вышивания. Выйдя замуж, баба копит на одежду себе, детям, мужу. Замечательно, что баба считает себя обязанной одевать мужа и мыть ему белье только до тех пор, пока он с нею живет. Раз муж изменил ей, сошелся с другою, первое, что баба делает, это отказывается одевать его: «живешь с ней, пусть она тебя и одевает, а я себе найду». Угроза эта обыкновенно действует очень сильно. Под старость баба копит себе на случай смерти: на гроб, на покров, на помин души.

<...>

Письмо шестое

Я уже говорил в моих письмах, что мы, люди, не привыкшие к крестьянской речи, манере и способу выражения мыслей, мимике, присутствуя при каком-нибудь разделе земли или каком-нибудь расчете между крестьянами, никогда ничего не поймем. Слыша отрывочные, бессвязные восклицания, бесконечные споры с повторением одного какого-нибудь слова, слыша это галдение, по-видимому, бестолковой, кричащей, считающей или измеряющей толпы, подумаем, что тут и век не сочтутся, век не придут к какому-нибудь результату. Между тем подождите конца, и вы увидите, что раздел произведен математически точно — и мера, и качество почвы, и уклон поля, и расстояние от усадьбы, все принято в расчет, что счет сведен, верно, и, главное, каждый из присутствующих, заинтересованных в деле людей, убежден в верности раздела или счета. Крик, шум, галдение не прекращаются до тех пор, пока есть хоть один сомневающийся.

То же самое и при обсуждении миром какого-нибудь вопроса. Нет ни речей, ни дебатов, ни подачи голосов. Кричат, шумят, ругаются — вот подерутся, кажется, галдят самым, по-видимому, бестолковейшим образом. Другой молчит, молчит, а там вдруг вернет слово — одно только слово, восклицание, — и этим словом, этим восклицанием перевернет все вверх дном. В конце концов, смотришь, постановлено превосходнейшее решение, и опять-таки, главное, решение единогласное.

<...>

Письмо седьмое

Все, что я слышал от грабаров теперь и впоследствии, когда обратил особенное внимание на этих замечательных рабочих, было для меня ново. Не знаю, как другие, но я по крайней мере никогда до того не слышал и не читал о том, что иногда бывает, что не стоит хорошо есть.

Не стоит хорошо есть, потому что работаем с поденщины. Значит, хорошо едят только тогда, когда это стоит, т. е. только для того, чтобы хорошо работать? Нет работы, дешева работа, плата не зависит от количества работы, поденщина — и есть хорошо не стоит. Да, это так: когда глубокой осенью нет работы для лошадей, им овса не дают, весной, когда много работы, дают овес. Это так.

Харч хороший работать не заставит, если нет личной выгоды сработать более. Если нет выгоды более сработать, если работаешь не на себя, если не работаешь вольно, если работу сам учесть не можешь, то и не заставишь себя более сделать — все будешь прилениваться, приберегать себя, в жир пойдешь, отъедаться станешь.

Чтобы хорошо работать, каждый должен работать на себя. Поэтому-то в артели, если только есть возможность разделить работу, ее делят, и каждый работает свою дольку, каждый получает, сколько заработал. Отец с сыном, брат с братом при рытье канавы делят ее на участки и каждый отдельно гонит свой участок.

Работая, можно приберегать себя, можно работать и на рубль, и на восемь гривен, и на полтину. Даже следует приберегать, если предстоит другая, более выгодная работа. Всех денег не заберешь, работая сверх сил, только себя надсадишь, и это на тебе же потом отзовется, тебе же в убыток будет.

Люди точно знают, на какой пище сколько сработаешь, какая пища к какой работе подходит. Если при пище, состоящей из щей с солониной и 1 гречневой каши с салом, вывезешь в известное время, положим, один куб земли, то при замене гречневой каши ячною вывезешь менее, примерно куб без осьмушки, на картофеле — еще меньше, например три четверти куба и т. д. Все это грабарю, резчику дров, пильщику, совершенно точно известно, так что, зная цену харчей и работы; он может совершенно точно расчесть, какой ему харч выгоднее, — и рассчитывает. Это точно паровая машина. Свою машину он знает, я думаю, еще лучше, чем машинист паровую, знает, когда, сколько и каких дров следует положить, чтобы получить известный эффект. Точно так же и относительно того, какая пища для какой работы способнее: при косьбе, например, скажут вам, требуется пища прочная, которая бы, как выражается мужик, к земле тянула, потому что при косьбе нужно крепко стоять на ногах, как пень быть, так сказать, вбитым в землю каждый момент, когда делаешь взмах косой, наоборот, молотить лучше натошак, чтобы быть полегче. Уж на что до тонкости изучили кормление скота немецкие ученые скотоводы, которые знают, сколько и какого корма нужно дать, чтобы откормить быка или получить наибольшее количество молока от коровы, а грабары, думаю я, в вопросах питания рабочего человека заткнут за пояс ученых агрономов. Оно и понятно, на своей кишке испытывают.

Я не физиолог, физиологией никогда не занимался, но все же читал кое-какие книжки о питании и, вероятно, знаю не менее, чем обыкновенный человек из интеллигентного класса, а между тем многое, что я слышал от рабочих о пище, было для меня ново и интересно. Потому-то я и решился написать об этом. Все мы, например, считаем мясо чрезвычайно важною составною частью пищи, считаем пищу плохой, неудовлетворительною, если в ней мало мяса, стараемся побольше есть мяса. Между тем мужик даже на самой трудной работе вовсе не придает мясу такой важности. Я, конечно, не хочу этим сказать, что мужик не любит мяса, разумеется, каждый предпочтет щи с «крошевом» пустым щам, каждый с удовольствием будет есть и баранину, и курицу — я говорю только о том, что мужик не придает мясу важности относительно рабочего эффекта. Мужик главное значение в пище придает жиру. Чем жирнее пища, тем лучше: «маслом кашу не испортишь», «попова каша с маслицем», Пища хороша, если она жирна, сдобна, масляна. Щи хороши, когда так жирны, «что не продуешь», когда в них много навару, то есть жиру. Деревенская кухарка не скоро может привыкнуть к тому, что бульон должен быть крепок, концентрирован, а не жирен, ее трудно приучить, чтобы она снимала с супа жир; «что это за варево, коли без жиру». Если случится, что у меня обедает «русский человек», например заезжий купец, то Авдотья непременно подает жирный суп и все кушанья постарается сделать жирнее. Желая хорошенько угостить на никольщине почетного гостя, деревенская баба, подавая жареный картофель или жареные грибы, непременно оболъет их еще сырым постным маслом. В какой-то сказке про кота говорится: «Жирно ел, пьяно пил, слабо б...» Когда хотят сказать, что богатый мужик хорошо ест, то не говорят, что он ест много мяса, а говорят, «он жирно ест», «масляно».

<...>

Письмо восьмое

Нужно заметить, что для интеллигентных людей, желающих сесть на землю, я признаю одну науку в хозяйстве — работать учись, по-мужицки работай, да еще в мужицкой шкуре. Желаящему научиться хозяйству я говорю: «Поступай в работники, работай, паши, коси, молоти, по-мужицки работай, поживи с работниками; побудь в их шкуре». Русскому интеллигентному человеку именно недостает умения работать, и нигде он этому так не выучится, как побывав работником-мужиком. Интеллигентного чело-

века, желающего быть земледельцем, я ценю лишь настолько, насколько он мужик. Я убежден, что нам более всего нужны интеллигентные мужики, деревни из интеллигентных людей, что от этого зависит наше будущее. Если бы ежегодно хотя 1000 молодых людей из интеллигентного класса, получивших образование, вместо того чтобы идти в чиновники, шли в мужики, садились на землю, мы скоро достигли бы таких результатов, которые удивили бы мир. Я верю, что в этом призвание русской интеллигентной молодежи. И находились люди, которые соглашались с моей системой обучения хозяйству, которые поступали в работники, работали, как мужики, и честно работали.

Конечно, мужикам было странно, что вдруг барчата, по-мужицки работают, не «балуются», а настояще работают. Но мужики понимают, что это настоящее «дело», хотя и смотрят недоверчиво, даже презрительно, полагая, что барчонку никогда не дойти в работе до мужика. Мужики точно боятся, что если баре выучатся работать, то мужик теряет все свое значение, все свое величие. Тут самолюбие мужика страдает. Вон из бар, а выучился и работает, «только где ему до всего дойти, далеко еще до мужика! Где ему быть хозяином, не с той стороны рыло затесано», — точно утешает себя мужик подсмеивается мужик, когда видит начинающего работать из интеллигентных, он ему смешон, как смешна нам обезьяна, подражающая человеку: относится он презрительно, но не злобно.

Письмо девятое

Вот уж и навозы пришли, рожь зацвела. Однажды, в жаркий полдень, я обходил поля. Побывал на паровом — сушь, водни, мука-мученическая и для лошадей, и для людей. Выпрягли в одиннадцатом часу, невозможно работать. Прошел по клеверам — плохо. На яровое и глядеть тошно. Зато рожь радовала — стоит, матушка, стена стеной и в полном цвету. Погода для цветения ржи самая благоприятная: тихо, жарко, водней и всяких мух неисчислимое множество, в воздухе стоит гул от жужжания насекомых, над полем точно туман от цветочной пыли, пахнет хлебом, медом. Радостно потому, если во время цветения ржи погода стоит тихая, жаркая. Много водней и всяких мух — то жди урожая, рожь выйдет умолотна. В ржаном поле мне повстречался знакомый поп.

— Здравствуйте, батюшка, откуда?

— Во имя отца и сына... из Подъеремина, — отвечал поп, благословляя.

— Из Подъеремина? Что ж, поминки были или Петровщину выбиваете?

— Нет, богомолье было.

— По какому случаю?

— Дождя просили.

— Дождя! Зачем? Что вы это делаете, помилуйте, зачем вам дождь?

Поп встрепенулся.

— Как зачем дождь? Яровое совсем просохло, травы...

— Яровое просохло, яровое просохло... Эх вы! Хозяева! Что же такое? Яровое видите, а рожь не видите, вы на рожь посмотрите. Рожь цветет, а они дождя у Бога просят, умницы!

— А и в самом деле, — надоумился поп.

— Рожь цветет, а они дождя просят, хороши! Да разве вы не знаете, что когда пойдут дожди, наступят ветры, холода, водни попрячутся, то и мы будем без хлеба. Разве вы не знаете, что если во время цветения ржи стоят холода, идут дожди, нет водней, то рожь бывает неумолотна, череззерница. Помните, как было в третьем году?

— Помню, помню, да яровое-то совсем посохло.

— Что ж, что посохло? Носится со своим яровым. Яровым мы сыты не будем. Яровым теперь дождь много пользы не сделает. Яровое пропало — и говорить нечего, а вы еще просите, чтоб и ржи не было. Без ярового еще пробиться можно, а как ржи не будет, тогда что? Рожь цветет, а они дождя просят? Вы бы лучше прежде дождя просили на яровые всходы, а то подогнали к самому ржаному цветку!

— Пока собрались.

— То-то, пока собрались. Мирское дело. Один говорит, нужно богомоленье сделать, а другой — может и так дождь пойдет! Вот и собрались, когда рожь зацвела. Во время не просили дождя, теперь собрались.

— Да что вы...

— Я знаю, что я. Видал, как баба-бобылка пятак подает, чтоб и ее коровку-буренку помянули, чтобы и на ее грядку с бурачками дождичек прошел. Бурачки, видишь, у нее засохли, лень сходить за водой да полить, тоже дождичка просит на свою грядку, пятак подает, а об том, дура, и не думает, что рожь цветет, что как обобьет дождем цвет, да будет неурожай, да подыметесь рожь до 15 рублей за куль, так она же сама будет в будущем году жать за два рубля десятину, лишь бы кто вызволил, дал вперед денег зимой или весной.

— Это точно, необразование...

— А вы бы внушали. Сам Христос учил, что отец небесный лучше нас знает, что нам нужно. И мужики говорят: Бог старый хозяин, Бог лучше нас знает, что к чему. А чуть только засуха — просят дождика! Напали на лен черви — просят избавить от червей! А может, оно так и нужно. Чем бы внушать, вам бы только пятаки собирать да яйца. Вам же ведь урожай лучше, вам же лучше, если народ богаче, зажиточнее за одно поминовенье что наберете!

— Оно точно..

— Вы не помещик, не чиновник. Вам выгодно, когда урожай, когда хлеб дешев, когда мужик благоденствует. Это барину-помещику выгодно, когда хлеб дорог, а мужик бедствует и дешев, потому что помещик хлеб продает, а мужика покупает. Это чиновнику выгодно, когда хлеб дорог, потому что чиновник хлеба ест всего крошку, а больше все мясцом пропитывается, а если хлеб дорог и мужик бедствует, так мясо и всякий чиновничий харч дешев. Нет хлеба, так мужик тащит на базар скотину и продает за ничто, лишь бы выручить денег на хлеб. Вам в урожай много лучше: и свадеб больше и молебнов, одной ржи, что соберете в поповий зик. Разве вот только что, в хороший урожайный год помирать меньше будут, меньше земляного дохода будет, так ведь земляной доход что! Вам, попам, выгоднее, когда мужик богат, зажиточен, благоденствует!

— Конечно.

— Да и мужики тоже! Сами же говорят «Бог старый хозяин, Бог лучше нас знает, что к чему» — чего же тут дождя просить! Эх... вишь, гонит, — указал я на облако пыли, поднятое скачущим мужиком, — верно за водкой!

Мужик вскоре поравнялся с нами, придержал лошадь и снял шапку.

— Куда ты, Стефан?

— В Погореловку.

— Ну, так и есть. За вином?

— Да, миром решили еще пол ведерочки взять. У нас сегодня богомоленье, дождя у Бога просили, еще сбрызнуть хотим, авось Господь дождичка пошлет.

«Бог старый хозяин, Бог лучше нас знает, что к чему». И в самом деле, где такой хозяин, который мог бы сказать, что нужно в данную минуту, дождь или погода, тепло или холод, не только всем, но даже и этому хозяину? Есть ли такой ум, который мог бы обнять всю сумму факторов, имеющих влияние в хозяйстве, и определить их истинное значение, все взвесить, вычислить, рассчитать? Мое огородное сохнет — нужно дождя, но у меня подкошено ее, для которого дождь вреден, а между тем дождичка бы нужно и для хорошего налива ржи, и потому, пары подбились, отавы на лугах растут плохо, скот голодает. Стоит жаркая погода, уборка сена и клевера идет отлично, а на лен навалился червяк и жрет его, на глазах хозяина уничтожает всякую надежду на урожай.

Но вот пошли дожди, сено гниет, к уборке ржи нельзя приступить, отавы хороши, но от сильных дождей недостатка солнечного света трава водяниста, малопитательна, а между тем от дождей и холодов червяк, пожиравший лен, погиб, и лен поправился. Как тут уловить, что к чему?

Письмо десятое

Положение крестьян в «Счастливом уголке» улучшилось за последние десять лет. Посмотрим же теперь, от чего зависит это улучшение.

Первая общая причина — это увеличение урожаев хлеба на крестьянских наделах вследствие постоянного усиленного удобрения и происходящего от того улучшения, удобрения, утучнения надельной земли.

Урожаи хлебов на крестьянских наделах возвышаются год от году. Это говорят сами крестьяне. Хлеба у крестьян стали родиться гораздо лучше не только сравнительно с тем, как родились до «Положения», при крепостном праве, но и сравнительно с тем, как они родились десять лет тому назад. В «Счастливом уголке» это возвышение урожаев совершилось на моих глазах за последние десять лет. Произошло это, без сомнения, от *улучшения пахотных земель крестьянских наделов, от усиленного удобрения, от лучшей обработки, от употребления лучших, более чистых, семян ржи, без костеря и сивца, от менее густых посевов.* Если крестьянские хлеба в чем и уступают теперь господским, то не потому, чтобы крестьянские земли были более истощены, хуже удобрены, чем панские, а потому, что они разделены на узкие нивки, которые и удобряются и обрабатываются каждым хозяином отдельно. Если бы крестьянские земли и обрабатывались, и удобрялись *сообща*, не нивками, а сплошь всеми хозяевами вместе, как обрабатываются помещичьи земли, с дележом уже самого продукта, то урожаи хлебов у крестьян были бы не ниже, чем у помещиков. С этим согласны и сами крестьяне. Узкие нивки, обрабатываемые каждым хозяином отдельно, препятствуют и хорошей обработке, и правильному распределению навоза. При обработке земли *сообща* эти недостатки уничтожились бы, и урожаи были бы еще лучше.

Люди из интеллигентного класса, которые, научившись сами работать, сядут на землю, образуют *деревни из интеллигентных людей и будут сообща* вести хозяйство, *сообща* работать землю, своим примером могут иметь большое значение для крестьянских деревень, ибо крестьяне понимают, что работать *сообща* выгоднее. Но как это сделать? Это должны показать интеллигентные люди на деле.

Что урожаи на крестьянских наделах увеличиваются, так это совершенно естественно, потому что, вследствие удобрения, земля постоянно улучшается. *Что она должна улучшаться, так это ясно, если вникнуть в систему крестьянского хозяйства.*

В наших местах, как помещики, так и крестьяне удобряют землю навозом. Необходимость удобрения так вошла в сознание каждого, что хозяин все свое внимание обращает на то, чтобы назапасить как можно более навоза. «Навоз и у бога крадет», «Вози навоз, не ленись, хоть богу не молись», «Где лишнее навозу колышко, там лишняя хлеба коврижка», «Положишь каку, а вынешь папу». Но в то время, как помещик, продавая хлеб и скот, сдавая с части покосы, отдавая в аренду земли под лен и хлеб, истощает свои земли вследствие вывоза почвенных частиц (главное — фосфорнокислых солей) с хлебом, скотом, сеном, крестьянин, напротив, приобретая на стороне хлеб, сено и пр., улучшает, утучняет свою землю, ввозя почвенные частицы извне.

У крестьянина часть земли находится под усадьбой, огородом, конопляником, часть под естественными лугами, да и то самая небольшая. Именно та земля, которая не годится под пашню, наиболее подходит для луговодства, например заливные берега рек, овраги, низины на полях. А главная часть — под пашней. Со своей земли крестьянин ничего или почти ничего не вывозит, а что и вывозит, так на то место он ввозит с избытком. Крестьянин прежде всего и больше всего продает свой труд; личный труд, заработок на стороне зимою, доставляет ему главный денежный доход. Затем он продает пеньку, лен, а это такие продукты, в которых не уносится почвенных частиц. Только с продаваемым им льняным семенем, коноплею, скотом он вывозит незначительное количество почвенных частиц. Напротив, ежегодно крестьянин ввозит на свой надел почвенные частицы со стороны.

Крестьянину недостаточно сена со своих лугов — он старается наготовить как можно более сена на стороне, для чего арендует покосы, если имеет на то средства,

или косит у помещика с части. Все силы крестьянина употреблены на покос, во время покоса он работает до изнеможения, на покос и со сторонних заработков возвращается домой. Накошенное на чужих лугах сено крестьянин свозит к себе, кормит им коней и скот и полученным навозом удобряет свой надел.

Таким образом, с сеном крестьянин привозит почвенные частицы из других мест, и эти почвенные частицы остаются на его наделе, увеличивая собою сумму питательных веществ его земли.

Чем выше благосостояние крестьянина, чем менее он запродаёт свой летний труд, чем более он работает на себя летом, тем более он заготавливает сена, тем лучше удобряет свой надел.

Я. ЛЁСИК

БЫТ, ПРАВА, ЗВЫЧАИ

Пазнаць быт, права, звычаі селяніна — гэта значыць пазнаць яго эканамічны быт, або асноўную форму яго матэрыяльнага жыцця.

Як ведама, асноўнай і пануючай формай сялянскага землекарыстання на Беларусі была падворная форма. Зямельны надзел становіў уласнасьць кожнага паасобнага сялянскага двара і, на выпадак патрэбы, дзяліўся толькі паміж членамі свае сям'і. Перадзелаў зямлі ў межах сяла, грамады (абшчыны) Беларусь не ведала. Надзел быў асабістай уласнасьцю гаспадара і яго сям'і.

Пры такім зямельным укладзе асноўнай формай працоўнай адзінкі на зямлі магла быць толькі вялікая сям'я. Толькі такая сям'я магла даць патрэбны лік работнікаў і захаваць надзел ад драбленьня. Такая форма сям'і, як працоўнай адзінкі, існавала на Беларусі з часоў аграрнай рэформы Жыгімонта Аўгуста і дайшла да нашага часу. Беларуская сям'я, як працоўная злучнасьць, дасканала апісана польскай пісьменьніцай з Беларусі, Э. Арэшкай (Ожэшка) у рамане «Над Нёманам». Праўда, гэтая сям'я выстаўляецца ў рамане ў адмыслова польскім асьвятленьні, але ад гэтага справа не зьмяняецца. Беларуская сям'я — гэта сям'я Багатыровічаў з раману «Над Нёманам».

На чале такой сям'і стаіць гаспадар-бацька з жанатымі сынамі, а часам і з замужнімі дачкамі, прычым мужыкі дачок называліся ў такіх выпадках прымакамі. Часта, па сьмерці бацькі, сыны зямлі не дзялілі, а працавалі супольна, жывучы толькі ў асобных хатах. Дзяліцьба лічылася вялікім злом, і старыя людзі адносіліся да гэтага варожа. Заможная сям'я разумела значэньне для гаспадаркі вялікага чысла рабочых рук і распадалася на асобныя гаспадаркі толькі пад прымусам канечнай, гвалтоўнай патрэбы. Такою патрэбай звычайна быў натуральны рост сям'і і немагчымасьць для сям'і зьмесціцца на адным двары.

Часам, на выпадак патрэбы ў рабочых руках, у сям'ю прымаліся пабочныя сваякі і, нават, не сваякі на ўмовах здольніцтва, або супольнай працы, з правам на пэўную долю ад гэтай працы, адкуль і тэрмін — **здольніцтва**. Той сувязьцю, якая злучала ўсіх у вадну сям'ю і не давала сям'і разваліцца, была супольная праца на адным кавалку зямлі, супольная матэрыяльная зацікаўленасьць.

Палажэньне кроўных, сваякоў, у такой сям'і лёгка зразумець: яны былі роўныя перад гаспадаром-сваім бацькам, або татулькам, наследнікі па сьмерці бацькі. Але якое палажэньне займалі прымакі, здольнікі і, наагул, не сваякі, чужародцы? Якое іх права на маемасьць гаспадаркі?

Выясніць адносіны паміж членамі сям'і — гэта значыць пазнаць сямейны лад беларуса, яго права, грамадзянскія ўзаемаадносіны. Народныя звычаі, праўныя паняцці найбольш выразна выступаюць у вялікай сям'і. Вялікая сям'я трымалася старымі традыцыямі, яна апіралася на старыя, усім вядомыя, абавязковыя звычаі, выпрацаваныя вякамі, жыццём цэлых пакаленьняў. Іншая справа — малая, дробная сям'я: тут асабістыя адносіны пераважаюць традыцыйна-звычайныя парадкі.

Здольнікі (ад слова — доля, часьць, або лепей — з долі, з часьці жыць) прымаліся ў сям'ю ў тым выпадку, калі ў хаце не хапала мужчынскіх рабочых рук; заставалася, напрыклад, удава з дробнымі дзяцьмі; яна не магла ўправіцца з гаспадаркай і прымала ў хату здольніка. Занепадаў з тых ці іншых прычын гаспадар і таксама шукаў сабе здольніка, — чалавека з здаровымі рукамі, а часам з гаспадарскім інвэнтаром, а то й з грашыма. Здольнік, прыстаючы ў сям'ю, рабіў з гаспадаром пісаную або вусную ўмову. Калі ў сям'і сам гаспадар веў гаспадарку, то здольнік займаў палажэньне малодшага брата гаспадара або яго старэйшага сына, — у залежнасьці ад розьніцы ў гадох. У выпадку сьмерці або ў нябытнасьць гаспадара ў часе прыёму, здольнік займаў месца гаспадара, быў за гаспадара ў хаце.

Здольнік прыносіў у хату сваю маемасьць, а галоўным чынам, сваю працу. Гэта давала права яму і яго сям'і на рухомую і нерухомую маемасьць гаспадаркі. Такім парадкам безьземельны селянін набываў сабе зямлю.

Другою пабочнаю асобай, што прыймалася ў сям'ю, быў **прымак**. Селянін неахвотна йшоў у прымы да цесьця, адгэтуль і прыказка: «*Прымацкі хлеб — сабацкі*», але малаземельце ці, наагул, гаспадарская заняпаласьць прымушалі часам дзяцюка прыстаць у прымы, г. зн. пайсьці ў сям'ю свае жонкі. У сям'і цесьця палажэньне прымака было падобна да палажэньня здольніка. Прымак аддаваў сям'і сваю працу, а часам прыносіў у хату і сваю рухомую маемасьць, як нявестка пасаг. Гэтая праца й маемасьць давала права прымаку і яго сям'і на частку цесьцевай зямлі. Гэтым працоўным прынцыпам і аб'ясняецца тая акалічнасьць, што прымак па сьмерці цесьця меў права на часьць яго зямлі, тымчасам як дачка або сястра пры братоў ня мела права на бацькаўскую зямлю. Наагул, палажэньне прымака ў сям'і цесьця апіралася не на сваяцтва, а на працу і на тую маемасьць, што прыносіў прымак у хату. Вось чаму прымакі часта рабілі з сям'ёю сваіх жанок пісаную або вусную ўмову нараўне з здольнікамі.

Застаецца сказаць яшчэ некалькі слоў а прыёмных дзецях. Народны звычай адрозьнівае дваякае палажэньне прыёмных дзяцей у сям'і, хоць і ня ведае фармальнага ўсынаўленьня. Прыёмны сын або дачка толькі тады дастаюць права на маемасьць і на зямлю, калі прыём адбыўся на падставе пісьменнага акту, які вызначаў долю прыёмыша ў гаспадарскай маемасьці, або на падставе вуснай заявы прыёмніка перад сходам ці перад сьведкамі. Прыёмнік павінен быў аб'явіць, што прыймае прыёмыша «за сына» ці «за дачку». Калі гэтая фармальнасьць не была датрымана пісьменна ці вусна пры акце прыёму, то ні сход, ні валасны суд не маглі прызнаць прыёмыша ўсыноўленым, і прыёмныш лічыўся простым работнікам, батраком.

Кожная сям'я справавалася аднолькава, незалежна ад таго, як яна складалася — з сваякоў, з дзяцей аднаго бацькі ці з прыёмных членаў.

Галава сям'і не насіў асобнага найменьня і не выдзяляўся чым-небудзь асобным з паміж іншых членаў сям'і. Гэта быў гаспадар для суседзяў і бацька для дзяцей або дзед ці дзядзька для малодшых членаў сям'і. Значэньне гаспадара палягала ў тым, што ён кіраваў усімі мужчынскімі работамі ў гаспадарцы. Гаспадарская парада звычайна адбывалася ўвечар за вячэраю. Калі пара было пачынаць якую-небудзь работу, напрыклад, сяўбу, жніво ці сенакос, то гаспадар пры вячэры радзіўся з старэйшымі членамі сям'і ды вызначаў патрэбны парадак у рабоце. Гаспадарская парада заўсёды адбывалася спакойна, разважна; увагі і дарады кожнага члена сям'і заўсёды выслухваліся, а потым прыймаліся да ведаму. Рэдка калі гаспадар забіраў голас галавы сям'і ды рабіў загад пабацькоўску, бяз права зьмяніць яго пастановы. Такія выпадкі сьведчылі ўжо, што гаспадарка пачынала развальвацца. Звычайна ўсе слухалі гаспадара і выпайнялі яго загады, бо звычай вымагаў таго: так трэба, іначай ня можна, сорам перад людзьмі.

Гаспадар быў і скарбнікам сям'і: ён хаваў гаспадарскія грошы, зьбіраў выручку ад продажу гаспадарскіх прадуктаў, плаціў падаткі, рабіў розныя выплаты, разраўнкі з суседзямі і інш. Але найчасьцей грошы хаваліся ў гаспадыні - жонкі гаспадара. Калі гаспадарку вялі браты па сьмерці айца, то грошы таксама хаваліся ў маткі, калі яна была жыва, а то браты вялі гаспадарскі скарб супольна. Кожны член сям'і мог мець свае

ўласныя грошы і ўласную маемасьць, і часам гаспадар звараचाўся да хатніх з пазыкай на супольныя гаспадарскія патрэбы.

Гаспадар назіраў і за павядзеньнем малодшых членаў сям'і: ён прымушаў гультаяватых да больш шчырай працы, караў вінаватых у гаспадарцы, назіраў за звычайнасьцю маладых хлопцаў, пасылаў на заробаткі вольных і аддаваў у службу малодшых членаў сям'і, калі вымагаў таго інтарэс гаспадаркі.

Як прадстаўнік сям'і, гаспадар карыстаўся агульнай павагай і пашанай усіх членаў сям'і. Яго слухалі, яму павінаваліся. Гаспадар садзіўся за сталом на самым пачэсным месцы — на покуці пад абразамі, і сядзецц на покуці — гэта значыць быць гаспадаром хаты. На покуці садзяць яшчэ маладых на вясельлі. Іншыя члены сям'і садзіліся каля гаспадара ў парадку старшынства; жанкі садзіліся насупраць мужчын, а гаспадыня заўсёды з краю: яна распараджалася ядою.

Улада гаспадара ніколі не была дэспатычнай, адвольнай; кожная несправядлівасьць з яго боку або непрактычнасьць яго ў рабоце ці няўмелае распараджэньне гаспадаркай, п'янства ці гультайства — заўсёды прыводзіла да распаду сям'і, да дзяліцьбы або к пераходу гаспадараваньня ў другія рукі, напрыклад, у рукі старэйшага сына або брата гаспадара. Гаспадар павінен рабіць ня толькі ўсё тое, што вымагаецца інтарэсам гаспадаркі, усяе сям'і; ён павінен сваёю працай службыць прыкладам для другіх членаў сям'і. У цяжкай земляробскай працы гаспадар заўсёды выступае першы. Гаспадар ня можа адвольна, па сваёй волі распараджацца супольнай маемасьцю сям'і, а тым больш — зямлёю. Усе важныя гаспадарскія зьмены адбываюцца пасля парады і згоды ўсіх членаў сям'і. Народны звычай, народныя праўныя паняцьці выпрацавалі цэлы рад правіл, якія кіруюць сямейным парадкам у гаспадарцы. Гэтым правілам падлягаюць ня толькі ўсе малодшыя члены сям'і — сыны, браты гаспадара, пляменьнікі, здольнікі, прымакі, — а таксама й гаспадар — галава сям'і. І ўсе валасныя суды на Беларусі нязьменна кіраваліся гэтымі народнымі звычаямі, народнай праўнай сьведомасьцю, выпрацаванаю адносінамі такой працоўнай суполкі, якою была старая беларуская сям'я. У валасных судах, дзе справы вырашаліся ня пісанымі нормамаі, а народнымі звычаямі, бывалі, напрыклад, такія здарэньні: пры разборы скаргі малодшых членаў на гаспадара суд наагул станавіўся на бок старэйшага, але бывалі выпадкі, калі суд накладаў кару на малодшага за непаслушэнства, а на старэйшага за тое, што той не патрапіў ушанаваць сябе патрэбнай павагай.

На пашане гаспадара, як кіраўніка гаспадаркі і галавы сям'і, пабудована асеньняе сьвята — «Дзяды», памінальная вячэра памёршых продкаў-дзядоў і бабак.

Падобна да таго як гаспадар кіраваў усімі мужчынскімі работамі ў гаспадарцы, так гаспадыня была кіраўніцай жаночых работ у полі й дома.

Звычайна гаспадыняй была жонка гаспадара, але бывала й так, што па сьмерці гаспадара яго месца заступаў старэйшы сын, а гаспадыняй заставалася ўдава, маці. Пры сынох — гэта з'яўленьне звычайнае, а ў больш складанай сям'і палажэньне ўдавы гаспадара залежыла ад яе асабістай годнасьці. Асабістыя якасьці гаспадыні вызначалі яе палажэньне і ў тых выпадках, калі яна, па сьмерці мужа, заступала яго месца пры дарослых жанатых сынох або пры пляменьніках. Пераход кіраўніцтва гаспадаркай ад гаспадара да яго жонкі не станавіў правіла; гэта часта бывала, але шмат залежыла ад розных жыцьцёвых прычын.

Як бачым, беларуская сям'я — не патрыархальная сям'я, дзе гаспадар-уладыка, а ўсе члены сям'і — яго рабы.

Палажэньне жанчыны ў беларускай сям'і роўнае з палажэньнем мужчыны і ў кожным выпадку — ня прыгнечанае. Галава сям'і — гаспадар, а яго жонка — гаспадыня. Кіраўніцтва мужчынскімі работамі належыць гаспадару, а кіраўніцтва жаночымі і ўсімі хатнімі справамаі належыць гаспадыні. Агульнае-ж кіраўніцтва гаспадаркай вядзецца супольнай радай гаспадара з гаспадыняй. Прадаць каня ці купіць карову, паехаць на рынак ці на кірмаш і, наагул, перш, чым зрабіць які распарадак у хаце ці ў гаспадарскім побытку, гаспадар мусіць парадзіцца з гаспадыняй хаты. Народны звычай вымагае, каб дзеці шанавалі матку, а малодшыя члены сям'і — гаспадыню і ўсіх старэйшых жанчын у

хаце. Матка мае вялікі ўплыў на дзяцей абойга полу. Дзяўчаты наагул вырастаюць пад доглядам мацеры, а хлопцы стаяць пад апекай маткі да 14-16 год, — датуль, покі стануць памоцнікамі ў гаспадарцы. На выпадак сьмерці мужа народны звычай ставіць дзяцей пад апеку мацеры.

Жанчына ў беларускай сям'і мае сваю ўласную маемасьць. Гэта маемасьць складаецца перш-наперш з тае рухомасьці, што яна прыносіць з сабою ў форме пасагу, а потым жанчына мае свае прыватныя заробкі, якія яна зьбірае, прадаючы агародніну, лён, палотны, курэй, яйцы і інш. Гэтым матка гатуе пасаг для свае дачкі.

Адносіны паміж мужам і жонкай даюць мала прыкладаў жорсткасьці ці дэспатызму. На выпадак узаемных сварак паміж мужам і жонкай, народны суд заступаецца за жонку і суровой адносіцца да мужа. Не паладзіўшы з мужам ці з яго сям'ёй, жонка пакідае мужа ды йдзе ўпрочкі — назад да бацькоў, і муж ня можа ўжо вярнуць яе гвалтам: для гэтага павінна быць яе згода. Але народны звычай не патурае прочкам і кажа: *«Прочки ходзяць без сарочки»*.

Народныя песьні скардзяцца толькі на мужа-п'яніцу, але ў беларускай песьні нельга знайсці такіх выпадкаў, каб жонка скардзілася на сваю залежнасьць ад мужа ці прыгнечанасьць у сям'і.

Палажэньне жанчыны горшае тады, калі яна застаецца ўдавою з малымі дзяцьмі ў непадзеленай сям'і. Палажэньне ўдавы адбіваецца і ў песьнях: *«Расьці, зельле, градою: застаюся ўдавою!»* Гэта значыць, што сьмерць мужа прыводзіць да заняпаду гаспадаркі, агароды пазарастаюць зельлем, бо ня будзе ў хаце ні ладу, ні сілы правіць гаспадаркай. Народная песьня абкружае ўдаву гарачым спачуцьцём. Жыцьцё ўдавы ў хаце нябошчыка-мужа падчас становіцца цяжкім, і ўдава з дзяцьмі варочаецца да сваіх бацькоў. Дзеці пры гэтым ня трацяць права на бацькаўскую маемасьць і зямлю, а сваякі мужа павінны памагаць удаве гадаваць дзяцей — даваць на выхаваньне пэўную колькасьць збожжа ці чаго іншага. Калі ж удава застаецца ў хаце мужа, то часта становіцца ў палажэньне работніцы, покі ня вырастуць дзеці ды не ахіляць яе сваёю апекай.

Калі бацька становіцца зусім стары і справаваць гаспадаркай ня можа, то кіраўніцтва пераходзіць у рукі старэйшага сына. У такіх выпадках пачыналася часамі дзяліцьба. Стары бацька, каб не даводзіць справы да калатні і сварак пасья свае сьмерці, сам дзеліць сваіх сыноў. Дзеля гэтага старэйшым сыном будуюцца асобныя хаты, а малодшаму сыну заставалася бацькаўская хата. З малодшым сынам заставаўся жыць і бацька. Жыцьцё бацькі з малодшым сынам мела падвойнае значэньне. З аднаго боку, малодшаму патрэбна была дапамога, як слабейшаму, рабочаю сілай і менш практычнаму ў гаспадарцы, а з другога боку, бацька, дзелячы зямлю паміж сынамі, пакідаў невялікі кусок сабе. Гэты бацькаўскі кусок зямлі засяваў, звычайна, той сын, у каторага жыў бацька, а па сьмерці бацькі гэты кусок дзяліўся паміж усімі братамі. Адгэтуль ня дзіва, што падзеленыя браты часам пачыналі спрэчку аб тым, у каго павінен жыць стары бацька. Раз у валасным судзе разьбіралася справа, як старэйшыя сыны адабралі старога бацьку ў малодшага брата. Лёгка дагадацца, што кожны стараўся апраўдаць свой учынак моральнымі прычынамі — пашанаю да старога бацькі з аднаго боку і непашанай — з другога, але ў аснове справы ляжаў эканамічны інтарэс — зямля, што заставалася пры бацьку ды засявалася тым сынам, пры каторым жыў бацька.

Дасьледзіны старой беларускай сям'і паказваюць, што асноўнай сувязьню сямейнага парадку была праца, якая клалася ў гаспадарку кожным членам сям'і. Гэта асабліва выразна кідаецца ў вочы пры знаёмстве больш складанай сям'і, якою была сям'я здольніцкая. Здольнік дастае права на зямлю ў той сям'і, дзе працаваў. Гэтае права на зямлю даставаў і прымак, зноў такі на падставе свае працы ў чужой сям'і. Усюды відаць, што ў аснову кладзецца тая праца, якую ўносіў у гаспадарку кожны член сям'і. Уся форма старасьвецкай сям'і таксама трымалася на супольнай працы. Кроўныя, сваяцкія адносіны ў сям'і як-бы засланыліся гэтым працоўным пачаткам, панаваўшым у сям'і. Гэты працоўны пачатак выступае ў паглядах селяніна і на жаніцьбу.

Інтарэс працоўнага характару мае пераважнае значэньне ў гэтай сямейнай дзядзіне-жаніцьбе, асабліва ў сем'ях з старасьвецкім складам жыцьця. У вялікай сям'і,

як дзяцюк, так і дзяўчына, падпарадкаваны таму выбару, які робяць старэйшыя. Уся істота справы палягае ў тым, што адна сям'я траціць работніка, а другая яго набывае. З гэтай прычыны заўсёды сьпяшаюцца ажаніць старэйшага сына, каб набыць для сям'і новую работніцу-маладзіцу; і, наадварот, старэйшую дачку стараюцца прытрымаць лішні год дома, каб выкарыстаць яе, як работніцу. Кіруючым пачаткам з'яўляецца праца і ў тым выпадку, калі, пры недахваце мужчынскіх рабочых рук у гаспадарцы, трэба знайсці для дачкі прымака або пры беззьямельлі аддаць сына ў прымы. У такіх справах пасаг ня мае асаблівай вагі, а пастанаўляючае значэнне мае пытаньне аб тым, які работнік набываецца ў гаспадарку. А да таго пасаг, звычайна, бывае невялікі; ён складаецца ў дзяўчыны з скрыні й кубла, набітых адзежай, плаццём, настольнікамі, ручнікамі, палотнамі, ды з некалькіх штук скаціны — каровы, авечак. Пасаг грашыма практыкуецца вельмі рэдка, і то — заможнымі, багатымі сем'ямі толькі ў апошнія часы. У тым і другім выпадку пасаг, або выправа, становіць уласнасьць нявесткі, на якую сям'я мужа ня мае права. Вось чаму пасаг і ня мае асаблівай вагі пры жаніцьбе. Калі пагаварыць з старым дзедам ці бабаю, то выходзіць, што й хараство маладое ці маладога (жаніха й нявесты) мала патрэбна ў гаспадарцы. На пагляд старых, маладая павінна быць добрай работніцай, гаспадыняй, а малады — старанным, рупным гаспадаром. Пры гэтым, старыя прывядуць сотні прыкладаў, як людзі жаніліся ніколі ня знаўшыся, а пражылі век шчасліва, багата, як дай бог кожнаму.

Маладое пакаленьне абуралася на такія пагляды. У моладзі асабістыя пагляды пачынаюць перамагаць традыцыйныя, старасьвецкія парадкі. Гэта асабліва выразна выяўляецца ў малых сем'ях, дзе сямейныя парадкі вальнейшыя і ня так скованы традыцыйнымі паглядамі.

Народны звычай абстаўляе шлюб (жаніцьбу) такімі формальнасьцямі. Пасьля сватоў адбываюцца другія й трэція запоіны. Пасьля запоін адмова лічыцца зьявагай для тае стараны, якой адмовілі. Адмова мае яшчэ й матар'яльнае значэнне: той, хто адмовіўся, павінен вярнуць запоіны, г. зн. тыя выдаткі, што былі патрачаны на запоіны, а таксама заплаціць за той час, што быў страчан на запоіны.

Царкоўнае вячаньне мела толькі адміністрацыйнае значэнне, як акт рэгістрацыйны, а ўся сіла шлюбу палягала ў тых вясельных звычаях, якімі шлюб абстаўляўся. Старасьвецкае беларускае вяселле — гэта найцікавейшая опэра, і на вяселье зьбіраецца паглядзец, апрача запрошаных гасьцей, амаль ня цэлая вёска.

У селяніна бадай ці ёсьць паняцьце аб законным разводзе, але практыка выпрацавала развод без пасрэдніцтва цэркві і адміністрацыі: не паладзіўшыя муж і жонка проста разыходзяцца. Тут паўстае толькі пытаньне маемнае. Калі муж і жонка разыходзяцца па добрай волі, то жонка забірае свой пасаг, што прынесла ў хату мужа, а муж-прымак забірае сваю маемасьць, з якой прыйшоў у хату цесьця або ўдавы. А калі адна старана кідае другую, то апошняя пакідае сабе права затрымаць дабро першае. Вось чаму, у выпадку спрэчак і непаразуменьня, валасны суд стараецца выясьніць, хто каго «прагнаў».

Так складаюцца сямейныя адносіны беларускага сялянства. У васнове гэтых адносін ляжыць праца, якая кіруе сямейным ладам. Сялянская сям'я пабудована на працоўнай аснове. Гэта асабліва выразна выступае там, дзе праца прыкладаецца да зямлі. І сама зямля мае значэнне толькі ў тэй меры, калі да яе прыкладаецца праца земляроба. Гэты працоўны пагляд на зямлю стаіць у поўнай згодзе з характарам беларускіх глебаў; бяз працы зямля нічога не дае: хто працуе, той і мае. Гэта й выгадала ў народзе такое праўнае паняцьце, што права на зямлі належыць да тае асобы, што сама працавала на зямлі. Адгэтуль — права на зямлю здольніка, прымака, але не жанчыны, якая зямлі не арэ; адгэтуль, згодна з тым жа праўным паняцьцем, адстаўныя салдаты даўней трацілі права на свой надзел зямлі, бо доўгі час не працавалі на зямлі. Народнае разуменьне працы і зьвязанага з працай права на зямельную ўласнасьць далёка розніцца ад таго паняцьця ўласнасьці, якое ўстаноўлена й пануе ў сучасных буржуазных краінах.

На такіх працоўна-праўных паглядах пабудованы ўсе сямейныя ўзаемаадносіны, а, значыць, і ўсе грамадзянскія адносіны ў сялянскай Беларусі. Гэтыя праўныя паняцці і складаюць цяпер тое, што мы называем народным, мясцовым правам.

Даўней Беларусь справавалася агульным пісаным правам, вядомым Літоўскім Статутам, зложаным яшчэ ў пачатку XVI стагоддзя. Гэта было першае пісанае народнае права ў цэлай Эўропе. Літоўскі Статут меў сілу на Беларусі аж да 1840 году, покi не забараніў яго расійскі цар Мікалай Першы. Але праўныя паняцці Літоўскага Статуту дажылі да нашых дзён, і мы натыкаемся на іх на кожным кроку пры аналізе сялянскіх узаемаадносін.

Знаёмства з ладам старой беларускай сям'і наводзіць на адно цікавае параўнаньне. Хто хоць крыху цікавіўся гісторыяй даўнейшай Беларускай дзяржавы (бач «История Литовско-Русского государства» Любаўскага), таму адразу кінецца ў вочы вялікае падабенства паміж беларускаю сям'ёю і дзяржаўным ладам старога Беларусі. І цікава, нават вялікія князі, а потым каралі называліся гаспадарамі, а сама дзяржава называлася гаспадарствам. Гаспадар сям'і ня мог адвольна распараджацца гаспадаркай і ўсе распараджэнні рабіў пасля нарады з дарослымі членамі сям'і, - так і вялікі князь абмяжован быў у сваіх правах Радаю, якая складалася з паноў і магнатаў. Гэта пазваляе сказаць, што даўнейшая Беларуска дзяржава станавіла сабою форму вялікай сялянскай сям'і.

К пачатку XX стагоддзя беларуская вёска, беларускае сяло, засьценок у значнай меры змянілі агульную форму свайго быту. Змяніліся старыя пагляды, змяніліся і праўныя паняцці, звязаныя з старым сямейным ладам. К моманту Лютаўскай рэвалюцыі ўжо мала засталася і патрыархальных сем'яў. Праўда, і дагэтуль яшчэ можна стрэнуць старыя правы і звычаі, асабліва паміж старога пакаленьня. Сярод моладзі пачынаюць браць верх новыя формы жыцця, новыя грамадзянскія ўзаемаадносіны.

Натуральны рост насяленьня і выкліканае гэтым ростам безьземелье раскідалі стары дзядоўскі парадак сялянскага жыцця. Пры малазямельлі старая вялікая сям'я стала ўжо немагчыма. Раскідалася старая сям'я - параскідаліся й старыя парадкі. Яшчэ нядаўна можна было сустрэць вялікую сям'ю, на чале каторай стаялі два-тры роўнапраўныя гаспадары-сыны аднаго бацькі, каторыя не падзяліліся па сьмерці айца, каб не разбурыць гаспадаркі, але яны ўжо самі адчувалі, што так далей жыць нельга, што гэта ня жыццё, а чыстае пекла. Жыць у вялікай сям'і стала цесна. Надзел ня мог ужо здаволіць патрэб усіх членаў сям'і. Сям'я расла, едакі прыбывалі, а зямля не павялічалася. Шмат што стала ўжо залежыць ад асабістай здольнасьці кожнага члена сям'і, а гэта ўжо ўносіла разлад і непаразуменьне. Кожнаму пачынала здавацца, што другія яго аб'ядаюць, жывуць яго працай. Пачыналіся сваркі, nelaды, а ў рэзультате-дзяліцьба.

Развал старога сям'і выклікаўся малазямельлем, а ў народнай сьвядомасьці адбіваўся сваркамі, калатнёю і хатнімі непарадкамі. Старыя людзі працівіліся дзяліцьбам, але яны пашыраліся з непераможнаю сілай. Жанкі сварыліся ў цеснаце за дзяцей, за іх заступаліся мужыкі, а выхад адзін — дзяльба.

А рэзультаты дзяльбы кожнаму вядомы. Старэйшыя члены сям'і з дарослымі дзядзькамі сяк-так перабіваюцца; яны прыглядаюцца да панскіх, больш культурных гаспадарак, пераймаюць новыя спосабы палепшанай гаспадаркі, замяняюць саху плугам, гной-лубінам, сенажаць-канюшынай, вікай і, такім парадкам, ставяць гаспадарку на больш культурны лад і тым папаўняюць малазямелье. Тым часам, малодшыя члены сям'і ці, наагул, заняпаўшыя з тых ці іншых прычын гаспадары выбіваюцца з сіл пад цяжарам працы, а, нарэшце, кідаюць гаспадарку ды шукаюць ратунку ў заробках, якіх дома, пры адсутнасьці разьвітой прамысловасьці, знайсці было трудна.

<...>

І даўнейшая беларуская гаспадарка, як паказвае аналіз старасьвецкай сям'і, стаяла далёка ня ніжэй за суседзкую. Культурнасьць мерыцца ня тым, што чалавек выпадкам умее ці ня умее чытаць, — культурнасьць людзей мерыцца іх матар'яльным бытам, агульным эканамічным разьвіцьцём.

Сучасная, яшчэ дарэволюцыйная няграматнасць беларускага селяніна аб'ясняецца ня тым, што ён па цемнаце сваёй ня мае ахвоты ці патрэбы ў навуцы, — знаёмства з асветнай справай на Беларусі паказвае, што на гэта былі іншыя прычыны. а ў першую чаргу — нацыянальнае прыгняценне, якое практыкавалася на працягу доўгага часу.

Усе беларускія традыцыйна-народныя сьвяты, як дзяды, каледаваньне, валачобніцтва, зажынкi, дажынкi, нават, радзіны, хрысьціны, — усё гэта пароджана старым сямейным ладам. Покі трымаўся гэты лад, датуль трымаліся і тыя звычаі, што былі зьвязаны з гэтым ладам. Асеньняе сьвята дзяды ўжо сваім назовам паказвае, што гэта-памінкі памёршых гаспадароў, кіраўнікоў добрага старога сямейнага ладу, а песьні калядныя, валачобныя, шчадроўныя, жніўныя віншуюць і апяваюць жывога прадстаўніка гэтага ладу — багатага, шчодрара гаспадара, яго сям'ю і багатую, слаўную гасподу.

<...>

М. ГАРЭЦКІ

У ЛАЗНІ

Вучань апошняга класа каморніцкага вучылішча, казённы стыпендыят Клім Шамоўскі, к калядам прыехаў удвору і ўжо другі тыдзень жыў у бацькавай хаце ў роднай вёсцы Мардалысаве.

Якраз у трыццаць першы дзень снежня, перад Новым годам, дзядзька Якуб, дамяўшы сваю пяньку, выпаліў лазню, каторых у Мардалысаве на 25 двароў ёсць ажно дзве.

Увечары Клімаў брат Парфір напайў коні, падаваў жывёле, прыйшоў у хату і пачаў рыхтавацца ў лазню. Знайшоўшы апоркі і сеўшы на калодачку разуваць лапці, загаманіў ён.

— Дзядзька лазню ўжо вытапіў. Гатова. Збірайцеся хутчэй. Ты, тата, бяры вядро і йдзі; тым часам і я пайду з хлапцамі; трэба па венікі на вышкі ўзлезць. А Клім што гэта сядзіць? Ай ты не пойдзеш сёння ў лазню? — запытаўся ён у брата.

Клім палажыў на палічку «Нізшую геадэзію» Біка і «Песні жальбы» Я. Коласа, што дагэтуль былі ў руках, нечага задумаўся, адкінуў з лоба свае доўгія валасы і, троху памаўчаўшы, адказаў:

— Я й сам не ведаю, ісці мне ці то ўжо не пачынаць. Колькі гадоў не мыўся я ў ваших лазнях, адвык. Але памыцца сягоння не вадзіла б: цела пачынае свярбець.

— Што ты гэта, Клімачка, — загаварыла яго маці. — Чаму ж табе не схадзіць у лазню? Праўда, гразнавата яна, вады цёплае саўсім няма, а халодная ў панаўцы на канаве надта мутна, але ўсё ж такі, тое-гэта, папарышся, костачкі пагрэеш свае, мо й на душы палягчэе крыху табе. Ідзі, ідзі, сыноч.

Бацька напрануў дублёнку, надзеў дзіравыя валёнкі і прыстоіў, пакуль Клім вымаў з кішэні ключыкі, ножык, партманэцік з грашамі і старым пер'ем «рондо», каб не згубіць дабро ў лазні.

— Хутчэй! — казаў яму маленькі пузыр, брат Саўка, а ён, адчапіўшы кішэнны гадзіннік, адзязгнуў матчыну шубку і выйшаў з хаты.

Лазня была за гоні ад вёскі, каля заплывае канавы, што была некалі, пакуль шчэ паны жыдам лясоў не прадавалі, рэчкай. Ліпела яна сабе на ўзгорку, і пакуль Клім узабраўся на гэты ўзгорчак, два разы паваліўся і абскрабаў аж да крыві руку аб мёрзлы снег. Саўка падскочыў каля яго на адной назе, падняў яму кавалачак мыла, крыкнуў: «Хор на Бабінавічы!» — і шыбка пабег паперад усіх к лазні. Там ён кумільгом укаціўся ў прымыльнік і сказаў дыскантам, як тое рабілі вялікія басам або тэнарам:

— П'ара — лазня, лёгкі дух!..

Адзін з хлапцоў-сярэднякаў, што прыйшоў туды раней, да Саўкавага віншавання ў адзін тон дабавіў колькі слоў і к слову «дух» прыкладна адпаліў такое слаўцо, што дзед Кузьма абазваў яго сынам вядомага ўсім брахлівага стварэння.

Клімаў бацька пайшоў к панаўцы, зачэрпнуў асцярожна беражком вядра, каб не замуціць саўсім, мутнае з лёдам вады, утапіў у ваду бярозавы венік, каб размяк і лепей было яго спарыць, і, схіліўшыся над вядром, пабрыў у лазню ўслед за Клімам. А той, убачыўшы там старых, каторыя распратываліся, а іншыя аддыхалі на мяліцах, папарыўшыся даволі, сказаў:

— Добры вечар! — і азірнуўся, дзе б яму прыхіліцца.

— Міласці просім! — адказаў яму салдат Захар Какста.

— Капеек на восем, — дагаварыў нейкі скалазуб. — Садзіцеся, во ладная мясцінка, Клім Раманавіч, — загаманілі голая, барадатыя «мужы» ў цямноце, бо святла ў прымыльніку паліць, знаць, не знайшлі патрэбным і варушыліся, хто як мог, упоцёмку.

Прымыльнік быў плятнёвы, і скрозь пляцень дуў вецер. Пад нагамі — мяллё. Каля сценак ляжалі, раскірачыўшы ногі, самадзельныя мяліцы. Кліму было гразна, нячыста, непрытульна.

З лазні сюды то й глядзі выскаквалі чырвоныя, што ракі, здаволеныя ласуны да парання. Адтуль нёсся гул...

«Ліха іх ведае, як яны тут мыюцца», — думаў Клім, шукаючы мясцінкі, дзе б схаваць шубку.

Старыя гаманілі пра тое-сёе, хто колькі шпал ад жыда звёз на раку Вяхру, і іншае.

«Але што ж гэта я? Ці я не радзіўся сам у Мардалысаве, ці сам не купаўся ў гэтай гразі, не бачыў усякага бруду? — так думаў Клім. «Не, гэта ж я не злююся, чаго ж гэта я?...» І ўвайшоў у лазню.

Вачам стала горка ад дыму. Нагам было ёдка стаяць на гразнай сцюдзёнай зямлі. Галава ўдарылася аб шост. Жарыня была наверху, як у пекле. Не можна было нічога разгледзець.

Жчах, жчах, жчах, жчах... — работалі венікі.

— Ого-го-го-го! — рагатаў нехта, лезучы на палок. — Паддай, паддай... Яшчэ горстачку... ліні паўкружачкі на печ... Братцы, аджалеіце паўчаўхірачкі... Духу мала, духу няма, гэі духу!

Аж стогн лунаў у лазні. Павярнуцца — думаў Клім — недзе: паўнютанька лазня людзей. На нізу ў гразі блазнота... Іншы плакаў ад дыму ці яшчэ ад чаго, і цёр вочы кулакамі, і плёскаў гразнай вадой. Але й тую яму нехта забараніў браць, казаў: «Злётай прынясі сам». Іншы сядзеў непарушна, ушчаміўшы галаву паміж ног. Той шчыпаўся, той штурхаўся, той жартаваў — мацаў некага па вачах, кажучы: «Ці еў балазе?»

— А та-а-атачка, а а-ай, а до-о-ос! — сквірчэў малы хлопчык як мага, на ўсю сілу, а добры бацька дзяржаў за шыю з пэўнасцю, што агоўтаецца, і гарачым, як полымя, веткам сцябаў з усіх бакоў.

— Дай спінку, дай жываток, йшчэ трошку, ну, ну, ну, дурненькі, не плач жа; дос, дос, не бойся... А то, брат, камлём заеду, хочаш?... — дабавіў ён урэшце і злаяўся.

А побач з Клімам два нехалюзыя хлопчыкі сварыліся за нешта.

— Во-охці, охо-хо-о! — чуць жывы выкаціўся ў прымыльнік нейкі дзядок.

— Як тое было, як тое будзіць — ось табе на! — крычаў Юрка, і раптам зняцеўку — бах! — паўнюсенькі карэц вады на маленькую печ. Аж камяні загурчэлі, засіпела вуголле, і з палка пасыпаліся, як бульба, слабейшыя. А крапчэйшыя, стойка ведучы справу сваю, пільна запрацавалі рукамі.

— Госпадзі, памілуй! Божухна, злітуйся! Мірам найвышньому памолімся, — прыгаварваў адзін у помач рукамі, а другі, трэці, чацвёрты не грэбавалі і самай бруднай лаянкай. Аж прыкра зрабілася Кліму ад гідкіх слоў, што насіліся ў цёмным, гарачым, свойобразным пекле — гэтай лазні.

— Во калі ашалелі мужычкі! — мудрыў салдат Какста, цёпаючыся венікам.

Нехта шукаў на шосціку сваю кашулю і зваліў у самую гразь чужыя штаны.

— Саўка! Збегай, сынок, вады: гару, саўсім гару... Хутчэй бяжы... А, Клім, лезь на палок, паўзі, парся, — гукаў Раман.

Клім палез, апёк ляжку на гарачым палку, плакаў ад дыму і, махаючы венікам, праклінаў, скрыўджаны, і лазню, і тых глуздоў, хто пабудаваў яе такую. «Жывуць жа людзі, — думаў ён. — Лес пад бокам, жыды ў пана адваявалі яго за даўгі і прадаюць колькі гадоў; і сяляне, кожнагодна пускаючы на гарэлку рубельчыкі і жывучы сярод лесу, маюць лазню... каб яна, даруй божа, згарэла на чыстым полі гэткая».

— Духу паддайце, гэі, хлопцы! — са скуры пнуўся стары Мікіта.

— Ужывай, дзядзька! Пагрэйся, — адказаў «вясёлая галава, а гнілыя кішкі» малец Яхім і — чох! — паўвядра на печ.

— Холадна! — упінаўся Мікіта.

— І так гарым, — буркнуў Клім, седзячы каля яго і льючы халодную ваду на галаву. Ён успомніў, што Мікіцёнак Панас кожны дзень п'е «ханджу» як ваду, а Язэп мажа ёю ногі ад прастуды. Успомніў ён, бог знае к чаму, што матка корміць вяпроў у хаце і ў хаце гразка. Дрэнна...

— Запанеў наш каморнік, пышан надта Клім Раманавіч, духу баіцца... А мне, мужыку, любата, — крычаў Мікіта.

«Які тут чорт «запанеў!» — злаваў Клім. Свінні, а не людзі, — думаў ён, злосны на ўсё, бадай, Мардалысава. — Я вёз дамоў кніжкі, каб чытаць ім, а яны кожны вечар, кожнае свята гуляюць у карты ў Мікітавай хаце, а на кніжкі не звярнулі ніякай увагі... Шчэ казалі, — разумцы! — што «некалі ім займацца панскім дзелам». І толькі гэты «святы» Хлімон прасіў пачытаць, бажаў паслухаць што-небудзь «бажэственнае», ды бабы гаварылі, каб ён, Клім, прачытаў ім слёзна-жаласна». І што ні ступнеш — чуеш дурацкае: «Запанеў, запышэў, гардзіцца».

— Падажджы, патрывай, Клім. Парфір вады чыстае з калодзежа зараз прынясець. Будзем абдавацца.

— Добра, тата, тут буду, — сказаў, а сам, не маючы ўжо сілы вытрываць шалёнага жару, пары і разам холаду каля ног, таксама вялікага тлуму, гоману, ляянкі, выйшаў, як п'яны, у прымыльнік, схапіў адзежу і рупна, як слухаліся рукі, пачаў, не абдаўшыся і з прыліплым на целе лісцем ад веніка, надзявацца.

«А грэх мне казаць «дурацкае», дзе толькі цемната», — гваздом сядзела ў галаве яго непазбытная думка. «Скуль жа ведаць гэтаму старому вяскоўцу, «прыгонніку» Мікіту, што ён, Клім, вучыўся не дзеля таго, каб «заграбаць» грошы, што ён іншы, што ён жа не чураецца вёскі, любіць яе і шануе, як родны сын, што ён хоча кіравацца ўсімі сіламі, каб бачыць яе цвярозай, светлай, здаволенай жыццём ды сумленнай; што ён «запанеў», але зусім не так, як думае Мікіта... І лацвей ім, — думаў Клім далей, — страляць у вочы «запанеў», ведаючы вагу свае векавечнае працы мужыцкае, а хай бы яны пабачылі боль сэрца і смутак душы ў мяне, прымача ў «панстве» і пасынка вёскі, і яны лепей паехалі б з сахою на родныя палеткі, чымся, адарваўшыся ад дзядоўскіх сяліб, вісець у новым і невыразным паветры...»

Кашуля не надзявалася, нечым дрэнным пахла. Шапку шукаў Клім і ніяк не мог знайсці ў дакучлівай, прыкрай цемні прымыльніка.

— Братцы, што гэта, я ж акалеў саўсім: кажыце, хто ўзяў мае штаны? — пытаўся дзядзька Якуб, хныкаючы з лазні і назад у адной кашулі — Хто тут? — узбіўся ён на Клімавы ногі.

— Я, — адгукнуўся Клім і зноў засумаваў.

Старыя аддыхалі, сдзячы на мяліцах, напратываліся, абуваліся. Гаварылі аб Новым годзе, успаміналі, што было цікавага ў старым. Хто ішоў удвору, казаў:

— Дзякую за пару, за дух, за добрую лазню, хто тапіў, хто й ваду насіў, усім шаноўным панам-гаспадарам. Дабранач!

Клім прыслухаўся к роўнаму голасу старога дзеда Банадыся, каторы, быццам восенны дождж у вокны, барабаніў:

— ...А то вось, браткі мае, дык шчырая праўда. Чуў я гэта ад самога Панаса Дземянка, што служыў у аднаго заможнага гаспадара, але, не тут будзь казана, у вялікага ведзьмака. Але й казаць мо далей не трэба?

— Кажы ўжо, кажы, — зацеваў Мікіта, — а то абцугі прынясьм, словы з цябе цягнуць пачнём.

— ...Паехаў Панас нешта раз з гаспадаром у дровы. Прыехалі ў цёмны-цёмны лес, якіх цяпер і не знойдзеш. Гаспадар і кажаць яму: «Ты папільнуй тут коні, а я хутка звярнуся», — і пайшоў некуды. А Панас не дурань, троху пабавіўся ды паціхеньку ўслед...

— Клім, во твая шапка, — шаптаў Саўка, надзяваючы жупан і слухаючы апавяданне дзеда Банадыся.

— ...А гаспадар, крыху адышоўшы, — кулдык: цераз пень перакаціўся і пабег... Чым? Ваўком. «Ага, — думаець Панас, — грашы богу, ваўкалача». Троху пагадзя і ён перакулдыкнуўся цераз пень, і, — дадушы, не лгу, — сам Панас казаў, — і ён пабег ваўком, але разумеў усё, як бы і чалавек. Далей зірк ён: выскачыў гаспадар на поле, схапіў барана са статка — ды ў лес. На ліха тут дагледзеў ён Панаса, сцяміў усё, сам перабег цераз пень яшчэ і зрабіўся чалавекам, а на Панаса наклаў такое заклацце, што той тры гады прабегаў зверам: раз чуць не забілі яго людзі, бо ён, хоць і прыкра, а еў, каб не ўмерці з голаду, што і ўсе звяры...

Яшчэ далей нешта гаварыў Банадысь, але Клім не слухаў больш і пайшоў з лазні.

Быў ціхі вечар. На высокім небе ззялі зорачкі, ліў пазычаным светам месяц. Скрыпеў пад нагамі снег. «Заўтра Новы год...»

І неяк невясёла-невясёла было Кліму, «запанеўшаму», як казаў стары Мікіта. Думкі плылі, чапляліся адна за другую, роем мітусіліся ў галаве. «Беларусь, Беларусь, чым ты была чаго ты, во, даждала?» — звінела ў адным баку. «І што з табою будзе?» — плыло ў другім.

А зорачкі блішчэлі так хораша на небе. І скрыпеў снег...

<...>

ФЕЙ СЯОДУН

КРЕСТЬЯНСТВО КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

Крестьянство — ключ к пониманию Китая — есть образ жизни, сочетание формальной организации, индивидуального поведения и социальных позиций, тесно взаимосвязанных с целью обработки земли простыми орудиями и трудом человека. Крестьяне оседлы и малоподвижны. Рост численности населения при ограниченных ресурсах вводит в действие закон убывающего плодородия. Возрастает тенденция к усиленной эксплуатации земли. Тщательный уход за почвой и кропотливый труд человека препятствуют применению улучшенных орудий. С ростом численности населения снижается уровень жизни. Использование животных становится неэкономичным. Высокоразвитое искусство обработки почвы и сбора урожая приносит доход, которого едва хватает для скудного существования. Когда работа осуществляется в основном руками и ногами, то сокращается преимущество разделения труда. Расширение организационной структуры таких предприятий не столько приносит весомый доход, сколько осложняет человеческие отношения. Это и является причиной того, что базовая ячейка крестьянского общества обычно малочисленна.

Небольшие размеры группы людей, объединяющих свои усилия, — основная черта крестьянства. В отличие от кочевников крестьяне живут оседлыми общностями. Они не агрессивны, поскольку, с одной стороны, расширение ареала обитания за пределы возможной обработки земли для них не имеет большого значения, а с другой — живя в сельском окружении, они не сталкиваются с прямой опасностью нововведений или угро-

зой вторжения. Безопасность подразумевается как нечто само собой разумеющееся. Считается, что нет необходимости в какой-либо крупной военной организации.

По-видимому, в этом одна из причин, почему семья является доминирующим элементом в структуре социальной организации крестьянской общности. Семья в крестьянской общности является такой единицей, которая обеспечивает необходимый минимум социального взаимодействия в повседневной экономической практике. Подобное взаимодействие поддерживается необходимостью — или скорее является продолжением — решения другой основной задачи человеческого рода, задачи его воспроизводства. Взаимоусиливающаяся связь жизненных функций создает основу крепкой сплоченности...

У китайских крестьян основная социальная единица невелика по численности и, как правило, состоит из родителей и детей. Различные исследования сельского Китая показывают, что исключения отсутствуют. В среднем семья насчитывает от четырех до шести человек. Однако, с точки зрения структуры, основная группа у китайских крестьян — большие семьи, как ее понимают этнографы. Она иногда включает выросших и вступивших в брак детей. Я назвал ее «расширенной семьей». Если принцип расширения выдержать, то в результате мы получим большую семью кланового типа, как это имело место у шэньши, но среди крестьян такое увеличение было редким. Как правило, горизонтальное расширение — братья, продолжающие после женитьбы жить вместе, — встречалось редко и было неустойчивым. Обычным было, когда престарелые родители оставались при одном из женатых сыновей. При отсутствии социального обеспечения старости представляется вполне естественным, что о родителях должен заботиться их сын.

В мобильной общности, кочевой или индустриальной, у каждого индивида свое собственное место. Он самостоятельно перемещается и сам обеспечивает свой социальный статус. Но у оседлого крестьянина все действия оказываются обусловленными группой. Семья является самодовлеющей и самообеспечивающейся группой, в которой он существует и увековечивает свой род. Она является тем центром, к которому восходят его территориальные и профессиональные связи и отношения родства. Единообразие в социальных отношениях принципиально отличается от многообразия в современном обществе. Индивид в такой структуре рассматривается только в качестве представителя определенной семьи.

Традиционная идеология в Китае подавляет индивидуальность в пользу семьи. Значимость или ценность индивидуального существования определяется тем, какое положение оно занимает в социальном континууме, который находит четкое отражение в терминах родословной. Наиболее важная задача мужчины — продолжить семейную линию. Из трех основных обвинений непутевому сыну на первом месте стоит обвинение в неспособности продолжить род.

В условиях примитивной техники земледельческая работа тягостна. Совершенно ясно, что те, кто может себе позволить жить, не утруждая себя тяжелой работой, непременно сделают так даже за счет снижения уровня жизни. Очевидны два пути снижения тягот труда: либо улучшить орудия труда и использовать животную и природную силы, либо переложить тяжесть на других. Первый путь — это эксплуатация природы, второй — эксплуатация человека.

ДЕРЕВНЯ

Последний день июня месяца; на тысячу верст кругом Россия — родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на нем — не то плывет, не то тает. Безветрие, теплынь... воздух — молоко парное!

Жаворонки звенят; воркуют зобастые голуби; молча реют ласточки; лошади фыркают и жуют; собаки не лают и стоят, смиренно повиливая хвостами.

И дымком-то пахнет, и травой — и дегтем маленько — и маленько кожей. Конопляники уже вошли в силу и пускают свой тяжелый, но приятный дух.

Глубокий, но пологий овраг. По бокам в несколько рядов головастые, книзу исщепленные ракиты. По оврагу бежит ручей; на дне его мелкие камешки словно дрожат сквозь светлую рябь. Вдали, на конце-крае земли и неба — синеватая черта большой реки.

Вдоль оврага — по одной стороне опрятные амбарчики, клетушки с плотно закрытыми дверями; по другой стороне пять-шесть сосновых изб с тесовыми крышами. Над каждой крышей высокий шест скворечницы; над каждым крылечком, вырезной железный, крутогивый конек. Неровные стекла окон отливают цветами радуги. Кувшины с букетами намалеваны на ставнях. Перед каждой избой чинно стоит исправная лавочка; на завалинках кошки свернулись клубочком, насторожив прозрачные ушки; за высокими порогами прохладно темнеют сени.

Я лежу у самого края оврага на разостланной попоне; кругом целые вороха только что скошенного, до истомы душистого сена. Догадливые хозяева разбросали сено перед избами; пусть еще немного посохнет на припеке, а там и в сарай? То-то будет спать на нем славно!

Курчавые детские головки торчат из каждого вороха; хохлатые курицы ищут в сене мошек да букашек; белогубый «щенок барахтается в спутанных былинках.

Русокудрые парни, в чистых, низко подпоясанных рубахах, в тяжелых сапогах с оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телегу, — зубоскалят.

Из окна выглядывает круглолицая молодка; смеется не то их словам, не то возне ребят в наваленном сене.

Другая молодка сильными руками тащит большое мокрое ведро из колодца... Ведро дрожит и качается на веревке, роняя длинные, огнистые капли.

Передо мной стоит старуха хозяйка в новой клетчатой паневе, в новых котках.

Крупные, дутые бусы в три ряда обвилились вокруг смуглой, худой шеи; седая голова повязана желтым платком с красными крапинками; низко навис он над потускневшими глазами.

Но приветливо улыбаются старческие глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай, седьмой десяток доживает старушка... а и теперь еще видать: красавица была в свое время!

Растопырив загорелые пальцы правой руки, держит, она горшок с холодным, неснятым молоком, прямо из погреба; стенки горшка покрыты росинками, точно бисером. На ладони левой руки старушка подносит мне большой ломоть еще теплого хлеба. «Кушай, мол, на здоровье, заезжий гость!»

Петух вдруг закричал и хлопотливо захлопал крыльями; ему в ответ, не спеша, промычал запертой теленок.

«Ай да овес!» — слышится голос моего кучера.

О довольство, покой, избыток русской, вольной деревни!

О тишь и благодать!

И думается мне: к чему нам тут и крест на куполе святой Софии в Царь-Граде и все, чего так добиваемся мы, городские люди?

РАЗДЕЛ II. КРЕСТЬЯНСКАЯ ЭКОНОМИКА

А. ЧАЯНОВ

К ВОПРОСУ ТЕОРИИ НЕКАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ ХОЗЯЙСТВА

В современной политической экономии стало обычным мыслить все экономические явления исключительно в категориях капиталистического хозяйственного уклада.

Основы нашей теории — учение об абсолютной земельной ренте, капитале, цене, а также прочие народнохозяйственные категории сформулированы лишь в приложении к экономическому укладу, который держится на наемном труде и ставит своей задачей получение максимального чистого дохода (т.е. максимального уровня остающейся части валового дохода за вычетом вещественных издержек производства и заработной платы).

Все прочие (некапиталистические) типы экономических укладов считаются несущественными или находящимися в стадии отмирания; по крайней мере, им отказывают в праве влиять на основополагающие явления современной экономики, и в результате они утрачивают какой-либо теоретический интерес.

Если мы и вынуждены признать это последнее утверждение, поскольку речь идет о неоспоримом господстве финансового и торгового капитала в мировых экономических отношениях и его в настоящий момент бесспорно ведущей роли в организации мировой экономики, то нам ни в коем случае не должно распространять его (это утверждение) на вообще все явления нашей народнохозяйственной жизни. Одними только категориями капиталистического экономического строя нам в нашем экономическом мышлении не обойтись хотя бы уже по той причине, что обширная область хозяйственной жизни, а именно аграрная сфера производства, в ее большей части строится не на капиталистических, а на совершенно иных, без наемных, основах семейного хозяйства, для которого характерны совершенно особые мотивы хозяйственной деятельности, а также специфическое понятие рентабельности. Известно, что для большей части крестьянских хозяйств России, Китая, Индии и большинства неевропейских и даже многих европейских государств чужды категории наемного труда и заработной платы.

Уже поверхностный теоретический анализ хозяйственной структуры убеждает нас в том, что свойственные крестьянскому хозяйству экономические феномены не всегда вмещаются в рамки классической политэкономической или смыкающейся на ней теории.

Но нам придется выйти еще дальше за рамки привычных понятий политической экономии, когда мы обратимся к теоретической трактовке нашего экономического прошлого. Даже исчезнувшие в не столь далеком прошлом системы крепостного права в России и рабовладения в Америке уже ставят под сомнение применимость экономического мышления, принятого в нашей сегодняшней системе понятий (капитал, процент, абсолютная рента, заработная плата).

Заработная плата как народнохозяйственная категория в современном смысле слова, вероятнее всего, отсутствует в этих экономических укладах, а с ней неизбежно исчезает и привычное теоретическое содержание прочих категорий наших политэкономических систем, ибо рента и процент как теоретические конструкции неразрывно связаны с категорией заработной платы. С другой стороны, из наших теоретических рассуждений возникает новая, совершенно не известная нашим теоретическим системам категория — цена на раба.

В еще более трудном положении мы оказываемся перед лицом экономических укладов первобытных народов, в которых зачастую отсутствует категория рыночной цены, столь принципиально важная для нашего теоретического мышления. В этом смысле экономическая структура Римского колоната как натурального хозяйства первобытных народов полностью выходит за рамки современной экономической теории. Но в отношении эпохи Средневековья нам будет трудно при помощи имеющихся у нас в арсенале

средств ответить на вопрос о процессе ценообразования, ну, например, о характере ценообразования на продукты, которые феодал взыскивает в форме натуральной подати и шлет продавать на отдаленных рынках.

Немецкой исторической школе, без сомнения, принадлежит исключительно высокая заслуга в описании экономических систем прошлого (в частности, германороманских и античных народов) и их детального морфологического анализа. Однако даже самое глубокое и точное описание как такового не в состоянии дать теорию описанного (в данном конкретном случае конкретного экономического содержания).

Но экономическая наука остро нуждается в теоретическом осмыслении нашего прошлого в экономическом плане: для каждого типа экономического уклада, частично уже нами обрисованного, должна быть создана отвечающая его своеобразию экономическая система.

Как нам кажется, соответствующее этой цели исследование, пусть даже напоминающее любительское собирательство древностей, могло бы стать весьма существенным: будучи своеобразной экономической палеонтологией, оно не только способствовало бы сравнительному анализу существующих экономических структур, но и сослужило бы хорошую службу достижению практических целей экономической политики. Ибо не только тип семейного хозяйства, точное определение понятия которого мы постараемся дать ниже, но и прочие типы укладов прошлых времен поныне представлены достаточно широко в неевропейских странах, и их теоретическое осмысление путем оформления в характерные для них категории дало бы значительно больше для изучения колониальной политики, чем, к примеру, вписывание экономики страны Замбии в прокрустово ложе экономических категорий современного манчестеризма.

К сожалению, ни Аристотель, ни другие античные писатели не оставили нам экономической теории (в современном смысле слова) окружавшей их действительности. Отцы церкви, современники феодализма, часто затрагивая в своих трактатах проблемы экономики, концентрировали, как известно, все внимание на этической стороне хозяйственной деятельности. Экономическая литература России на рубеже XVII — XVIII вв., представленная именами Сильвестра, И.Т. Посошкова и А.П. Волынского, обращалась к рассмотрению частноэкономических отношений или проблем государственного управления. Рабовладельческое хозяйство Соединенных Штатов, как и экономика эпохи крепостничества в России, также не оставили нам никакой единой, соответствующей их характерным структурам экономической теории. Наше, к сожалению, весьма ограниченное, знакомство с литературой Японии и Китая не позволяет сказать ничего о том, как там обстояло дело с попытками теоретически отобразить формы экономических систем прошлых времен.

Такое полное отсутствие выросших на естественной почве давних эпох теорий исчезнувших экономических укладов заставляет нас пытаться, теперь уже оглядываясь назад, реконструировать соответствующие теории.

Все существующие положения нашей теоретической экономики гласно или молчаливо, но исходили из приведенной формулы.

Элементы этой формулы — меновая стоимость (рыночная цена) валового дохода и вещественных затрат, заработная плата и процент на капитал — все это не какие-то случайные величины частновладельческой экономики, а явления социально-экономического строя, основные национально-экономические реальности, научный анализ которых и составляет содержание и основную задачу политической экономии.

Экономическая теория современного капиталистического общества представляет собой сложную систему неразрывно связанных между собой категорий (цена, капитал, заработная плата, процент на капитал, земельная рента), которые взаимно детерминируются и находятся в функциональной зависимости друг от друга. И если какое-либо звено из этой системы выпадает, то рушится все здание, ибо в отсутствие хотя бы одной из таких экономических категорий все прочие теряют присущие им смысл и содержание и не поддаются более даже количественному определению.

Так, например, к экономической формации без категории цены, т.е. системе экономических единиц, по своей организации абсолютно натуральных и служащих исключительно удовлетворению собственных потребностей либо семьи, ведущей хозяйство, либо хозяйствующего коллектива, неприложима ни одна из перечисленных национально-экономических категорий в обычном смысле слова.

Так как в условиях натурально-хозяйственной структуры требования системы спроса каждой отдельной производственной единицы, являющейся одновременно и единицей потребляющей, целиком и полностью определяют хозяйственную деятельность людей, то в этом случае эта последняя носит в значительной степени качественный характер: любая потребность семьи должна быть удовлетворена из собственного хозяйства и продукт нужного качества должен быть произведен в натуральной форме.

В этом случае количество может быть учтено (измерено) только с учетом каждой отдельной потребности, и расчет этот звучит следующим образом: «хватает», «не хватает», «на столько-то и столько-то не хватает», а благодаря гибкости самих потребностей такой расчет не требует большой точности.

Таким образом, в системе натурального хозяйства не может возникнуть вопрос о сравнительной рентабельности различных затрат, к примеру вопрос о том, что рентабельнее, выгоднее возделывать коноплю или оставить луг под сенокос, ибо конечные продукты взаимно не заменяемы и не могут поэтому иметь единого масштаба для сравнения.

В соответствии со сказанным вся экономика натурального хозяйства, ее представление об экономичности, ее понятие рентабельности, а также специфические «законы», определяющие ее социальную жизнь, как мы постараемся доказать в дальнейшем, принципиально отличаются от основополагающих понятий и принципов общепринятой экономической науки, которые обычно излагаются в курсах основ политической экономии.

Только с развитием менового и денежного хозяйства хозяйственная деятельность утрачивает свой качественный характер. Теперь на первый план выступает количественный интерес, заинтересованность в том, чтобы получить максимальное количество, которое в результате обмена может принимать любые качественные формы. При этом в процессе денежно-меновых отношений (товарность хозяйства) само количество все более теряет связь с качеством и постепенно приобретает все более абстрактный характер стоимости, оторванной от ее конкретного содержания и смысла для данных потребностей. Вступает в силу категория цены и в сочетании с другими категориями (если таковые имеются) дает ту экономическую систему, которая, как правило, только и рассматривается в политической экономии.

Такая же катастрофа ожидает обычную теоретическую систему, если из нее выпадает какая-либо иная категория, к примеру, категория заработной платы. И даже если из всех возможных народнохозяйственных систем, которым эта категория чужда, мы сделаем объектом анализа ту, в которой во всей полноте представлены меновые отношения и кредит, а, следовательно, категории цены и капитала, например систему крестьянских и ремесленных семейных хозяйств, связанных меновыми и денежными отношениями, то даже и в этом случае мы легко сможем убедиться в том, что структура такого хозяйства лежит вне рамок привычной системы, политэкономических понятий, характерных для капиталистического общества.

Достаточно беглого взгляда на внутреннюю структуру семейного трудового крестьянского хозяйства, где семья, вооруженная средствами производства, прикладывает свою рабочую силу к земле и в результате года труда получает определенную массу продукции, чтобы убедиться в полной невозможности, не прибегая к категории заработной платы, привести в ее структуру чистый доход, вытекающую из него ренту и процент на капитал как реальные экономические категории в капиталистическом смысле слова.

На самом деле крестьянин или ремесленник, который трудится в собственном хозяйстве без привлечения наемного труда, получает в результате года труда определенное количество продукции (изделий), которое, будучи обменено на рынке, создает валово-

вой доход его хозяйства. Из валового дохода можно вычесть стоимость вещественных затрат, которая обеспечила функционирование хозяйства в течение года; в результате получим прирост стоимости натуральной продукции, произведенный семьей в течение года путем затраты собственного труда, или иначе трудовой доход.

Этот трудовой доход семьи является единственно возможной в крестьянском или ремесленном хозяйстве категорией дохода, ибо он не допускает никакого объективного расчленения. Поскольку социальный феномен «заработная плата» отсутствует, то должен отсутствовать также и социальный феномен «чистая прибыль», и, таким образом, капиталистический метод расчета рентабельности также неприложим.

К этому необходимо, конечно, добавить, что этот нерасчленимый трудовой доход не будет всегда одним и тем же для всех семейных предприятий. Он будет варьироваться в зависимости от рыночной конъюнктуры, отдаленности от рынка, степени оснащенности средствами производства, численности и состава семьи, качества земли и прочих условий производства.

Тем не менее, как мы увидим позже, дополнительный доход, полученный за счет более выгодного положения или лучшей оснащенности хозяйства средствами производства, ни по своей природе, ни по величине не идентичен абсолютной ренте и проценту на капитал, характерным для капиталистического хозяйства.

Величина трудового дохода определяется, прежде всего, численностью и составом трудящейся семьи, в частности числом ее трудоспособных членов, затем производительностью трудодня, и, что особенно важно, степенью напряженности рабочей силы, степенью самоэксплуатации, которая заставляет работающих вырабатывать в течение года более или менее значительное число трудодней.

Глубокое изучение обширного эмпирического материала по крестьянскому хозяйству в России и других странах дает право предполагать, что упомянутая нами степень самоэксплуатации в процессе труда определяется совершенно специфическим равновесием между уровнем удовлетворения потребностей семьи и тяжестью (обременительностью) самого труда.

На самом деле каждый следующий выработанный рубль трудового дохода семьи можно рассматривать с двух точек зрения. Во-первых, с точки зрения значения, которое он имеет для потребления, для удовлетворения потребностей семьи; во-вторых, с точки зрения напряженности, тяжести прилагаемого труда, необходимого для того, чтобы выработать этот рубль.

Понятно, что по мере увеличения прибавки произведенной массы продукта субъективная оценка потребительского значения каждого следующего рубля будет снижаться, а вот тяжесть его добывания, требующего все большего напряжения сил и все более тяжелой самоэксплуатации, станет возрастать. До тех пор пока между обоими элементами оценки не наступит равновесия, и напряженность труда не будет ниже в своей оценке, чем значение потребностей, ради удовлетворения которых приходится испытывать это напряжение, до тех пор семья, работающая без привлечения наемного труда, имеет полное основание продолжать свою хозяйственную деятельность. Но как только это равновесие достигнуто, продолжение трудовой деятельности становится бессмысленным, ибо каждое следующее трудовое усилие будет с точки зрения хозяина тяжелее, чем отказ от вытекающего из этого усилия экономического эффекта.

Как показывают наши собственные исследования, а также работы профессоров А.Н. Челинцева, Н.П. Макарова и Б.Д. Бруцкуса, момент наступления равновесия сильно колеблется и определяется, во-первых, конкретными для каждого хозяйства условиями производства, рыночной конъюнктурой, удаленностью от рынка, которые влияют на степень тяжести труда, и, во-вторых, размером и составом семьи и неотложностью ее потребностей, которые обуславливают уровень оценки потребления. Так, например следствием любого роста производительности труда является возможность производить то же самое количество продукции меньшими усилиями, что позволяет хозяйству повысить доход и удовлетворить потребности семьи в полном объеме. С другой стороны, наличие в хозяйстве нетрудоспособных членов семьи повышает потребительское

значение каждого выработанного рубля валового дохода и побуждает к увеличению степени самоэксплуатации семейной рабочей силы, для того чтобы хоть в какой-то мере поддержать жизненный уровень семьи, которому грозит снижение в результате возросших потребностей.

Исходя из описанной выше природы основополагающих экономических постулатов, крестьянское семейное хозяйство вынуждено так использовать рыночную конъюнктуру и естественные условия производства, чтобы иметь возможность обеспечить внутреннее равновесие при максимально возможном уровне благосостояния семьи. Это достигается внедрением таких технологий в организацию производства в хозяйстве, которые обеспечивают максимальный заработок на трудодень.

Таким образом, не объективный арифметический расчет максимально возможной чистой прибыли в соответствии с особенностями народнохозяйственной конъюнктуры определяет приемлемость или неприемлемость тех или иных хозяйственных мер или процессов, а также все содержание семейного хозяйства, но внутривладельческое противостояние субъективных оценок, хотя и с учетом объективно данных условий конкретного хозяйства.

От предприятия, построенного по описанным выше принципам, не следует ожидать никаких экстравагантностей в отношении ведения хозяйства, ибо обычно объекты, обеспечивающие максимальный заработок на затраченный трудодень и обеспечивающие капиталистическому хозяйству максимальную прибыль, располагаются в одной плоскости. Однако эмпирические исследования свидетельствуют, что в ряде случаев структурные особенности крестьянского семейного хозяйства вынуждают крестьянина отказываться от образа действий, диктуемого обычной формулой расчета капиталистической прибыли.

Подобные различия выражены особенно четко в густонаселенных районах, где недостаток земли лишает крестьянскую семью возможности полностью реализовать свою рабочую силу в условиях оптимальных форм организации труда, т.е. таких, которые обеспечивают максимальный заработок. Для капиталистического хозяйства такие оптимальные формы организации, при которых достигается оптимальный уровень производственной интенсификации, являются обязательной нормой. Ибо в условиях дальнейшей интенсификации, согласно закону убывающего плодородия, постоянно снижается эффект от увеличения затраты труда и, следовательно, неотвратимо уменьшается чистая прибыль. Наоборот, в крестьянском хозяйстве, страдающем от малоземелья, стремление к покрытию потребностей в течение года заставляет семью прибегать даже к малорентабельной интенсификации и ценой снижения заработка на трудодень добиваться роста валового трудового дохода за год.

Так, в обследованных проф. Э. Лауром малоземельных хозяйствах Швейцарии крестьяне утраивали интенсивность. При этом они существенно теряли в заработке на единицу выработки, но зато выигрывали возможность на очень ограниченном участке земли полностью использовать свою рабочую силу и прокормить семью. Таким же образом малоземельные крестьяне северной и западной России расширяют посевы льна и картофеля, часто менее рентабельные по сравнению с овсом, но за этот счет обеспечивают более высокую производительность труда и повышают валовой заработок семьи.

Другими словами, капиталистическое хозяйство может повышать интенсивность выше оптимальной лишь в том случае, если изменившаяся конъюнктура рынка сама сдвигает этот оптимум в направлении более высокой интенсивности. В семейном же трудовом хозяйстве интенсификация возможна без каких-либо рыночно-конъюнктурных изменений и только под нажимом внутривладельческих сил: в первую очередь вследствие неблагоприятного соотношения между размерами семьи и земельного надела. Описанные здесь особенности крестьянского семейного хозяйства, безусловно, накладывают отпечаток на всю национально-экономическую систему, если эта последняя складывается исключительно на базе семейного хозяйства и в силу этого лишена категории заработной платы.

Эта специфика выступает особенно четко при анализе ренты в условиях семейного хозяйства.

Абсолютная рента как объективная народнохозяйственная категория дохода, которая складывается из валового дохода за вычетом вещественных издержек производства, заработной платы и обычного процента на капитал, естественно, невозможна в семейном хозяйстве просто потому, что вычитаемые величины в этом случае отсутствуют. Тем не менее, для товарных семейных хозяйств обычные рентообразующие факторы, конечно, сохраняются, в том числе более высокое плодородие земли, меньшая удаленность от рынка, и продолжают все сильнее влиять на доходы и размер выработки на единицу труда. Более глубокий анализ показывает, однако, следующее: один только неделимый трудовой доход семейного хозяйства и соответственно благополучие хозяйствующей семьи не увеличиваются в такой степени, в какой растет рента капиталистического предприятия под действием тех же факторов, ибо трудящийся крестьянин, констатируя рост производительности труда, безусловно, постарается добиться равновесия внутривозрастных факторов еще раньше, т.е. при меньшей степени самоэксплуатации своей рабочей силы. Он удовлетворяет потребности семьи несколько полнее в условиях меньшего напряжения ее усилий, и как следствие, снижает техническую интенсивность хозяйства в целом.

Однако, по мнению А.Н. Челинцева и Н.П. Макарова, эта напоминающая ренту ситуация, выражающаяся в несколько более высоком жизненном уровне, не является продолжительной, ибо территории, где такое возможно, без сомнения, привлекут поток населения из менее благополучных зон, в результате чего произойдет дальнейшее мельчание земельных наделов, что в свою очередь повлечет за собой интенсификацию крестьянского труда и соответствующее снижение благосостояния до обычного уровня.

Если в таких условиях начнут действовать аренда и свободная продажа земли, то, естественно, цена на нее будет определяться капитализацией ренты, так как категория ренты даже в нашем нынешнем понимании этого слова, как мы только что видели, вообще отсутствует в исследуемом нами хозяйственном укладе.

Тем не менее, совершенно бесспорно, что при землепользовании в условиях товарно-денежных отношений переход наделов из одних рук в другие не может происходить безвозмездно. Таким образом, перед нами встает основной вопрос экономики семейного хозяйства: чем определяется цена земли? Что может заплатить крестьянское хозяйство за землю и за сколько оно ее отдаст?

Мы сможем ответить на поставленный вопрос, если подойдем к нему, отталкиваясь от понятия специфической рентабельности, которую мы выявили для трудового семейного хозяйства. При таком подходе следует, что аренда или приобретение земли будут выгодными для крестьянской семьи только, если с ее помощью можно будет добиться равновесия в хозяйстве, либо за счет более высокого, чем до сих пор, уровня жизни, либо за счет меньшего напряжения рабочей силы.

Крестьянские хозяйства, владеющие значительными наделами и, следовательно, имеющие возможность использовать всю рабочую силу семьи при оптимальном уровне интенсивности сельскохозяйственных работ, не нуждаются в аренде или покупке земли с целью ее производственного использования, и любая затрата в этом направлении представляется крестьянину нерациональной, ибо она не способствует улучшению материального благополучия семьи и ведет лишь к расходованию средств.

Для семьи же, владеющей малым наделом, на котором может быть использована лишь часть ее рабочей силы, приобретение нового объекта с целью реализации неиспользованных трудовых ресурсов представляется очень важным, так как позволяет приблизить степень интенсификации хозяйства к оптимальному уровню, а зачастую и использовать рабочее время, ранее обреченное на вынужденную потерю.

В обоих случаях увеличение заработка на выработанную единицу и, следовательно, подъем благосостояния могут быть столь значительными, что семейное хозяйство получит возможность значительную часть валового дохода, полученного с вновь приобретенного участка, использовать на уплату аренды или покупки.

Несмотря на кажущуюся парадоксальность, мы смеем даже утверждать, что крестьянское хозяйство будет готово платить за землю тем больше, чем ее у него меньше и чем оно беднее. В результате нам придется признать, что цена на землю как объективная народнохозяйственная категория зависит от сложившейся конъюнктуры земельного рынка, т.е. от степени и остроты нужды в земле среди малоземельных, а также от предложения оставшейся по каким-то причинам свободной земли.

Таким образом, в системе семейного хозяйства уровень цен на землю зависит не только от рыночной конъюнктуры сельскохозяйственных продуктов и вытекающей из нее рентабельности аграрного производства, а в еще большей степени от увеличения плотности сельского населения региона.

Исследования проф. В.А. Косинского динамики земельных и арендных цен в России, а также соответствующие работы Э. Лаура по крестьянскому хозяйству в Швейцарии свидетельствуют, что цены, которые малоземельные крестьянские хозяйства платят за землю, значительно превышают капиталистическую абсолютную ренту и могут служить эмпирическим подтверждением наших теоретических постулатов.

Чрезвычайно интересно, что обстоятельства, связанные с другой народнохозяйственной категорией — с обычным для товарного рынка процентом на капитал, в рамках семейного предприятия проявляют себя аналогично.

Ясно, что использование капитала будет выгодным семейному хозяйству только, если в результате оно получит возможность при более высоком благосостоянии, чем прежде, обеспечить равновесие между тяжестью труда и степенью удовлетворения потребностей.

Во всех случаях, когда новые затраты капитала будь то за счет повышения производительности труда или расширения зоны его приложения обещают подъем благосостояния, семья готова платить на него очень высокий процент. Но, естественно, он не должен быть столь высоким, чтобы свести на нет выгоду, ожидаемую от нового приложения капитала.

Возникающие по описанной выше схеме спрос, с одной стороны, и предложение — с другой, определяют ценообразование на рынке в условиях нормального рыночного процента на ссуду.

Другими словами, согласно вышесказанному нам следует предположить, что хотя «оборот капитала» в семейном хозяйстве не дает дохода с капитала в форме некоторого особого объективно существующего вида, но зато оказывает существенное влияние на производительность труда, а тем самым и на уровень неделимого трудового дохода, а также на момент наступления внутривозрастного равновесия. Нормальный уровень рыночного процента по ссуде определяется, однако, не целиком всем продуктивным кругооборотом капитала в стране (который, очевидно, осуществляется не по классической формуле $D - T - D + P$), а только конъюнктурой спроса и предложения в той части национального капитала, которая находится в кредитном обращении.

Совершенно особенно происходит в семейном хозяйстве и внутривозрастный оборот капитала. Если семейное хозяйство не пользуется ссудным кредитом посторонних источников, то оно вынуждено удовлетворять требованию, согласно которому любая капитальная затрата на хозяйство, как при первоначальном его накоплении, так и при его воспроизводстве, не только должна сулить выгоду, но, кроме того, семья должна быть в состоянии выделить на эту затрату требуемую сумму из своего трудового дохода, что, разумеется, возможно только за счет собственного потребления.

Это, разумеется, возможно, только, если потребительское значение суммы, предназначенной для производства, в глазах трудящейся семьи представляется меньшим, чем ее значение для производства.

Ясно, что средства для создания капитала семья сможет выделить из своего годового дохода тем легче, чем он выше. В тяжелые периоды недородов или неблагоприятной рыночной конъюнктуры бывает очень трудно при низких заработках семьей изымать какую-то часть дохода из потребления, чтобы использовать ее для создания новых капитальных стоимостей или даже просто направить на замену оборотного капитала.

Согласно сказанному в национально-экономической системе трудового семейного предприятия, или, иначе, в экономической структуре общества, в котором производство реализуется в форме крестьянского или ремесленного предприятия и где полностью отсутствует институт наемного труда, существуют следующие экономические категории:

1. Единый неделимый трудовой доход семьи, реагирующий на рентообразующие факторы:

Сравнение оценок потребительской и производственной значимости n -й единицы трудового дохода является одной из наиболее сложных проблем теории семейного трудового хозяйства. Ее подробному исследованию посвящена глава 4 моей книги «Die Lehre von der bauerlichen Wirtschaft» (Берлин, 1923) («Учение о крестьянском хозяйстве», — Ред.). В нашем анализе за масштаб значимости производства мы принимаем ту степень напряженности труда, которая должна иметь место, если n -я единица дохода не используется на создание или замену капитала.

Мы включили неделимый трудовой доход семьи в число народнохозяйственных категорий, ибо он определяется не только техническими, но и целым рядом социальных факторов, в частности развитием уровня традиционных и привычных потребностей, плотностью населения и, наконец, рентообразующими факторами, характерными для данной местности.

2. Процесс воспроизводства средств производства (образование капитала в широком смысле слова).

3. Цены на капиталы, находящиеся в кредитном обращении.

4. Цена на землю.

Еще более необычную картину мы увидим, если усложним рассматриваемую здесь форму семейного хозяйства тем, что уберем из нее категорию рыночной цены, т.е. факт товарообмена. На первый взгляд могло бы показаться, что почти натуральное в этом случае семейное хозяйство не носит никаких признаков народнохозяйственного уклада. На самом же деле более пристальное наблюдение свидетельствует, что это все не так. В социально-экономическом массиве, состоящем сплошь из интегрированных трудовых хозяйств, покрывающих свои потребности в натуральной форме, оказывается все-таки возможным проследить целый ряд социально-экономических отношений, которые упорядочивают организацию каждой отдельной натурально-хозяйственной единицы и унифицируют ее производственную структуру.

На самом деле внутренняя частнохозяйственная структура отдельных натуральных семейных предприятий здесь та же, что и там, где она включена в меновые отношения, за исключением некоторых особенностей в расчете рентабельности, о которых уже сказано в начале данной статьи. Определяющим остается здесь то же понятие рентабельности, только еще более четко выступает невозможность применения формулы рентабельности капиталистического предприятия. Здесь также определяется равновесие между степенью удовлетворения потребностей и степенью тяжести труда. Так же точно происходят здесь процессы образования и замены средств производства. И если здесь отсутствует рентообразующий фактор отдаленности рынка, то все же различия в почвенно-климатических условиях, без сомнения, вносят в натуральное хозяйство определенный связанный с рентой момент.

Наибольшее значение для структуры натурального хозяйства имеет, однако, то обстоятельство, что интенсивность сельскохозяйственного производства и его организационные формы в наибольшей степени зависят от размеров земельного надела, которым располагает трудящаяся семья, и от уровня ее потребностей, т.е. от ее внутренних факторов (численность и состав семьи, соотношение между размерами семьи и надела, используемого в сельскохозяйственном производстве).

В этой связи плотность населения и формы землепользования приобретают значение исключительно важного социального фактора, который принципиально определяет народнохозяйственный уклад. Другим, менее важным, но также существенным социальным фактором является традиционный образ жизни, связанный с привычками и

обычаями, и определяющий уровень потребностей, а, следовательно, и напряженность рабочей силы.

Формулируя мысль иначе, можно сказать, что если представить себе некоторую территорию с натуральным крестьянским хозяйством и проанализировать этот социально-экономический массив, то можно увидеть, что, несмотря на отсутствие транспортных связей, на некоторую народнохозяйственную диссоциацию отдельных хозяйственных единиц, внутри этой территории имеет место целый ряд сложных экономических процессов, а их определяющим фактором являются демографические особенности, влияющие на плотность населения и его миграцию. Эти моменты определяют выбор системы земледелия, уровень благосостояния, а, следовательно, и форму накопления капитала в каждом конкретном случае, а также возможности налогообложения населения, которое создает базу для государственной и культурной организации нации.

Независимо от демографических факторов в нашем примере выделяются области более высокого благосостояния там, где рентообразующие факторы (качество земли и т.д.) особенно сильны. Как показывают эмпирические исследования в аграрных странах с полунатуральным укладом, исключительное значение приобретает здесь почти всегда (вследствие отсутствия регулирующего действия конъюнктуры рынка и ее экономического давления) внеэкономический пресс в форме административного регулирования землепользования, а иногда и «воинствующего регулирования» миграционных волн населения.

В странах с абсолютно натуральной хозяйственной структурой мы можем выделить следующие категории социально-экономического характера, определяющие устройство конкретных хозяйств:

1. Неделимый трудовой доход семьи, который определяется: а) плотностью населения, б) традиционным уровнем потребностей, в) рентообразующим воздействием более благоприятных почвенно-климатических условий.

2. Возможность капиталообразования и налогообложения населения, зависящие от уровня благосостояния.

3. Экономические меры, предпринимаемые государственной администрацией, которая регулирует землепользование и миграционные процессы путем внеэкономического воздействия.

Абсолютным антиподом системе семейного хозяйства является другой тип хозяйствования, также не содержащий категории заработной платы,— рабовладельческое хозяйство.

Различие бросается в глаза уже при первом сравнении частнохозяйственной морфологии структурных типов предприятий в том и другом случаях. Крестьянин и ремесленник являются самостоятельными хозяевами. Они самостоятельно распоряжаются и организуют производственную и прочую хозяйственную деятельность, получают в свое полное распоряжение и в полном объеме продукт своего труда соответствующей производительности, к которой их вынуждают и которую определяют потребности их семей, степень удовлетворения которых ограничивается только лишь тяжестью самого труда. Все эти моменты полностью отпадают в рабовладельческом хозяйстве.

Раб трудится в производстве, зависящем от чужой воли; он является лишь слепым орудием этой чужой воли, не имеет права на продукт своего труда, побуждается к труду только угрозой применения наказания и удовлетворяет свои потребности в зависимости от произвола рабовладельца и только в той мере, какая необходима для поддержания его (раба) работоспособности.

Для рабовладельца использование раба имеет смысл лишь постольку, поскольку после покрытия издержек производства и затрат на содержание раба у него остается прибавочный продукт, который, будучи реализован на рынке, дает объективный доход от рабовладения. Как уже было показано Г.И. Нибуrom, институт рабовладения появляется в тот момент, когда развитие производительных сил человечества достигло такой стадии, когда упомянутый прибавочный продукт уже может быть произведен.

Так как стоимость содержания рабов определяется физиологическими нормами и характером выполняемой работы и не является народнохозяйственной категорией, за которой скрываются сложные социально-экономические зависимости (как это видно на примере категории заработной платы), то раб, если абстрагироваться от этических норм патриархального жизненного уклада, которые приобретают большое значение, например, в рабовладельческом обществе мусульманского мира, так вот раб, с точки зрения организации труда, мало чем отличается от рабочего скота.

Изложенные здесь особенности частнохозяйственной организации рабовладельческого предприятия имеют многочисленные и для национальной экономики существенные последствия.

Из валового дохода своего предприятия после покрытия вещественных издержек производства и расходов на содержание раба рабовладельцу остается некоторая сумма дохода. Если из этой суммы вычесть обычный процент, рассчитанный на вложенный основной и оборотный капитал, а не на стоимость раба, то, очевидно, остаток следует отнести к доходу раба.

В капиталистическом обществе этот причитающийся трудящемуся остаток составил бы часть его заработной платы, которая (часть) превышает стоимость пищи, одежды и жилья, предоставляемых предпринимателем. В системе же рабовладельческого хозяйства эта часть дохода, чисто экономически выработанная в процессе рабского труда, в силу положения рабовладельца присваивается им, а не рабом, и превращается в совершенно новый вид нетрудового дохода, который для рабовладельца есть цель и смысл.

Этот доход, уже более не представляющий собой чисто техническую норму (как, например, затраты на содержание раба), определяется сложной системой целого ряда социально-экономических взаимозависимостей, представляет собой народнохозяйственную категорию и образует рабовладельческую ренту, поступающую владельцу в силу права собственности. Если рабовладельческое предприятие является аграрным хозяйством, то нетрудовой доход из рабовладения будет расти одновременно с превращением менее благоприятных условий производства и транспортных возможностей в более благоприятные. Но так как раб и его производительность остаются при этом неизменными и доход рабовладельца при замене одного раба другими не снижается, то образовавшийся здесь прибавочный доход не следует связывать с рабовладением как таковым, а нужно отнести за счет земли (ибо он образовался благодаря более высокому плодородию почвы или близости земельного надела к рынку) и рассматривать как обычную дифференциальную ренту. До тех пор пока сохраняется возможность на основе рабского труда получать такой же технический результат, как и на основе труда наемного, эта земельная рента будет количественно соответствовать земельной ренте капиталистического сельского хозяйства.

Таким образом, в теории рабовладельческого хозяйства могут сохраняться все социально-экономические категории капиталистического хозяйства с той только разницей, что категория наемного труда заменяется рабовладельческой рентой. Эта последняя присваивается рабовладельцем, и ее капитализированная стоимость дает цену на раба, которая является объективным рыночным феноменом.

Размер рабовладельческой ренты определяется продуктивностью ее использования (определение заработной платы через производительность предельного рабочего аналогично схеме, принятой в системах англо-американских теоретиков). Сложнее представляется определение рыночной цены на раба. Как уже указывалось, она имеет тенденцию, с одной стороны, достигать размера капитализированной ренты предельного раба, которая является, так сказать, потребительской ценой, в то время как, с другой стороны, себестоимость «производства рабов» образует цену предложения. Здесь нам следует различать две системы рабовладельческого хозяйства:

1. Система, в которой пополнение армии рабов происходит путем доставки взрослых людей, плененных в чужих странах в ходе войн, а эксплуатация ориентирована на полный и быстрый износ рабочей силы при отсутствии расходов на воспитание детей (воспроизводство) и длительное поддержание жизни взрослых.

2. Система, в которой пополнение армии рабов происходит путем воспроизводства человеческого материала внутри семьи раба, т.е. естественным путем, что, конечно, требует затрат на воспитание потомства, а также предполагает меньшую степень эксплуатации рабочей силы рабов, в частности, женщин.

В первом случае себестоимостью приобретения раба являются затраты на его пленение. Во втором — затраты на возвращение и воспитание, которые, как правило, значительно выше. В исторические периоды, благоприятствовавшие приобретению человеческого материала путем пленения противников в ходе войны, например в Древнем Риме, в античных государствах Передней Азии и даже в первые десятилетия в испанской Америке, цена по себестоимости, т.е. издержки производства человеческого материала, была очень низка, и обычная капитализированная рабовладельческая рента превосходила ее во много раз. Доказательством тому является высокая рыночная цена патентов на приобретение рабов испанской короны, на основании которых в первоначальный период импорта негров в Америку выдавалось право на поимку и ввоз рабов.

Дешевизна человеческого материала позволяла расширять рабовладение и использовать рабов при постоянном снижении производительности труда, но, естественно, лишь до того момента, когда неуклонно падающая рабовладельческая рента уравнивалась с себестоимостью приобретения. Этот момент определял рыночную цену раба и размер рабовладельческого хозяйства. В той мере, в какой скудеют источники захвата рабов в результате частых войн и разорения, все выше растет себестоимость их приобретения, все быстрее растет рыночная цена, а применение рабов, дающее низкую рабовладельческую ренту, становится нерентабельным и постепенно отмирает. В результате объем рабовладения сокращается.

Согласно всему сказанному важным обстоятельством гибели античной рабовладельческой системы можно считать то, что при переходе от приобретения рабов путем пленения в процессе войн к мирному, т.е. путем естественного воспроизводства, античное хозяйство столкнулось со столь высокой себестоимостью приобретения рабов, что она уже начала превышать капитализированную ренту.

Во всяком случае, цена на раба как феномен, подчиняющийся закономерности рынка, представляет собой объективную категорию, которая определяет производство раба в частнохозяйственной системе учета. Очевидно, что с позиции частнохозяйственного рабовладельческого хозяйства выгодно лишь постольку, поскольку приобретение раба обеспечивает рабовладельцу чистый доход, не меньший, чем рабовладельческая рента, которая в данный момент существует как объективная народнохозяйственная данность и материализуется через рыночные отношения как цена за раба.

Следует еще напомнить, что рабовладение (или в более общем определении подневольность человека в ее экономическом выражении) существует в целом ряде весьма отличных друг от друга вариантов.

Так, например, русское крепостное право в форме оброка является полной противоположностью описанной выше системы рабовладения. Эта форма есть совершенно особое сочетание семейного трудового хозяйства с рабовладельческим, и представляет чрезвычайный теоретический интерес.

Сельскохозяйственное предприятие оброчного крестьянина было организовано в обычной для семейного трудового хозяйства форме. Трудящаяся семья всю свою рабочую силу использовала только в собственном сельскохозяйственном или каком-либо другом промысле. Однако в силу внеэкономического давления такое предприятие было вынуждено отдавать владельцу крепостной семьи определенную сумму произведенной стоимости, которая называлась «оброк» и представляла собой крепостную ренту.

Несмотря на сходство правового положения раба и крепостного, экономические структуры рабовладельческого и крепостного хозяйств совершенно различной природы, а оброк ни качественно, ни количественно не совпадает с рабовладельческой рентой.

Хозяйство крепостного оброчного крестьянина ни в чем не отличается по своей внутренней частнохозяйственной структуре, как это уже подчеркивалось, от обычной и уже известной формы семейного трудового хозяйства.

При этом режиме семья на свой страх и риск ведет собственное хозяйство, получает в собственное распоряжение произведенный продукт, стимулируется собственными потребностями.

В русском крепостном праве различаются три вида крепостных: дворовые люди, т.е. предназначенные для удовлетворения потребностей барского домашнего хозяйства самого помещика и его семейства в личных домашних услугах. Дворовые, не имевшие своего хозяйства, могли использоваться в помещичьем хозяйстве, если оно велось непосредственно в поместье; барщинные крестьяне, т.е. имевшие собственное хозяйство и обязанные отрабатывать определенное число дней в неделю в помещичьем хозяйстве, работая в поле или на господском дворе; оброчные крестьяне, которые применяли свою рабочую силу в собственном аграрном хозяйстве и были обязаны выплачивать часть дохода помещику к затрате своей рабочей силы, а количество продукта, которое должно быть произведено, определяется специфическим для данного семейного трудового хозяйства равновесием между степенью тяжести труда и удовлетворением потребностей семьи.

В данном случае вследствие внеэкономического пресса семья вынуждена так регулировать это равновесие, чтобы за счет произведенного продукта, помимо удовлетворения собственных потребностей, можно было выделить средства на уплату помещику оброка.

Из-за такой более напряженной потребности в материальной стоимости в данном типе по сравнению со свободным крестьянским хозяйством равновесие между тяжестью труда и степенью удовлетворения потребностей достигается за счет более высокой степени самоэксплуатации труда, чем в свободном крестьянском хозяйстве. При этом, однако, большее напряжение рабочей силы не позволяет создавать столько добавочного продукта, сколько необходимо на покрытие оброка, а, следовательно, часть требуемой стоимости неизбежно изымается из потребностей семьи, что влечет за собой снижение уровня благосостояния оброчной семьи по сравнению с семьей свободного крестьянина.

Выплачивая помещику оброк частично ценой ужесточения напряженности рабочей силы, частично за счет ограничения удовлетворения собственных потребностей, крепостное хозяйство создает одну национально-экономическую категорию — нетрудовой доход помещика, т.е. крепостную ренту.

Без учета выплаты этой ренты оброчное хозяйство в любом другом отношении остается обычным семейным трудовым хозяйством со всеми присущими ему и показанными выше организационными особенностями.

Если обратиться теперь к факторам, определяющим высоту оброка, то сначала необходимо рассмотреть его особую природу. Оброк, выплачиваемый под давлением внеэкономических рычагов, в его количественном отношении определяется волей помещика. Интересы его требуют доведения оброка до возможного максимума. Единственным естественным ограничением является угроза разорения крепостного хозяйства и утраты им способности к налогообложению.

Таким образом, высоту оброка можно будет считать нормальной до тех пор, пока он выплачивается за счет увеличения напряжения трудовых усилий крепостных и снижения их собственного потребления, но не за счет замены или вынужденного создания нового капитала.

Если налоговый пресс приостанавливает замену и создание нового капитала в крестьянском хозяйстве, то оброчная система начинает подрывать собственные корни.

Разумеется, что оброчные хозяйства, находящиеся в более благоприятных рентообразующих условиях, могут выплачивать помещику и относительно более высокий оброк. Однако такое увеличение оброка следует отнести не за счет производительности труда человека, а за счет земли, и оно являет собой обычную дифференциальную земельную ренту.

В условиях свободной купли-продажи земли и крепостных работников часть оброка, образующаяся за счет земли и в свою очередь образующая земельную ренту, капи-

тализируется и определяет цену на землю, тогда как прочая часть, создающаяся трудом крепостного и представляющая собой крепостную ренту, капитализируясь, определяет товарную цену на крепостного работника.

Не требует доказательства, что крепостная рента определяется способностью предельного крестьянина платить оброк, производя продукцию в наиболее неблагоприятных условиях, тогда как дифференциальная земельная рента определяется соответствующей разницей между способностью к налогообложению предельного крестьянина и любого другого крестьянского хозяйства.

Учитывая существенные качественные различия между образованием и формой уплаты оброка, с одной стороны, и рабовладельческой ренты — с другой, а также различия в организации производства рабовладельческого и мелкого крепостного хозяйства, нельзя ожидать, что крепостная и рабовладельческая ренты будут количественно равны.

Еще значительнее различия в ценообразовании на крепостного работника и раба. Как мы могли уже заметить, в образовании цены на раба очень существенную роль играет себестоимость его приобретения. В крестьянском крепостном хозяйстве на оброке помещик не несет никаких расходов на воспроизводство человеческого материала — причина, почему число крепостных не определяется (как это характерно для рабовладельческого хозяйства) равновесием между предельными доходами и предельной себестоимостью раба. Воспроизводство потомства, а, следовательно, и численность крепостных определяют сами крепостные. Поэтому способность к налогообложению, а тем самым и рента предельного крепостного определяются некоторым данным количеством крепостных в данной стране и в данное время.

Сказанного достаточно для морфологической характеристики оброчного крестьянского хозяйства. Противопоставляя эту систему экономическому типу рабовладельческого хозяйства, наглядно убеждаешься в том, что, несмотря на некоторое внешнее сходство правового положения, эти системы принципиально различны и определяются совершенно различными экономическими зависимостями.

А. ЧАЯНОВ

ОРГАНИЗАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Вопрос о теоретических основах организации крестьянского хозяйства был постепенно выдвинут из горнила агрономической и кооперативной практики и поставлен первоначально в виде многочисленных отдельных недоумений и размышлений над частными организационными проблемами. Генетически наше учение сложилось из двух русел исследовательской работы:

1. Постепенного накопления огромного эмпирического материала по вопросам организации крестьянского хозяйства, полученного частью путем обработки данных земской и государственной статистики, частью путем самостоятельных, по преимуществу бюджетных, исследований. Простое индуктивное обобщение этого материала приводило к целому ряду бесспорных эмпирических выводов, составляющих, как увидит из последующих глав читатель, две трети содержания настоящей книги.

2. Установления, также эмпирически, целого ряда фактов и зависимостей, которые не укладывались в рамки обычного представления об основах организации частного хозяйственного предприятия и требовали какого-либо специального толкования. Эти специальные объяснения и толкования, даваемые в начале в каждом конкретном случае отдельно, внесли в обычную теорию частного хозяйственного предприятия такое количество осложняющих элементов, что, в конце концов, оказалось, более удобно обобщить их и построить особую теорию трудового семейного предприятия, несколько отличающегося по природе своей мотивации от предприятия, организованного на наемном труде.

Эта гипотеза освободила теоретический анализ организации крестьянского хозяйства от многочисленных поправок, исключений и осложнений и позволила построить более или менее стройное логическое обобщение всего эмпирического материала. Таким образом, и создано постепенно «особое понимание природы крестьянского хозяйства», с которым связано столько досадных недоразумений.

Так как из этих двух путей генезиса нашего учения об организации крестьянского хозяйства только второй имеет методологический и теоретический интерес, мы и стараемся, возможно, подробно и конкретно осветить его этапы.

Главнейшие факты и эмпирические зависимости, обратившие внимание на особенности в организации крестьянского хозяйства, можно свести к следующим, имевшим для развития теории решающее значение.

1. В конце прошлого столетия пермский агроном Д.И. Кирсанов, занятый распространением среди крестьян улучшенного инвентаря, наткнулся на крайние затруднения в распространении молотилок, несмотря на их крайнюю, бухгалтерски исчисленную выгоду. Главную причину этого неуспеха он видел в том, что в данном случае труд, вытесняемый машиной, в условиях зимнего времени в Пермской губернии не мог найти себе никакого приложения. Благодаря этому несомненное удешевление производства наталкивалось здесь на тот факт, что введение усовершенствованной и выгодной машины не только не увеличивало общей суммы доходов крестьянина, но уменьшало ее на величину ежегодной амортизации машины. Если, согласно аналогии с организационными основами обычного частного предприятия, считать, что крестьянское хозяйство есть такое предприятие, в котором предприниматель и рабочий соединены в одном лице, то в данном случае выгода крестьянина как предпринимателя целиком погашалась его убытками как наемного рабочего, вынужденного удлинить свою сезонную безработицу.

2. Незадолго до революции 1905 г. киевский профессор В.А. Косинский написал толстую книгу, называемую «К аграрному вопросу», где с очень большой тщательностью и обширным материалом доказывал, что арендные цены, уплачиваемые крестьянами за снимаемую у наемных владельцев пашню, значительно выше той чистой прибыли, которую с этих же земель можно получить при капиталистической их эксплуатации! Около этого же времени П.П. Маслов отметил это обстоятельство в I томе своего «Аграрного вопроса» и установил понятие «потребительской аренды», в которой под давлением потребительской нужды малоземельные крестьяне, избегая вынужденной безработицы, платят за аренду земли не только ренту и весь чистый доход, но и значительную часть своей заработной платы. В данном случае опять интересы крестьянина как рабочего, бедствующего в своем хозяйстве от безработицы, пересиливают его интересы как предпринимателя. Впоследствии было показано, что отмеченная особенность распространяется не только на арендные платы, но и на цены на землю, платимые крестьянами в размерах, значительно превышающих капитализированную ренту.

3. Такое же объяснение, как и в случае с продовольственной арендой, мы должны были дать при анализе экономических основ крестьянского льноводства и картофелеводства. Эмпирические материалы, собранные в отношении этих трудоемких культур, указывали, что часто эти культуры по сравнению, например, с овсом дают при бухгалтерском анализе очень малую чистую прибыль, а потому почти никогда не получают большого распространения в частновладельческих и крупнокрестьянских хозяйствах. Малоземельные крестьяне, теряя в размере чистой прибыли, весьма широко их разводят, так как этим получают возможность расширить объем реализуемого ими в своих хозяйствах труда и сократить сезонную безработицу.

4. Вологодские, воронежские и ряд других бюджетных исследований указали нам обратную зависимость между земельным наделом и размером промыслового дохода. Чем меньше площадь землепользования, тем больший объем приобретает промысловая деятельность. При этом весьма интересно то, что суммарный доход от сельского хозяйства и промыслов вместе если не постоянен в различных посевных группах, то, во всяком случае, более постоянен, чем промысловый и сельскохозяйственные доходы в отдельности.

Говоря иначе, поскольку сам крестьянин как рабочий-предприниматель не в состоянии развить в своем хозяйстве достаточную реализацию своего труда и добыть себе достаточный, по его мнению, заработок, он бросает на время свое предприятие и превращается просто в рабочего, бегущего в чужое предприятие, спасаясь от безработицы в собственном.

5. Профессору Н.П. Никитину в одной из работ в семинарии А.Ф. Фортунатова удалось установить, что в России в отличие от Англии заработные платы не прямо, а обратно пропорциональны ценам на хлеб. Так как цены на хлеб определялись урожаем, то объяснение отмеченного феномена, естественно, сводилось к тому, что крестьяне как рабочие-предприниматели в годы неурожая и, следовательно, высоких цен, не имея возможности свести концы с концами за счет своих сельскохозяйственных предприятий, выбрасывали себя как рабочих на рынок труда и сбивали заработные платы массовым наплывом предложения рабочих рук.

6. Анализ бюджетных материалов по мелкокрестьянским хозяйствам Швейцарии, Вологодской, Московской, Харьковской, Новгородской и Тамбовской губерний с несомненностью установил, что рабочая сила крестьянских семей используется ими далеко не в полной и не в одинаковой степени напряжения и на степень этой самоэксплуатации в сильной степени влияет степень валовой производительности этого труда.

Так, например, если в зависимости от улучшения рыночной конъюнктуры или более рентабельного положения хозяйства каждая единица труда начинает давать большую выработку, то общая выработка хозяйства, конечно, растет, но не с такой скоростью, с какой нарастает производительность единицы труда, а, следовательно, число реализуемых единиц труда падает, что подтверждается и прямыми наблюдениями. В данном случае крестьянин как рабочий, воспользовавшись благоприятным положением хозяйства и своими рентными доходами, заставляет крестьянина как предпринимателя предоставить ему лучшие условия труда в смысле сокращения годового рабочего времени вопреки естественному стремлению предпринимательства расширить объем хозяйственной работы для использования удачной конъюнктуры.

Приведенный список нарушений предпринимательских правил крестьянским хозяйством, как это читатель увидит в последующих главах, может быть значительно расширен. Последние исследования установили, что все они особенно ярко выражены в районах аграрного перенаселения, материалы которых и послужили нам для наших первых работ.

Однако ввиду массового характера аграрной перенаселенности отмеченные явления имеют столь же массовый характер и могут дать достаточный материал для изучения.

Как видно из нашего попутного анализа, все эти случаи могут быть истолкованы при помощи категорий капиталистического хозяйства, построенного на наемном труде. Для этого, однако, приходится создавать весьма сомнительную концепцию, объединяющую в лице крестьянина и предпринимателя-капиталиста, и эксплуатируемого им рабочего, впадающего в хроническую безработицу и заставляющего своего хозяина во имя своих рабочих интересов переламывать свое хозяйство и поступать предпринимательски невыгодно. Возможно, что эта фикция в интересах монизма экономического мышления и должна быть сохранена, как указывал, например, профессор А. Вебер, во время нашего с ним личного разговора по поводу немецкого издания этой книги.

Однако нам лично она кажется слишком натянутой и искусственной и к тому же практически скорее запутывающей наблюдающиеся факты, чем поясняющей их. Поэтому мы более склонны воспользоваться для теоретического истолкования наблюдавшихся организационных особенностей другой гипотезой, основанной на концепции крестьянского хозяйства как трудового семейного хозяйства, в котором семья в результате затраты годового труда получает единый трудовой доход и соизмеряет свои усилия с получаемым материальным результатом.

Говоря иначе, мотивацию хозяйственной деятельности крестьянина мы принимаем не как мотивацию предпринимателя, получающего в результате вложения своего ка-

питала разницу между валовым доходом и издержками производства, а скорее как мотивацию рабочего, работающего на своеобразной сдельщине, позволяющей ему самому определять время и напряжение своей работы.

В этой скромной предпосылке, в сущности, и заключается вся оригинальность нашей теории организации крестьянского хозяйства, так как все остальные выводы и построения строго логически вытекают из этого основного предположения и увязывают весь эмпирический материал в довольно стройную систему.

В противопоставлении этих двух гипотез весь ключ вопроса: мы должны принять или концепцию фиктивного двоедушия крестьянина, объединяющего в своем лице и рабочего, и предпринимателя, или концепцию семейного хозяйства с мотивацией своей работы, аналогичной мотивации сдельщины. Ничего третьего не дано.

Мы остановили свой выбор на втором как на гипотезе, менее эффективной и более просто поясняющей все наблюдаемые явления. Впрочем, на наш выбор в значительной степени повлияло и некоторое расширение теоретической постановки вопроса о крестьянском хозяйстве.

Концепция крестьянского хозяйства как хозяйства предпринимательского, в котором хозяин нанимает самого себя в качестве рабочего, мыслима только в условиях капиталистического строя, так как вся она состоит из капиталистических категорий. Крестьянское же хозяйство как организационная форма, а в настоящий момент оно нас только так и интересует, вполне мыслимо и в других народнохозяйственных системах, а именно в условиях крепостнически-феодалных, в условиях крестьянско-ремесленных стран и, наконец, в условиях чисто натурального быта, т.е. в условиях таких народнохозяйственных систем, в которых совершенно отсутствовали категории наемного труда и заработной платы — если не исторически, то логически.

Сообразно этому, если мы хотим иметь для крестьянского трудового хозяйства одну организационную концепцию вне зависимости от того, в какую народнохозяйственную систему оно входит, то мы должны будем неизбежно остановиться на семейно-трудовом понимании его организационной сущности.

Само собой понятно, что для каждой системы народного хозяйства и даже для каждой фазы ее развития народнохозяйственная роль крестьянских хозяйств, их взаимоотношение с другими типами хозяйств, взаимоотношения и борьба крестьянства как класса с другими сосуществующими ему классами и, наконец, форма участия, и доля в распределении национального дохода будут в высшей степени различны. Но организационно склад основной ячейки крестьянского трудового семейного хозяйственного предприятия останется тот же самый, всегда в частности видоизменяющийся и приспособляющийся к окружающей народное хозяйство обстановке, до тех пор, конечно, пока крестьянское хозяйство существует как таковое и не начало перестраиваться в другие организационные типы.

Таков генезис и такова сущность нашей теории крестьянского хозяйства как учения об одной из организационных форм частнохозяйственного предприятия.

Какой бы из факторов, определяющих собой организацию крестьянского хозяйства, мы ни считали главенствующим, какое бы большое значение мы ни придавали влиянию рынка, размерам землепользования, наличности средств производства и естественным условиям плодородия, мы должны будем признать, что технически организующим элементом всякого производственного процесса являются рабочие руки. А так как в семейном хозяйстве, не прибегающем к наемному труду, запас рабочей силы, ее состав и степень трудовой активности всецело определяются составом и размером семьи, то эту последнюю нельзя не принять как один из главнейших факторов организации крестьянского хозяйства.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ НАЧАЛА ВЕКА И ЕГО ИНТЕРЕСЫ

Что такое крестьянское хозяйство? Для ответа на этот вопрос дадим сначала следующее общее определение: это такое сельское потребительное хозяйство, в котором работник, организатор хозяйства и его владелец объединены в одной семье, а иногда и просто в одном лице. Разберем подробнее это определение.

Природа в своих растениях и животных дарит человеку богатые дары; человек должен суметь собрать и сохранить эти дары; от человека требуется большое умение и много усилий заставить природу быть щедрой, заставить вырасти нужные растения, заставить скот служить ему своими продуктами.

Человек организует природу, он не позволяет ей «самовольно» дарить или обездоливать человека; он подбирает те растения, которые ему нужны, тех животных, которые ему полезны; человек, вооружившись техническим знанием, подбирает такие приемы обработки почвы, приемы ухода за растениями, такие способы кормления и содержания скота, которые давали бы человеку наибольшую пользу. Хозяйственный человек как организатор стремится так устроить хозяйство, чтобы с наименьшими затратами получить наибольший результат; для этого хозяин соображает, какое количество своего труда, своих средств производства он должен затратить, имея то или иное количество десятин земли, имея определенное количество «ртов»-едоков, имея определенные возможности продавать те или иные продукты своего хозяйства. Кроме того: хозяин выбирает те или иные отрасли производства, развивает одни, сокращает другие: больше ли засеять земли картофелем, льном или, наоборот, овсом; перейти ли от выкармливания мясного скота на продажу к содержанию молочного скота и продавать не скот, а молоко или усилить в хозяйстве свиноводство, приспособив к этому и состав растений на пашню и т. д. Во всех таких случаях хозяин решает одно: как организовать хозяйство в смысле участия в хозяйстве отдельных отраслей сельского производства. Наконец, хозяину приходится заботиться об организации своего хозяйства еще и в том отношении, чтобы потребности семьи хозяина могли быть удовлетворены результатами всей хозяйственной деятельности; вопрос о размерах производства в зависимости от потребностей хозяина — это тоже один из вопросов организации хозяйства. Все, чего мы только что коснулись, все это разные стороны организаторской деятельности. Установление системы сельского производства, подбор отраслей производства, установление размеров производства и руководство всей текущей жизнью хозяйства — все это и составит деятельность хозяина как организатора.

Но одно дело — деятельность организаторская; совсем другое дело выполнить все то, что намечает организатор. На капиталистической фабрике, в помещичьем хозяйстве организует все хозяин, управляющий или еще кто-либо, а исполняют всю намеченную организатором деятельность наемные работники. В крестьянском хозяйстве выполняет работы в соответствии с намеченным планом и способом ведения хозяйства сам же крестьянин-хозяин со всеми могущими работать членами семьи.

В старых, некультурных крестьянских хозяйствах, где хозяйство ведется «по старинке», организаторская деятельность выполняется, но выполняется «бессознательно»; и если такого домохозяина спросить, «организует ли он свое хозяйство», то он просто не поймет этого вопроса. В развивающемся культурном крестьянском хозяйстве, особенно когда вводится самоучет хозяйства при посредстве хотя бы упрощенного счетоводства, когда хозяин составляет «планы» и т.п., крестьянин-хозяин легко приходит к сознанию, что он не только «работник», но и «организатор» всех работ в хозяйстве и организатор самого хозяйства. И даже больше. Организатор хозяйства хочет с наименьшими затратами добиться наибольших результатов; если это капиталистическое хозяйство, то в нем наемный работник будет руководствоваться тем же желанием: минимально растрчивать свои силы, получая за это наибольший доход; поэтому наемный

рабочий не будет стремиться особенно напрягать свои силы, особенно беречь сырье, инструменты, если за всякую «бережливость» он не будет соответственно вознагражден хозяином. В крестьянском хозяйстве это противоречие пропадает: «организатор-хозяин» и «работник» объединены в одном лице, в одной крестьянской семье. Когда нужно, крестьянину самому выгоднее напрячь все силы (в покос, в жатву, в сев и т.п.); крестьянину самому выгоднее так работать, чтобы экономить сырье, чтобы сберечь инструменты, чтобы бережнее обходиться с каждым ценным для хозяйства животным или растением.

Здесь надо подчеркнуть, что в большинстве случаев крестьянин не только организатор и работник, но он же и владелец хозяйства, то есть владелец орудий производства и всей или части земли. Как владелец, он экономнее, бережнее обращается со своим владением.

Все это обрисовывает нам крестьянское хозяйство как семью, которая владеет землей и средствами производства, которая организует хозяйство и которая сама выполняет все работы.

...Перед нами ясно вырисовывается, как много существует условий, от которых зависит высота денежных доходов крестьянского хозяйства; из перечисленных условий главные следующие: 1) богатство потребительских рынков; 2) доля доходов посредников в той цене, по которой потребитель получает товар; 3) конкуренция других районов и стран, предлагающих товар, подобный товару крестьянского хозяйства того или иного района.

Но если крестьянское хозяйство зависит от этих условий как продавец товара, то обратно: оно должно затем выступить как покупатель. Важно не только то, сколько денег в руках у крестьянина-хозяина; важно и то, сколько он может купить на эти деньги ситца, железа и других товаров, нужных в хозяйстве и семье. Высокие цены на хлеб и на скот во время войны не облегчили положения крестьянскому хозяйству, так как одновременно цены на мануфактуру, железо и другие товары поднялись еще выше. Крестьянами ясно стала сознаваться «покупательная способность» их хлеба, льна, скота и т.п. они стали бояться брать «деньги», так как не находили в магазинах нужных им товаров. Как покупатель, крестьянин-хозяин заинтересован в низких ценах; низкие цены зависят от дешевизны производства товаров, от количества предлагаемых товаров и от той доли дохода, которая идет в пользу продавца-посредника.

Дешевизна производства товара зависит от уровня техники, от производительности труда рабочего и т.п. Вот почему крестьянское хозяйство может сознательно сочувствовать всем тем мероприятиям, которые поднимают уровень технического оснащения фабрик, которые поднимают производительность труда рабочих (сокращение рабочего дня, планомерный отдых рабочего, улучшение условий работы и т.д.).

Количество товаров зависит не только от местного производства их, но и от привоза их из других районов и в особенности из-за границы. Все это должно делать крестьянское хозяйство далеко не безучастным к международным торговым договорам и к внутренней промышленной политике государства. Крестьянское хозяйство заинтересовано в развитии местной и национальной промышленности, так как это улучшает рынок для его сельских продуктов; но оно заинтересовано и в подвозе иностранных фабрично-заводских изделий, особенно пока они имеют более низкую расценку или лучшее качество.

Наконец, надо указать и на то, что крестьянское хозяйство может немало терять из своих доходов из-за арендной платы, которую крестьянин уплачивает в погоне за землей. Чем острее общее малоземелье в той или иной местности, тем острее стоит этот вопрос. Малоземельные пойдут в этих случаях на такую арендную плату, которую не согласятся платить более земельные хозяйства, не так остро нуждающиеся в аренде земли.

Чем менее малоземельна будет местность, тем в большей мере будут выступать арендатором крупные крестьянские хозяйства, которые приарендовывают землю подчас не для потребительных целей, а для получения увеличенного денежного, иногда даже просто капиталистического дохода; в таких местностях арендная плата обычно не так уж

высока, ибо за приарендовыванием земли путем очень высоких цен гоняются лишь мелкие крестьянские хозяйства.

Чем острее малоземелье и чем меньше тех земель, которые можно было бы арендовать, тем большую долю своего дохода теряет крестьянское хозяйство в пользу владельца земли.

Теперь мы довольно полно очертили те условия, от которых зависит высота дохода отдельного крестьянского хозяйства. С одной стороны, действуют внутренние условия: 1) снабжение хозяйства землей, рабочими руками и средствами производства; 2) интенсификация производства; 3) подъем техники производства и организации. С другой стороны, действуют внешние условия: 1) высота цен на продаваемые крестьянским хозяйством продукты; 2) высота цен на покупаемые крестьянским хозяйством товары; 3) высота арендных цен, уплачиваемых крестьянским хозяйством за арендуемую им землю.

Как само крестьянское хозяйство, так и высота его доходов не есть что-то раз навсегда созданное и застывшее. Как живой организм, крестьянское хозяйство носится на волнах текущей жизни и постоянно изменяется.

Происходит прирост населения в крестьянской среде; часть его уходит из деревни навсегда, но часть увеличивает собою постоянное местное население: приходится интенсифицировать сельское производство, чтобы прокормить увеличившееся население на той же площади земли.

Делаются технические изобретения и открытия, усовершенствуются приемы и орудия сельского производства, — и все это вносится в крестьянское хозяйство и впитывается им.

Колеблются на мировом и национальном рынке цены: в 70 — 80-х гг. падают, а с середины 90-х г. почти непрерывно растут, — и крестьянское хозяйство идет вслед за ценами, то замирая, то оживляясь в своей перестройке.

Уменьшаются налоги и выкупные платежи «легче становится жить»: увеличивается обратная «тяга к земле»...

Медленно, но крепко всасывало почти столетия, но особенно последние 10 — 20 лет крестьянское хозяйство частновладельческую землю. Покупка земли крестьянами непрерывно росла, как показывают следующие цифры: за период с 1861 по 1904 г. к сельским обывателям перешло 25 млн. десятин земли, а за период с 1905 по 1915 г. — свыше 511 млн. десятин.

Издан был закон о выходе из общины, и это не осталось без воздействия на наше крестьянское хозяйство. Из общей суммы крестьянских хозяйств в России в 15 млн. около пяти с половиной по закону 1910 г. считалось вышедшими из общины, в том числе к 1916 г. 2 008 000 хозяйств сами подавали прошения о выходе из общины; около миллиона перешло на отруба и около 200 000 хозяйств — на хутора... Хотя эти цифры не точны, да кроме того, тут много было искусственного и насильного, но ясно: деревня и в этом отношении меняется непрерывно...

Всякое изменение во внешних условиях жизни крестьянского хозяйства затрагивало этот чуткий живой организм, постоянно отзывавшийся на все толчки русской жизни.

Рост фабричной и заводской жизни тоже, как мы видели, не мог бесследно пройти мимо крестьянского хозяйства; в одних районах он разрушил его, вбирая в себя рабочие силы крестьянского хозяйства; в других районах, создавая рынок для сельских продуктов, наоборот, укреплял позиции крестьянского хозяйства.

А в то же время оно само, внутри себя, медленно, но постоянно должно было совершать перестройку, особенно в тех районах, где отхожие и фабричные промыслы не приостанавливали расширение и интенсификацию сельского производства; внутренние производственные и организационные условия толкали к этому.

Наконец, во второй половине XIX в. в Европе, а в конце XIX в. и в России крестьянское хозяйство при всех своих изменениях все чаще начинает прибегать к кооперативной форме жизни; оно обрастает кооперацией со всех сторон и все в большей мере начинает соприкасаться с внешним миром только через кооперативы.

**РЕГИОНАЛЬНОСТЬ КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ВОПРОС
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

Пространственная разница в строе и состоянии сельского хозяйства оказывается весьма прочной. Это заставляет приписывать разную высоту производительности в народнохозяйственном масштабе не воле и сознательному усмотрению индивидуальных хозяев, а каким-то общим стихийно действующим факторам. Ниже мы убедимся в том, что за второй год небывало разрушительной мировой войны хозяйственные отношения и организационно-хозяйственные различия по районам остались, в общем, в тех же самых рамках (...). От чего зависит такая устойчивость в пространственных, а согласно предыдущему, и в хронологических переменах в строе сельского хозяйства?

Говоря кратко, дело сводится к природе техники и организации с.-х. производства и тем условиям народнохозяйственной среды, в которой сельское хозяйство находится. Как известно, данная масса с.-х. продуктов в ценностных единицах может быть получена при разном соотношении затрат рабочей силы, капитала и земли. При неисчерпаемом запасе земельной территории, годной для расширения с.-х. продукции, последнее возможно путем экстенсивным, т.е. увеличением эксплуатируемой с.-х. площади без повышения напряженности затраты труда и капитала на единицу площади. При исчерпании же свободных земель расширение с.-х. продукции возможно лишь путем повышения затраты труда и капитала; но повышение последних возможно лишь при соответствующей оплате их, оплате, удовлетворяющей масштаб выгоды хозяйств разных типов, — капиталистического наемнического и трудового ремесленного. Это повышение трудовых и капитальных затрат, в свою очередь возможно в пределах прежних господствующих отраслей сельского хозяйства лишь до известного предела, после которого повышение затрат на единицу площади, т.е. повышение интенсивности, прекращается, так как делается невыгодным. Избегая этого, сельское хозяйство неизбежно должно менять состав производительных отраслей, т.е. культур и животноводческих отраслей в направлении отбора тех из них, которые будут трудо- и капиталоемкими. Мало того, что более интенсивные отрасли земледелия и животноводства прекращают выгодную оплату затрат с ростом интенсивности лишь на более высоком уровне интенсивности, но они и могут иметь место лишь при таком минимуме затрат труда и капитала, который превышает собой максимальный выгодный предел затрат культур и отраслей экстенсивных.

В отношении емкости все более значительных и вместе с тем выгодных затрат труда и капитала отрасли земледелия располагаются, грубо говоря, так: пастбища, луга, зерновые хлеба примитивных культур, зерновые хлеба улучшенных культур, травосеяние вместе с использованием трав скотом, корнеклубнеплоды и прядильные, технические (табак), кустовые садовые и огородные культуры. В отношении животноводства: овцеводство, масляное рогатое скотоводство, дворовостойловое свиноводство, молочное скотоводство и птицеводство. Таким образом, ясно, что сокращение земельного простора предполагает за известным пределом обязательную смену отраслей и культур постоянно в направлении сокращения экстенсивных и дальнейшего расширения интенсивных.

В капиталистических рыночных хозяйствах это означает вздорожание земли и необходимость экономии ее, а следовательно, поднятия затрат, сравнительно более дешевых, предполагается, капитала и рабсилы. С другой стороны, изменение параллельно народному хозяйству развития объема рынка на с.-х. продукты предотвращает или отдаляет обесценение с.-х. продуктов, которое было бы и которое должно наступить, если бы расширение более емких по затратам культур и отраслей происходило без соответствующего изменения рынка. Другими словами, рост рынка обеспечивает всестороннюю интенсификацию сельского хозяйства при исчерпании земельного простора; само собой разумеется, что и экстенсивное расширение сел хозяйства связано с ростом рынка и возможностью выгодно реализовать прирост с.-х. продукции; рынок и здесь яв-

ляется условием и предпосылкой роста с.-х. продукции, сверх потребности самого с.-х. населения.

Так как масштаб обесценения выгоды затрат труда и капитала при одном и том же рынке сбыта неодинаков для капиталистического и трудового (ремесленного) сел. хоз. и в последнем рабсила, в особенности в условиях малоземелья, расценивается дешево, накопление капитала задержано и капитал обходится сравнительно дороже, то вышеуказанные сдвиги сельского хозяйства в направлении его расширения и большей интенсивности проходят в капиталистическом хозяйстве не так далеко, как в хозяйстве трудовом; оптимальный предел затраты труда и капитала в трудовом выше, чем в капиталистическом хозяйстве. К этому надо прибавить, что все условия народнохозяйственной среды, меняющие оценку средств с.-х. производства, в том числе особенно рабочей силы, меняют предел выгодной затраты их; и при разной степени и выгоды продажи рабочей силы для крестьянских хозяйств (промыслов) повышает или понижает оптимальный уровень интенсификации и соответствующую ему пропорцию различных интенсивных культур и отраслей. Так как далее все перечисленные моменты народнохозяйственной среды (т.е. рынок с.-х. продуктов, его объем и соответствующие ценовые эквиваленты, затем рынок средств производства — рабочая сила, капитал и при капиталистическом строе земля, далее степень землеобеспеченности или наличной плотности с.-х. населения, степень профессиональной и социальной дифференциации с.-х. населения) изменяются в процессе народнохозяйственного развития, но с известной постепенностью, то перед наблюдателем обычно открывается картина определенной устойчивости строя и состояния сельского хозяйства, в пространстве и вместе с тем, беря более продолжительный период, закономерного изменения этого строя во времени.

В сказанном вместе с тем мы отмечаем перечень важнейших народнохозяйственных моментов, определяющих географический облик и динамическую закономерность в организационном строе сельского хозяйства. Географию перечисленных народнохозяйственных моментов мы должны привести в известность, если хотим отдать себе ответ в пространственном размещении сельского хозяйства всякой страны и, следовательно, нашей страны. С этого мы и должны начать дальнейшее изложение. Но необходимо отметить предварительно, что уже чисто теоретически надо предусматривать неодинаковые сочетания их, которые должны сказываться также в неодинаковых изменениях, пространственно и хронологически, изменениях самого сельского хозяйства.

А. ГОРДОН

ТИПОЛОГИЯ СЕМЕЙНОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИИ (90-е годы XIX в. — 90-е годы XX в.)

Схематически в крестьяноведческих исследованиях можно выделить четыре направления: 1) «от хозяйства»; 2) «от общины» (социальной организации деревенского микрокосма); 3) «от культуры» (так называемой малой традиции); 4) «от окружения» (положения крестьян в макросоциуме). Разумеется, речь идет лишь об определенных акцентах в установлении, что собой представляет крестьянство как феномен предыстории современных обществ. В поиске истины при ее многогранности различные подходы вносят свой необходимый вклад. В исследовательской практике они более или менее переплетаются. Тем не менее, изучение самих акцентов и их смещения в историографии крестьянства может оказаться поучительным.

До недавнего времени в мировой науке безраздельно господствовал подход «от окружения», который в советской историографии приобрел директивные черты классового подхода. Крестьянство определялось как эксплуатируемый, угнетаемый класс в антагонистических формациях, а при социализме класс-союзник, нуждающийся в проле-

тарской гегемонии и руководящей роли города из-за своей отягченности культурными пережитками (индивидуализма и «чувств собственника») и отсталым способом производства (наряду с отставанием в механизации, личное хозяйство и кооперативно-колхозная собственность).

В господствовавших методологических установках понятие «крестьянства» выглядело некоей данью традиции и, во всяком случае, чем-то вспомогательным по отношению к таким категориям, как феодализм (капитализм, социализм), деревня, сельское хозяйство, народные массы. Соответственно как предмет бытование крестьянства «расплывалось»: в истории феодальной формации, анализе сельскохозяйственной экономики, изложении аграрной политики государства (правящей партии) или классификации народных обычаев и «категорий средневековой культуры». Даже в многотомных прекрасно документированных трудах, обстоятельно описывавших историю сельского населения России, Европы, Востока, у большинства авторов не чувствовалось потребности в особой теории (или научной дисциплине) для крестьянства.

Между тем оформление у нас, как и на Западе, в специальную дисциплину крестьяноведения побуждало именно к формированию особых теорий или подходов для объяснения специфики крестьянского хозяйствования, социальной организации, политического поведения, коллективного сознания. И если не на теоретическом уровне, то в предметно-тематическом плане можно констатировать сосредоточение на специфическом во всех четырех указанных направлениях. Как правило, это, говоря словами Т. Шанина, признание «социальной слабости крестьян»; но иногда за ним выявляется и признание «особости теории крестьянства».

Уже при господстве подхода «от окружения» предпринимались попытки объяснить крестьянскую «особость»: достаточно вспомнить о таких категориях, как «мелкий производитель», «мелкотоварный уклад», «мелкая буржуазия». Эти определения наполнялись конкретным содержанием, и привычный уровень эмпирического обобщения поднимался на некоторую методологическую высоту. При этом, однако, действовало серьезное эпистемологическое ограничение. Специфика предмета определялась социальным масштабом, и соотнесение с установленным абсолютом в атрибутах «измельченности» выдавало подспудную убежденность в исторической неполноценности крестьянских форм хозяйствования и социальной организации. Логика систематизации материала при всей изощренности порой фактологического анализа выводила к аксиоме абсолютного превосходства крупных форм.

Следующим шагом и, как представляется, более перспективным в исторической типологии крестьянства было толкование крестьянской «особости» в особых же теориях среднего уровня. Наиболее ярким примером в современную мировую историографию вошла «моральная экономика крестьянина» Дж. Скотта. Хуже известны отечественному исследователю также достаточно популярные на Западе концепции «ограниченности благ» Дж. Фостера, «разделенной бедности» и «инволюции земледелия» К. Герца. Не менее значительным историографическим явлением обещала стать концепция «натуральных производительных сил» (сформулированная на рубеже 60 — 70-х гг. В.В. Крыловым и поддержанная В.П. Даниловым, Л.В. Даниловой, В.Г. Растяльниковым, А.И. Фурсовым). К тому же ряду я бы отнес концепцию «естественной социальности», восходящую к марксовской категории «*Gemeinwesen*», и типологии «*Gemeinschaft-Gesellschaft*» («общность — общество») Ф. Тённиса (которая, в свою очередь, увенчивала цепочку бинарных схем классической социологии).

Общим для этого теоретического ряда представляется выход к универсалиям макрокосма общество — человек — природа и к соотношению биологического и социального на микроуровне — в формах хозяйствования и социальной организации крестьянства. Сюда я бы отнес и теорию семейной организации крестьянского хозяйствования, которая нашла выражение сначала в аналитической категории «крестьянского хозяйства» (КХ), сформировавшейся в отечественной аграрной науке на рубеже XIX и XX вв., а затем — в рамках организационно-производственного направления (ОПН) — и в одноименной теории. Учеными ОПН была разработана система положений об особом

типе хозяйствования, имеющем надформационную природу и удерживающим свои исторические (некапиталистические) черты даже в капиталистической экономике. Это был прорыв в экономической науке своего времени, сохраняющий свое методологическое значение, прежде всего размежеванием с капиталоцентризмом классической политэкономии и особенно протестом против капиталоцентристского принципа извлечения максимальной прибыли как универсального закона хозяйственной деятельности.

А.В. Чаянов, являющийся лидером ОПН, имел право утверждать: «Я стою в первом десятке мировых ученых своей специальности». Более того, теория КХ навсегда осталась связана с его именем. Однако, как было показано Н.П. Макаровым, сподвижником А.В. Чаянова, в работах ученых, представлявших ОПН, и лидера этой школы были аккумулированы творческие потенции аграрной мысли и свершения аграрно-экономической науки России всего пореформенного периода, а в опосредованном виде особенности самого аграрного развития страны. Не случайны ни время, ни место формирования теории КХ. «Только наш копеечный российский капитализм и мог породить «русскую» школу новых апостолов крестьянского хозяйства». Анонимный марксистский критик отчасти прав: формирование теории КХ было незримо связано с формированием нового социального типа российской деревни — хозяйствующего в рыночных условиях крестьянства. Явление его было установлено еще в 90-х гг., за два десятилетия до появления работ, посвященных ОПН. Перефразируя выражение П.А. Костычева, можно сказать, что теорию крестьянского хозяйства создал хозяйствующий крестьянин (а посредником в том несомненно были ученые-практики-агрономы, землемеры, статистики, в среде которых собственно сложилось ОПН).

Однако процессы коммерциализации крестьянских хозяйств происходили не только в России, и недоумение сторонников универсальных схем аграрного капитализма по поводу русской «самобытности» ОПН можно понять. Формирование теории КХ неотделимо от того основополагающего факта, что отечественная; аграрная наука сложилась при определенном коллективном умонастроении и образе мышления, свойственных народнической «полосе общественной мысли». Этот духовно-эмоциональный поток (захвативший далеко не только «народников» в общепринятом, политическом смысле слова) и вынес крестьян в центр общественной жизни страны, сделав их в различных секторах общественного мнения носителями идеала «русского социализма». В общинном укладе деревенской жизни и натурально-трудовом строе хозяйствования увидели национальную альтернативу капитализму с его «язвой пролетариата». Национально-крестьянский мессианизм запрограммировал не только невиданный для Западной Европы интерес к крестьянству, но и ориентацию на раскрытие его не (анти) капиталистических особенностей.

Упомянутая запрограммированность аграрных теорий проявлялась в различных видах. Перераспределительно-уравнительным установкам «этического», по выражению Н.П. Макарова, социализма ученые ОПН стойко противостояли; общинная патриархальность не была их идеалом, в то же время жесткое противопоставление «трудового начала» предпринимательству и «потребительности» приобретательству оставило в их подходе заметный отпечаток. Однако, и это следует подчеркнуть сразу, значение «народнической полосы» для творчества ОПН нельзя видеть лишь в негативном свете.

В своих поисках альтернативной капиталоцентризму модели для объяснения мотивации крестьянского хозяйствования ОПН вышло за пределы теоретического пространства политэкономической классики. В анализ КХ полноценно вошла категория «семьи», причем не только в ее экономико-производственной функции, но и в биолого-воспроизводственной сути. Именно такое отклонение было категорически отвергнуто оппонентами ОПН, которые усмотрели в «биологической схеме КХ» покушение на универсальное значение законов производства.

Действительно, то был вызов техноэкономическому детерминизму с присущей ему иерархией решающего фактора. Но обращение ОПН к проблемам воспроизводства семьи и биоциклам ее эволюции как регулирующим факторам крестьянского производства могло показаться лишь биологическими «добавками» к «нормальной» экономиче-

ской теории. О какой-либо новой макротеории — «биосоциальной» или «биосоциологической» — представители ОПН вряд ли помышляли, тем не менее имплицитное движение в этом направлении можно отметить.

Введя новые документы, В.П. Данилов поставил вопрос о влиянии на формирование социалистического идеала лидера ОПН «биосоциального закона взаимной помощи», сформулированного П. Кропоткиным. Очевидно, подобно автору работы «Взаимная помощь как фактор эволюции», А.В. Чаянов размышлял о биологических, природных предпосылках цивилизации, задумывался о возможностях восстановления единства биологического и социального в современных обществах. А это немаловажное обстоятельство для методологической оценки ученых ОПН (которых слишком часто упрекали в узости их «народнохозяйственного» анализа).

Несомненно, в умонастроениях А.В. Чаянова, Н.П. Макарова (и некоторых других российских аграрников за пределами ОПН) КХ олицетворяло биосоциальное единство. Они попытались раскрыть его в категориях экономической науки своего времени, и им удалось немало. КХ предстало не только звеном народнохозяйственного механизма, но и самоценным семейным организмом. Однозначной иерархии факторов производства было противопоставлено единство производства и потребления, универсальным (системным) законам рынка воля — хозяйствующего субъекта.

Однако далеко не все содержание теории КХ уложилось в существовавшем категориальном аппарате. Обосновывая постулат о целесообразности соединения в сельском производстве «в одном лице» «хозяина-организатора и работника-исполнителя», Н.П. Макаров характеризовал крестьянский труд эпитетами «ласково», «любовно» и т.п. Это были правильные слова, но автор не случайно, как бы стесняясь ненормативной лексики, ставил их в кавычки. Существенные особенности КХ не подлежали концептуализации на достигнутом уровне экономического знания.

Вследствие ограниченности эпистемологического инструментария экономисты проходили мимо очевидных, зримых воочию, а не умоглядных, особенностей хозяйствования на земле. Об этом упущении задумывались не только в России и не только те, кто занимался проблемами ОПН. Э. Давид в своей полемике с господствовавшими догматами германской социал-демократии и II Интернационала отталкивался от природных особенностей земледелия. Видный член ВКП (б) П.И. Стучка, критикуя монументальный труд К. Каутского, отмечал, что автор «Аграрного вопроса» «не ищет и не находит материальные основания» для обличаемых им «собственнических иллюзий» в виде любви крестьян к своей земле. П.И. Стучка полагал такими основаниями «любовь к природе» и еще в большей степени «любовь к труду и поту», затраченным крестьянином на обработку своей земли.

Интересно, что П.И. Стучка просчет К. Каутского связывал с несостоятельностью в целом узкоэкономического подхода к крестьянству: «Как ни кажется неподвижной, сфинксообразной для экономиста фигура крестьянина, для социолога и историка она дает весьма богатый материал». Однако возникшая в то (межвоенное) время сельская, или аграрная социология, в силу своего фундаментального капиталоцентризма, мало что добавила к теории КХ. Сдвиги наметились лишь в 50-х гг. с развитием экономической и исторической антропологии, подготовивших становление крестьяноведения. Начиная с Р. Редфилда, теория КХ обогащалась характеристикой хозяйствующего субъекта как типа человеческой личности, сращенного с природой благодаря владению землей и труду на ней.

Теория специфически-организованного хозяйства стала эволюционировать в типологию особого хозяйствующего субъекта (или, иначе, теория крестьянского хозяйства — в типологию крестьянина-хозяина), чему немало способствовало введение в широкое научное обращение «Экономических рукописей 1857 — 1859 годов», где К. Маркс характеризовал данный человеческий тип в категориях той же сращенности, что и Р. Редфилд. В своей типологии докапиталистических образований К. Маркс выделял земледельца как человека, для которого обрабатываемая им земля служит его продолжением, его «удлиненным телом», «собственным неорганическим бытием». Перед нами

особый тип хозяйствующего субъекта, которому свойственно, как подчеркивал К. Маркс, единство социальных функций: в отличие от иных исторических типажей «работник является собственником» — «собственник сам работает».

Это единство придавало особый отпечаток крестьянской собственности, прежде всего основополагающей, на землю. Субъект-объектному отношению землевладения в крестьянской среде предшествовала сращенность субъекта со своей собственностью. Сращенность выявлял труд на земле, который становился условием присвоения ее продуктов. И не просто землю наследовал крестьянин, а труд на ней. Владение землей связывало крестьян с поколениями предков, ее обрабатывающих.

Разновидностью такой связи выступала принадлежность к социуму. «Общинный архетип» крестьянской связи с землей отнюдь не ограничивал эту связь узко территориальными рамками. В хозяйствовании на земле крестьянин ощущал себя членом, прежде всего, локального коллектива, но также конфессиональной и национальной общности. Недаром основным выражением крестьянского патриотизма неизменно выступала привязанность к родной, «своей» земле. Более того, как земледelec, крестьянин ощущал себя представителем всего человеческого рода. В аграрной мифологии и прежде всего, в общем, для крестьянских культур культе Земли-Матушки поэтизировалась поистине космическая связь человека с природой.

Ее проявлением в крестьянском хозяйствовании была двусторонняя «власть земли», которую ярко изображали бытописатели пореформенной российской деревни. Особенно емкой и глубокой представляется характеристика Г.И. Успенским двуединства власти природы над земледельцем и ощущения последним своей причастности к этой власти — к могущественным силам природы. Работая на земле и присваивая ее плоды, крестьянин входил действующим лицом в макрокосм природного процесса, в котором, кроме плодородия почвы, участвовали солнечный свет, дождь, многообразные атмосферные явления, и эта связь оставаясь подоплекой крестьянского восприятия своего места в мироздании.

Разумеется, на архетипы крестьянского хозяйствования на земле в истории классовых обществ накладывались отпечатки последних, принижавшие нередко его духовное значение, вместе с социальным статусом земледельца. Наиболее заметным было воздействие различных форм несвободы — барщина, батрачество. К трансформации изначального смысла связи человека с землей приводило распространение товарно-денежных отношений. Все же исходная, земледельческая целостность человеческого типа и экономическая полноценность крестьянина как хозяйствующего субъекта, думается, еще недооценены исследователями. В марксистской теории аграрного капитализма тип «работающего собственника» имел тенденцию редуцироваться в известную дробь: «наполовину труженики, наполовину собственники». Это упрощало подход К. Маркса, допуская разграничение между макро- и микроуровнем анализа: поскольку в данном типе хозяйства нет противоположности труда и капитала, оно «не подчинено капиталистическому способу производства» — поскольку же господствующий способ производства придает всем отношениям в обществе отпечаток своей природы, крестьянин «подвергается: вздваиванию». Ф. Энгельс, К. Каутский, В.И. Ленин в той или иной степени придали методологическому принципу «раздваивания» онтологический статус фатальной экономической и политической раздвоенности (крестьянское «двоедушие»). При этом нередко самими теоретиками осознавались и отмечались несоответствия между методологической (капиталоцентристской) схемой и адекватной оценкой эмпирической реальности. Так, подчеркивая (в самый разгар гражданской войны) необходимость разграничивать в крестьянине «собственника» и «трудящегося», «работника» и «торговца», «труженика» и «спекулянта», В.И. Ленин признавал, что «в живой жизни все свойства «крестьянина» слиты в одно целое.

Отправляясь от этой эмпирической реальности, ученые ОПН оспаривали методологию «раздваивания». Решительно отвергая «фиктивное двоедушие», А.В. Чаянов и его коллеги воссоздавали целостность крестьянского типа хозяйствования; однако коллизия «раздваивания» отразилась и в их построениях — чрезмерным акцентированием

«трудового начала». Известное клише «сдельщины» превращало крестьянина по типу деятельности и мотивации в «нормального», но наемного агента капиталистического производства; вполне соответствовало оно и работнику АПК. Но думал ли об этих типах сельского производителя, избавившегося от бремени хозяйствования, автор теории КХ или можно говорить о неудачной метафоре?

Родимые пятна капиталоцентризма ярко очерчивались и в не менее известной формуле о «самоэксплуатации». Она не только терминологически, но и по сути соответствовала ходу мышления теоретиков аграрного капитализма. Критики постулата устойчивости КХ слева и справа доказывали, что последнее выживает при капитализме лишь благодаря предельной интенсификации крестьянского труда, который по аналогии с наемным трудом характеризовался в категориях отчуждения. Между тем если следовать антропологическому подходу, то крестьянский труд был не только отчуждением физических сил, но и раскрытием душевных возможностей, воссозданием личностной целостности хозяйствующего субъекта. Не случайно в пик трудовых нагрузок крестьянская страда исстари была и эмоциональным торжеством труда. Не случайно и то нравственное значение, которое придавалось труду на земле в русской (и далеко не только в русской) литературно-философской классике.

За ярлыком «аграрного романтизма» аграрно-экономическая наука во всех своих сложившихся в начале века направлениях проигнорировала отслеживавшийся эмпирическими наблюдениями феномен «земледельческого творчества». Другим фактологическим упущением концепции «самоэксплуатации» было игнорирование возрастания капиталоемкости КХ, или, точнее, фондовооруженности крестьянского труда вследствие коммерциализации.

Типичным случаем (в силу распространенности в различных крестьянских обществах в различные периоды их истории) можно, видимо, считать дополнение «своей» органики покупкой минеральных удобрений. Если судить по современной «зеленой революции», то характерными признаками роста фондовооруженности КХ оказываются также приобретение высокоурожайных семян (ВУС, в том числе таких, что позволяли благодаря сокращению вегетационного периода перейти к сбору нескольких урожаев в год), средств защиты растений и увеличение расходов на ирригацию. В традиционной европейской, включая Россию, деревне характерными показателями можно считать рост поголовья скота. Наконец, эволюции КХ под влиянием коммерциализации в период индустриальной эпохи отнюдь не противопоказано (как свидетельствует даже «перенаселенная» азиатская деревня) приобретение, аренда или доленое использование машин.

Уместно подчеркнуть, что рост фондовооруженности КХ исторически был опосредован именно коммерциализацией, а не становлением собственно капиталистических отношений, и потому фиксировался задолго до капитализма. Стимулы могли находиться в самом КХ. Рост давления на землю требовал увеличения отдачи от нее, и, если некуда было «поширяться», а «своей» органики не хватало, приходилось покупать удобрения. Так происходило, например, в традиционной японской или китайской деревне, где потребность в удобрениях способствовала коммерциализации КХ или конкретно становлению его коммерческих отраслей (вроде шелководства или чаеводства). Описывая подобные явления, авторы новейших исследований ставят принципиальный вопрос о переоценке значения традиционного сельского кредита. При всем ростовщическом экстремизме он мог быть оправдан с точки зрения КХ именно тем, что обеспечивал крестьян необходимой наличностью для закупки удобрений, становления коммерческих отраслей и, в конечном счете, для общего роста производства (включая те отрасли, которые обеспечивали крестьянскую семью продовольствием).

Проблема традиционной капиталointенсивности КХ со своей стороны выводит к оценке коммерциализации как фактора его эволюции. До сих пор в отечественной и мировой историографии господствует представление о том, что коммерциализация означает раскрестьянивание, иначе говоря, что с преодолением натуральности КХ всецело утрачивает свою крестьянскую природу, становится фермерско-капиталистическим, которое трактуется как антипод крестьянственности. ОПН в значительной мере обошло

этот вопрос, о чем свидетельствует полемика, которая развернулась в свое время между А.В. Чаяновым и его оппонентами.

Оспаривая концепцию трудопотребительского баланса как «запоздавшее отображение давно изжитого натурально-хозяйственного строя», Л.Н. Литошенко указывал на то, что при товарных отношениях «между производством и потреблением вырастает промежуточная категория дохода... Пусть, в конечном счете, крестьянин думает только о потреблении, его ближайшей и конкретной целью будет всегда получение максимального дохода, создание продукта, имеющего максимальную рыночную ценность». Аналогичная критика звучала и со стороны марксистов.

В историографическом плане Н.П. Макаров признавал: «Когда марксисты, в особенности в лице В. Ильина (В.И. Ленина), срывают с крестьянского хозяйства эту «натуральную» пелену и рисуют его как товарное хозяйство, то весьма нередко они глубоко правы». «Конечно, допускал Н.П. Макаров, всякое хозяйство ведется из-за дохода, и всякий хозяин стремится получить, возможно, больший доход с возможно меньшими затратами». Но в «потребительско-трудовом хозяйстве» «напряжение трудовых сил регулируется степенью удовлетворения потребностей трудовой семьи».

Вопрос встал так: является ли КХ натуральным по своей неизменной природе, но более или менее приспособляющимся по своей форме к рынку, либо оно в этих условиях становится рыночно-ориентированным, сохраняющим, однако, в своей деятельности «натуральный момент» (по выражению Б.Д. Бруцкуса)? Смещение акцентов в ту или иную сторону имело далеко не только теоретическое значение. По логике трудопотребительского баланса у КХ не было внутренних стимулов к интенсификации труда, и побудительной причиной роста производства могла стать лишь та или иная разновидность принуждения. По логике «товарников», побуждая к росту производства, рынок способствовал реализации имманентных возможностей развития КХ.

Одним из проявлений логики трудопотребительского баланса было статическое представление о крестьянских потребностях. Раз минимум их удовлетворения бывает достигнут, КХ, утверждал А.В. Чаянов, «уменьшает техническую интенсивность своего хозяйственного предприятия». Рост потребностей, в подобных рассуждениях, ассоциировался с духом приобретательства, «заразительность» которого для КХ допускалась лишь теоретически. Бедность «потребительско-трудовых хозяйств» практически снимала, по мнению ученых ОПН, саму постановку вопроса о росте потребностей.

Действительно, в литературе существуют мнения о праздности как извечном крестьянском идеале, о непритязательности, которая обрекает крестьян на фатальную бедность, связи хронических голодовок в традиционных обществах с крестьянской «ленью». Сталинское и маоистское насилие над крестьянами как разновидность принудительного изъятия части крестьянского продукта порой прямо обосновывается концепцией трудопотребительского баланса. Известна в советской историографии точка зрения, объясняющая срыв нэпа «натурализацией» аграрной сферы под влиянием крестьянской ограниченности. Во всех этих подходах потенциальная самодостаточность КХ превращалась в психологическую специфику самого хозяйствующего субъекта, что могло быть корректным либо при его экономической самоизоляции, либо при культурной стагнации общества.

Едва ли не лучшее эпистемологическое положение относительно перспектив эволюции КХ в процессе становления новых цивилизационных форм было сформулировано еще в начале века. «Уровень потребностей крестьян, — писал С.Н. Булгаков, — есть, с одной стороны, мерило культурного развития страны, а, с другой — показатель состояния крестьянского хозяйства». Четко связь между подъемом сельского хозяйства России и «культурным подъемом крестьянства» фиксировал Б.Д. Бруцкус. Да и Н.П. Макаров «умножение и утончение» крестьянских потребностей относил к общим явлениям культурного прогресса.

Плодотворный подход к проблеме самоизоляции КХ был намечен еще в период нэпа Н.Д. Кондратьевым. Объясняя послереволюционное снижение товарности сельского хозяйства «натуральным накоплением», ученый писал о вынужденном характере

такой хозяйственной стратегии. «Крестьянство «боится» денег... и, не надеясь на достаточную возможность превращения чисто денежных накоплений в нужные ему орудия и средства производства индустриального происхождения, идет по пути сдержанной реализации своей продукции». Опыт «зеленой революции» в современных странах Юго-Восточной Азии вполне «от противного» подтвердил сказанное российским ученым. Организовав закупку и поставку в деревню ВУС, минеральных удобрений и средств защиты растений, государственная власть втянула даже беднейшие хозяйства в товарные отношения, а коммерциализация привела к росту их интенсивности.

Механизм рыночной зависимости обеспечивал как прямую, так и обратную связь между потребностями и интенсивностью КХ. Чтобы добиться удовлетворения физиологического минимума потребностей, владельцы «минифундий» доходили до максимума «самоэксплуатации». Однако эти «привычные потребности» вовсе не становились, вопреки концепции трудопотребительского баланса, пределом. Добившись увеличения продуктивности земли, крестьяне не уменьшали «техническую интенсивность» своих хозяйств. Дополнительный продукт не только проедался, но и шел на удовлетворение культурных потребностей, использовался в производительных целях. Рост продуктивности способствовал расширению потребностей, рост потребностей реализовывался в интенсификации производства.

Довод о том, что они исходят из «сущего», тогда как их оппоненты — из «должного», был одним из излюбленных в полемике со стороны ОПН. На самом деле, в их теоретических построениях выявляется и социальный идеал, и свой «идеальный», в веберовском смысле (от «идеальных типов» М. Вебера) тип КХ. Это крестьянская семья, которая, руководствуясь «потребительским», а не «приобретательским» мотивом, могла просуществовать на доход от своего хозяйства, не прибегая к наемной рабочей силе и не отпуская своих членов на заработки. Полупролетарские хозяйства бедноты, как и «капиталистически-трудовые» (по выражению Н.П. Макарова) хозяйства кулаков, в эту модель не входили.

Теоретический парадокс заключается, однако, в том, что семейно-воспроизводственная природа крестьянского хозяйствования, выявленная ОПН, оказалась реальностью и для «неидеальных», с точки зрения самих теоретиков, хозяйств. Преимущество теории КХ по сравнению с «моральной экономикой крестьянина», «ограниченностью благ» и другими упомянутыми в начале статьи концепциями видится в том, что она не замкнута в принципе традиционным обществом и патриархальными видами земледелия. Благодатную почву для размышлений о сущности семейной организации КХ предоставляет современное многообразие хозяйствующих разновидностей трансформирующейся азиатской деревни. Продолжаются дискуссии о судьбах семейного фермерства в развитых капиталистических странах. Плодотворным может стать развитие теории «эксполярных типов» Т. Шанина, отправным пунктом которой послужила типология семейного хозяйства. Очевидно оживление интереса к проблематике крестьянского хозяйствования и в связи с рыночными преобразованиями в послеколхозной России.

Новейшие исследования показывают возможность проследить явления коммерциализации и интенсификации крестьянского хозяйствования на значительную историческую глубину, причем не только на Западе, но и на Востоке. И если постулат безусловной и непреходящей натуральности КХ до сих пор упорно отстаивается, то, видимо, следует задуматься о том случае, когда научная мысль отступает перед культурными стереотипами.

Цивилизация Нового времени формировалась, противопоставляя себя «варварству» в виде либо внешней (не европейской), либо внутренней (деревня) периферии. Восставших крестьян Вандеи истребляли не просто как политических противников, а как «фанатиков», врагов нового цивилизационного порядка, который утверждала революция. Просвещенному сознанию деревня представлялась таким же объектом колонизации, как и заморские территории.

И до сих пор в мировой науке существует отчетливая тенденция к изображению драматической встречи крестьянства с новой (городской и индустриальной) цивилизацией как смертельной схватки, в которой побежденный должен исчезнуть. При трактовке крестьянства антиподом современной цивилизации неизбежно абсолютизируются его архетипические черты, заодно отвергаются имманентные возможности исторической динамики крестьянского образа жизни, культуры, хозяйствования. Соответственно крестьянский «след» в современных обществах усматривают исключительно в категориях цивилизационной деформации (например, в «патриархализации», оцениваемой либо в апологетических, популистско-фундаменталистских, либо в обличительных, либерально-универсалистских тонах).

В России «народническая полоса» общественной мысли прочно связала поиск национальной специфики с крестьянством, и то и иное толкование особенностей исторического пути страны непосредственно отражается на оценках специфики самого крестьянства. В связи с переоценкой недавнего исторического опыта крестьянская «патриархальность» обрела вторую жизнь в различных версиях большевистско-крестьянского «синкретизма». Не отвергая основательности отдельных аргументов, я убежден, что акценты в умозаключениях о крестьянском происхождении большевизма располагаются некорректно. Об этом заставляют задуматься некоторые оценки, связанные с типологией КХ.

Симптоматичным явлением крестьяноведения стала, в частности, склонность связать автаркию строительства социализма с самодостаточностью КХ. Между тем влияние натурального образа крестьянского хозяйствования на доктрину ликвидации товарно-денежных отношений остается открытым теоретическим вопросом. А вот практика вмешательства в аграрные отношения была здесь достаточно определенной. Разумеется, правящая партия после первых попыток полного искоренения КХ и допущения затем его «пережитков» в виде приусадебного участка максимально использовала крестьянскую способность к самообеспечению. Но она всегда помнила, что мелкотоварное крестьянство «рождает капитализм ежедневно и ежечасно» и своей борьбой с крестьянской торговлей, ее «ежедневным» и «ежечасным» обуздыванием грубо и зримо подтверждала значимость иной тенденции крестьянского поведения, которая вела к коммерциализации КХ.

В том же ментально-историографическом ключе оживились вариации на тему «бесмысленности и беспощадности» русского бунта. Повторяются доводы Н.А. Бердяева и других мыслителей русского зарубежья, объяснявших Октябрьскую революцию неразвитостью народного правосознания, крестьянским неуважением к собственности и т.д. Пожалуй, и здесь теория КХ может способствовать более правильной расстановке акцентов. Во всяком случае, сопровождавший революцию «черный передел» отнюдь не был, с точки зрения крестьян, бессмысленным или противоправным деянием. Н.П. Макаров объяснял крестьянский позыв к переделу не только «обиженностью, которая создавалась при освобождении от крепостного права», или заманчивостью раз и навсегда решить проблему малоземелья, но и тем побуждением, «которое подобно чувству капиталиста, мечтающего о денежном капитале», иначе говоря, крестьянским «желанием увеличить доходы хозяйства». Землевладельцу-барину в «черном переделе» противостоял крестьянин-собственник, а не люмпен-пролетарий.

Максимализм воинствующей уравнительности принято связывать с протосоциалистическим коллективизмом, который выводят из традиционной социальной организации: крестьянское сознание — это общинность, общинность — это коллективизм, к тому же для некоторых — «коллективизм без личности». Между тем советская историография при всем своем коллективистском «уклоне» не отвергала известного положения К. Маркса о развитии личного начала в крестьянской общине.

Существует немало свидетельств тому, что крестьянский коллективизм был обусловлен в первую очередь хозяйственной целесообразностью (наряду с безопасностью самих хозяйствующих), поэтому возведение его в статус этического императива, по меньшей мере, спорно. Коллективистская мораль и хозяйственный индивидуализм представляются взаимообусловленными. Постольку поскольку общинная организация

вырастала спонтанно, она служила интересам индивидуального хозяйствования и оставалась оправданной в глазах крестьян (в том числе как землевладельческий институт) в той мере, в какой она эти интересы защищала. Традиционная, общинная взаимопомощь отнюдь не исключала «эгоистического» интереса вплоть до (как свидетельствуют, например, полевые исследования в современной деревне различных азиатских стран) соответствующих утилитарных взаиморасчетов типа «отдал день (труда) — получишь день».

Связь «общинного архетипа» с архетипом семейного хозяйствования была двусторонней и обоюдной. С одной стороны, семейная форма хозяйствования при всех обычно навязывавшихся либо поощрявшихся сверху установлениях (вроде круговой поруки) препятствовала превращению деревенской общины в обезличенный коллектив. С другой стороны, «общинный архетип» материализовался и в КХ, придавая самой семье вид «артельного» или корпоративного» предприятия с исключительно развитым единоначалием.

Однако власть большака даже традиционно не была абсолютной. Он был скорее «представителем» КХ, чем его владельцем. Отсюда объяснима реакция на попытку превращения «семейной собственности» крестьянского двора в частную собственность большака в ходе столыпинских преобразований. Реформаторы опирались на естественные тенденции, существовавшие в эволюции КХ, но попирали при этом другие тенденции, тоже имевшие органическую основу. Я имею в виду не только очевидный, т.е. воочию зримый, коллективизм семейного хозяйствования на земле, но и присущее КХ естественное разделение труда.

Тот принцип соединения исполнителя и организатора, который Н.П. Макаров обосновывал в отношении КХ в целом, был актуален и для отдельных хозяйственных отраслей или операций. С развитием товарных отношений он реализовывался в том, что у отдельных членов семьи, в частности среди женщин, стали возникать личные источники дохода, которые, надо думать, покрывали в значительной мере их личные такие потребности. Поэтому в негативной реакции на закон 14 июня 1910 г. консервативные установки органично слились с новыми веяниями в семейном укладе крестьянского хозяйствования.

Чем последовательней будет раскрытие бесспорной для большинства современных исследователей многосторонности крестьянства как социальной общности и многообразия тенденций присущего ему типу хозяйствования, тем очевидно успешней будет преодоление стереотипов мышления, которые упрощают понимание сложных исторических процессов недавнего прошлого. Не только теория КХ, но и обстоятельства ее формирования сохраняют актуальность во многих отношениях.

Видимо, только сейчас приходит понимание того, какое давление оказывало господствовавшее общественное мнение, которому представлялось, что радикальная земельная реформа снимет саму потребность в оптимальной организации КХ, что малоземелье и нищета крестьян не допускают и постановки вопроса об интенсификации производства. При таких настроениях попытка всестороннего анализа аграрной эволюции вызывала, по словам Н.П. Макарова, «почти отчаянный болезненный крик»: «какая там эволюция, когда деревня просто голодает», «вымирает». И естественно, вторившие этому крику экономисты уже за одно это становились, авторитетны и уважались, концентрация внимания на ужасном положении деревни становилась средством идеологической борьбы с правящим режимом.

Когда стал очевидным сельскохозяйственный подъем, то же общественное мнение возопило о разрушении рынком культурных ценностей, о том, что нравственность торгующего крестьянина «основывается на рубле». Эпигоны народничества пришли к противопоставлению «народных интересов», мотивирующих рост производства и коммерциализацию крестьянских хозяйств, «народному идеалу» гармоничной патриархальной жизни. Свидетельством сохранения этого идеала среди крестьян считались уравнивательные настроения.

Обосновывая их высшими этическими соображениями, такие авторы требовали, чтобы закрепить спасительную тенденцию экстренного вмешательства государства, которое мыслилось как переход к «государственному коллективизму».

Оживилась и критика с конфессиональных позиций. Здесь крестьянин провозглашался идеалом в качестве оплота истинной веры. Сельского жителя ценили за то, что, прозябая в бытовой нищете, «убожестве народной жизни», он оставался крепко веровавшим, по старинке жившим, тонко чувствовавшим традиционный чин жизни и всегда знавшим, что пристойно и что непристойно.

Конечно, интенсивность психологического давления на аграрную науку и особенно его административно-идеологические формы во многом были жестокой спецификой России XX в. Все же такой интерес общественного мнения в принципе нормален, ибо вопрос о хозяйствовании на земле был и останется вопросом существования человечества, и человечеству в целом не может быть безразлично, кто и как его обеспечивает продовольствием. Более того, именно такой интерес стимулировал, как было упомянуто, развитие российского крестьяноведения, во многом опередившего и предопределившего, отчасти влиянием своих классиков, становление этой дисциплины на Западе и Востоке. Важно лишь, чтобы под влиянием тех или иных общественных настроений сама наука не впадала в болезненную эмоциональность и чтобы ученые не сбивались на тот отчаянный крик, об опасности которого предупреждали выдающиеся предшественники.

Б. ГАЛЕНСКИЙ

СЕМЕЙНОЕ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО КАК ПРОФЕССИЯ

Когда о человеке можно сказать, что профессией его является фермерство? Все понятно, когда речь идет об агрономе, зоотехнике, рабочем совхоза, животноводке, производственном рабочем или инженере на пищевом комбинате. Но люди, занятые в крупном сельскохозяйственном производстве, представляют столь большое и неоднородное сообщество, что термин «сельский специалист» представляется для них малопригодным. Говоря о сельскохозяйственной индустрии, удобнее ее рассматривать как сферу профессиональной занятости. Порой трудно разграничить профессию, труд или род занятий, специальность и работу, и это относится ко всем сферам деятельности, но к сельскому хозяйству, возможно, в большей степени.

В случае с сельским хозяйством появляется ряд особых трудностей. Среди занятых в этой сфере есть категория людей, по отношению к которым определение «сельскохозяйственный специалист» не может быть однозначно применимо, не только потому, что является слишком общим. Это определение применимо к сотрудникам сельскохозяйственных институтов и предприятий. Но эта категория людей включает в себя также семьи, содержащие личные крестьянские фермы. Конечно же, и в этом случае можно различать овощеводов, свиноводов, пчеловодов, табаководов и так далее. Однако большинство крестьянских семей вовлечены в столь специфичное производство, что общее название «сельскохозяйственный специалист» может создать только путаницу, и поэтому оно все же больше применимо к работникам сельскохозяйственных предприятий.

Если семью, работающую на собственной ферме, отнести к профессиональной категории фермеров, то возникает ряд сомнений, и не только из-за общего характера определения «фермер». Дело в том, что в данном случае речь идет не об отдельном человеке, а о семье. Если определение «профессия» использовать по отношению к семье, управляющей собственной фермой, то тогда эту профессию необходимо выделить как особую, принципиально отличающуюся от всех других по основному признаку, то тогда появляются сложности со всеми другими составляющими термина «профессия».

Определение термина «профессия»

Слово «профессия» обычно используется для обозначения совокупности видов деятельности, которые постоянно исполняются и отличаются от всех прочих видов деятельности; служат другим людям (обществу) и оплачиваются со стороны других людей (общества); создают постоянный источник существования; требуют специальной подготовки и представляют собой работу, которая постоянно выполняется для других в обмен на средства существования. Ни одна из этих характеристик (являющихся взаимосвязанными) не достаточна для того, чтобы определить основанную на ней деятельность как профессию. Существует множество видов деятельности, которые, как отмечает Ян Щепаньский, на практике никто профессией не называет (например, приготовление домохозяйкой пищи для своей семьи), хотя при определенных обстоятельствах подобную деятельность можно рассматривать как профессию (например, приготовление пищи в ресторане). Далее, можно указать на множество людей с устойчивым источником существования, не обладающих определенной профессией (например, люди, находящиеся на содержании своей семьи или имеющие счет в банке). Или можно рассмотреть деятельность, требующую определенной профессиональной подготовки, которая профессией не является, например, вождение автомобиля, до тех пор, пока это не делается за деньги (вождение такси). С другой стороны, множество занятий, например, уборка улиц, не требуют специальной подготовки. Множество людей занимаются какой-либо деятельностью, не стремясь при этом к выгоде, и поэтому требование того, чтобы работа исполнялась для других за плату, также не является отличительным признаком профессии. Следовательно, эти признаки создают основу для распознавания профессии только в совокупности. Профессию тогда можно определить как совокупность деятельностей, постоянно исполняемую для других людей в обмен на средства существования; или еще короче — комплекс постоянно осуществляемой деятельности, заключающийся в обмене индивидуального труда на общественный. Именно так понимается термин «профессия» в данной статье.

В скобках отметим, что термин этот часто используется для обозначения множества людей, объединенных общей деятельностью. Можно говорить о профессии врача, например, имея в виду всех медиков. Для таких целей мы будем использовать термин «профессиональная категория», имея в виду людей, объединенных общей профессией.

Согласно данному выше определению, многие виды деятельности, встречающиеся в переписях, не могут рассматриваться как профессиональные категории. Например, трудно согласиться, что собственники (зданий, земли или капитала) составляют профессиональную категорию, если их деятельность ограничивается извлечением прибыли и не включает в себя управление предприятием. Одновременно большинство политических деятелей сегодня могут быть причислены к профессиональной категории политиков, поскольку эта деятельность составляет источник их существования. Как мы уже видели в случае водителя и домохозяйки, определенная деятельность при особых обстоятельствах может рассматриваться как профессия, и люди, ее исполняющие, могут быть отнесены к профессиональной категории, а иногда этого сделать нельзя. Здесь важно, становится ли определенная деятельность профессией, и при каких обстоятельствах. Для некоторых видов деятельности можно сказать, что они подвержены социальному процессу профессионализации. Обозначенные выше характеристики профессии могут служить не только критерием рассмотрения определенного комплекса деятельности как профессии, но и в качестве определяющих процесса профессионализации в определенной сфере деятельности. Используя эти характеристики в качестве таких критериев, можно принять, что процесс профессионализации какой-либо работы проходит тем успешнее, чем более явно рассматриваемая совокупность деятельностей отличается от других в противоположность деятельности, связанной с семейным хозяйством:

— более взаимосвязана система социального разделения труда в отличие от творческого (или семейного) труда на себя;

— больше она служит постоянным источником существования в отличие от случайных занятий;

— более очевидна необходимость квалификации для выполнения этой деятельности, и более специализированы институты, посредством которых можно получить соответствующую квалификацию в отличие от работы, которую может делать каждый. Вследствие тенденции к исчезновению функции семейного хозяйства в современную эпоху можно сказать, что работа домохозяйки подвержена профессионализации, измеряемой перечисленными выше критериями, что и проявляется в ряде стран. То же в еще большей степени относится и к политикам. Процесс этот особенно очевиден в связи с социальными изменениями в характере труда семей, работающих на личных фермах.

Особенности профессии фермеров

Применительно к труду семьи на личной ферме термин «профессия» приобретает социальные характеристики, не характерные для других видов деятельности. Ниже перечисляются наиболее важные особенности этой профессии.

1. Работа выполняется семьей. Более того, наиболее распространенной формой организации труда является та, которая предусматривает участие всей семьи. В противном случае работа либо не выполняется в полной мере, либо наталкивается на определенные трудности. В отличие от домашнего производства, которое часто выполняется семьей, но где семья может быть замещена любой другой группой, на личной ферме порядок и система деятельности гармонично связаны с семьей как производственной ячейкой, в соответствии с физическими возможностями и иерархией членов семьи.

2. Место фермера (семьи) в профессиональной категории определяется его (ее) классовым положением. Профессиональный успех фермера связан со степенью его обладания средствами производства. Это характерно не только для профессии фермера, классовая позиция обычно тесно коррелирует (а иногда очень тесно как, например, в ремеслах) с профессиональной позицией. Директор капиталистической фабрики обычно является ее совладельцем, а конторский служащий, как правило, живет на зарплату. Но для фермера роли собственника и производителя неотделимы, и в этом случае имеет место совпадение профессиональной и классовой позиций. Чем богаче фермер, тем в большей мере он является организатором и управляющим на своей ферме, в то время как мелкий фермер трудится, прежде всего как исполнитель, и не только на себя, но и на соседей.

3. Труд фермера в большей степени автономен. Он производит продукты, удовлетворяющие его собственным основным нуждам. Любая другая профессия может существовать лишь во взаимосвязи с остальными профессиями. В противном случае индивидуальный производитель не сможет работать и существовать. Конечно, современный фермер также не сможет существовать без труда людей других профессий. Но не так давно крестьянская семья производила все необходимое для своего существования. Таким образом, взаимоотношения между профессией фермера и другими видами деятельности не являются эквивалентными. Общество не может обойтись без фермера, в то время как фермер сможет выжить без общества, хотя жизнь его и станет более сложной, если он утратит связь с системой социального разделения труда.

4. Различные виды деятельности, составляющие труд фермера, не только сильно отличаются друг от друга, но и лежат в основе разных специальностей. Это происходит не только потому, что фермер должен многое уметь. Существует множество других профессий, где знания из других областей полезны или даже необходимы. Например, определенные знания в области строительства не мешают директору большого предприятия, так как помогут ему лучше сориентироваться в строительных инвестициях предприятия, однако директору нет необходимости овладевать специальностями каменщика или плотника. Но фермеру часто приходится выполнять работу, относящуюся к другим профессиям. Прежде всего, он должен заботиться о ферме (уход за скотом,

сбор урожая, организация производства и т.п.), далее, выполнять другие работы, связанные с сельским хозяйством (переработка продуктов) или не связанные с ним (починка орудий и инструментов, транспортных средств, небольшая строительная деятельность). Он не имеет необходимой профессиональной подготовки для всех выполняемых им работ, но наиболее важная вещь заключается в том, что он их выполняет и ведет себя при этом как непрофессионал, чинящий у себя дома электропроводку. И именно весь этот набор разнообразных задач и характеризует профессию фермера.

Таким образом, рассмотрение характерных особенностей фермерской профессии приводит к следующим выводам. Работа семьи на собственной ферме может быть определена как профессия, только исходя из соображений, что это производительный труд, создающий средства существования и занимающий определенное место в современной организации производства, основанного на социальном разделении труда. По сути, однако, этот труд не содержит характеристик профессии, а представляет собой вид деятельности, унаследованный от различных способов социальной организации производства, не основанных на разделении труда. Разнообразие видов деятельности, составляющих труд фермера, однако, уже существенно ограничено, и процесс ограничения будет развиваться дальше с развитием социальной дифференциации труда вне фермы. Это происходит вследствие адаптации фермерства к профессиональной модели организации производства в обществе.

Процесс профессионализации фермерского труда

Процесс профессионализации фермерского труда может быть проанализирован с многих позиций. Этот процесс проявляется многообразно из-за особенностей индивидуальной фермы: изменения в семье и ферме, в фермерских способах труда, областях деятельности, составляющих этот труд, фермерского способа мышления о ферме и его установок по отношению к работе. Процесс этот может быть также рассмотрен, исходя из общих социальных преобразований, выражающихся в изменениях классово-профессиональной и социально-профессиональной структур.

Формулировка «классово-профессиональная структура» используется потому, что при условиях частной собственности на средства производства существует очевидная взаимосвязь между классовым положением и профессиональной структурой. В случае фермера мы уже указали на совпадение классового и профессионального положения. Фермер (семья, работающая на ферме) чаще всего одновременно является и собственником земли, и предпринимателем, и производителем, и продавцом своей продукции. Если «собственник» относится исключительно к классовой, а «производитель» к позиции в структуре занятий, которая в свою очередь связана с классовым статусом, то позиции предпринимателя и продавца могут быть как классовыми (будучи связаны с собственностью на средства производства), так и профессиональными (управляющий производством или торговлей, рабочий в магазине, грузчик, продавец и т.п.). При капитализме правильнее говорить о концентрации собственности на землю первоначально в форме долговых закладных у их держателей. Одновременно происходит концентрация и централизация других средств производства в результате накопления задолженностей и деятельности предприятий, сдающих в аренду оборудование для ферм или оказывающих услуги фермерам (например, фирмы, выполняющие ряд работ на фермах с использованием своих людей и техники). Происходит также концентрация производства и продажи сельскохозяйственной продукции особыми корпорациями пищевой промышленности посредством заключения контрактов с частными фермами, полного контроля рынка и так далее. В результате фермер с развитием капитализма принижается до классовой позиции рабочего (не настолько определенной, как позиция индустриального рабочего) и к роли производителя в структуре занятости. Этот процесс классовой поляризации одновременно является процессом профессионализации фермерского труда. Однако появление одновременно и классовых и профессиональных элементов в ситуации с государством не повлияет на общую ситуацию до тех пор, пока существует инди-

видуальная крестьянская ферма. Одним из проявлений процесса классовой поляризации является то, что классовые и профессиональные элементы проявляются в различных пропорциях на различных фермах. И хотя процесс этот еще не ликвидировал саму крестьянскую ферму, направление его очевидно.

При социализме как при наличии (или допущении возможности существования) индивидуальных хозяйств, так и в случае многосемейных хозяйств (колхозов) процесс профессионализации, заключающийся в разделении функций организаторов производства, производителей и продавцов, не связан с классовой поляризацией. Хотя этот процесс сильно продвинулся в некоторых странах, он далек от завершения.

Процесс разделения фермерского труда на задачи организаторов и директоров производства, производителей и распределителей, при капитализме и при социализме связан с появлением больших вертикально или горизонтально интегрированных сельскохозяйственных предприятий. Ясно, что на большом сельскохозяйственном предприятии вопрос состоит не только в разделении функций (прежде всего организационно-управленческих и производственных). Здесь также имеет место разделение деятельности, составляющей фермерский труд, на отдельные специальности — сельскохозяйственный учет, заготовка кормов, сбор урожая, обработка полей и так далее. Это разделение появляется наряду с иерархией статусных или профессиональных должностей: директор предприятия, агротехник, бригадир, сельскохозяйственный рабочий. То же относится к предприятиям, основанным на вертикальной интеграции, где добавляются также хорошо дифференцированные функции продавца, переработчика и производителя. Но здесь также существует дифференциация организационно-управленческих функций, которые перемещаются с фермы на предприятия. Это сопровождается сужением сферы производственной деятельности крестьянских семей вследствие образования производственно-сервисных структур, например, машинных станций.

Появление крупных сельскохозяйственных предприятий связано с приобретением семейными фермами элементов предприятия и отделения семейного хозяйства от производственного предприятия. Таким образом, решающее отличие профессии фермера от других видов деятельности в том, что она имеет тенденцию к ослаблению. Результатом появления сельскохозяйственных предприятий и роста в крестьянских хозяйствах элементов предприятий является увеличение сельскохозяйственного разделения труда и образования дифференцированной профессиональной структуры в этой сфере натурального хозяйства. С образованием такой структуры термин «фермер» становится все менее и менее адекватным и правильнее становится говорить о множестве профессиональных категорий в сельском хозяйстве. С развитием процесса профессионализации термины «крестьянский класс» или «страт» становятся также все менее пригодными. Но эти вопросы требуют отдельного рассмотрения.

Очевидно, что крестьянская ферма — это не только предприятие, но также семейное хозяйство. На процесс профессионализации фермерского труда влияет не только сужение поля семейной деятельности, но также уменьшение его роли в семейном хозяйстве. С углублением разделения труда в экономике в целом ряд традиционных видов деятельности на семейной ферме (например, пошив одежды) окончательно переходит к индустриальным предприятиям. Также сокращаются хозяйственные и воспитательные задачи семейной фермы (т.к. появляются школы, клубы, детские сады, ясли) хотя этот процесс и проходит медленнее, чем в городах. Все это наталкивается на ряд сложностей, связанных с самим фактом существования ферм и устойчивых моделей поведения фермерских семей, обусловленных особенностями функционирования фермы.

Наконец, с процессом профессионализации растет число владельцев маленьких ферм, для которых основной источник дохода связан с деятельностью вне фермы. Здесь процесс профессионализации происходит не только в связи с формированием структуры разделения труда в сельском хозяйстве и развитием системы производственных и непромышленных социальных услуг для сельских семей; на этот процесс в значительной мере влияют изменения в самом характере сельских поселений, население которых становится более тесно связанным с городами и промышленностью. Рас-

смотрение семейных моделей производства, составляющих основу личной крестьянской фермы и профессии фермера, требует учета и этой тенденции, т.к. с оттоком фермеров в несельскохозяйственные сферы экономики ферма начинает терять присущие ей черты предприятия и приобретает характер подсобного хозяйства.

При обсуждении процесса профессионализации необходимо отметить, что причины его лежат вне фермы. Основные предпосылки изменений создают рынок и промышленность. Важную роль здесь также играет вмешательство государства. Это вмешательство может проявляться в виде запрета на дробления земли, в создании системы социальной защиты и предоставлении пенсий, в требовании сельскохозяйственного образования для тех, кто работает в этой сфере, в организации социальных служб.

На макросоциологическом уровне анализ профессионализации труда фермеров, ее темпов, возникающих при этом проблем предполагает рассмотрение изменений в социально-профессиональной структуре как населения, занятого в сельском хозяйстве, так и в целом населения, проживающего в селе. Но процесс профессионализации может быть обсужден и под другим ракурсом — отношения фермера к своему труду и своему статусу.

Профессиональная деятельность фермера и его отношение к своему труду и ферме

Мы продолжаем использовать слово «фермер» для обозначения семьи, работающей на личной или многосемейной ферме. Как уже отмечено выше, слово это слишком общее, для того чтобы использовать его по отношению к людям, занятым вообще в сельском хозяйстве — на крупных сельскохозяйственных предприятиях перерабатывающих комбинатах, предприятиях по оказанию услуг крестьянам (и сельскому хозяйству в целом), на сельскохозяйственных станциях и в сельскохозяйственных научных институтах и в институтах, связанных с распространением сельскохозяйственных знаний, а также к сельскохозяйственной администрации. В этих случаях объект социологического исследования будет совпадать с объектом социологии труда, хотя в данном случае появляются определенные изменения, связанные с небольшим числом предприятий, относительно неразвитой системой разделения труда, совпадением места работы и места жительства и, более того, с самим фактом жизни в деревне, а также отличия, связанные с техническими особенностями сельского производства.

Мы лишь поверхностно затрагиваем здесь трудовые установки сельскохозяйственных работников, занятых вне фермы, поскольку эта проблематика относится к вопросам, выходящим за рамки сельской социологии. Остановимся лишь на одной проблеме, связанной с сельскохозяйственными рабочими. В последние годы в социологической литературе и в журналистике распространилось убеждение в том, что основной причиной оттока молодежи из деревни является сам образ жизни на ферме, а не условия жизни в селе. В целом правильный, этот вывод кажется несколько упрощенным. Сельская молодежь, несомненно, отрицает этот образ жизни, исключая ценности, к которым она стремится (прежде всего, профессию) и которые связаны с городом и промышленностью. Однако это явление относится даже в большей степени к большим фермам, где методы хозяйствования не обязательно порождают черты крестьянского образа жизни, по крайней мере, их там не больше, чем на семейных крестьянских фермах. Поэтому представляется, что решающую роль здесь играют тяжелые условия труда в сельском хозяйстве. Но на отток молодежи из села влияют и другие факторы, связанные с образом жизни на крестьянских фермах. Несомненно необходимость отдельного изучения ситуации молодежи на личных фермах. Эта ситуация не станет понятной без рассмотрения особых черт крестьянской семьи, так как, когда молодежь покидает ферму, она покидает не только место работы, но и родной дом. Нелюбовь молодежи к работе в сельском хозяйстве должна быть рассмотрена как отдельная проблема, и крестьянский образ жизни не играет, как представляется, важной роли.

Обратимся к первой социологической проблеме, связанной с побуждениями к профессиональной деятельности и факторами, которыми они обусловлены. Определяя факторы, влияющие на уровень привлекательности профессиональной деятельности в определенной сфере, экономисты обычно склонны в качестве решающего фактора рассматривать величину дохода. Это, без сомнения, является упрощением проблемы. Работа может выполняться не только для получения средств существования и безотносительно к величине зарплаты. Помимо экономических, тут могут действовать и идеологические стимулы: дух состязания, удовлетворения от хорошо выполненной работы и т.п. Внеэкономические мотивации к труду тесно связаны с определенной ситуацией (война, революция) или конкретным окружением (изобретателей, артистов, ученых писателей, общественных деятелей), но их влияние на профессиональную деятельность не вызывает сомнений. Конечно, влияние экономических стимулов очень сильно. Это и порождает опасность экономических упрощений. И в капиталистической, и в социалистической системах доход определяет доступ личности к значимым ценностям. При социализме влияние материальных стимулов, несомненно, ограничено из-за относительно небольшого различия в доходах и небольшого числа ценностей, которые можно приобрести, что снижает значимость денег. Например, возможность приобретения редких товаров при социализме зависит не только от денег, имеющихся в наличии (дефицитность товара не влияет на его цену, устанавливаемую государством), но также и других факторов, например, системы распределения. Тем не менее, принцип «каждому по труду», провозглашенный социализмом, нашел свое выражение и в дифференциации доходов, а, следовательно, и доступа к основным желаемым ценностям. Этот принцип может служить основой для предположения, что величина дохода при социализме отражает степень социальной признанности труда человека. Следовательно, желание увеличить доход является в целом наиболее действенным, решающим фактором профессиональной деятельности, не считая отдельных нетипичных ситуаций или особых социальных обстоятельств. Там, где экономическая политика оказывает решающее влияние на мотивацию, она в большой степени определяет не только уровень профессиональной деятельности и ее направления, но также влияет на всю сферу межличностных отношений из-за большого удельного веса экономической жизни.

Осознавая основную роль экономических побуждений, было бы неверно сводить их, когда речь идет о крестьянской семье, только к рыночным побуждениям. Во-первых, ферма часто не является единственным источником крестьянского дохода. Ошибочно также думать, что крестьянская семья рассматривает ферму только как источник дохода. Это верно лишь по отношению к некоторым фермам, которые носят характер предприятий, например, капиталистические фермы или ряд специализированных коммерческих ферм в Западной Европе и США. Во-первых, крестьянская ферма ориентирована на удовлетворение потребностей крестьянской семьи. Поэтому изменения в семейной ситуации не связаны с изменениями в рыночной ситуации. Во-вторых, ферма — это место, где живет крестьянская семья, следовательно, любое улучшение или крупное вложение средств направлено на улучшение условий жизни семьи. Семейный доход может быть в большей степени направлен на такие улучшения, например, на строительство нового дома, не столько для того, чтобы увеличить производство или снизить затраты, но просто для того, чтобы семья жила с большими удобствами. Во многих случаях нельзя отделить производственный и потребительский аспекты вложений. Со строительством нового жилища, что, как правило, является более приоритетным из семейных капиталовложений, семья благоустраивает ферму и повышает собственный уровень жизни. Таким образом, основой профессиональной деятельности на ферме является сама ферма. Но ферма является не только источником получения и увеличения дохода, но и объектом использования этих доходов, будучи одновременно местом жительства.

Проблема стимулов в профессиональной деятельности и экономических стимулов в особенности является специфическим социологическим вопросом, когда речь идет о фермерской профессии (крестьянской ферме), и в равной мере это относится и к вопросу о направлениях этой деятельностью. Как отмечено выше, статус фермерской

семьи основывается на определенном классовом и профессиональном положении. Профессиональная деятельность может быть рассмотрена и в другом аспекте. Традиционное желание расширить ферму (редко проявляемое в сегодняшней Польше) ведет к деятельности, изменяющей классовое и профессиональное положение семьи. Расширение имущества ликвидирует необходимость (или даже саму возможность) работы фермера в хозяйственных рабочих и всегда изменяет статус фермера, поскольку для него происходит изменение в соотношении его управленческой и исполнительской деятельности с возрастанием его роли как предпринимателя и продавца товара. Возвращаясь к профессиональной деятельности, отметим тот факт, что механизм, соответствующий капиталистической сельской стратификации, не работает в Польше и других соцстранах (или действует в ограниченной степени). Это подтверждает предположение о том, что сочетание функций производителя, предпринимателя и продавца в фермерской профессиональной деятельности ведет к необходимости рассмотрения этой деятельности как фактора формирования различных сельскохозяйственных профессий и самоопределения фермера в этой зарождающейся системе. Но до тех пор, пока продолжают сохраняться личные крестьянские фермы, личные хозяйства остаются сосредоточением различных специальностей, и, следовательно, при рассмотрении профессиональной деятельности необходимо определять сферу этой деятельности. Деятельность здесь может быть измерена трудовым вкладом, результатом производства, рационализацией рабочего процесса, рыночной ориентацией, внедрением технических достижений и так далее. Более того, поскольку время и внимание фермера, посвященные ферме, не могут быть разделены на производственную и семейную сферы, представляется затруднительным сопоставление профессиональной деятельности фермера и не фермера. Следовательно, необходимо ясно определять при рассмотрении определенной деятельности, может ли она служить основой для сопоставления различных групп сельского населения или же она выступает в качестве связующего звена между личным и коллективным трудом. Но во всех случаях вопрос о фермерской профессиональной деятельности нельзя рассматривать без учета того, что эта профессия представляет собой комбинацию различных специальностей, которая сама является основой для формирования отдельных специальностей. Сделанное выше утверждение также применимо к вопросу о так называемом «хорошем фермере». Концепция «хороший фермер», столь часто используемая в публицистике, не является для деревни однозначной. Прежде всего, в некоторых регионах с традиционной крестьянской культурой «хороший фермер» — это тот, у кого много земли. Во-вторых, даже в тех случаях, когда профессиональные качества представляют собой отдельную ценность, эта концепция имеет различные интерпретации: «хороший фермер» — это хороший организатор рабочего процесса, усердный труженик, знающий, что лучше для производства, новатор в какой-нибудь сельской специальности, человек с большим опытом, директор сельскохозяйственной школы или популяризатор аграрной науки. Стереотип хорошего фермера различается в различных общинах и может быть использован для распознавания наиболее общих изменений, происходящих в этих общинах, а также для понимания проблем, возникающих при попытках убедить фермеров в полезности для них того или иного новшества. Например, деятельность агронома, который пытается убедить крестьян в неразумности держать собственных лошадей, может потерпеть неудачу, если в данной общине престиж фермера основан на собственности, а не на экономической эффективности его труда. Поэтому необходимо осознавать различия между типами «хороших фермеров» в практической и научной деятельности и, пропагандируя идеал хорошего фермера, необходимо четко осознавать, что под этим подразумевается.

Тема эта подводит к проблеме совершенствования в фермерской профессии. Характер этого совершенствования вытекает из особенностей крестьянской фермы, где иерархия профессиональных позиций связана с семейной иерархией и где стать главой семьи означает получить профессиональную независимость. Продвижение в профессии связано, следовательно, с изменением статуса человека в семье, а не с изменением его квалификации. Достичь зрелости означает получить опыт. Профессия начинается с

ученичества, и через выполнение на ферме черновой и подсобной работы человек продвигается к статусу фермера. Как уже показано выше, профессиональное продвижение связано в фермерской профессии с классовым продвижением — от собственника мелких средств производства до хозяина крупной фермы. Таким образом, конкретный путь человека в фермерской профессии определяется его положением в семье и в классовой иерархии. Важную роль в продвижении к желаемой цели и приобретении уважения со стороны соседей играет также получение фермером специальностей в уже упомянутых областях деятельности, хотя, конечно, при всей своей важности фактор этот не меняет основного пути продвижения в профессии. Именно эта слабая зависимость между профессиональной квалификацией и профессиональным продвижением часто отталкивает молодежь от связывания своего будущего с фермой. Процесс профессионализации фермерской деятельности и возникновение крупных сельскохозяйственных предприятий с дифференцированной профессиональной структурой, несомненно, открывает новые пути продвижения в профессии. Но до тех пор, пока сохраняются личные крестьянские фермы, значительная часть сельского населения продолжает оставаться исключенной из этого механизма. Молодежь обычно обладает достаточным опытом, чтобы суметь управлять фермой. К роли фермера она готовится с детства самим характером деятельности на ферме. Передача знаний, осуществляемая через ученичества во всех областях деятельности, идет рука об руку с приобщением к определенным стереотипам и нравственным ценностям, верованиям и обычаям. Но сама природа знаний, основанная на накоплении опыта предшествующих поколений, и механизм его передачи перегружен традициями и составляют основу консерватизма в крестьянском способе труда. В этой системе школа является чужеродным элементом, привнесенным извне. Она ограничивает влияние семьи, отрывает ребенка от гармоничной системы труда и жизни, демонстрирует ему модели, диссонирующие с этой системой, и ценности, которые невозможно в этой системе осуществить, отсюда и сопротивление, на которое наталкивается школа в сельской местности. Но постоянно расширяющаяся область конфликта фермера с обществом вне села подводит его к осознанию необходимости того института и становится основой для допуска школы в сельскую жизнь. Однако если необходимость общеобразовательной школы уже признана повсеместно, профессиональная сельскохозяйственная школа продолжает наталкиваться на нежелание признать ее полезность для подготовки молодых людей управлению фермой. Но профессиональная школа наряду с общеобразовательной становится необходимым элементом профессиональной подготовки, привнесенным в село извне. Тем не менее, в ряде стран принимаются шаги к распространению сельскохозяйственных служб.

В большинстве стран пресса, радио и телевидение проводят беседы с фермерами аналогично программам практических советов для женщин. Это происходит из-за специфики фермерского труда, который лишь формально, и это не может быть иначе, считается профессией. Ни на одну другую профессию не направлено такое широкое разнообразие видов деятельности распространению научных знаний. Так, социологи изучают, каким способом знания достигают фермеров, насколько эффективны советы агрономов или как происходит снабжение сельскохозяйственными средствами производства (кормами, машинами, удобрениями). Они также исследуют механизмы проникновения новой технологической информации и механизмы закрепления отдельных технологий в качестве обязательных стандартов в данной общине. Но процесс распространения сельскохозяйственных знаний имеет более широкий социологический аспект. Здесь, прежде всего, имеется в виду природа сопротивления в селе распространению технических новшеств. Часто это сопротивление имеет экономическое содержание. Для мелкого фермера непросто приобрести необходимое оборудование, введение новых производств часто связано с риском и требует больших трудовых затрат. Но экономические мотивы чаще всего не единственные. Как уже отмечалось, экономические стимулы не могут убедить фермера, если он руководствуется другими соображениями, например, соображениями престижа, основанного на собственности, а не на производительности.

Технические усовершенствования меняют стиль работы, зафиксированный в качестве стандарта семейным воспитанием, и поэтому наталкиваются, как уже отмечалось, на определенный сельский консерватизм. Изменения в способе труда также влияют на распределение обязанностей в семье или приводят к их неравномерному распределению. Более того, они меняют образ жизни семьи, обычаи, систему приоритетов, неизменную на протяжении поколений. Следовательно, вопросы, связанные с усовершенствованием, неотделимы от всей системы сельской жизни, на которой основана ферма. Проникновение технических инноваций начинается, прежде всего, в системе соседских взаимоотношений, составляющих важный элемент сельской жизни. Внешнее влияние, игнорирующее этот фактор, не может быть полностью успешным. Инициатива по внедрению новшеств, исходящая со стороны семьи, чей престиж в сельской иерархии низок, редко имеет успех. Поэтому мнение соседей и собственная социальная позиция оказывают важное влияние на то, возьмет ли на себя семья инициативу. Важен также и характер установившихся контактов между фермерами и теми, кто проводит среди них образовательную работу, а именно соотношение статусных позиций информатора и получателя информации, их личные взаимоотношения. Агроном-пропагандист, учащий фермера, как ему работать, в присутствии жены и детей фермера, вряд ли добьется успеха. Поэтому вопросы, связанные с нововведениями, нельзя рассматривать в отрыве от всей системы сельской семьи и от сельской общины.

Распространение сельскохозяйственных знаний осуществляется государством и фермерскими профессиональными организациями. Этот вопрос наряду с вопросом о месте фермера в структуре разделения труда, а также связанный с ними вопрос о значении престижа в фермерской профессии заслуживают отдельного рассмотрения. Здесь же отметим лишь, что фермерские профессиональные организации обладают особыми чертами, отличающими их от других профессиональных организаций. Одной из этих черт является то, что организации эти носят более или менее выраженный классовый характер. Это организации представителей небольших предприятий и крестьянских ферм. Следовательно, функцией этих профсоюзов является организация комбинированной деятельности производителей и потребителей, являющихся одновременно продавцами и предпринимателями в выгодных для них областях. Отсюда и приоритет экономических вопросов. Одновременно эти организации должны рассматривать вопросы, связанные с проживанием семей в определенных территориальных общинах — следовательно, носить коммунальный характер. Этот тип профессиональной организации, таким образом, сочетает в себе черты политической партии, кооператива (производителей, потребителей) и территориального самоуправления. При социализме, когда отсутствуют основания для сельской стратификации (в результате обобществления средств производства) или условия для ее развития, классовая роль фермерских профессиональных организаций исчезает или носит ограниченный характер. Их тогда можно определить как организацию фермерского самоуправления, профессиональную и кооперативную. Углубление разделения труда в сельском хозяйстве создает предпосылки для возникновения здесь профессиональных организаций с различной профессиональной ориентацией. Но организации этого типа не охватывают крестьянские фермы, даже когда они носят характер многосемейных ферм, т.е. являются производственными кооперативами. Рассмотренные выше вопросы составляют, по меньшей мере, основу для изучения места и роли фермера в структуре разделения общественного труда. Опуская связь между профессиональной и классовой структурой общества, проявляющейся здесь с особой остротой, еще раз повторим, что из-за объективных особенностей фермерской профессии ее необходимо отделить от профессиональной структуры, как часть социального разделения труда, полностью охватываемую, но подчиненную общей модели занятости. Здесь учитывается и тот факт, что относительно высокая социальная значимость фермерского труда (Волошевский и Сарапата, 1961 г.) не соответствует его объективной привлекательности, измеряемой притоком людей в сельское хозяйство. Исследованиям причин упадка фермерской профессии обычно не хватает осознания противоречий между декларируемым и поведенческим уровнями признания этой про-

фессии, а также понимания того, что ситуация эта не может быть в корне изменена до тех пор, пока сельское хозяйство относится к сфере семейного производства.

Социологические проблемы, рассмотренные здесь, относятся к семейным крестьянским фермам. Вопрос сельскохозяйственных рабочих может быть успешно рассмотрен социологией труда (хотя здесь есть ряд очевидных особенностей). Социология села интересуется особенностями профессиональной деятельности крестьянских семей, столь сильно отличающейся от всех других профессий и столь неотделимо связанной с элементами сельской жизни крестьянской фермой, семьей, сельским сообществом.

Тематика изучения этой профессии охватывает:

- определение ее основных особенностей;
- изучение последствий процесса профессионализации фермерской деятельности.

Проявления процесса профессионализации и особенностей фермерской профессии могут быть охвачены социологической проблематикой, изучающей проблемы занятости и, следовательно, проблемы:

- обоснования и мотивов профессиональной деятельности;
- областей этой деятельности;
- способов получения знаний и необходимой профессиональной квалификации для данной профессии;
- путей проникновения и распространения новых технологий и ноу-хау.

Предмет фермерской деятельности влияет на специфический характер фермерских профессиональных организаций и на место профессии в социальной структуре занятости. Вопрос этот также тесно связан и с социологическими проблемами сельского общества и крестьянской страты и требует отдельного рассмотрения.

А. СЕН

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ ГОЛОДА

Голодание — это характерная черта жизни тех людей, у которых нет достаточно еды. Это не признак отсутствия достаточного количества продовольствия вообще. Хотя последнее может быть причиной первого, это лишь одна из многих причин.

Если в мире постоянно голодает каждый восьмой, то в этом видят результат неспособности этих людей доказать свое право на получение достаточного количества еды; таким образом, вопрос о физическом наличии продовольствия прямо не затрагивается.

Подход со стороны права получения неизбежен при анализе голода и бедности. Если, тем не менее, он покажется излишним и необычным, то такое может произойти в силу традиции мыслить скорее в терминах имеющегося в наличии, чем в терминах, кто распоряжается имеющимся в наличии. Зачаровывающая простота подхода, при котором акцент делается на соотношении массы продовольствия и численности населения, постоянно в течение веков играет затемняющую роль и продолжает вносить путаницу в политические дискуссии наших дней так же, как она расстраивала политику по борьбе с голодом в прошлом.

Взгляд, сконцентрированный на продовольствии, мало скажет нам о голоде. Он не объяснит нам, как даже без уменьшения наличного количества продовольствия может разразиться голод. Даже когда голод имеет место на фоне падения продовольственного производства, такой подход не скажет нам, почему одни группы населения голодают, а другие могут себя прокормить. Всеохватная продовольственная картина — это слишком отвлеченный экономический показатель, чтобы она могла нам многое рассказать о голоде. С другой стороны, если мы взглянем на продовольствие, поступающее отдельным группам, то тогда, конечно, мы сможем многое сказать о голоде. Но и тогда мы не уйдем далеко от простого описания голода, не объясним, что произошло. Если

людям приходится голодать, то ясно, что они испытывают недостаток в продовольствии; вопрос, однако, состоит в том, почему у них нет его. Что дает право одной группе в отличие от другой получить в свое распоряжение продовольствие? Способность индивида иметь в своем распоряжении продовольствие — как, впрочем, и любой другой товар, который он пожелает приобрести или которым пожелает пользоваться, — зависит от отношений собственности (entitlement), которые регулируют владение и пользование в данном обществе. Это зависит от того, чем он владеет, какие у него есть возможности обмена, что ему дано свободно и чего он лишен.

Иногда говорят, что голод может быть вызван не отсутствием продовольствия, а отсутствием дохода и покупательной способности. Это можно рассматривать, как элементарную попытку ухватить суть подхода с позиций права получения, поскольку в условиях рыночной экономики лишь доход дает право на получение продовольствия. Однако неадекватность взгляда, сосредоточенного на доходе, выявляется даже тогда, когда доход дает возможность приобретать. Данный подход лишь частично освещает картину процесса получения, а начинать рассказывать историю с нехватки дохода — это значит рассказать ее лишь наполовину. Действительно, люди умирают потому, что у них не хватает средств купить продовольствие, но здесь возникает вопрос: как же так получилось, что у них нет средств? Подход с позиции права получения требует использования категорий, основанных на определенных типах различий. Как мелкий крестьянин, так и безземельный батрак оба могут быть бедны, но судьба у них складывается по-разному. Для понимания их predisposedности к голоду нам следует посмотреть на них не как на представителей огромной армии «бедняков», а как на представителей определенных классов, относящихся к определенным профессиональным группам, имеющим разные права собственности и которыми управляют, скорее, разные отношения собственности. Возможно, для определенных целей и в определенных обстоятельствах разбивка населения на богатых и бедных, может быть, и полезна, но она слишком нечетка, чтобы быть полезной при рассмотрении голода, недостатка продовольствия и даже самой бедности. Если рыночный механизм рассматривать в терминах права на получение, то нет ничего необычного в том, что продовольствие из пораженных голодом районов вывозится в другие местности. Рыночный спрос — это не отражение биологических потребностей или физиологических желаний, а отражение выбора на основе обмена прав получения. Если некто мало что может предложить на обмен, то он и не может слишком многого требовать и поэтому может проиграть в конкуренции с другими, чьи нужды значительно менее остры, но чьи права на получение (entitlement) более крепки. Действительно, при сопровождающем кризис голоде такая тенденция будет иметь место до тех пор, пока в других районах не наступит более серьезная депрессия. Таким образом, вывоз продовольствия из пораженных голодом районов может быть «естественной» характеристикой рынка, который признает экономические права, а не нужды.

В крестьянском хозяйстве неурожай уменьшает как наличие продовольствия у крестьян, так и их непосредственные права на получение продовольствия. Но поскольку крестьянин обычно живет на самостоятельно произведенном продовольствии и, во всяком случае, у него мало возможностей продать и купить дополнительное количество продовольствия на рынке, непосредственной причиной его голодания будет скорее непосредственный кризис прав получения, а не уменьшение количества продовольствия на рынке. Действительно, если в его собственном хозяйстве неурожай, в то время как в других хозяйствах все в порядке, предложение продовольствия может быть большим, в то время как он будет голодать. Аналогично если его урожай хорош, в то время как у других неурожай, то он может прилично жить, несмотря на общее уменьшение предложения продовольствия. Аналитическое сопоставление важно даже тогда, когда оба явления могут одновременно совпасть во всеобщем неурожае. Несмотря на то, что такой неурожай внешне может выглядеть как кризис наличия продовольствия, сюда входит нечто большее, чем наличие. Это важно учесть также и с политической точки зрения, поскольку само по себе продвижение продовольствия в такой район не поможет пострадавшему населению, поскольку здесь необходимо наличие у него прав получения...

**КАРЛ КАУТСКИЙ И «АГРАРНЫЙ ВОПРОС».
КРЕСТЬЯНЕ И КАПИТАЛИЗМ**

Крестьяне: процессы, перспективы и предписания

Первый момент — это вопрос о процессах классового расслоения в сельском обществе в период становления и развития капитализма. Доводы Каутского по этому вопросу часто оказывались непонятными особенно для тех, кто привык отождествлять их с трактовкой Ленина. Более того, следует учитывать, что Каутский начал работу в этой области, имея определенные предубеждения, но в ходе исследований под воздействием новых фактов и их более глубокого анализа его взгляды весьма существенно изменились.

Исходное предположение Каутского состояло в том, что тенденция к концентрации и централизации производства как следствие капиталистического накопления устранивает мелкотоварное производство не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, способствуя разложению крестьянства и поляризации деревни, в которой появляется сельский пролетариат и капиталистические сельскохозяйственные производители. Исходя из сельских переписей в Германии, не подтверждавших процесса концентрации земли в руках немногих, делалось предположение, что капиталистические отношения в сельском хозяйстве могут возникнуть в результате растущих капиталовложений и интенсификации производства, но и в данном случае неизбежно исчезновение крестьянства, хотя Каутский не дал этому достаточно основательного подтверждения. Можно было, конечно, просто отнести продолжившее существовать крестьянство к такой переходной категории, как мелкотоварные производители, обреченные на вытеснение при капитализме. Но в ходе исследования Каутский все более четко представлял структурные различия между крестьянским производством и мелкотоварным производством в промышленности, как и то, насколько проблематична редукция крестьянства к категории мелкотоварных производителей.

Это понимание становится вполне отчетливым к седьмой главе книги, и в своем исследовании Каутский делает поворот чуть ли не на 180°. Начав с предположения об общей тенденции к разложению и исчезновению крестьянства в условиях развития, он приходит к выводу о том, что необходимо найти пояснение прямо противоположному явлению — почему эта тенденция на деле не набирает силу, почему крестьянство продолжает существовать при капитализме. Он обращает внимание уже в первом разделе седьмой главы, что в Европе с 1850-х годов мелкое хозяйство не сдало крупному своих позиций. Фактически по такому показателю, как количество земли, в некоторых районах наблюдается даже рост мелкого хозяйства. Далее (в первом разделе этой главы) он рассматривает факторы, которые тормозят процессы централизации и концентрации в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью, — различие в характере разложения класса мелкотоварных производителей Каутский объясняет тем, что неодинакова сравнительная скорость этих процессов в городе и в деревне. Но в шестом разделе главы Каутский счел необходимым взглянуть на мелкие хозяйства как на функционально необходимый источник рабочей силы для крупных капиталистических хозяйств и для промышленности. Рост соотношения крупных и мелких хозяйств в пользу первых ведет к истощению этого источника, в то время как потребность в рабочей силе возрастает. Подобное противоречие ограничивает возможности замены мелких хозяйств крупными в массовом масштабе. В результате чего он делает вывод: «Одного этого уже достаточно, чтобы, несмотря на свое техническое превосходство, крупное хозяйство не могло полностью возобладать в той или иной стране... Пока существует капиталистический способ производства, оснований для исчезновения крупных сельскохозяйственных предприятий столько же, сколько для исчезновения мелких». Причем последние — это больше чем предприятия, хотя бы потому, что они еще и идеальные «заводы по произ-

водству рекрутов» для армии — консервативны во взглядах и в большом количестве (глава восьмая, первый раздел). Каутский пишет, что помимо этих социально-экономических процессов, государство вторгается в деревню в интересах крупных землевладельцев, и это также продлевает век мелких семейных хозяйств. Чтобы лучше понять значение данного умозаключения, можно сравнить его с безапелляционным заявлением Ленина в 1899 г.: «Старое крестьянство не только «дифференцируется», оно совершенно разрушается, перестает существовать, вытесняемое совершенно новыми типами сельского населения, — типами, которые являются базисом общества с господствующим товарным хозяйством и капиталистическим производством. Эти типы — сельская буржуазия (преимущественно мелкая) и сельский пролетариат, класс товаропроизводителей в земледелии и класс сельскохозяйственных наемных рабочих».

Тезис о неумолимом уничтожении крестьянства в ходе капиталистического развития молодой Ленин отстаивал очень энергично в работе «Развитие капитализма в России». Он не просто предсказывал неизбежность дальнейшего процесса «раскрестьянивания», но утверждал, что сельская Россия к тому времени (90-е годы) уже прошла этот путь и стала капиталистической. Позже, в свете событий революции 1905 г., когда ему пришлось по-новому оценивать политическую роль крестьянства, он вынужден был несколько переосмыслить прежнее заключение и прийти к выводу о том, что «современная помещичья экономика России основана на закреплении в большей степени, чем капиталистическая экономика. Те, кто отрицает это, не в состоянии объяснить теперешний размах и глубину революционного крестьянского движения в России». В принципе этот вывод не вписывается в модель, которую Ленин создал в 1890-е годы и которую советские историки часто рассматривают как некий окончательный взгляд. Но даже пересмотренная в 1905 — 1906 гг. точка зрения Ленина на деревенскую Россию исходила из «классического» представления о том, что в конечном счете ее ожидает поляризация, причем эта перемена должна произойти с полнотой и неизбежностью закона природы и сдерживается лишь экономической отсталостью России. Каутский уже к 1899 г. понимал процессы, происходящие в сельском обществе под воздействием капитализма совсем иначе.

Второй момент, на котором заострено внимание в исследовании Каутского, очень тесно связан с пониманием мира, в каком мы теперь живем. Это взгляд на крестьянское производство как на органическую часть капиталистической экономики, вопреки тому распространенному представлению, что первое и второе несовместимы. Прежде всего, он отдавал себе отчет в том, что крестьянское производство, как таковое (как базирующееся на семейном хозяйстве и семейном труде), не является характерным для какого-то определенного исторически данного способа производства. Крестьяне составляли основу «архаических», «первобытно-коммунистических» обществ, в которых каждое семейное хозяйство было первичной ячейкой организации экономической деятельности, хотя в какой-то части эта деятельность организовывалась на базе более широких социальных структур. Крестьяне, свободные или несвободные, вновь появляются как интегральная составляющая феодальных обществ, в которых правящий класс взваливал на них повинность в свою пользу — трудовую, натуральную, денежную. С развитием капитализма крестьянство интегрируется в капиталистический способ производства, и только такой взгляд на вещи может дать адекватное представление о тех структурных и динамических процессах, которые при этом в нем происходят. Анализ Каутского взаимодействия крестьянства с городской индустриальной капиталистической экономикой вполне применим и для рассмотрения того разнообразия этого взаимодействия, которое мы имеем сегодня и которое он еще не мог наблюдать.

Тут следует начинать с признания сложности данной проблемы, включающей существование противоположных тенденций. Приходится брать в расчет всю специфику крестьянского семейного хозяйства, рассматривая его как особую форму организации производственной деятельности в широком контексте экономической системы капитализма, в которую оно интегрировано. Каутский выделяет две основные группы особенностей крестьянских семейных хозяйств на фоне капитализма. Первая связана с харак-

тером земли как невозполнимого средства производства. Он указывает на те специфические трудности и противоречия, которые возникают с ее концентрацией в процессе капиталистического развития, в частности, на огромную привязанность к земле крестьян. Вторая состоит в том, что значительная часть крестьянской продукции, потребляемая в самом крестьянском хозяйстве (равно как и определенная часть средств, направляемая на развитие хозяйства), не становится обменной стоимостью и не поддается оценке в категориях рынка. Это отличает крестьянское производство от мелкотоварного ремесленного производства и является еще одной причиной, по которой первое может продолжать свое существование в условиях капитализма, интегрироваться в капиталистическую экономику и противостоять ее разлагающему воздействию. Таким образом, была заложена основа для объяснения такой отличающейся от капитализма, однако интегрированной в капитализм, формы производства, как семейное хозяйство.

Третий момент представлений Каутского состоит в рассмотрении крестьянского производства в категориях чрезмерной эксплуатации (*over-exploitation*) крестьянского труда; в том, что он сумел подметить существенно более низкую цену рабочей силы, реализуемой в крестьянском хозяйстве, по сравнению со средней ценой рабочих рук в крупном аграрном производстве, и увидел в этом значимость крестьянского производства для капитализма. Каутский считал, что крупномасштабная экономика и применение передовых технологий должны обусловить высшую эффективность большого сельскохозяйственного предприятия в сравнении с крестьянским хозяйством. Но крестьяне все же существовали и даже опережали капиталистов, когда дело касалось покупки земли. Арендаторы часто давали больший доход хозяевам земли, чем тот, который приносило собственное капиталистическое товарное производство. По мнению Каутского, все это оказывалось возможным потому, что для крестьян привычным делом было «недопотребление» и «избыточный труд», постоянный найм за гроши, — то, что Ленин позже назвал «расхищением труда» крестьянства и что составило одну из основ чаяновской концепции «самоэксплуатации» в крестьянском хозяйстве. Политическая экономия может рассматривать это как дополнительный поток прибавочного продукта, который выжимается из обнищавшего крестьянина, неспособного оказать эффективное сопротивление давящим сверху силам. Крестьянский сектор в капиталистической экономике обречен не столько на стремительное разложение, сколько на длительное пребывание в качестве источника «первоначального накопления».

В полемике с теми, кто кажущуюся вечность крестьянства использовал для опровержения марксистских теоретических предначертаний, Каутский настаивал на исторической природе крестьянства. Он также отвергал выдвинутую Е. Давидом точку зрения, согласно которой большие предприятия не могут соперничать с малыми в интенсификации сельскохозяйственного производства. Однако ошибочному взгляду, что малые хозяйства обязательно должны быть более эффективны, чем крупные аграрные предприятия, Каутский противопоставлял не менее проблематичную позицию: укрупнять — значит улучшать. Соответственно, он слишком легко отклонял всякую мысль о возможности существования эксплуатируемых и все же высокопродуктивных и относительно процветающих семейных хозяйств в капиталистическом мире высокомеханизированных предприятий; свое представление о прогрессе он неизменно связывал с размерами предприятий. Из этого же он исходил в своих спорах с теми, кто удивительную выживаемость крестьянства почитал за благо. Капитализм готовил для семейного хозяйства западню обнищания, и оно выживало лишь за счет той дани рабочей силы, которой было обложено в пользу больших аграрных предприятий и капиталистической промышленности, а также за счет «докапиталистической нищеты, детского труда, преждевременного старения и других отклонений от нормы, которые давят на большинство не получающих зарплату «средних крестьян» сильнее, чем другие слои эксплуатируемого населения». В этом и состояло его главное объяснение, почему крестьяне продолжали существовать в условиях огромного размаха крупномасштабной экономики.

Четвертый момент — один из главных аспектов книги К. Каутского, о которых идет речь, — его предположение о том, какое влияние будет оказывать капитализм на кре-

стьянское производство на протяжении периода, который он считал «приближением к социалистической революции». За этот период пролетариат должен был превратиться в массовую, отлично организованную силу, доминирующую на политической арене и вполне осознающую свою роль, свою революционную задачу демонтажа всей системы классового общества. Главными формами производства становятся промышленный капитализм и крупномасштабное сельское хозяйство. Крестьяне должны исчезнуть, хотя это совсем необязательно должно произойти до социалистической революции. Окончательное исчезновение крестьянства будет не столько результатом воздействия капитализма или даже социализма, сколько результатом технологического прогресса. Фундаментальное политэкономическое убеждение К. Каутского заключалось в том, что сельское хозяйство, тем более крестьянское хозяйство, будет все больше оставлять позади технологически передовая промышленность, и последняя (сначала капиталистическая, а затем и социалистическая) должна будет взять его на буксир. А потому, перед лицом будущего, крестьянство можно было не брать в расчет. Застойные явления в экономике, в том числе и крестьянство, неотвратимо будут сметены мощным потоком прогресса. В рамках такого мировоззрения тот факт, что на деле крестьянство не исчезало, признавался, но объяснялся более сложной, чем казалось сначала, динамикой прогресса. И здесь мы подходим к вопросу об аграрной программе социал-демократии.

Пятый момент. Одну из основных характеристик труда Каутский связывал с политическими выводами. Стратегию социал-демократической партии по крестьянскому вопросу он описывает во второй части своей работы. В определенном смысле его выводы входят в противоречие с аналитическим содержанием первой части «Аграрного вопроса». Скорее они вытекают из той общей концепции исторического процесса, в которой «прогресс» просто и вполне определяется «производительными силами», а развитие капитализма происходит по жестким законам, одним из которых является естественное превосходство индустриального капитала и промышленного пролетариата, революционная роль которого диктуется самой историей. Этот порядок и эта иерархия ценностей прочитываются в главном для Каутского принципе, согласно которому «социальное развитие стоит выше интереса пролетариата и социал-демократии». «Прогресс» превышает пролетариата и его партии, не говоря уже о других возможных участниках борьбы за социализм!

К тому времени, когда во второй части книги К. Каутский начал разрабатывать аграрную политику социал-демократии, он уже пришел к заключению, что крестьяне, вероятно, не исчезнут даже на высоких стадиях развития капитализма. Он, однако, был убежден, что их значение в социалистическом движении ничтожно, а то и негативно, поскольку крестьянство (и даже само сельское хозяйство) — не прогрессивная, а консервативная сила. Он начинает излагать свою научно обоснованную политическую стратегию следующими словами: «Если из размышлений и суждений первой части и следует какой-то ясный вывод, так это вывод о том, что индустрия станет определяющей силой в обществе в целом, что значение сельского хозяйства будет снижаться по сравнению с индустрией». Он тут же смягчает это заявление, отметив, что социал-демократическая партия не должна упускать из виду аграрные проблемы, и аргументирует любопытным феноменом, «что политическая значимость сельского хозяйства обратно пропорциональна его экономической значимости». В силу основных процессов социальной трансформации крестьянство не уничтожается, но маргинализируется. Главные общественные силы будущего следует искать в набирающей рост капиталистической промышленности, и по отношению к ним крестьяне есть анахронизм. В будущем классовом противостоянии капиталистов и пролетариев они могут оказаться помехой или даже источником потенциальной опасности, так как крестьяне в шинелях могут быть использованы против революционеров, как это было в 1848 г. К счастью, в крестьянине уживаются «две души», и он не обязательно только лишь классовый враг пролетариата. В условиях конфронтации основных классов капитализма он проявит мелкобуржуазные колебания. Крестьянская враждебность по отношению к социалистам также не абсолютна, и некоторые из крестьян в предчувствии своей будущей пролетаризации могут далее вступить

в социал-демократическую партию. Из всего этого следовал политический вывод для социалистов о необходимости не столько мобилизации, сколько нейтрализации крестьянства. Оно не могло иметь активной самостоятельной роли в грядущей социалистической революции.

Если сравнить подобные выводы с тактикой Ленина, вновь обнаруживается явный контраст. При наличии параллелей в анализе воздействия на крестьянство развития капитализма, их оценки «крестьянского» революционного потенциала различаются радикально. После крестьянских выступлений на Украине в 1902 г., и особенно после революции 1905 — 1907 гг., и Каутский, и Ленин признали большие революционные возможности российских крестьян, что прежде отвергалось «ортодоксальными» марксистами. И тот и другой объясняли это отсталостью российской экономики, обусловившей участие докапиталистического класса в революции капиталистического времени, являющейся, по сути дела, предсоциалистической. Этому совпадению позиций положила конец гражданская война в России, которая для Ленина, по крайней мере, начиная с 1919 г., была социалистической революцией при опоре на крестьянское большинство и при поддержке этого большинства, в то время как для Каутского это было аномальное, не социалистическое явление, частично объяснявшееся консервативной природой крестьянства. Еще и до того за отмеченным совпадением взглядов были определенные различия, по-разному расставлялись акценты в революционной стратегии и тактике. Для Ленина после революции 1905 — 1907 гг. привлечение крестьянства на сторону социалистов стало задачей номер один.

Подведем некоторые итоги. Основные положения фундаментального труда, который предпринял Каутский на рубеже веков, были восприняты марксистами II Интернационала как наиболее авторитетное развитие идей «Капитала» в части анализа крестьянства — большинства человечества и даже большинства населения тогдашней Европы. Тем не менее не прошло и десяти лет, как труд К. Каутского был забыт. Потом о его содержании узнавали большей частью из вторых рук и не всегда достоверно. Внимание К. Каутского было сосредоточено на решающем по своему характеру и противоречивом по последствиям вторжении капитализма в крестьянское сельское хозяйство. Он поднял для анализа такие серьезные проблемы, как предпосылки и условия классового расщепления деревни и варианты возможных последствий; структурное объяснение существования крестьянской экономики при капитализме с акцентом на самоэксплуатацию и функциональную роль этой экономики для капитала; перспективы раскрестьянивания, которое должно стать не столько следствием изменений в характере производственных и общественных отношений, сколько следствием и результатом технологического процесса; наконец, политическая стратегия нейтрализации крестьянства, а не мобилизация их социалистами на свою сторону в борьбе за власть. Прежде чем оценивать вклад, который внес К. Каутский в понимание и изменение того мира, в каком он жил, а также мира, в котором мы теперь живем, следует посмотреть, что это был за человек и что представляло собой его непосредственное политическое окружение — прежде всего Социал-демократическая Рабочая Партия Германии (РСДРПГ)...

<...>

Аграрный вопрос

То, что К. Каутский был вынужден следовать за Бебелем в хитросплетениях политики немецкой социал-демократии с 1890 по 1913 гг., совсем не означало рабского подчинения диктату, а по «аграрной проблеме» произошла наиболее знаменательная сшибка между ними. В 1894 г. на съезде СПГ было решено определить партийную позицию в отношении крестьянства. Предложения по аграрной программе стали поступать от комитетов партии накануне съезда в Бреслау в 1895 г. На съезде К. Каутский возглавил атаку на рекомендации Центрального комитета. При этом он имел возможность опереться на авторитет Ф. Энгельса, поддержавшего К. Каутского своей статьей, где он утверждал, что СПГ не должна связывать себя обязательствами перед мелкими земельными собственниками, которые «вместе со всеми остальными пережитками преж-

него способа производства безнадежно обречены». Расстановка сил в этой конфронтации не вполне соответствовала обычному фракционному делению партии. Вокруг К. Каутского в стремлении предотвратить «ослабление» пролетарского характера партии путем «потворства крестьянству» сплотились многие представители левого крыла партии, а также лассальянцы и профсоюзные деятели справа. (Именно Ф. Лассаль в свое время охарактеризовал все другие социальные классы, кроме пролетариата, «сплошной реакционной массой» и заявил, что членами его партии могут быть только представители рабочего класса.) Отстаивая другую позицию, А. Бебель и некоторые его ближайшие соратники, прежде всего К. Либкнехт, оказались в одних рядах с представителями реформистского направления в партии, возглавляемой Г. Фольмаром. Сторонники принятия партией аграрной программы преследовали разные политические цели. Для Г. Фольмара это были новые голоса избирателей в регионах вроде его родной Баварии; при этом он был убежден, что единственный путь решения крестьянских проблем — добрая воля и продуманная политика государства. А. Бебель рассматривал проблему мобилизации крестьянства как часть «научной» революционной стратегии.

В теоретической полемике сторонники ревизионизма использовали против защитников Эрфуртской программы выводы исследований Е. Давида и некоторых других авторов о фундаментальной устойчивости мелкокрестьянского производства, утверждая, что анализ К. Маркса был неполным. Е. Давид основывал свою аргументацию на внимательном рассмотрении тех особенностей аграрного производства, которые были связаны с природным его характером и тем самым, по его мнению, принципиально отличали его от промышленного производства. Такие факторы, как неизбежная сезонность работ, связь с органикой, нешаблонный характер труда и невозможность в связи с этим нашпиговать машинами рабочее место, удаленность объектов работы, наводили его на мысль о том, что интенсивные семейные хозяйства в конечном счете должны выиграть соревнование с крупными сельскохозяйственными предприятиями. Данные сельской переписи 1895 г., обнаружившие устойчивость и даже рост мелких хозяйств, представлялись ему проявлением естественно-экономической закономерности.

На партийном съезде в Бреслау в 1895 г. возобладала позиция, которую отстаивал К. Каутский. Предложенная руководством аграрная программа была отвергнута двумя третями голосов, один из редких случаев, когда А. Бебель оказался в меньшинстве. (Комментируя это в письме к В. Адлеру в октябре 1895 г., он писал, что его оппоненты «отбросили то, чего ни в коем случае не следовало отбрасывать... на годы затормозили движение вперед... [это] произведет в деревне столь плохое впечатление, какое только возможно». «Хуже всего, однако, — добавлял он, — это их аргументация... [которая] сводилась к отказу от всех требований в пользу крестьянства, даже тех, которые нам бы ничего не стоили».) Съезд принял решение предложить партийным теоретикам провести всестороннее исследование этого вопроса, прежде чем рассматривать какие-то практические шаги. К. Каутский отнесся к этому призыву серьезно, и такое исследование появилось в 1899 г. в виде книги, о которой здесь идет речь. (Для большинства же партийных лидеров — и А. Бебель это прекрасно понимал — призыв «изучить» проблеме был просто средством похоронить ее.)

Первоначально взгляд К. Каутского на «аграрный вопрос» представлял собой простой вывод из тех принципиальных убеждений, которые содержатся в широко известной его работе — «Классовая борьба: Эрфуртская программа», излагавшей новую редакцию программы партии. Эта брошюра претендовала на систематическое изложение революционной теории марксизма так, как ее понимал К. Каутский и принимало большинство в социалистической партии, т.е. на то, что обозначали как «классический марксизм». Представленная здесь модель капиталистического развития включала разложение мелкотоварного производства на два главных класса: пролетариат и капиталистов, и обострение классовой борьбы. Пролетариату предстояла миссия освобождения — не только собственного, но и всего остального человечества. Крестьянские проблемы начисто отсутствовали, хотя вокруг них и партии, уже бушевали споры. Крестьяне затрагивались лишь по касательной в тех нескольких параграфах, где речь шла о мелко-

варных производителей вообще и об их неизбежном угасании в ходе капиталистического развития. К. Каутский не делал тогда никаких структурных различий между крестьянским производством и другими видами мелкотоварного производства, какие он вынужден был признать позже.

Вскоре взглядам К. Каутского на предмет суждено было серьезно измениться, и он сам довольно вразумительно сказал о причинах перемены: «По одному важному вопросу мы должны изменить свой взгляд. Крестьянин не исчезнет так быстро, как мы ожидали. В течение последних десятилетий он лишь очень медленно сдавал свои позиции, если вообще сдавал». Свидетельства сельских переписей явно возымели свое действие. Уже на том съезде в 1895 г. К. Каутский готов был признать некоторые особенности аграрного развития при капитализме. Этим ему и предстояло заняться вплотную в работе «Аграрный вопрос». Однако развитие и изменение его взглядов на проблему воздействия капитализма на крестьянство не сопровождалось соответствующим изменением политических выводов. Он упорно полагал, что если партия примет особую программу по крестьянству, это будет означать для нее измену своей пролетарской сущности. В 1909 г. он зашел в этом еще дальше, заявив, что к этому времени лассалевское положение о «сплошной реакционной массе» воплотилось в реальность, и что крестьянство, равно как и другие мелкобуржуазные слои, превратилось в самого яростного врага пролетариата. Пролетариат и его партия могли опираться только на самих себя. У К. Каутского, следовательно, сложилась концепция пролетарской исключительности в революционной борьбе за социализм.

Вот в таком теоретическом, историческом и биографическом контексте имеет смысл попытаться оценить вклад К. Каутского в разработку «аграрного вопроса» с учетом позднейшего опыта и знания, теоретических споров и до сих пор нерешенных проблем. В узких рамках этой статьи мы ограничим наши комментарии некоторыми главными аспектами проблемы крестьянства Германии на рубеже столетий, а также проблемы марксистских исследований мелких сельских хозяйств в условиях современного капитализма.

Немецкие крестьяне и социалистическое движение

В соответствии с широко распространенным в то время стереотипом немецкое крестьянство воспринималось как глухое к радикальным призывам, социально пассивное и консервативное, как крепкий и непоколебимый фундамент того традиционного общественного порядка, в котором главной фигурой была фигура прусского юнкера. Юнкеры как класс перед лицом экономической угрозы, явившейся им в виде дешевого зернового импорта из-за океана, сплотились политически и подчинили себе государство. Они использовали свое доминирующее положение в системе государственной власти, чтобы обеспечить себе налоговые льготы и экономические привилегии, в том числе высокие тарифы на импорт зерна. Они опирались при этом и на крестьянскую неприязнь к либералам и социалистам, которые угрожали их экономическим интересам, отстаивая свободную торговлю, крупномасштабное производство, расчетливость в экономике (а социалисты еще и твердили об «отмене всякой собственности»). В СПГ царил убеждение, что крестьянская привязанность к своей собственности остается серьезным препятствием на пути к социализму, что крестьяне чужды интересам рабочих и т.п. На самом деле, в 1880 — 1890-х гг. в сельской Германии происходило великое брожение, формировались новые общественные силы, но партийное руководство не сумело увидеть этого, а тем более опереться на эти силы в своей политической деятельности.

В последнее время историки Германии развенчивают старые мифы о пассивности и неподвижности крестьян, их консерватизме и почтительности к помещикам в конце прошлого — начале нынешнего века. Новые исследования отличает историко-социологический подход, где взгляд ученых перемещается с высот законодательных собраний Берлина и больших городов собственно в деревню, где обитают крестьяне. Они показали новый социум, целый мир, поражающий растущей социально-

политической активностью немецких крестьян в последние десятилетия прошлого века. Для большинства зернопроизводящих поместий северо-востока причины этой активности ни в коем случае в сфере экономики не сводились только к проблеме цен на хлеб. Для других регионов страны, где преобладали малые крестьянские хозяйства, особенно на юге и западе, источники недовольства были еще более разнообразны. Это слишком большая тема, и она требует особого разговора; здесь достаточно отметить, что стереотипы, которыми руководствовались помещики, не способствовали пониманию аграрной проблематики. В данном контексте нас, прежде всего, интересует выявленная историками картина мощного крестьянского недовольства вследствие трансформаций крестьянской экономики Германии во второй половине XIX в. К. Каутский проанализировал эти экономические изменения, но не сумел увидеть их политических последствий.

С интеграцией крестьянской экономики в капитализм она оказывалась все более крепко пристегнутой к рынку, и крестьяне обнаруживали на себе мощное воздействие новых и непонятных сил, которые никак не удавалось подчинить себе, приспособиться и которые часто оказывались более жесткими и неумолимыми, чем веками привычные капризы природы и помещичий гнет. Падение и непредсказуемость цен, рост выплат и налогов, бремя долгов — все новые беды, во всяком случае, прежде в таких масштабах с ними сталкиваться не приходилось. Это всколыхнуло крестьянство, по стране прокатилась волна малых и больших крестьянских выступлений. Они, не найдя понимания в руководстве социалистическим движением и желая возглавить их, стали принимать реакционную и националистическую окраску, например, антисемитскую, когда евреи представлялись олицетворением антикрестьянских категорий городского населения — чиновников, банкиров, адвокатов, политиков и интеллектуалов. Так, Баварская крестьянская лига шла на выборы 1893 г. с лозунгом: «Никаких аристократов, священников, докторов, профессоров — только крестьяне могут представлять крестьянские интересы». Лидеры ее использовали энергичную антисемитскую риторику. Жаль, конечно, что политическая энергия крестьянства стала находить выход в этом направлении, потому что подобное явление отнюдь не было неизбежным.

Если крестьянское возбуждение было бы мобилизовано социалистами, это могло бы круто изменить всю форму тогдашней общественно-политической жизни в Германии. Однако, как об этом пишет Д. Блэкбэн, «беды и чаяния сельских обществ преломлялись через призму консервативной политики. Разумеется, что таким образом они принимали искаженные карикатурные очертания. Лидеры консервативных и центристских партий демагогически направляли крестьянскую атаку на четко выраженные, но ложные цели, вроде евреев или фондовой биржи, вместо разъяснения им структурных основ их эксплуатации». Лидеры СДРПГ обнаружили полную неспособность понять основу и истоки крестьянского движения, а также то, какой вклад это движение могло бы внести в борьбу за социализм. Идеологическое наследие Ф. Лассалья и Е. Дюринга углубило антикрестьянские настроения. А реформистское крыло партии испытывало слишком глубокое влияние идей государственности и патернализма, чтобы ухватить радикальные настроения крестьянства. При этом и революционное, и тред-юнионистское течения в партии убежденно исповедовали идеологию пролетарской исключительности в борьбе за социализм.

Лидеры СДРПГ в своем неприятии идеи мобилизации крестьянства неизменно взывали к авторитету Ф. Энгельса, которому было поручено написать знаменитую статью «Крестьянский вопрос во Франции и Германии». К. Каутский опубликовал ее в «Нойе Цайт», обнаружив в ней поддержку своих собственных позиций. Но если уж взывать к авторитетам, то следовало бы вспомнить и К. Маркса, который в свое время энергично отстаивал противоположную позицию, особенно когда давал отпор лассальянским идеям, во множестве проникшим в Готскую программу партии. В «Критике Готской программы» он отвергает лассалеву формулу, по которой «освобождение труда должно быть делом рабочего класса, по отношению к которому все остальные классы составляют лишь одну реакционную массу». Отвечая на это, К. Маркс риторически вопрошает: «Разве на последних выборах мы заявляли ремесленникам, мелким промыш-

ленникам и т.п., а также крестьянам: «...по отношению к нам вы с буржуа и феодалами образуете лишь одну реакционную массу?» А далее он напоминал тем, кому была адресована его критика: «Во-первых, «трудящийся народ» в Германии состоит в большинстве из крестьян, а не из пролетариев». В своих записях, которые он делал в 1881 г., К. Маркс также отстаивал ту точку зрения, что российские крестьяне и их организации могут сыграть огромную самостоятельную роль в социалистическом переустройстве своей страны. Ни «классический марксист» К. Каутский, ни ревизионистские лидеры СДРПГ оказались не в состоянии уловить и развить далее эту идею. Разработанная К. Каутским политическая стратегия, где он четко определил место крестьянства в борьбе за социализм, была отвергнута последующей революционно-исторической практикой.

Марксизм и аграрный капитализм

Вклад К. Каутского в разработку «аграрного вопроса» продолжает оставаться актуальным и по сей день, и состоит он, конечно, не в определении политической роли крестьянства в социалистическом движении. Его главное достижение состоит в определении тех основных путей, какими капитал оказывает свое воздействие на крестьянство. Современные теоретические споры, как в марксистской, так и в немарксистской литературе, по этой проблематике пошли уже проторенными им путями. На сегодняшний день чем-то само собой разумеющимся представляется постановка и рассмотрение таких проблем, как исторический масштаб трансформации аграрного производства, экономическая логика этого процесса, его социальный контекст, а также многообразие форм изъятия капиталом прибавочного продукта в этом секторе экономики. Между тем, первоначально эти вопросы поднял и исследовал К. Каутский. Влияние международного рынка продовольствия, как показал К. Каутский, может быть прослежено до уровня каждой деревни и каждого хозяйства, жизнедеятельность которых существенно изменяется под этим влиянием. Он также прослеживает закономерности и этапы трансформации крестьянских хозяйств под воздействием капитала, среди которых выделяет резкое возрастание агрокультурной деятельности крестьянина (относительно других дел в своем хозяйстве), коммерциализацию и монетаризацию его основной деятельности, растущую вовлеченность в наемный труд на стороне, которая имеет своей целью удержать на плаву хозяйство, однако все больше втягивает сельское хозяйство в капиталистический способ производства. Крестьянские хозяйства тысячелетиями сохраняли свой образ жизнедеятельности, будучи вмонтированными в разные типы общественно-экономических формаций, и их рассмотрение в каждом отдельном случае обязательно предполагает рассмотрение более широкого социального и экономического контекста. Этот подход К. Каутского до сих пор остается на вооружении, являясь неотъемлемым элементом изучения аграрных обществ вообще и исследования общественно-экономических отношений в современных «развивающихся странах» в частности.

Огромное значение для современных крестьянских исследований имеет то обстоятельство, что К. Каутскому удалось объяснить, почему капитал, втягивая крестьянские семейные хозяйства в свой способ производства, в течение длительного времени подавляет и эксплуатирует их, но позволяет продолжать существование, а не разрушает их полностью. Классическая концепция производственных отношений в капиталистическом обществе предполагает отчуждение производителей от средств производства и, как следствие, разделение общества на класс свободных, но лишенных собственности, производителей и класс, непосредственно не производящий, но владеющий средствами производства и контролирующий их использование. Крестьянскому производству нет места в таком определении капитализма. А потому развитие капитализма в сельском хозяйстве теоретически сводилось просто-напросто к раскрестьяниванию, в процессе которого семейные хозяйства, подобно всем формам мелкотоварного производства, обречены на исчезновение.

Анализируя аграрную ситуацию в Европе на исходе столетия, К. Каутский пришел к выводу (впоследствии к нему предстояло прийти и многим другим), что все куда слож-

нее. Реальные факты не соответствовали изначальной формуле, и К. Каутский пошел за фактами и нашел им объяснение, хотя, казалось, был удручен, что двусмысленность явления (а именно, крестьянства, втянутого в капитализм, но не являющегося вполне «капиталистическим» классом) наносит ущерб классической формуле. Он сумел уловить самую суть столь сложного процесса, как преобразование крестьянского производства капиталом в ходе превращения его в интегрированный компонент капиталистической экономики, и на этой основе опровергал как представления о вечности и неизменности крестьянства, так и прежнее свое убеждение, что капитализм унифицирует общество и социально, и экономически.

К концу XIX в. все более широкое признание приобрел тот взгляд, согласно которому при капитализме существуют две различных формы сельскохозяйственного производства, а именно: хозяйство, базирующееся на наемном труде, и производство, основу которого составляют семейные хозяйства, интегрированные в капиталистический способ производства, но сохранившие при этом некоторые основные особенности. Имея в виду теоретические ориентиры К. Каутского, мы можем предположить, что первую из этих форм (обозначим ее как тип первый) он, безусловно, относил к капиталистическим по признаку отчуждения производителей от средств производства. Однако и крестьянское производство при капитализме (тип второй) может быть отнесено к капиталистическому способу производства, оказывающему на него очень глубокое воздействие, хотя при этом означенного отчуждения не наблюдается. Таким образом, явление, отчетливо наблюдаемое в реальности, оказывалось затруднительным для теоретического анализа. Это была крестьянская экономика, структурно вмонтированная в капитализм.

Труд крестьянина воплощен в его продукции, за которую он получает меньше ее полной стоимости вследствие неэквивалентного обмена. Следовательно, крестьянин тоже создает прибавочную стоимость, которая изымается капиталом через коммерческие структуры и кредитные институты и направляется на нужды капиталистического накопления, причем вне крестьянской экономики, где эта стоимость была создана. Крестьяне втянуты в общий цикл капиталистического товарного производства. Растущее воздействие и откровенное вторжение капитала через технологические новшества, кредиты и контракты, новые технологии хранения, транспортировки и переработки изменяют природу семейного хозяйства, все более прочно делая его частью общей капиталистической системы. При этом тип второй аграрного производства при капитализме не считался столбовой дорогой развития капитализма в сельском хозяйстве, в то время как тип первый (т.е. производство на капиталистической ферме, наемный труд) абсолютизировался, особенно советскими учеными и теми, кто повторял их взгляды, что затушевывало действительную динамику сельского хозяйства, характер основных его связей с капиталом и более широкими экономическими системами.

Исследование К. Каутского начало закладывать основу для понимания того, как капитал воздействует на крестьянское семейное производство и почему он втягивает его в свою экономику, а не уничтожает сразу. И данная основа оказывается вполне пригодной для анализа ряда возникших впоследствии проблем, которые перед Каутским и не стояли, например, проблемы крестьянства в экономических и политических условиях после революционных обществ (коллективизация, прямой экономический контроль, далеко идущие экономические планы и т.п.). Действительная роль и значение личного подсобного хозяйства советских колхозников, на удивление успешное сочетание семейной и коллективной сельскохозяйственной экономики в Венгрии, секрет недавних китайских достижений — все эти вопросы могут быть лучше поняты в свете исследования К. Каутского. Вместе с тем современный анализ подобных проблем высвечивает слабости и недочеты работы К. Каутского или, лучше сказать, те позиции его работы, которые, спустя почти 100-летие, оказались устаревшими. Это в первую очередь касается трех положений: неизбежность нищеты деревни; преимущества крупномасштабного производства; шаблонное представление о крестьянах, как таковых, и о различии между ними и капиталистическими фермерами в Северной Америке, Западной Европе и где бы то ни было.

Еще в ранние свои годы К. Каутский прочно усвоил, что прогрессирующее обнищание есть объективный закон капитализма и его неизбежное следствие. Со временем он пришел к отказу в целом от этой аксиомы «классического» марксизма, однако продолжал придерживаться подобной позиции в своих взглядах на крестьянские хозяйства как на докапиталистический пережиток в капитализме. С этой точки зрения, крестьяне продолжают существовать в условиях торжества капиталистического предпринимательства и преобладания наемного труда исключительно благодаря чрезмерной эксплуатации себя и своих домашних, благодаря «поразительной приспособляемости к полуголодному существованию». Исторический опыт убеждает нас, что и здесь все гораздо сложнее. Исключительная бедность и нужда семейных сельскохозяйственных производителей при современном капитализме отнюдь не являются неизбежностью, но в то же время нет никаких гарантий для их процветания. Можно убедиться на опыте ряда стран, причем не только Голландии или Австрии, но также и Турции, Египта, Венесуэлы, индийского Пенджаба, что малые семейные фермы обладают способностью вбирать новые технологии, успешно приспосабливаться к сегодняшним рыночным условиям и обеспечивать уровень жизни не ниже, а то и выше, чем у местных рабочих или служащих. Но эти хозяйства тоже очень зависят от капризов экономического климата капитализма, и циклы экономической активности здесь также приводят к банкротству. Кроме того, отрицательно сказывается на них миграция в город самых молодых, сильных, образованных. Наряду с этим можно наблюдать семейные хозяйства «развивающихся стран», нищета которых ставит их на самую нижнюю ступеньку социальной лестницы их и без того бедных обществ, лишения и бедствия которых вполне позволяют квалифицировать их как носителей «прогрессирующего обнищания» и маргинализации. Они появляются в орбите внимания мировой общественности, только когда очередной провал операции по спасению от голода оборачивается миллионными человеческими жертвами. Но это ни в коем случае не следует рассматривать как общую картину существования семейных хозяйств в условиях капитализма.

И здесь мы выходим на проблему современного этапа технологической революции в растениеводстве и животноводстве. Представления К. Каутского о технологическом прогрессе в этой сфере подкреплялись теми типами оборудования, которые ему приходилось наблюдать, и сводились к широкомасштабному применению машин, управляемых многочисленными работниками. Современные технологии механизации, химизации сельского хозяйства, биотехнологии дают возможность разделения труда в сельском хозяйстве совершенно иного типа, появления новых профессий и специализаций. Все это существенно корректирует представление об оптимальных размерах трудового коллектива в разных отраслях аграрного производства, чаще всего, в сторону снижения его численности. Семейная форма совсем не обязательно обладает преимуществами перед большим предприятием, она имеет практический доступ, но к современным технологиям. Дополнительные возможности рациональной организации труда, гибкого использования семейного труда, кооперация с соседними семейными предприятиями часто делают небольшую ферму более стабильной и эффективной в сравнении с крупным предприятием, использующим труд наемных рабочих. Она вполне может быть отнесена к основным формам производства при капитализме, ибо обеспечивает не только высокие и стабильные доходы в агробизнесе, но и высокий уровень жизни фермера, что и определяет дальнейшее существование этой социально-экономической формы на протяжении более или менее длительного времени.

Рассмотрение К. Каутским крестьянского хозяйства Германии 1890-х годов при всех его теоретических находках и аналитических прозрениях оставалось в жестких рамках догматического марксизма в вопросе о перспективах превращения крестьянина в «фермера». Эти перспективы К. Каутский видел в пауперизации крестьян и превращении их в капиталистических наемных рабочих, притом, что некоторые из крестьян становятся хозяевами капиталистических сельскохозяйственных предприятий и сами начинают эксплуатировать наемный труд. Продолжение же существования семейных хозяйств он связывал с прозябанием в нищете в стороне от технологической революции.

Такой подход исключал саму возможность появления капиталистических интенсивных семейных хозяйств и потому отказывал данной проблеме в теоретическом анализе. Не так давно концептуально новый подход к этой проблеме в рамках марксистского обществознания был предложен советским ученым Даниловым. С его точки зрения, понятий «семейный труд» и «наемный труд» недостаточно, чтобы уловить различие между крестьянским и фермерским хозяйством при капитализме, — необходимо также рассматривать качественные различия в используемых средствах производства. В крестьянском семейном хозяйстве основными являются такие естественные производительные силы, как земля и труд. Превращение его в семейную ферму связано с тем, что все более решающую роль начинают играть изобретенные и изготовленные людьми, прежде всего индустриальным способом, средства производства, т.е. капитал. Особенности семейного производства, таким образом, не исчезают полностью, хотя разница между двумя социально-экономическими типами оказывается весьма существенной. Конечно, решение этой теоретической проблемы не исключает и других подходов, в том числе тех, что в последние годы были заявлены некоторыми западными марксистами.

Существующее многообразие теорий о месте крестьян в современном обществе, особенно в странах «третьего мира», приводит в некоторое смятение. Немарксистские подходы в большинстве своем, видимо, не способны вырваться за рамки рыночных моделей и экологической озабоченности будущим развитием капитализма в крестьянских обществах. Марксистская же и структуралистская мысль Западной Европы 1980-х годов, похоже, устремилась по двум довольно-таки различным направлениям. Согласно первому из них, крестьяне — докапиталистический класс, а вмонтированность крестьянских обществ в широкий контекст современной капиталистической экономики представляет собой нормальное сосуществование и взаимодействие двух способов производства — докапиталистического и капиталистического. Второе направление развивает ту ортодоксию, которой руководствовался К. Каутский до начала и в начале своего исследования проблемы, и согласно которой крестьянское производство — не что иное, как мелкотоварное производство и, следовательно, обречено на отмирание по мере развития капитализма. И тот и другой подходы не в состоянии преодолеть то общетеоретическое представление, что капитализм отрицает все формы производства, не основанные на отчуждении производителей от средств производства.

А потому для обоих, вроде бы разных, подходов капитализм в сельском хозяйстве может означать только одно — появление сельских капиталистических предпринимателей, использующих наемный труд. Крестьянское производство исключается из капитализма по определению. К. Каутский своим анализом вопроса заронил зерно сомнения, заставляя подумать о пересмотре этих определений.

В процессе своего исследования К. Каутский оказался способен подняться над своими изначальными теоретическими предубеждениями, рассматривая те пути, которыми крестьянское семейное хозяйство, сохраняя основные свои особенности, тем не менее, входит в капитализм под воздействием новой общественно-экономической ситуации. При этом оно приобретает новые черты, которые невозможно объяснить, исходя просто из концептуальных схем докапиталистической экономики, поскольку структурно оно уже интегрировано в глобальную экономическую систему капитализма. Но не объясняются они и простым отнесением крестьянского производства при капитализме к разряду мелкотоварного производства. К. Каутский показал разнообразные признаки, отличающие крестьянскую экономику от мелкого производства промышленных товаров, и, как следствие, различные пути, которыми идет развитие этих социально-экономических форм при капитализме. Таким образом, рассматривая феномен крестьянского производства при капитализме, его динамику и перспективы, мы оказываемся перед необходимостью принимать во внимание не только условия и противоречия развития капитализма в целом, но и особые свойства самого данного феномена.

Д. ТОРНЕР
КРЕСТЬЯНСКАЯ ЭКОНОМИКА КАК СОЦИАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ

Крестьянская экономика, как мы полагаем, была и остается до сих пор широко распространенной формой организации человеческого общества. Из-за своей исторической живучести крестьянская экономика, по-видимому, вполне заслужила, чтобы ее исследовали в собственных терминах. Когда мы изучаем литературу по аграрной истории, то обнаруживаем крестьянскую экономику в таких разных категориях, как «натуральная», «феодалная», «восточная». В дискуссиях по так называемым слаборазвитым территориям крестьянская экономика часто рассматривается как конгломерат «мелкомасштабных» предприятий, или «минифундий». Ее могут также отнести к промежуточной или переходной стадии от «примитивной» к «современной» (или «развитой») экономике. Мы же, напротив, полагаем, что есть надежда на богатый аналитический урожай, если мы найдем способ рассмотрения «крестьянской экономики» в качестве определенной категории.

Для этого важно определить крестьянскую экономику как систему производства и выделить эту систему из ряда других исторических систем, таких, как рабовладение, капитализм и социализм. В соответствии с этим мы предложим рабочее определение крестьянской экономики и затем проиллюстрируем его несколькими примерами. Они покажут нам те различные формы, в которых существует в настоящее время крестьянское хозяйство на различных континентах. Под видимым разнообразием мы найдем во всех случаях общее ядро.

Прежде чем определить характерные черты крестьянской экономики, необходимо четко установить уровень исследования. Мы займемся особенностями народнохозяйственных организмов крупных стран. Мы будем оперировать единицами на уровне королевств или империй (Япония, царская Россия, Китай), государств (Мексика) и крупных имперских владений (Индия, Индонезия).

Мы исключаем из сферы нашего охвата мелкие владения, крошечные государства и субрегионы больших государств. Мы также не будем рассматривать крестьянские секторы тех экономических структур, которые, если их взять целиком, нельзя характеризовать как крестьянские экономики. Мы не исключаем рассмотрение малых стран, довольно большое число которых, например, Цейлон, Парагвай, Сирия, Сардиния, Ирландия и Шотландия, до их объединения имели крестьянские экономики, а некоторые остаются таковыми и по сей день. Но в данной статье, мы полагали, было бы уместнее представить значительные по своим размерам страны.

Мы используем пять критериев для того, чтобы определить, может ли экономика данной страны, данного народа или колониальной территории рассматриваться в качестве крестьянской. Для того чтобы экономика отдельной страны могла быть названа «крестьянской», должны быть выдержаны все пять критериев. Первые два критерия относятся к производству и самодеятельному населению. Их назначение — помочь отличить крестьянские экономики от индустриализации, независимо от того, капиталистические они или социалистические. В крестьянской экономике примерно половина всего населения должна жить в деревне и более половины самодеятельного населения должны быть заняты в сельском хозяйстве. Короче говоря, для того чтобы называться «крестьянской», экономика должна быть прежде всего сельскохозяйственной. В индустриальной стране, капиталистической или социалистической, могут оставаться тысячи или даже миллионы крестьян, но к такой экономике как к некоему целому мы больше не смогли бы применить термин «крестьянская». Поставленный вопрос превратится в вопрос о «крестьянском» секторе в некрестьянской экономике; тогда постановка вопроса была бы другой, и понадобился бы другой уровень анализа.

Третий критерий существования государственной власти и правящей иерархии особого рода: такого, при котором «родовой» или «клановый» строй настолько ослаблен, что открыта дорога «территориальному государству». Было бы абсурдом утверждать, однако, что кровное родство или родовые связи должны совсем исчезнуть. Кре-

стьянские экономики при «феодалных» режимах — вопрос тонкий, как практически все, определяемое трудноуловимым понятием «феодализм»! Если уточнять, я бы сказал, что это скорее относится к хозяйствам феодально-монархических государств Западной Европы конца XII—XIII века, чем к раздробленным и практически неурбанизованным режимам IX и X веков. И здесь в дело вступает наш четвертый критерий — отделение города от деревни.

Мы исходим из наличия городов в крестьянской экономике и из того, что отделение или разрыв между городом и деревней происходит одновременно по всем линиям: политической, экономической, социальной и культурной. В действительности, или в воображении, или в обоих случаях одновременно крестьяне предстают младшим или «подчиненным» сословием, существующим для эксплуатации со стороны всех тех, кто в этом заинтересован. В социальных терминах это называется «естественным порядком». Мы не сочтем экономику «крестьянской» до тех пор, пока в ней не будет достаточного количества городов с определенными чертами городской жизни, столь отличной от жизни деревенской. Мы можем сказать, что в грубом приближении все городское население должно насчитывать, по крайней мере, полмиллиона человек или минимум 5% населения данной страны должны быть горожанами. Утверждением, что крестьянская экономика должна иметь города, мы хотим сделать нечто большее, чем установить тот простой факт, что данная экономика не является чисто сельскохозяйственной. Мы устанавливаем довольно отчетливый уровень разделения труда в обществе и отчетливую концентрацию в городах ремесленников и других работников промышленного или интеллектуального труда разных специальностей. Мы также предполагаем, что сельское хозяйство достаточно развито, чтобы прокормить не только крестьян и правящий класс, но также городское население.

Наш пятый и последний критерий — самый важный: это производственная единица. В нашей концепции крестьянской экономики типичными и наиболее представительными производственными единицами являются семейные крестьянские хозяйства. Мы определяем семейное крестьянское хозяйство как социально-экономическую единицу, которая возделывает культуры, прежде всего посредством физического труда членов семьи. Основная деятельность крестьянских хозяйств состоит в обработке своей собственной земли, полос или наделов. Эти хозяйства могут быть вовлечены и в другие виды деятельности, например, в ремесла, переработку и даже в мелкую торговлю. Некоторые члены семьи могут работать, возможно, из нужды, время от времени вне дома. В хозяйстве могут быть один или два невольника, домашние слуги или наемные рабочие. Но общий вклад этих не являющихся членами крестьянской семьи людей в производство гораздо меньше, чем вклад членов семьи.

В крестьянской экономике не менее половины всего выращенного урожая должно быть произведено такими крестьянскими хозяйствами, которые используют в основном труд членов семьи. Наряду с крестьянскими хозяйствами могут существовать и более крупные производственные единицы: помещичьи домены или ферма при помещичьей усадьбе, обрабатываемые принудительным трудом крестьян, гасиенда или поместье, где крестьяне могут быть заняты часть года, капиталистическая ферма, на которой большой объем работ выполняется наемными свободными работниками. Но если какая-нибудь из этих специфических экономических единиц доминирует в деревне и на нее приходится большая часть урожая, тогда мы имеем дело не с крестьянской экономикой. Кроме того, мы специально исключаем все виды экономики, в которых наиболее представительным сельскохозяйственным предприятием является рабовладельческое поместье римского типа или невольничьи плантации Нового времени по производству хлопка, сахара.

Мы можем категорически утверждать, что в крестьянской экономике члены крестьянской семьи не являются рабами. Мы не будем уточнять, являются ли крестьяне крепостными, полусвободными и не свободными. Едва ли нужно говорить, что существуют обстоятельства, при которых этот вопрос имеет главенствующее значение. Однако для определения крестьянской экономики это различие является необязательным, и нет

смысла тратить усилия, на доказательство этого. Мы уже установили, что при крестьянской экономике крестьянство как группа зависима от других и существует для того, чтобы его эксплуатировали другие. Крестьянина вполне можно заставить день или два в неделю работать на барона или помещика. Его также можно обязать осуществлять платежи или делать подношения землевладельцам, функционерам, аристократам или другим вельможным персонам. В то же время с точки зрения производства крестьянские хозяйства представляют определенные — так и хочется сказать «независимые» — организмы. Вследствие двойственности своего положения крестьяне постоянно пересекают линию между свободой и несвободой; можно сказать, что в таких экономиках они одновременно и зависимы, и хозяева.

В определенной стране в определенное время могут существовать одновременно много вариантов и оттенков свободы и несвободы. Обычно бывает трудно установить, какая часть крестьянства закрепощена, а какая нет. С течением времени пропорции могут меняться. В отдельных районах самодеятельное население проходит в течение столетий все ступени от свободы до рабства и обратно.

Первой заботой производственной единицы в крестьянской экономике является выращивание продовольственных культур для собственного пропитания. Но это не может быть единственной ее заботой. По определению, эти производственные единицы существуют в государстве и связаны с городами. Следовательно, хотя бы они того или нет, они должны поддерживать государство, города, местную знать. В результате, так или иначе, они должны передавать, отдавать или продавать другим часть своего продовольствия. И хотя условия обмена таковы, что крестьяне, как правило, дают больше, чем получают, но в обмен они могут получить железо, соль, специи, возможно, модный наряд к свадьбе.

Мы должны быть осмотрительны, дабы не попасть на удочку ложного представления о наличии некоего «чистого» типа крестьянского хозяйства, потребляющего практически все, что оно производит, и ничего более, и отличного от него «нечистого» типа, производящего как для рынка, так и для своих потребительских нужд. В историческом плане более общим и характерным является второй тип. По существу, хозяйственные единицы в крестьянских экономиках подчеркивают свою двойную ориентированность выращиванием двух разновидностей культур. Первая — это зерновые, необходимые для их собственного пропитания и для пропитания общества в целом, вторая — скорее всего, непродовольственные культуры (возможно, также фрукты, масличные, волокно), произведенные специально для меновой торговли, продажи или обмена. Повсеместно для крестьян выращивать два вида культур так же привычно, как и ходить на двух ногах.

Мы непременно собьемся с курса, если попытаемся рассматривать крестьянские хозяйства как ориентированные исключительно на «потребление» и будем подозревать наличие капитализма везде, где крестьяне демонстрируют «рыночную» ориентацию. Разумнее принять как данность, как исходный момент, что крестьянские хозяйства веками имели двойную ориентацию. В этом случае можно было бы избежать многих бесплодных дискуссий о природе так называемых потребительских хозяйств.

Мы можем утверждать, что в крестьянской экономике не менее половины всего сельскохозяйственного продукта потребляется в самих крестьянских хозяйствах, а не «поставляется на рынок». Мы не включаем, однако, в «поставляемую на рынок» продукцию ту часть продовольствия, которую после сбора урожая крестьянские семьи отдают местным землевладельцам, торговцам или ростовщикам в качестве уплаты долга.

А затем те же крестьянские семьи снова выбирают это зерно обычно малыми порциями при неблагоприятных условиях до следующего урожая. Мы считаем, что это продовольствие не проходит через организованный рынок. Оно не проходит через подлинную торговлю и не доходит до потребления тех, кто не производит зерно. Напротив, оно остается в деревне, где и было выращено, и вынуждено вернуться к истоку — к тем, кто его произвел. Фактически производственной единицей является семейное хозяйство и потребительской единицей — та же самая крестьянская семья. Совершенно очевидно, что это иной, чем характерный для капиталистического сельского хозяйства, непрямой процесс,

опосредованный рынком. Напротив, в крестьянской экономике движение продовольственного зерна внутри деревни от производшей его семьи и обратно — вновь к той же самой семье — связано с давно сложившимися формами экономического господства и эксплуатации. Если подобные отношения являются типичными на деревенском уровне, то мы имеем почти полную гарантию того, что перед нами сельскохозяйственная экономика с крестьянской, а не капиталистической структурой.

Итак, мы определили крестьянские экономики как такие, в которых преобладает сельское хозяйство, как в массе продукта, так и численности самодеятельного населения. Необходимым условием мы считаем наличие территориального государства и отделения города от деревни. Мы показали, что типичной производственной единицей должно быть семейное крестьянское хозяйство с двойной ориентацией: на собственное потребление и на более широкий мир вне деревни. Необходимо подчеркнуть, что сам по себе ни один из этих элементов не будет достаточным для определения того, является или нет данная экономика действительно крестьянской. Все эти признаки должны быть собраны воедино и должны быть соотнесены с экономикой всей страны... В качестве образцов я указываю на царскую Россию, Индонезию, Индию, Японию и Китай (за двести лет, начиная с 1750 г.). Мы касаемся крестьянской экономики только в ее «высокой», или «поздней», фазе. Тем не менее, мы видели, что условия в некоторых важных отношениях были различными, и, возможно, эти различия стоит перечислить.

1. Самостоятельное или колониальное правление.

2. Только мелкомасштабное земледелие или мелкомасштабное наряду с крупномасштабным, и в этом случае обеспечение этих крупных хозяйств рабочей силой.

3. Владельцами земли являются только отдельные семьи, или индивидуальное семейное землевладение сочетается с землевладением более крупных, чем семья, групп — например, с деревенскими общинными правами на землю.

4. Иерархия среди крестьянства на деревенском уровне; существование и социальная роль класса сельскохозяйственных рабочих.

Урбанизация и индустриализация как факторы уменьшения относительной значимости крестьянства в экономике в целом, ведущие к трансформации крестьянского производства.

Можно сказать, что мы предварительно уже кратко очертили круг стран, отошедших или стремящихся отойти от крестьянской экономики. Конечно, возможно и желательно привести случаи вхождения в крестьянскую экономику. В более широком смысле изучение крестьянских экономик должно охватывать весь процесс их появления, изменений, происходящих с ними, и путей, на которых они превращаются — или не превращаются в современные индустриальные экономики.

Возможно, будет интересно сопоставить крестьянскую экономику, как мы ее определили, с хорошо известными Марксовыми способами производства. Наши крестьянские экономики включают общества, подпадающие как под феодальный способ производства Маркса, так и под его «азиатские общества». Кроме того, они охватывают такие периоды истории, которые он характеризовал как отмеченные мелким крестьянским сельским хозяйством и которые он определил как переходные от одного способа производства к другому.

Т. ШАНИН

ЭКСПОЛЯРНЫЕ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТЭКОНОМИЯ ОБОЧИН. ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВА ВНЕ СИСТЕМ

Полюса, маятник и формы хозяйства «на обочине» экономических моделей

Экономические модели всех политэкономических теорий предполагают существование обочин. Одно дело — строго последовательные системные схемы, другое — социальная реальность и ее отклонение от чистоты моделей. Логика работы с моделью

допускает, что эти отклонения несущественны. Когда же массив «отклонений» достигает такого уровня, что наблюдающие их не желают больше мириться с таким упрощением, отклонения, представляющиеся в виде картины, но классифицируются как «маргинальные» и оказываются обычно в стороне от центра аналитического поля, на обочине. В этом сходны между собой две фундаментальные переплетающиеся традиции социальной науки, идущие из XIX столетия. В обеих традициях «на обочине» оказываются те формы хозяйства, которые отличаются от структуры доминирующей системы, ее общей динамики и логики. В видении эволюционизма (или когда он принимается как нечто само собой разумеющееся) маргинальные формы трактуются просто как «пережитки прошлого», или как исторический тупик, т.е. они не имеют ни собственной динамики, ни перспективы. Своим выживанием они обязаны социальной инерции и/или той временной пользе, которую извлекают из них господствующие власть и экономика, их динамика и разные формы. Это также значит, что, в конце концов, «формы на краю» отживают или уничтожаются.

Эмпирические корни этой всеобъемлющей эпистемологии современных обществ и экономик представляются достаточно ясными. Они лежат в романтизированной истории индустриализации, в представлениях о беспределности потребностей и их также бесконечном удовлетворении с помощью неограниченно увеличивающихся в результате прогресса богатств цивилизации, когда благ становится все больше и больше, технологии — все крупнее и крупнее, а жизнь людей — все лучше и лучше. Связываются во едино рост и мощь науки, человеческое благополучие, всеобщее образование и индивидуальная свобода. Непрерывный рост во всех сферах предполагает также наличие быстрой унификации, универсализации и стандартизации всех изменений, происходящих в окружающем мире. Все общества, как считается, движутся от многообразия разного рода несообразностей и неразумения к истинному, логическому и единообразному, отодвигая «на обочину» все то, что не вписывается в общий поток.

Это фундаментальное мировоззрение наложилось на расколотый послевоенный мир с его военными блоками, экономическими системами, идеологическими стандартами и тотальной пропагандой. Категория «маргинальных форм» и их трактовка как «вымирающих» вписалась в программы, связанные со сверхдержавами и двумя главными идеологиями и историографиями. Обе точки зрения или программы в одинаковой степени помечены характерными родимыми пятнами эволюционизма прошлого века и разделяют его оптимистический постулат о том, что неизбежность, рациональность, всеобщее благо и принятая данным лагерем программа действий — суть одно и то же. Эти парадигмы, взаимно усиливая друг друга, обрели логическую форму «либо-либо»: либо социалистическое «государственное планирование», либо либерально-капиталистический «свободный рынок»; либо «Восток», либо «Запад». С одной стороны, это плановая экономика, разумно руководимая государством по сценарию, согласно которому она поглотит и преобразует по своему образу и подобию любые социальные отклонения и несообразности. Соответствующим образом усиленная, она должна вытеснить или поглотить свою глобальную альтернативу, а именно рыночную экономику капитализма, и восторжествовать в качестве нового, однородного мира всеобщего богатства и свободы. С другой стороны, это образ и реалии рыночной экономики, которая побеждает в мировом соревновании всех и вся, а собственно монстров государственной экономики с последующим единением и процветанием всего мира в своеобразный Техас.

В реальной политике разнородных обществ действует шкала между двумя взаимоисключающими моделями и крайностями: чистым капитализмом и чистым госсоциализмом. Существовавшие общества располагаются вдоль этой шкалы, по которой перемещается маятник истории. В условиях кризиса определенной государственной политики ее лечат реформами: государственно-плановую экономику — впрыскивая дозу капиталистического рынка, или наоборот, «выравнивая» капитализм, увеличивая вмешательство государства.

То, что сама логическая схема, лежащая в основе этих взглядов, а именно абсолютный характер этой картины шкалы и маятника между двумя взаимоисключающими

социоэкономическими типами, нереалистичен, мало кем замечается. В споре «кто-кого» не принимается во внимание и факт параллельного структурного кризиса 70 — 80-х годов обеих сверхсистем. Неспособность вернуться к темпам 50 — 60-х годов, искоренить нищету, преодолеть мировые и местные резкие различия в уровне развития, заставить систему «срабатывать», т.е. выполнить свои же ранее данные обещания, все это так и в России, и в США. Если же мы возьмем так называемые «развивающиеся страны», то там все это проявляется еще более выпукло. Продолжая говорить не о моделях, а о фактах, наше время — это период отказа от предположения о возможности быстрого, всеобщего и постоянно растущего благосостояния, как и сокращения амбициозных планов. Очевидно также, что «маргинальные формы» не сокращаются, фактически масштабы экономической деятельности, осуществляемой вне доминирующих систем и политэкономической логики полюсов, шкалы и маятника возрастают.

На сегодня данных, опровергающих имеющиеся аксиомы и аппарат анализа экономического мышления, накопилось столько, что необходим, видимо, пересмотр парадигмы объяснения в целом. Чтобы сделать это, следует в первую очередь рассмотреть существующие хозяйственные формы, находящиеся вне «систем», т.е. вне общепринятой теории, и произвести их переоценку. Однако прежде чем заняться этим, дадим им наименование. По причинам, которые будут изложены ниже, мы назовем этот общественный синдром, не укладывающийся в схему полюсов, шкалы и маятника, «эксполлярной экономикой» (expolary economics).

Реестр аналитических диссонансов

Проблему, поставленную нами, можно определить как серию диссонансов с принятым аналитическим мышлением разных доминирующих школ.

1. Эволюционная модель, принятая большинством социальных наук и вновь подкрепленная в 50 — 60-х годах теориями модернизации, утрачивает сегодня свою привлекательность. Невозможно провозглашать далее бесконечный экономический рост и неограниченные ресурсы, равно, как и само собой определенную всевозрастающую разумность человека и его свободу. Однолинейные схемы истории и заложенный в них оптимизм нереалистичны.

Мир меняется, усилились связи подразделений и типов хозяйств, но социальные и экономические формы переходят не от разнородности к однородности, а скорее от одной внутренне противоречивой сложности и разнородности к другой. При этом то, что происходит часто, оказывалось совершенно неожиданно.

2. Конфликт двух центральных политико-экономических моделей вряд ли можно считать способным закончиться абсолютной победой какой-либо из них. Поборники свободного рынка и планового хозяйства, занимавшиеся поисками соринки в глазах друг у друга, каждый по-своему, прав: ни одна из систем «не срабатывает», причем по своим собственным стандартам. Точно так же ни одна из первоначальных теорий не дала рецепта неограниченного и быстрого «экономического роста», излечивающего все общественные недуги. Больше того, ни оба полюса, ни смесь их характеристик не исчерпывают собой социально реальные и потенциальные возможности. Происходящий параллельно кризис систем и сверхпроектов, как и растущее неверие в переходящий характер этого кризиса, требуют тщательного рассмотрения альтернативных экономических форм.

3. В этом контексте следует также отказать в статусе самоочевидной истины тому, что я назову «принципом пальца Мидаса». К чему бы ни прикасался этот скупейший царь греческих легенд, все превращалось в золото, и наказанный таким образом богами он умер с голоду. Подобно этому для некоторых аналитиков господствующая политэкономическая система преобразует необходимо и абсолютно по своему подобию любые экономические формы, к которым они «прикоснулись». На деле «эксполярная экономика», находящаяся «на обочине» системы, не только не исчезает в условиях капитализма или госсocialизма, но демонстрирует высокую степень жизнеспособности и выживае-

мости. К тому же их деятельность не есть только отражение «потребностей» или диктата формы доминирующей экономики. «Доминирующие» экономики так и не смогли никогда полностью колонизировать свои приграничные территории. Анализ эксплоярных форм доказывает, что они обладают мерой автономии, собственной логикой, динамикой и собственной способностью манипулировать окружением (реагируя, конечно, в то же время на широкий контекст их действия). Они способны также к социальному воспроизводству. Действительные структуры и формы, скрытые за такими антипонятиями, как «вторая экономика», «мелкая буржуазия», или «неформальная экономика», должны быть признаны, осознаны и рассмотрены.

4. Все больше данных свидетельствуют о том, что более сложные и противоречивые, даже парадоксальные по своему составу социетальные системы политекономии («нечистые» с точки зрения логических моделей) оказываются более эффективными в обеспечении благосостояния населения, функционирования народного хозяйства и его «роста»; другими словами, — по общепринятым стандартам удачи.

Все это походит на то, что «эксплоярная экономика» действует как примесь, как смазка или катализатор эффективного функционирования существующих социоэкономических систем. Мера ее не абсорбции в доминирующие формы, степень «нечистоты» системных моделей, смешивания «государственного плана» или «свободного рынка» с хозяйственными формами, иными по характеристике, улучшает место, которое занимают схожие страны со сравнимым уровнем развития. В наше время хозяйство Венгрии эффективнее, чем хозяйство России, Японии «динамичнее», чем США, Италия в последние два десятилетия развивалась экономически, и по уровню благосостояния быстрее, чем Великобритания. Разумеется, все это относительно, и ценность таких широких сравнений не следует преувеличивать.

Чтобы достигнуть полной ясности в существе нашей темы, демистификацию параллельных экономических форм следует провести в несколько шагов. Первое, что необходимо напомнить, — это неточность, заложенную в моделях как таковых, и для «свободного рынка», и для «плановой экономики». Реальность всегда богаче. Модели — карикатуры на реальность в полном смысле слова «карикатура», т.е. преувеличение существенных характеристик. Ни одна рыночная экономика не свободна от государственного вмешательства, не было и такой плановой экономики, которая была бы структурирована согласно плану.

Важнее и противоречивее то, что существующие экономики не представляют собой просто смеси двух полярных принципов, т.е. это не есть просто что-то промежуточное между государственно-плановой и свободной рыночной экономикой (и поэтому также «слишком большую» долю планирования нельзя просто вылечить благоразумной инъекцией рынка, и наоборот). Само предположение, что шкала, связывающая эти полюса, способна выразить все экономические формы мира ошибочно, ибо догматическое отодвигает на задний план формы, не уместяющиеся в «либо-либо» аналитического и идеологического откровения. Не спасти эту аналитическую шкалу и тем, что сначала допускают элементы «чего-то еще», а затем навешивают на них ярлыки «пережитков прошлого» (почему же они выжили?) или объясняют их как просто отражение «нужд» суперсистемы. Следует выделить и изучить хозяйственные формы, находящиеся на «заднем плане», их способность к выживанию, внутреннюю логику и совокупный вклад.

Сказанное объясняет, почему мы предпочли определение «эксплоярной» другим понятиям, выражающим явления, описанные нами, таким как «неформальные». Главное здесь — это то, что эти формы социальной экономики расположены вне полюсов и вне аналитической шкалы доминирующей понятийной системы современной политической экономики, на которой имеется либо «план», либо «рынок», либо их смесь — фактически она бросает вызов этой шкале. «Экс» есть «вне», а «эксплоярность» потому, что, во-первых, этот феномен расположен аналитически вне системы «двух полюсов и маятника». Во-вторых, в употреблении старогреческого языка, полис означало как город — государство, так и городской рынок, а мы говорим об «обочинах» в обоих смыслах.

Последнее замечание: расцвет эксплоярных экономик не является, по всей видимости, следствием современного экономического кризиса. Кризисы доминирующих систем совпали с расширением «маргинальных» экономик, но то, что называют кризисом 70 — 80-х годов — не какой-то временный спад, это, по-видимому, состояние современного человеческого сосуществования. Социально-экономическая история конца тысячелетия может вполне оказаться историей перманентного кризиса. В этом общем контексте и следует рассматривать социальные и экономические системы и формы нашего времени.

Виды эксплоярной экономики

Наше первоначальное определение «маргинальных форм» и «эксплоярной экономики» было относительным и негативным, мы говорили в основном о том, чем они не являются. Спецификация характеристик и категорий должна стать следующим шагом нашего анализа. Перечень существующих экономических форм, попадающих под категорию эксплоярности, должен, по-видимому, включать:

1. Семейное производство, когда отсутствие (или ограниченное использование) наемного труда, внутрисемейное потребление, бесконтрактная и долговременная взаимная поддержка, а также то, что их проявления принимаются как самопонятное, имеют своим результатом иную операционную логику, чем та, которая присуща системам и теоретическим моделям «свободного рынка» или «государственного планирования», как академической макро- и микроэкономике.

2. Специализированное малое предпринимательство, самостоятельное существование которого лицом к лицу с бюрократически-индустриальными комплексами основано на индивидуализированной монополии определенного умения как в случае независимого художника, конструктора, предпринимателя. Большая гибкость в реагировании на спрос, личных контактах или привилегированном доступе спекулянта или перекупщика к определенным мощностям или ресурсам может создать схожую картину. Особая жизнеспособность такой мелкой производственной единицы может опираться на *dis-economy of scale*.

3. Внутрисемейное воспроизводство труда, т.е. форма использования труда, для которой общим с категорией «1» является семейная организация, его ненадежные характеристики, отсутствие простых форм перехода в рыночные альтернативы и «неформальность». Вместе с тем результаты труда направлены на потребление, благополучие и социальное воспроизводство семьи, а не на производство товаров или услуг предназначенных для рынка. С точки зрения историка эти социальные формы представляют собой семейное производство, лишенное вследствие «модернизации» своих главных производственных и многих потребительских функций и сконцентрировавшееся в домашних хозяйствах, в которых нет слуг, и все в большей степени усложняется задача социализации детей и удовлетворения новых индивидуальных потребностей. Например, в средних классах городов Западной Европы транспортировка детей матерью из балетной школы в гимназию и далее домой, так же, как и занятие хозяйством, и прием гостей мужа — это вид деятельности, который часто занимает столько же времени и столько же общественно необходимый, как платный рабочий день, и которому нет эффективных альтернатив ни в государственной, ни в капиталистической системе.

4. По определению современных венгерских социологов «вторая» экономика, т.е. второе занятие после рабочего дня или работа по дополнительному контракту (в Венгрии — это значит вне государственных или кооперативных предприятий и организаций). С точки зрения тех, кто в нее вовлечен, «вторая» экономика — существенный источник балансирования дохода. Венгерские социологи выделили особенности правил игры и социальной организации этого феномена по сравнению с «первой» (т.е. широкомасштабной и официальной) экономикой страны.

5. Теневая, или «черная», экономика (названная венграми «третьей»), а именно производство и услуги вне легально разрешенных форм — деятельность, раскрытие ко-

торой ведет к уголовной ответственности. В рамках «плановой экономики» — это чаще всего использование ресурсов, находящихся в монопольном владении государства (возможно частично перетекающих во «вторую» экономику). При наличии свободного рынка эти формы выражаются в уклонении от налогов, контрабанде или организованной преступности.

Наш обзор показывает разнообразие эксплоярных экономик, а также их относительность, т.е. существование мощной системы и логики «центра» или «главного течения», с которым эксплоярные формы смыкаются и которое на них влияет, хотя они структурно отличаются. Вместе с тем никто не станет утверждать, что, например, роль сапожника или фермера в современном Пенджабе идентична роли этих занятий в сегодняшней Венгрии или Италии, или в доколониальной Индии. Они отличаются потому, что вписываются в разные окружающие условия и разные экономические системы. Для всех них сосуществование с доминирующей социальной системой политической экономики или способом производства играет важнейшую роль. Но в понятии «эксплоярная экономика» заключено также предположение об их существенных особенностях, разной или противостоящей операциональной логике и их выживаемости, если мы сравним ее с логикой бюрократических структур в сердцевине как современного «свободного рынка», так и «государственного планирования». Эти «маргинальные формы», конечно, используются доминирующей системой и крупным хозяйством для того, чтобы извлечь из них пользу, а также для своего выживания. Вытекающий отсюда образ хозяйства, в котором действуют и государственные, и рыночные, и эксплоярные экономические формы, сложен и противоречив, однако более реалистичен.

Следующим шагом должно стать определение общих характеристик эксплоярных экономик, которые могли бы оправдать само понятие. Выделяется здесь особенно неформальный и персонализированный характер отношений, выражающихся в производстве, услугах, обмене, финансировании и учете. Отметим также особые и обычно нелегальные (что не обязательно означает — нелегальные) методы гарантирования выполнения соглашений и платежей. Все это верно также для трудовых отношений, для отношений между работодателем и работниками. Рассматриваемые формы социальной экономики показывают высокую степень приспособляемости в использовании труда, особенно в наиболее эффективном использовании сменно неплатного труда. Эксплоярные типы экономической деятельности «укоренены» («embedded»), или «растворены», в широком контексте общественного взаимодействия, но редко узкоориентированы просто на прибыль или на достижение целей, предназначенных правительством (и в этом смысле они «нерациональны» по логике разных им систем). Они более «социальны», т.е. определены нормами первичных соотношений и сообществ.

Следует добавить здесь специфические типы конструкции бюджета, сопровождающие более социализированную экономику: важность общего семейного кошелька, внутри- и межсемейной неформальной кооперации и взаимопомощи, самообеспечения и таких соотношений, как патронаж, постоянство покупателей (clientage), и кровное родство. Участники стараются, конечно, и здесь оптимизировать результат своих усилий, но они делают это, опираясь в большей степени на представления о выживании, благосостоянии, социальном воспроизводстве и «бытии», а не исходят из беспредельного накопления. Эти отношения не следует романтизировать, ибо персонализация взаимозависимости может предполагать и высокую степень эксплуатации. Но дело в том, что, так или иначе, стратегия выживания отличается по форме и результатам от бюрократических процедур, как и деперсонализированного беспредельного соревнования моделей открытого рынка.

Тенденция отмеченных характеристик вступать в связи и структурные причины этого объясняет, почему мы можем и должны говорить здесь о типе или категории социальных отношений и социальной экономики, а не об эклектическом наборе поведенческих норм, умений или взаимодействия. К тому же особенности эксплоярной экономики представлены не просто их способом функционирования, но и формами их социального воспроизводства и структурной трансформацией. По-видимому, мы говорим

здесь об особой, последовательной и самовоспроизводящейся системе социальных институтов и ее особой, последовательной логике (антилогике, с точки зрения доминирующей системы).

Направления дальнейшей исследовательской работы

Термин «эксполярный» использовался нами для того, чтобы очертить территорию, которая не в полной мере поддается рассмотрению в рамках доминирующих аналитических систем, являясь важной для реалистического познания современных экономических и социальных форм. Можно говорить о них так же, как и о «формах нерастворения» в доминирующей экономике, помня, однако, об относительной и всегда частичной природе таких «нерастворений». Определить характеристики эксполярной экономики и проверить значимость — это значит выделить, сравнить и проанализировать аналитически и эмпирически альтернативные способы деятельности, отличающиеся от доминирующих систем экономики государственного планирования, как и капиталистического рынка, и промышленно-бюрократических комплексов в их сердцевинах.

Важнейшими операциональными темами будущего анализа видятся нам на этом этапе:

- 1) вопросы стратегии балансов семейного бюджета и использование труда;
- 2) способы решения вопросов информации и ее недостоверности в экономических планах малых предприятий;
- 3) вопросы взаимосвязи технологии, ресурсов и умений;
- 4) вопросы балансирования тяжести труда и скуки монотонности в противовес экзистенциальным, социальным и экономическим жизненным потребностям как факторам определения целей семейных экономик.

Э. МИНГИОНИ

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЗАПАДНОГО ОПЫТА: ВОЗДЕЙСТВИЕ ИЗМЕНЕНИЯ РЕЖИМОВ РЕГУЛИРОВАНИЯ

В центре внимания этой статьи — некоторые эмпирические аспекты определений и анализа, которые частично заимствованы из недавнего отчета для Европейской комиссии (Mingione E., Magatti M. 1994), однако сначала выдвинем гипотезы относительно общей интерпретационной схемы, в рамках которой может быть поставлен вопрос о неформальном. Проблема представляется сложной, поскольку понятие «неформального» очень по-разному использовалось в аналитических исследованиях, где довольно трудно, как мы увидим, определить границы и собрать данные, а в немногих уже проведенных эмпирических исследованиях обнаруживается большое разнообразие характеристик. Попытки рассмотреть эту проблему в теоретическом плане были редки, возможно, потому, что трудно найти единственную матрицу, способную объяснить крайнее разнообразие связей (Gallino L. 1982). Так или иначе, существует несколько надежных гипотез, которые можно использовать как фон для интерпретации этих расплывчатых феноменов.

Многие считают, что неформальная экономика, как бы ее ни определяли, представляет собой явление, неразрывно связанное со всей экономической системой. Неформальная деятельность не отделена от общей картины экономической деятельности. Более того, она становится значительной только, когда начинается регулирование экономических отношений, т.е. во время институционального процесса, происходившего в основном в XX в. (Castel R. 1995). Те же самые экономические и рабочие типологии, которые в прошлом веке являлись абсолютно нормальными, в условиях волны регулирования, типичной для более зрелых моделей капитализма всеобщего благоденствия (welfare capitalism), стали неформальными (Pahl R. 1988). Именно бюрократические и

юридические процедуры регулирования привели к тому, что в нашем столетии и особенно в период после Второй мировой войны границы как для наемного труда, так и для самозанятых стали стандартизованными и контрактными, а также обнаружилось, что некоторая экономическая деятельность существует независимо от институционально установленных процедур.

Первая серьезная гипотеза, на которую можно опереться, исходит из того, что граница между формальной и неформальной деятельностью возникла внутри процесса узаконенного регулирования, характерного для индустриальных стран, в период между Первой мировой войной и нефтяными кризисами 70-х годов (Arrigi G. 1996; Mingione E. 1997). Процесс регулирования в основном касался развития отраслей с высокой производительностью и был направлен в русло экономической стандартизации, поддержания монопольной регулирующей роли национальных государств и ярко выраженных форм бюрократизации, создания программы социального обеспечения, консьюмеризма и управление, основанное на разделении труда по социальным и половым признакам, в основе которых лежит роль «кормильца» для взрослого мужского населения и женская ответственность за дом и детей.

Процесс строительства индустриальных экономик, в значительной степени регулируемых на основе законов, соответствовал тем различиям, которые существуют между моделями капитализма всеобщего благоденствия (Esping-Andersen G. 1990; Mingione E. 1997). Не останавливаясь на этом более подробно, отметим лишь основополагающие деления, которые важны для правильной постановки вопроса о неформальном. Доминирующей американской модели присуща ярко выраженная двойственность. С одной стороны, большая часть экономики, в которой на основе государственного управления крупными промышленными предприятиями, интегрированными по вертикали, были созданы органы приватизированного социального обеспечения и благосостояния, и с другой — существует поле экономической деятельности для меньшинств и иммигрантов, внутри которого преобладают различные этнические стратегии. Англия, Канада и страны Океании избрали менее либеральный путь, поскольку они должны были на основе государственных программ социального обеспечения компенсировать как недостаток мощи крупных промышленных комплексов, так и слабость экономического потенциала национальных меньшинств и иммигрантов. Скандинавские страны, социально более однородные и экономически более периферийные, смогли выработать систему, базирующуюся на расширении социального обеспечения и универсальных прав гражданства. Остальные страны начали в более трудных условиях, при наличии высокой доли аграрных экономик, а также малых семейных предприятий в сельском хозяйстве, промышленности, ремесле и коммерции. После Второй мировой войны различие между центральными и южноевропейскими странами стало более ярко выраженным. В странах первого типа мощное индустриальное развитие на фоне массового исхода из сельской местности привело к регулированию в трех плоскостях:

- 1) на уровне крупных промышленных предприятий и бюрократии;
- 2) на уровне среднего и мелкого бизнеса, самозанятых (индивидуальной трудовой деятельности), гораздо более многочисленной категории по сравнению с прежними моделями развития, но менее выраженной, чем в последующих;
- 3) процесс иммиграции (главным образом «рабочие-гости» в Германии, Швейцарии, Австрии с сильным компонентом внедренности (т.е. получивших гражданство) меньшинств в других странах).

В юноевропейских странах иммиграция продолжалась, доля малых традиционных предприятий и самозанятых оставалась высокой, экономика представляла собой сложную комбинацию малых и больших предприятий, более или менее динамичных и инновационных секторов. Все это явилось причиной появления смешанных и хаотичных форм регулирования, а также перенесение на семью функций по социальному обеспечению и постоянная поддержка менее динамично развивающихся отраслей экономики.

Если бы в начале 70-х годов можно было разделить на формальное и неформальное, то обнаружилось бы четкое различие между, с одной стороны, скандинавской

моделью, в которой нелегальная деятельность практически отсутствует, если не считать работу на дому и небольшую долю случайных заработков, и с другой — южноевропейской, которой присущ дуализм, сложные формы регулирования и высокая доля теневой экономики. Остальные модели находятся между этими двумя: центральноевропейская модель рядом со скандинавской, а либеральные модели (прежде всего США) рядом с южноевропейской моделью, поскольку они столкнулись с проблемой наплыва мигрантов, предшествующего волне дерегулирования профессиональной сферы. Но когда было открыто значение неформальной деятельности, мощный процесс перестройки регулирующих систем уже начался и его необходимо учитывать, чтобы понять тенденции в процессе расширения неформальных отношений (informalisation).

Рассматривая постфордистские изменения в регулировании, мы остановимся лишь на самых необходимых моментах для того, чтобы показать, что при анализе и интерпретации неформального всегда опираются на два разных параметра: тот, который зависит от институционального регулирования, вызревшего в различных формах фордизма; и тот, который возникает в процессе постфордистской трансформации регулирования. Именно последнее обстоятельство еще более усложняет теоретическую картину.

В ходе 70-х годов коренные социально-экономические изменения и прежде всего промышленная перестройка, расширение сферы обслуживания, фискальные кризисы в государственном социальном обеспечении и демографический переход (Lesthaeghe R, 1991) начали размывать синергию между режимами фордистского регулирования и экономическим ростом. Начался переход от различных моделей капитализма всеобщего благоденствия, очень бюрократизированных и стандартизованных, к моделям глобального капитализма, т.е. более сложным и разнообразным системам, в которых доминируют потоки финансов и информации, где рабочие и семейные биографии людей нестабильны, а возможности государств контролировать экономику достаточно ограничены. Везде этот переход дестабилизировал положение рабочих и семей, приспособленных к наличию одного работника-кормильца в семье, «привел к возрастающей разнообразности форм труда, прежде всего благодаря распространению форм, ранее называвшихся «нетипичной занятостью». Последняя с точки зрения нашей теоретической конструкции представляет две различные проблемы. В той мере, в которой институциональная система регулирования не приняла их официально, нетипичные виды занятости распространились в качестве неформальной деятельности. В дебатах по поводу гибкости труда, достигаемой посредством дерегулирования рынка труда, данному аспекту уделяете особое внимание. В этом отношении либералы страны, осуществившие дерегулирование профессиональной сферы, успешно снизили долю неформальной деятельности, которая там на сегодняшний день возможно, ниже даже по сравнению с долей неформальной деятельности в странах с различными вариантами скандинавской модели. Однако с содержательной точки зрения вопрос институционального регулирования форм занятости остался открытым, — именно насколько эти формы соответствуют уровню жизни, гарантирующему принятие работников и членов их семей в качестве полноценных членов в местное сообщество. Нетипичная занятость, будь то формальная или неформальная занятость, такая, как некий постоянный уровень традиционных форм нелегальной работы, не гарантирует социального принятия и тем самым составляет основу для серьезных трений в социальном и экономическом порядке. Мы вернемся к этой проблеме в заключительной части статьи.

Определение феномена

Достаточно сложным является вопрос, связанный с проблемой: как определить, что собой представляет неформальная экономика в индустриально развитых странах. Возможно, одно из простейших решений относительно того, что входит в общее понятие и что можно принять во внимание в данной статье, состоит в том, чтобы составить скрупулезный перечень того, что обычно фигурирует в разнообразных определениях не-

формальной экономики. В целом предполагается, что в неформальную экономику входят следующие области экономической деятельности:

1) уклонение от уплаты налогов постоянными работниками (большая часть самозанятых), корпорациями, а также в рамках регулярно декларируемых экономических трансакций;

2) деятельность и экономические трансакции, содержание которых запрещено согласно уголовному законодательству (криминальная экономика);

3) неоплачиваемая экономическая деятельность, направленная на увеличение благосостояния домохозяйства, а также домохозяйств друзей и родственников, осуществляемая на взаимовыгодной основе (reciprocity), включая повседневную домашнюю работу и огромное разнообразие деятельности по самообеспечению (домашний труд и самообеспечение);

4) «профессиональная деятельность как основная, так и вторичная занятость... приносящая доход и осуществляемая на постоянной основе вне легальных, регулируемых, контрактных обязательств» (это официальное определение неформальной деятельности MOT), исключая те формы деятельности, которые являются частью криминальной экономики (уже перечисленные в пункте 2), поскольку их содержание идет вразрез с уголовным законодательством;

5) профессиональная деятельность, приносящая доход, но осуществляемая время от времени, на случайной основе (случайные и периодические приработки).

Как и в любой аналитической классификации здесь присутствует определенная двойственность. Существуют случаи, которые не могут быть легко классифицированы согласно одной из типологий. Например, проституцию часто относят к сфере криминальной экономики, даже если она не запрещена уголовным законодательством, а подделка высококачественных фирменных продуктов, напротив, всегда относится к последней группе (5), даже если такая деятельность запрещена уголовным законодательством (и в отличие от других видов криминальной деятельности, таких, например, как перевозка наркотиков, вовлеченность лиц в качестве «оплачиваемых работников» в подделку товаров уголовно не наказуема). Кроме того, внутри типологии (4) неформальной деятельности в строгом смысле этого слова, определенной MOT, имеется проблема выявления границ термина «периодический». Как установить, сколько раз в год кто-то должен повторить короткие операции или сколько дней человек должен быть вовлечен в сезонную или временную занятость, чтобы его можно было причислить к категории постоянных неформальных работников? Обычно в таких ситуациях принимаемые решения относительно включения их в эту категорию различаются от случая к случаю, базируются на здравом смысле и не поддаются обобщениям. Некоторые примеры в данной статье, может быть, помогут прояснить ситуацию в решении данного вопроса. Однако поскольку, как уже отмечалось в предыдущей части, экономическая деятельность должна оцениваться в целом и в соответствии со специфическим регулирующим режимом, всегда трудно выделить и определить значение части из общей картины.

Здесь основное внимание будет уделено неформальной, приносящей доход занятости, которая не является ни периодической в строгом смысле этого термина, ни частью криминальной экономики. Такой выбор обусловлен основной целью данной статьи, которая состоит в том, чтобы обсудить неформальную деятельность как характеристику трансформации в регулировании сферы занятости. Фактически, именно в этой сфере неформальная деятельность приобретает особое значение в качестве альтернативной или инновационной формы регулирования по сравнению с достоинствами предшествующей фордистской модели. Однако, поскольку, как уже было сказано, экономические характеристики должны рассматриваться как части целого, мы должны уделить хотя бы некоторое внимание изменениям во взаимосвязанных областях, в частности, в формах разделения домашней работы и работы по самообеспечению.

Связь между уклонением от уплаты налогов и занятостью почти невозможно реконструировать с достаточной степенью точности внутри крайне разнообразных налоговых систем. Однако важно подчеркнуть, что, по крайней мере, отчасти, и особенно в

южноевропейских странах, относительно высокая терпимость к неуплате налогов способствует сохранению большого числа рабочих мест, которые иначе бы исчезли. Например, число занятых должно существенно сократиться в процессе перехода от традиционной организации торговли, в основе своей имеющей огромное число семейных магазинов, владельцы которых уклоняются от уплаты налогов или пользуются налоговыми льготами, к реорганизованной системе, строящейся по принципу цепочки, в которой соединены супермаркеты и универсальные магазины.

Причины, по которым исключается из рассмотрения криминальный сектор, также понятны. Эта сфера такова, что сбор данных о ней затруднен, а государство, отстаивая свои интересы, требует борьбы с ней даже ценой разрушения соответствующего числа «рабочих мест», а в некоторых регионах, например, в Южной Италии, и важного источника благосостояния. Подотрасли, в которых законная трансформация возможна, ограничены, и они могут, как в случае производства поддельных фирменных вещей, быть включены в рассмотрение.

Исключение домашней работы и работы по самообеспечению также довольно очевидно. Это область, в которой есть значительные культурные различия и где принципы регулирования оплаты труда невозможно раз и навсегда ни определить, ни обобщить. Правда и то, что, особенно в индивидуальном и семейном обслуживании, другой стиль обеспечения, в меньшей степени базирующийся на неоплачиваемых домашних обязанностях и в большей степени ориентированный на рынок или государственную систему социального обеспечения, может открыть некоторые возможности занятости особенно для женщин. Весьма разные доли взрослых женщин в оплачиваемой рабочей силе в индустриальных странах приблизительно соответствуют различным моделям капитализма всеобщего благоденствия (Esping-Andersen G. 1990; Mingione E. 1991; Mingione E. 1997). Кроме того, существует другая проблема, связанная с новыми формами самообеспечения, базирующимися на использовании высокоразвитых технологий, например, общий доступ к самоконсультированию и информации через минител (minitel) во Франции (Ger-shuny J. 1978; Gershuny J. 1983; Gershuny J., Miles I. 1982). Однако в основном эта сфера остается решающей для понимания тенденций современного перехода от различных режимов регулирования, базирующихся на стандартизованных нуклеарных домохозяйствах и половом разделении труда, когда мужчина выступает в роли кормильца, а на долю женщин возложена основная масса домашних обязанностей, к более комплексным и гетерогенным системам регулирования. Распространение неформальной деятельности также часто оказывается продуктом данного процесса изменений.

И, наконец, проблематично, по крайней мере, отчасти, исключение из рассмотрения случайной неформальной деятельности. Это та область, в которой трудно собрать и интерпретировать обобщенные данные. Случайные приносящие доход виды деятельности всегда базировались на значительно отличающемся в культурном отношении основании. Рост нестабильности занятости, вероятно, способствует расширению этой области и одновременно все меньше и меньше отличается от области постоянной неформальной деятельности. Исходя из этого, попытаемся хотя бы кратко коснуться трансформации видов случайной деятельности в рамках процесса расширения неформальных отношений, не привлекая даже необходимого количества эмпирических данных.

Приведем некоторые предварительные соображения, касающиеся сферы неформальной деятельности, как она соотносится с важными политическими вопросами, такими, как бюджетные возможности государства, гибкий график работы, условия труда и жизни работников, занятость.

В целом может возникнуть впечатление, что работники, относящиеся к сфере неформальной деятельности, изымают значительную сумму из государственного бюджета, так как не платят налоги и не производят социальных и медицинских отчислений, в то время как во многих случаях, поскольку их доход остается недеklarированным, они получают привилегии и субсидии, на которые не имеют права. Этот аргумент не стоит слишком драматизировать. В результате неформальной деятельности в большинстве случаев изымается незначительная часть государственных ресурсов по сравнению с

тем, что государство теряет в результате уклонений от налогов и криминальных афер в экономике. Две наиболее важные категории неформально занятых, а именно неформально работающие на нескольких работах (занятые по совместительству) и неформально работающие иммигранты, не получают каких-либо льгот. Тот факт, что они не делают социальных и медицинских выплат, компенсируется тем, что они не имеют доступа к дополнительным социальным услугам (совместители) или к социальному обеспечению в целом (неформальные временные рабочие-гости).

Что касается вопроса о гибкости, важно подчеркнуть, что не существует однозначной связи между нерегулярными формами занятости и гибкой занятостью. Неформальная работа только в некоторых случаях представляет собой вариант гибкости, который возможен в рамках очень строгого регулирования рынка труда. Чаще всего это справедливо только в отношении совместительства, которое, особенно в южноевропейских странах, приравнивается к временной работе или работе неполный рабочий день, которые либо запрещены, либо недостаточно удобны. Но дерегулирование и увеличение гибкости рынка труда могут и не разрешить проблему. Например, в Испании легальное оформление временных трудовых соглашений лишь частично отразилось на уровне неформальной занятости. В этом смысле приводимая политика занятости, ориентированная на создание новых форм занятости и на подчинение регулированию неформального труда, должна базироваться на комплексном соотношении между поощрением создания новых форм занятости (в частности инновационных и приемлемых форм нетипичной занятости) и созданием некоторых барьеров, препятствующих появлению нежелательных неформальных практик.

В принципе неформальная деятельность не имеет никаких правовых и профсоюзных гарантий. Это вовсе не означает, что требования улучшения условий труда имеют одинаковую значимость и актуальность в каждом виде неформальной занятости. Условия труда в некоторых видах неформальной деятельности являются вполне приемлемыми как для работников, так и для нанимателей/потребителей. Чаще всего это относится к работам по совместительству, а иногда касается случайных и временных занятых (например, в случае «малых» работ, выполняемых студентами). Напротив, проблема очень обостряется в том случае, когда речь идет о теневой рыночной экономике, нелегальных рабочих-гостях и многих видах домашней или субконтрактной работы, занятость в которых не является надежной.

И, наконец, вопрос неформальной занятости часто поднимается в связи с безработицей. Существуют два основных взгляда на проблему: с одной стороны, неформальные рабочие отнимают потенциальные рабочие места у безработных и, следовательно, усугубляют проблему безработицы; с другой — некоторые исследователи полагают, что значительное число лиц, задействованных в неформальной экономике, являются безработными, и, соответственно, они не нуждаются в государственной социальной поддержке, так как в действительности работают. Оба взгляда на самом деле являются спорными, но будут оставаться популярными там и тогда, где число неформально занятых и число безработных одновременно увеличивается, как это было в большинстве континентальных европейских стран в 80-х годах. Что касается первого взгляда на проблему, то поскольку неформальная деятельность по большей части не представляет собой «настоящую работу», она напрямую не отнимает рабочие места у тех, кто числится в безработных. Косвенно, однако, существует возможность того, что через дифференцированное регулирование и умелую экономическую политику некоторые неформальные трудовые соглашения могли бы быть переведены в русло регулярной занятости для безработных. Данная цель может быть достигнута посредством двух противоположных стратегий: простого дерегулирования (США и Великобритания), улучшения и протекции работ в сфере обслуживания (Скандинавские страны). Если идти по пути выбора первой стратегии, то он окажется более дешевым, но расширит границы бедности, так как заставит неквалифицированных и полуквалифицированных работников, ищущих работу, соглашаться на ненадежные и невыгодные условия труда. Вторая стратегия во многих отношениях эффективнее, но требует довольно больших затрат.

Что касается второго взгляда на эту проблему, то данные обследований свидетельствуют о том, что безработные составляют меньшую часть неформально занятых. В целом, только те безработные, которые не получают пособий, возможно, являются неформально занятыми, но, как правило, это лишь временные или случайные приработки, не противоречащие их основному статусу искателя работы. Как убедительно показано в большинстве специальных исследований, у безработных слишком малый доступ к информации и социальным связям, чтобы быть всерьез вовлеченными в неформальную деятельность (Pahl R. 1984; Morris L. 1990; IRESCGIL. 1992).

Сам по себе факт схожей динамики оценок неформальной деятельности и безработицы имеет вполне разумное косвенное объяснение. Оба феномена отражают трансформацию структуры занятости в связи со спецификой регулирующих систем. Промышленная перестройка порождает все увеличивающееся число нетипичных работ, которые не соответствуют ожиданиям и требованиям рабочей силы, социализированной в развитом индустриальном мире. Такая трансформация приводит к росту и безработицы, и неформальной деятельности. Безработные не готовы идти на рабочие места с ухудшающимися условиями труда. Эти теневые и недекларируемые рабочие места занимают рабочие-иммигранты, совместители, пенсионеры. Вместе с тем, если регулирующая система становится менее жесткой и безработные вынуждены соглашаться на ненадежные и низкооплачиваемые места, как это происходит в США и Великобритании, то и безработица, и неформальная деятельность уменьшаются, но возникает проблема, связанная с ухудшением условий жизни все большего числа работников, находящихся ниже уровня бедности.

Разнообразие нерегулярных форм занятости

Непосредственно изучая неформальную деятельность, исследователи отметили разнообразие форм этого явления, связанных как с национальными, региональными, локальными различиями, так и с разнообразием типов нерегулярных форм занятости. Кратко рассмотрим имеющиеся аналитические материалы о процессе расширения неформальных отношений прежде, чем перейдем к некоторым гипотезам относительно связи между данным феноменом и процессом постфордистского перехода в различных моделях капитализма всеобщего благоденствия. Мы, в частности, сконцентрируем внимание на докладе комиссии DGV (Direction General 5 of European Community) пяти экспертов (EEG. 1988). Но для того чтобы задать более широкий простор дискуссии, дополним наши данные ссылками на другие и более поздние исследования.

В Европе (в отчете рассматривались 12 стран) существует четкое деление на северные и южные страны, имеющие определенные различия. Это явным образом связано и с количественными оценками, касающимися данного явления. В Испании, Греции, Южной Италии и Португалии неформальной деятельностью заняты более 20% всей рабочей силы, в то время как в Западной Германии, Дании, Великобритании, Нидерландах и Люксембурге даже весьма завышенных оценок не достигают 10%. Северная Италия, Франция, Бельгия и Ирландия представляют собой промежуточные случаи, где доля неформальной деятельности варьируется между 12 и 18% от совокупной занятости. Эти оценки очень приблизительны, поскольку в каждой стране самая большая группа неформально работающих представлена нерегистрируемыми совместителями, которые уже учтены в составе рабочей силы. Труднее оценить количественно экономический эффект этого явления исходя как из произведенного дохода, так и из величины суммы, выраженной в денежном измерении, которая была получена в результате уклонения от налогов, выплат на социальное обеспечение и обязательное медицинское страхование.

Однако в Италии, единственной стране, в которой существуют количественные оценки деятельности теневой экономики в денежном выражении, вклад неформальной деятельности оценивается в 20% от объема общей суммы уклонений от налогов, и она составляет относительно небольшую долю в скрытой части ВВП, включающей криминальную деятельность (Mingione E. 1991). Гипотетически можно предположить, что та-

кие пропорции присущи большинству стран (в том числе и за пределами Европы), исключением может быть Греция, где неформальная деятельность носит более диффузный характер и сращена со структурами, такими, как семейное фермерство, малые туристические единицы, подряды и субподряды домашнего производства.

Исходя из официальных данных по Италии, мы находим подтверждение предположению о том, что доля неформальной деятельности в общей занятости увеличилась после нефтяных кризисов 70-х годов, которые, как считается, привели к постфордистскому переходу. В 80-х годах в Италии достаточно быстро росли как в абсолютных, так и в относительных цифрах нерегулярные формы занятости (Mingione E, Magatti M. 1994). Однако мы должны задаться вопросом, насколько случай Италии репрезентирует индустриальные страны в этом отношении. У нас есть только два блока поддающихся обобщению данных о трансформации занятости в развитых индустриальных странах:

1) тенденции к сокращению стандартной занятости полный рабочий день, особенно в обрабатывающей промышленности;

2) тенденции к увеличению широкого спектра так называемых нетипичных рабочих мест: работа в течение неполного рабочего дня, временная занятость, ненадежная, случайная занятость и т.д. Именно в соответствии с национальными, региональными, отраслевыми особенностями регулирующих систем, большая или меньшая, быстрее или медленнее возрастающая часть новых или традиционных форм нетипичной занятости остается нерегулярной и более или менее социально компенсируется, чтобы служить в качестве жизнеспособных стратегий для различных социальных групп. Как мы увидим позже, Италия представляет модель со строгим и дуалистичным регулированием, которая выталкивает нетипичную занятость в сферу неформального и достаточно компенсирует это лишь на севере, благодаря большому числу малых инновационных предприятий. Страны с либеральной моделью, подобно США или Великобритании, порождают в большом масштабе некомпенсируемую, но формальную нетипичную занятость, в то время как остальные страны стараются ограничить рост нетипичной занятости и насколько возможно компенсировать ее побочные эффекты. В этих последних случаях уровень и тенденции процесса расширения неформальных отношений зависят от удачно выбранных соответствующих стратегий, которые относительно успешно действуют в скандинавских странах, но хуже работают в центральноевропейских странах.

Различия, имеющиеся в странах Европы, могут служить полезным индикатором степени накопления эффекта двух процессов, о которых мы говорим как о важнейших источниках неформальности. В то время как северные и центральноевропейские страны почти все тяжело переживали процесс перехода к постфордистскому режиму регулирования, южноевропейские страны на их опыте накапливали опыт и изучали последствия процесса адаптации традиционных форм занятости и самозанятости к фордистским стандартам. По-видимому, пересечение этих двух процессов может быть полезным интерпретативным инструментом для анализа опыта других стран: в США в целом и в этнических анклавах, в частности, или для Японии (Dore R. 1987; Dore R. 1988). Однако важно подчеркнуть, что накопление не всегда выражается в высоком уровне неформальности: толерантная регулирующая система (в случае США или Великобритании) может вместить как адаптацию традиционных особенностей, так и инновационную гибкость при относительно низком уровне неформальности.

Одна из особенностей, которая отчетливо проявилась во всех европейских странах (и, возможно, не только в европейских странах), состоит в том, что вероятность вовлечения в неформальную деятельность безработных ниже, чем у тех, кто уже имеет работу. Здесь играет роль не только страх потерять пособие и другие субсидии, непоставимые с размерами неформальных заработков, но даже в большей степени нехватка возможностей и интегрированности в неформальные сети занятости. Этим объясняется то, почему молодые безработные, даже когда они не имеют достаточной экономической поддержки, относительно слабо вовлечены в нерегулярные формы работы, а если это и происходит, то, как правило, только в виде краткосрочных и случайных приглашений (IRES-GGIL 1992).

Как и предполагалось, наиболее важной причиной разнообразия проявлений неформальной занятости является связь с системами регулирования, которые прошли разные пути развития, особенно в золотой век капитализма всеобщего благоденствия (Esping-Andersen G. 1990; Mingione E. 1997), а именно в течение тридцати лет после окончания Второй мировой войны. В то время как скандинавские и центральноевропейские системы регулирования носили в целом строгий и эффективный характер, так как базировались в основном на ставках заработной платы на крупных предприятиях, южноевропейские системы были более комплексными и связаны были с выживанием многих сфер традиционных видов деятельности наряду с развитыми фабричными системами и инновационными малыми единицами. Это также было проявлением ярко выраженного дуалистического характера, который был присущ южноевропейским регулирующим системам и, как следствие, политически согласованную «терпимость» по отношению к высокой степени нарушения закона о занятости, по крайней мере, там, где дело шло о самозанятых и подсистемах малого производства.

Британская система регулирования также имеет свои особенности, так как в ней выработана огромная степень юридической терпимости по отношению к нетипичной занятости, так что такие формы работы (частичная, временная, случайная занятость), которые в других системах, по крайней мере, отчасти, считаются неформальными, в британской системе являются обычными и декларируются, и все чаще и чаще освобождаются от налогов и других обязательств. Британский случай интересен тем, что он показал, что «формализация через чистое дерегулирование» не сильно меняет ситуацию ни в смысле условий труда и жизни, ни в смысле экономических возможностей. Так же, как и в США, она позволяет достичь относительно низкого уровня безработицы, поскольку временные или случайные работники не считаются безработными, но это приводит к относительно более высокому уровню бедности, так как государство официально покровительствует формам социально незащищенной и недооплачиваемой работы (Ruberly J. 1994. P. 335-355; Sas-sen S. 1996).

Имеется пять аналитически распознаваемых типов неформальной деятельности, из которых работа по совместительству присутствует везде, хотя и принимает различные формы, а неформальная занятость рабочих-гостей из менее развитых стран практически повсеместно становится все большей проблемой, лишь за исключением некоторых (в Европе — это Португалия и Ирландия). Остальные три типа (психологически случайная или временная работа; работа на дому или занятость неполный рабочий день; традиционные/инновационные предприятия, базирующиеся на семейных единицах) в общем менее важны, так как они существуют только в некоторых странах и регионах и могут уходить из сферы неформальной деятельности с изменением системы регулирования, что, однако, не означает автоматически, что реалии занятости и экономических условий тоже меняются.

Неформальная работа, по совместительству, вероятно, представляет собой наиболее диффузный и растущий тип неформальной занятости в Европе, хотя и имеет разный характер в различных регионах Европейского Союза. Италия единственная страна, по которой мы располагаем данными и по официальному совместительству (по большей части две и более работы неполный рабочий день), и по неофициальному совместительству. Имеются существенные различия между объемами и тенденциями по данному вопросу в 80-е годы. Официально декларируемые совместители составляют около 1 млн человек и их число незначительно сокращается, в то время как число сельскохозяйственных неформальных единиц увеличилось с 80-х по 90-е годы с 2,3 млн до 3 с лишним. Если мы к этому добавим число (приблизительно 4 млн) регулярно занятых в других секторах, поскольку, по оценкам, они делают некоторую сельскохозяйственную работу не только исключительно для самообеспечения, то получим внушительную цифру — 7 млн человек, что составляет приблизительно 1/3 всей рабочей силы.

В большинстве южноевропейских стран значительное число работающих по совместительству значатся государственными служащими, имеющими более короткий рабочий день (иногда нелегально), они имеют возможность давать консультации, произ-

водить ремонтные или другие работы в свободное время, и не декларируют эту деятельность, чтобы избежать высокого уровня налогообложения. Вместе с тем значительное число работающих, получающих зарплату на частных предприятиях, часто имеют дополнительную работу по совместительству. На первый взгляд, данное явление, не кажется напрямую связанным с тем фактом, что сверхурочные часы на их первой работе сокращаются под воздействием экономической перестройки и новой системы регулирования. Фактически, даже если профсоюзы и были решительно настроены против сверхурочной работы во имя сокращения рабочего времени, невозможно найти никаких фактов, свидетельствующих о том, что сверхурочное время сокращается. Распространение совместительства, скорее всего, представляет специфическую характеристику процесса, связанного с увеличением гибкости рынков занятости, когда людям, занятым в нескольких местах, отдается предпочтение по сравнению с теми, кто работает временно или неполный рабочий день.

В северных и центральноевропейских странах распространение работы по совместительству также связано с протекционистскими мерами в отношении некоторых ремесленных специальностей, особенно это касается специалистов по ремонту различных механизмов и тех, кто занимается строительством или ремонтом жилья. Поскольку прием на работу в ремесленные корпорации строго контролируется и стоимость работ, выполненных имеющими лицензию рабочими, высока ввиду роста спроса на такие трудоемкие операции, то стадо удобным пользоваться услугами рабочих, не имеющих лицензий, но обладающих некоторой компетенцией, хотя это нелегально и качество не гарантируется.

Чаще всего строительная отрасль оказывается полем для широкого использования труда совместителей, особенно в тех случаях, когда речь идет о самостоятельном строительстве жилья и перестройке квартир и небольших домов. Кроме строительства еще в сфере услуг концентрируется большая часть работающих по совместительству (в Италии приблизительно $\frac{3}{4}$ всех нерегулярно занятых по совместительству). В отличие от зарегистрированного совместительства, где, за исключением Германии (свыше 70%), самозанятость составляет не больше $\frac{1}{2}$ всех рабочих мест, нелегальные совместители в подавляющем большинстве являются самозанятыми (более чем 70% в Италии по сравнению с 43% среди зарегистрированных совместителей). У нас нет точных данных о поле и возрасте работающих по совместительству, кроме тех, которые получены путем редких прямых исследований в Италии и США, которые подтверждают гипотезу, которую можно вывести из вышеупомянутых характеристик явления: что в огромном большинстве работающие по совместительству — это мужчины, выступающие в роли кормильца семьи, возрасте от 40 до 60 лет.

Как и ожидалось, во многих европейских странах и в Японии возрастает доля мигрантов, работающих в неформальной экономике и прибывающих из слаборазвитых стран третьего мира, по большей части без разрешений на труд и жительство (Sassen S. 1991). Нелегальная миграция продолжает оставаться серьезной проблемой также в Северной Америке и Океании, где это происходит в несколько иных условиях, если говорить о прошлом, благодаря развитию анклавных экономик. Проблемы этого региона обсуждаются и независимо от проблематики неформального сектора. Нелегально мигрирующий труд стал теперь реальностью также для таких стран, как Италия, Испания и Греция, характерными чертами которых является долгая иммиграционная традиция. Оценки числа скрытых мигрантов не очень надежны. Рабочие профессии этих мигрантов разнообразны, но они, как правило, сосредоточиваются на некоторых трудоинтенсивных низкоквалифицированных работах в сфере обслуживания, строительстве и сельском хозяйстве, где конкуренция с местными рабочими низка, так как коренные рабочие не приемлют условий труда, практикуемых нанимателями. Набор мигрантов в обрабатывающую и добывающую промышленность (где концентрировались предыдущие волны мигрантов) достаточно ограничен и в основном сосредоточен на мелких предприятиях и городских потогонных мастерских.

Разнообразный перечень (от ухода за ребенком до доставок продуктов на дом на Рождество) временной, эпизодической, частичной, сезонной деятельности, особенно в сфере услуг, определяется психологическими аспектами, присущими развитым индустриальным обществам. Тем не менее, в этой сфере происходят радикальные перемены, связанные с расширением сферы услуг. Возможности эпизодической занятости увеличиваются, и некоторые виды становятся повторяющимися, а это означает, что происходит их трансформация в нетипичные виды занятости. Они становятся неформальными или формальными в зависимости от систем регулирования, но в реальности не всегда значительно изменяются. Если сравнить сведения, которые нам известны относительно числа занятых и условий труда в двух странах, имеющих различные системы регулирования — Великобританию, где почти все такие работы декларируются и освобождаются от налогового бремени, и Италию, где они вынужденно неформальны и недеklarированы — на самом деле разница не будет столь уж существенной. Эти виды деятельности в большинстве своем осуществляются студентами, домохозяйками, молодыми безработными, пенсионерами (в подавляющем большинстве женщинами) за низкую плату. Из-за психологических особенностей этих видов деятельности в качестве фрагментарной занятости чрезвычайно трудно представить политику, которая могла бы защитить их на контрактной основе, и, более того, создать такие стратегии, которые были бы способны преобразовать их в нормальную работу.

Различные формы работы на дому и работы неполный рабочий день могут быть включены или нет в неформальную деятельность в зависимости от различных систем регулирования. Эта область не может быть достаточно глубоко проанализирована также из-за причин объективных трудностей, связанных с различиями и постоянными изменениями в комплексных системах регулирования и широким диапазоном видов деятельности, включая самые инновационные. Здесь важно указать на значимые характеристики с точки зрения ограничений, связанных с регулированием. Необходимость обеспечить минимум контрактной и легальной защиты работникам, если при этом правила не подкреплены эффективными санкциями, может создавать условия для широкого спектра деятельности в неформальной сфере. Вместе с тем свободная система регулирования не достаточно эффективно защищает работников (по большей части женщин) и держит их на грани бедности, даже если переводит их в разряд регулярных официальных работников.

Работа неполный рабочий день, похоже, становится все более важной в рамках перехода к системе регулирования и распространения нетипичной занятости. В связи с этим существует тенденция к регулированию и поддержке работы неполный рабочий день, что справедливо для всех моделей капитализма всеобщего благоденствия, и сегодня мала вероятность того, что мы обнаружим большое число работников, работающих неполный рабочий день среди нерегулярно занятых. Это еще не означает, что регулирование и реальность сходятся. В большинстве стран регулярная работа неполный рабочий день является вынужденной, хотя и очень распространена, как, например, в Великобритании, и в меньшей степени в Германии, Италии или США. Это означает, что неполная занятость не соответствует ожиданиям рабочих, и во многих случаях они вынуждены соглашаться на такие условия, хотя им очень трудно при этом сводить концы с концами. Похоже, что датская модель, для которой характерно быстрое распространение работы неполный рабочий день на добровольной основе, причем на это соглашались все большее число молодых мужчин, не получила широкого распространения. Однако это свидетельствует об изменениях в системе регулирования, а именно о переходе от режимов, строго ориентированных на модель семьи с кормильцем-мужчиной к более сбалансированному, неопределенному, разнообразному и постоянно изменяющемуся разделению труда между полами. На этом основании долговременная и гибкая добровольная занятость неполный рабочий день, составляющий приблизительно 30 часов в неделю, достаточно хорошо оплачивается и дает возможность освободить время для семейных дел, переквалификации и решения проблем культурного досуга и является одним из наименее травмирующих вариантов перехода.

На примере домашней работы можно хорошо проиллюстрировать сложности, которые встречаются при попытках регулирования неформальной занятости. Эта тенденция состоит в признании того, что необходимо регулирование, а не запрет работы по дому за деньги: закон 1970 г. во Франции и Италии; некоторые меры по регулированию в Греции в 80-е годы и т.д. Но эффективность таких мер по урегулированию, как показывает опыт большинства стран, очень ограничена (Германия — исключение в этом отношении). Реалии домашней работы, оплата и условия, тенденции к увеличению и характер изменений приблизительно одинаковы везде независимо от различий в национальном законодательстве. Промышленная перестройка через вертикальную дезинтеграцию и распространение легких и недорогих технологий коммуникаций, которые создают новые возможности для телеработы, открыли новые перспективы для работы по дому. Профсоюзы, там, где они достаточно сильны, т.е. за пределами либеральной модели капитализма всеобщего благоденствия, способствовали становлению регулирования главным образом для того, чтобы уменьшить несправедливость условий конкуренции среди работающих по дому и наемных работников и сохранить контроль за все более неоднородными условиями труда. В результате появились различные уровни развития неформальных отношений.

Более высокая степень неформальности в экономиках Южной Европы главным образом связана с сохранением и приспособляемостью, в основе которых лежит семейное фермерство в сельской местности или семейное предпринимательство и самозанятость в городах. Эти образования включают различные вариации многопрофильной домашней работы, недекларируемого обслуживания туристов, строительства и самостоятельного строительства жилья, самообеспечения продуктами питания с частичной продажей продуктов на сторону. Присутствуют как традиционные культурные корни (особенно очевидные в производстве пищи и сельскохозяйственной составляющей деятельности), так и инновационные черты, такие, как некоторое развитие субконтрактной или независимой домашней работы, иногда даже в достаточно развитых секторах, и использование высоких технологий или ориентированная на туризм перестройка экономик греческих островов.

Основная трудность, связанная с этим, состоит в том, что в отличие от преобладающих долгое время представлений среди социологов и политологов, эти образования не являются попросту пережитками, не исчезают и не могут быть легко уничтожены. Скорее это — альтернативный источник стратегий выживания, если говорить о других постфордистских изменениях, поскольку, в любом случае преобладание типичных стандартных форм занятости становится все менее очевидным. Вместе с тем попытки регулировать и поддерживать контроль над подобными образованиями для того, чтобы уменьшить маргинализацию большей части населения, особенно женщин и молодых рабочих, всегда сопряжены с огромными трудностями. На примере Италии видно, что довольно глупо пытаться применить приемы регулирования, выработанные в других контекстах, к этим образованиям. Не уничтожая высокой степени неформальности, они создают дальнейшие трудности, связанные с различиями национальной системы регулирования в Северной и Южной Италии. Попытка навязать правила, выработанные в северных условиях, привели к тому, что южноитальянская экономика стала одной из самых неформальных в развитом индустриальном мире, и почти для 1/2 рабочей характерны нерегулярные условия работы.

Заключение: чему мы можем научиться на западном опыте

Изложенный нами материал позволил увидеть связь между двумя направлениями фордистских систем регулирования и изменениями в системах регулирования, но, в первую очередь, растущую важность вопросов, касающихся распространения нетипичных видов труда. В данном случае проблема состоит не в делении на формальное и неформальное. По отношению к жестким фордистским параметрам нетипичные работы всегда будут неформальными. Но параметры регулирования везде изменились в пре-

делах, установленных властями, когда последние считали необходимым поддержать распространение нетипичных работ. В любом случае, гибкость рабочей карьеры находится в пределах, которые определяются не только какими-то выгодами, связанными с новыми экономическими условиями, но также и воздействием распространения нетипичной занятости на условия жизни, а также присоединением различных социальных групп к процессу демографического перехода, ведущего к старению населения и расширяющегося основанию преобладания стандартной матримониальной нуклеарной структуры. Большое значение имеет также культурный, экономический и социальный климат, в котором протекают вышеназванные процессы, поэтому модели регулирования невозможно экспортировать. В заключение следует уделить внимание именно связи между экономической пользой и социальной устойчивостью, которая в прошлом существенно влияла на процессы регулирования.

Поскольку сейчас, в период трансформации систем регулирования, важно сосредоточиться на связи между [экономической — ред.] полезностью и [социальной — ред.] функцией видов трудовой деятельности, призванных обеспечивать средства существования индивида и его социальную устойчивость (sustakability), не стоит драматизировать деление на формальное и неформальное. Данное деление фактически имеет огромное эвристическое значение только в условиях заданных и жестких регулирующих систем, особенно для исторической фазы капитализма всеобщего благоденствия, когда способность использовать организованные ресурсы создавала синергии с экономическим ростом (Mingione E, 1997). Концепция неформальной экономики полезна хотя бы для того, чтобы выделить социальное значение экономической деятельности, осуществляемой вне тех форм и видов поведения, которые становятся непосредственной частью официальной экономики. Что касается фордистского регулирования, на пике синергии между организационными преимуществами и экономическим ростом высокий уровень неформальности высвечивает, прежде всего, ситуации, отягощенные наличием обширных сфер автономного труда, малых предприятий и экономических субкультур иммигрантов и этнических меньшинств, которые не сумели приспособиться к организационным параметрам фордизма. В прошлом присутствие этих сфер вовсе не обязательно означало дефицит социальной устойчивости, а скорее указывало на иной вид связи между работой и образом жизни. Во всяком случае, вне всяких сомнений, поскольку синергия была построена на том факте, что формальные организационные ресурсы создавали возможность роста, присутствие высокого уровня неформальности свидетельствовало о том, что что-то функционирует не лучшим образом, отражаясь как на сфере экономики (отсталость), так и на условиях жизни (бедность и дефицит социальной интеграции).

Отчасти, высокий уровень неформальности, до сих пор существующий в Южной Европе, указывает именно на это, но лишь в той мере, в которой формы гибкости, которые характерны для малого семейного бизнеса и многих форм самозанятости, не являются подходящим материалом для создания новой кооперации внутри моделей развития постфордизма. Последнее типично для Северной Италии и в более ограниченном масштабе для некоторых областей Испании, Португалии и Греции, но почти отсутствует в Южной Италии.

В рамках процесса перехода, происходящего сегодня, уровень неформальной деятельности не обязательно очерчивает границу между явлениями, реализующими наилучшую в местных условиях синергию между экономической целесообразностью, социальной устойчивостью и теми явлениями, где, напротив, существуют сильные трения, связанные с регулированием. Как промышленные районы Северной Италии с высоким уровнем неформальности, так и новая модель регулирования датского типа работы неполный рабочий день, с низким уровнем неформальности представляют собой примеры синергии между целесообразностью и устойчивостью на основе регулирования. В большинстве же случаев обнаруживаются сильные трения или по поводу экономической целесообразности, когда речь идет о защите фордистских рабочих гарантий, как, например, в странах континентальной Европы или в Японии, или по поводу социальной устойчивости, как это имеет место в дерегуляционной модели Великобритании и

США. Но во всех этих случаях уровень неформального не является полезным индикатором. Модели развития за счет дерегулирования с низким уровнем социальной устойчивости достаточно хрупки и сопряжены с косвенными экономическими затратами, как показал Дж. Рубери для Великобритании (Rubeu J. 1994). Точно так же защита фордистских гарантий порождает негативные эффекты в отношении социальной устойчивости. В некоторых случаях происходит рост неформальности, пример Южной Италии достаточно красноречив. В других случаях, например в Скандинавских странах, трения, связанные с регулированием, не дают такого эффекта, но выражаются в росте безработицы и финансовом кризисе общественного сектора.

Существует два возможных объяснения, вовсе не исключające одно другое, потери значимости концепции неформального в свете современного перехода к регулированию. Во-первых, деление на формальное и неформальное в значительной степени теряет значимость во время процесса трансформации систем регулирования. Во-вторых, как уже отчасти было показано, это деление не является важным в отношении систем регулирования, в которых возникает синергия между экономической властью и институциональными организационными формами. Притом, что формальный аспект, будучи организованным и институционализированным, утрачивает в процессе развития постфордизма свою центральную роль, вполне можно предположить, что деление на формальное и неформальное может стать менее важным в определении оптимального сочетания экономической целесообразности и социальной устойчивости. Все увеличивающиеся трения, связанные с проблемой социальной устойчивости, в рамках многих видов нетипичной занятости совершенно индифферентны к тому факту, что последние представляют собой нелегальную работу, как в случае южной Италии, или легальные формы работы без официально оформленных контрактов, как это происходит в Великобритании или США, и, по сути, выражаются в сходных уровнях обнищания населения. Существуют серьезные различия, но они не связаны с вопросом социальной устойчивости. В первом случае нерегулярные формы нетипичной занятости представляют собой нечто крайне враждебное с точки зрения государственных институтов и непривлекательное с точки зрения экономической целесообразности. Во втором случае нерегулярные формы занятости подсказываются самим институциональным регулированием потому, что они обещают немедленную отдачу в экономическом отношении и связано это с промышленной перестройкой и возможностями привлечения иностранных инвестиций. Именно по этой причине дебаты о деклассировании (*underclass*), об институционализированных формах дискриминации и социальной дезинтеграции наиболее остро стоят в англосаксонских странах, находящихся в середине процесса дерегулирования трудовой деятельности, а также имеющие высокий уровень нелегальности. Фактически структура стратегий поддержки видов нетипичной занятости, если забыть, что эти формы иногда могут быть социально устойчивы (т.е., что субъекты, вовлеченные в эту деятельность, могут поддерживать себя и свои семьи на минимальном уровне, необходимом для принятия в местное сообщество в качестве членов), такова, что тем самым инициируется неконтролируемый процесс роста и распространения институциональных механизмов социальной дискриминации.

Во всяком случае, факт, имеющий силу для всех возможных контекстов, состоит в том, что новые модели регулирования, если они распространяются также и на неформальные виды деятельности, строятся на стыке между экономической целесообразностью и социальной устойчивостью, когда большое число нетипичных работ, прежде всего, во второстепенных отраслях промышленности, если они осуществляются социально изолированными субъектами или субъектами с большим бременем экономических занятий, не позволяют добиться достаточного уровня стабильности и высоких заработков, необходимых для того, чтобы быть принятым в местном сообществе. Именно это, а не разделение между формальным и неформальным, становится центральной проблемой сегодня, в период изменений систем регулирования.

**ПРИРОДНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ КОНТЕКСТЫ НЕФОРМАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ
КРЕСТЬЯНСКОЙ РОССИИ**

Семейная экономика является центральной ареной развертывания экономики неформальной, а также ее своеобразным испытательным полигоном. Прежде всего, потому, что жизнь семьи (включая и ее экономическую сторону) не есть нечто регламентированное и уложенное в жесткие Gesellschaft'ные рамки и ячейки. Вообще, поступки людей вряд ли только рациональны. Схемы «человека экономического» почти не действуют при анализе событий реальной повседневной жизни. Больше того, логику поведения людей далеко не всегда и не во всем можно объяснить причинами экономической выгоды или эквивалентности. Расчетливость часто проваливается в разломы, Gemeinschaft'ные бездны, заполненные безучетностью, добротой, самопожертвованием и действенным сочувствием.

Таким образом, формы экономической деятельности в рамках семейного хозяйства укоренены, растворены в широком контексте неформальных человеческих взаимодействий и редко когда ориентированы просто на прибыль или на достижение жестко поставленных целей. В этом смысле такие формы не очень рациональны и не всегда заранее просчитаны. Но они всегда — попытка самоудержаться, автономно воспроизвестись, приспособиться, «укрепиться и жить», как прекрасно выразился понимавший строй народного существования Василий Шукшин.

Обостряя подобного рода аргументацию и ссылаясь при этом на авторитет отечественных и зарубежных специалистов, изучающих эксплоярные формы, можно утверждать, что differentia specifica крестьянского семейного хозяйства заключается, прежде всего, в том, что оно принадлежит к так называемым «формам хозяйства вне систем». Быть «на краю», «на обочине», «at margins» главного экономического механизма того или иного общества — его (семейного хозяйства) особенность и его судьба. Такого рода хозяйственные формы — окольные. Можно сказать, что они, как правило, расположены на периферии главной экономической волны, существуют в отдалении от магистрали и фарватера. Исходя из теорий экспоненциального роста и прогресса, можно полагать, что они воплощают и поддерживают нечто социально-экономически и технологически пережиточное, несущественное, второстепенное, — как некие временные (если, повторяю, смотреть на них «свысока») подпорки и заплатки. И далеко не случайно крестьянские семейные экономики на протяжении весьма длительного времени обозначались в отечественных общественных науках стыдливым (и в то же время весьма точным) термином «личное подсобное хозяйство», — с точки зрения прогрессистской идеологии последнее, действительно, способно было лишь «подсоблять», подпирать круг центральных социально-экономических акций.

Иначе говоря, не жизнь, а пережиток, не путь, а тупик, не динамика, а прозябание, — вот спектр привычных определений роли и значения «форм хозяйства вне систем», «неформальной экономики», к которым относится и крестьянское семейное хозяйство. Негативизм подобных определений может быть оправдан как логически, так и исторически. Логически потому, что крестьянское семейное производство (хозяйство, экономика), действительно, есть нечто (не) основное, маргинальное. А исторически потому, что оно гораздо сильнее прикреплено к прошлым опытам человечества, чем к его просматривающимся перспективам.

Преодолеть магию отрицательных определений неформальной экономики вполне возможно, если попытаться обнаружить и систематизировать те результаты, которые возникают в итоге неформально-экономических акций. Вероятно, можно сказать, что центральным и специфическим продуктом неформальной экономики является определенное благо, которое можно «промыслить», извлечь, добыть из различных пластов общественной практики, причем, находясь внутри нее, являясь действующим автором этой практики. Это, соответственно, благо, которое очень трудно (а часто просто нель-

зя) купить, выменять, достать, наблюдая ту или иную зону социально-экономической практики со стороны или будучи в ней гостем.

Первый вывод из такого рода познавательной посылки может, очевидно, состоять в том, что неформальная экономика — это нечто иное, чем система рационально организованных и анонимно действующих инструментов производства и получения прямой полезности. Неформальная экономика должна быть непосредственно замкнута на субъект. Можно сказать, что специфика неформальной экономики заключается в ее родовой субъектности и субъективности. Второй вывод тесно связан с первым. Неформальная экономика обусловлена данным социальным контекстом и действует не сплошь, а лишь внутри некой обозреваемой и имеющей границы социальной среды. Поэтому можно говорить о конкретных социально-пространственных характеристиках неформальной экономики: ее «режиссура» прихотлива и адаптирована к условиям и традициям той или иной локальной социальной группы.

Таким образом, местообитание неформальных экономических акций — это рутинное каждодневное существование, предполагающее локализованность (социальную, территориальную, культурную, кланово-этническую и т.п.) и требующее предельной взаимоосмотрительности и взаимораскрытости субъектов и социально-территориальных сообществ. Неформальная экономика в этом смысле есть общее достояние людей, специфически (без помощи формальных деклараций и писанных обязательств) договорившихся друг с другом совершать некие взаимопользные действия, сохраняющие привычный порядок дел и помогающие ощущать историческую преемственность и жизненную перспективу.

Интересное и методологически весьма продуктивное развитие подобной позиции прозвучало в дискуссии на методологическом семинаре Интерцентра (май 1998 г.). Приведу отрывок из расшифровки выступлений участников семинара:

Т. Шанин: — Эксплоярная, неформальная экономика отражает логику выживания в смысле реализации широких социальных целей. Целей ежедневной жизни.

Т. Заславская: — А не уместно ли здесь говорить о «качестве жизни»? Потому что ведь «выживание» — это существование на элементарном уровне.

Т. Шанин: — Да, конечно! Если понимать «выживание» как существование на самом минимальном уровне, то это не то. Это и впрямь вопрос качества жизни. Но в термине «качество жизни» есть определенная слабость. Во всяком случае, в западной литературе проблематика «качества жизни» связывается преимущественно с жизнью высших классов. А термин «выживание» связывается преимущественно с бедняками. Слова эти как-то связались по классовому составу! Вопрос, следовательно, в том, чтобы найти новые слова. Может быть, «логика жизни»?.. Во всяком случае, — социальная логика. Социальная логика как нечто большее, чем экономическая логика. Есть экономическая логика в смысле максимизации доходов. И есть социальная логика в смысле «качества жизни» вместе с «выживанием», вместе с какой-то широко построенной линией мышления о человеческих отношениях.

Все сказанное очень важно для понимания крестьянской неформальной экономики. Опираясь на эти идеи, в данном тексте я попытаюсь осветить некоторые моменты неформальной экономики как логики выживания. Но «выживания» не только в смысле существования на предельно элементарном уровне, где человек борется за себя и близких как за элементы живой природы, но и в смысле «проживания жизни», логики ее каждодневного возобновления, простейших правил ее «дления» и «избытия». Иначе говоря, важно понять, «какие типы человеческой природы раскрываются в социальном поведении и характере индивидов, живущих в определенном обществе в данных условиях?» (*Миллс Ч.Р. 1998. С. 15.*) Попробуем развернуть этот классический вопрос социологии в сторону крестьянских семейных хозяйств России XX столетия и систематизировать материалы, полученные в ходе полевых социологических исследований, под неким специфическим углом зрения. Нас будут интересовать тактики и опыты обыденных, рутинных хозяйственных действий членов крестьянских дворов. А также то, как они сами понимают и оценивают эти действия.

Как правило, крестьянские рассказы далеко не всегда складны и понятны. Их логика порой загадочна именно в силу своей элементарности. Часто бывает так, что давно пройденные и вызубренные опыты человеческого труда и таланта начинают звучать в устах крестьян свежо и выразительно.

«И чего они были так тупы, родители-то наши? Не знаю... Или они только семью стремились прокормить, или чаво? Только хлеб был у них на уме! Только — хлеб, хлеб и хлеб! Скотины много было...»

Я, вот, часто сейчас вспоминаю... Приходит раз кум к отцу моему... А отец ему говорит: «Кум Ванька, — давай ярку зарежем на Успенье...» Пополам предлагает ярку резать! А скотины — много... Вот как люди копили, вот как жили! Экономно жили. И не именно мои только родители, — все тогда экономно жили!.. А сейчас?! Да разве что будет, как люди нынче живут?! Сроду не будет!.. Хучь пишите вы, хучь не пишите! — если работать не будете и экономно жить не будете, ни черта ничего не будет!

А крестьянин умел жить экономно! Умел! По себе он умел. По себе он жил. Для себя что хотел иметь, — он старался. Но он себя не неволил...»

Этот текст — малый фрагмент семейной истории, записанной от старой казачки Елены Шароновой на хуторе Атамановка Даниловского района Волгоградской области в середине 90-х годов. Она вроде и не рассказывает, а размышляет вслух, вспоминая о родителях, реконструирует экономические практики большого кулацкого хозяйства, напроць разоренного в 1931 г. Но сквозь косноязычную неуклюжесть устной речи прорисовываются очертания некой устойчивой схемы производственных акций, которую, как думает Елена Ивановна, никак нельзя потерять и забыть. Именно благодаря неформальной экономике все это не потеряно и не забыто.

Экономность — это не жадность и не скардность. Это и не простая противоположность расточительности. Рассматриваемая в контексте принципов неформальной экономики, «экономность» выступает как специфическое качество повседневного хозяйствования, как систематическое и привычное стремление использовать все обозреваемые ресурсы. И поэтому ситуация, когда все доступные ресурсы, что называется, «отжаты досуха», — это уже не столько «технология», сколько «логика жизни». Субъект, умеющий «жить экономно», вряд ли может быть понят в качестве угрюмого аскета. Умея жить экономно, крестьянин, как точно заметила Елена Шаронова, «жил по себе» и «себя не неволил», т.е., по существу, оставался свободным в выборе тактических схем и правил. Но стратегия была и до сих пор остается весьма определенной — это непрекращающееся исследование, испытание доступного субъекту пространства возможностей и его повседневная эксплуатация, его тотальная «задействованность».

Вот отрывки из записей крестьянских комментариев, полученных в ходе бюджетного обследования семейных хозяйств.

«Если честно вам сказать: мы стали сильнее экономить. Я заметно меньше, чем раньше, стала покупать детворе конфет, мороженого, печенья. Покупаем мы вот что: хлеб, зубную пасту, вещи, нужные детям в школе (тетрадки, ручки, карандаши и прочее). Мужу покупаем сигареты. Иногда покупаем подарки, если идем к кому-то на торжество. А все остальное не покупаем. Мясо, лук, чеснок, овощи, помидоры, закатки, сало... Все это у нас свое. Водку тоже сами гоним понемножку» (Л. Веткина).

«На первом месте — домашнее производство у нас. У нас ведь как будто натуральное хозяйство. Мы стараемся как можно меньше покупать и как можно больше производить сами. Вот, даже блоки на дом сами делали, без машины. И тем более — не покупали.

Все мы кормимся и стараемся кормиться от своих собственных рук, а не от денег. А деньги идут на то, чтобы купить то, что мы своими собственными руками сделать не можем. Ну, и воруем же тоже!.. Помаленьку... Это — тоже дело наших собственных рук...» (М. Голуб).

Мне представляется, что родовым признаком неформальной экономики как раз и является этот непрерывный процесс «сканирования» социального и природного мира, в который вмонтирован субъект, с целью налаживания некоего «вторичного контура» про-

изводства. В рамках последнего происходит сознательная, но непреднамеренная и заранее не просчитанная утилизация «отходов», «вторичного сырья», различных «остатков» и «отбросов». Акты неформальной крестьянской экономики в их конкретной форме необязательны, потому что они не предзаданны и как бы невзначай обретенны, но они одновременно совершенно необходимы.

Одна из наших кубанских респонденток, живущая на оконечности лимана, заметила, как дикие утки свили в зарослях, в глубине ее левады, несколько гнезд и догадалась подкладывать в них яйца домашних уток. Хозяйке оставалось лишь внимательно следить за развитием событий, и выводок получился превосходный. Нужно было его лишь отбить от дикого стада и запереть. Так был совершен непреднамеренный, но необходимый, уместный и полезный неформально-экономический акт.

Необходимо отметить, что неформальная крестьянская экономика, рассматриваемая в контексте отношений «общество-природа», удивительным образом соответствует идее «экологического производства», сформулированной в середине 80-х годов. Экологическое производство — это не просто экологизированное производство, частично снимающее с природы антропогенный пресс. Оно само нацелено на изготовление неких новых природных субстратов, новых компонентов природного окружения с заранее заданными свойствами на производство, в конечном счете, новой земной среды. При всей на первый взгляд фантастичности такой идеи она отражает перспективные задачи природопользования. Возможности и опыты последнего существуют в повседневной практике как образцы непреднамеренного, творческого приспособления природы к задачам выживания и экономности. Представляется, что именно неформальная крестьянская экономика позволяет систематически выстраивать некие микрофрагменты производственных сред, постоянно работающих на определенное благо. Этот процесс происходил всегда, и от внимания агентов неформальных экономических действий не ускользала ни одна мелочь. А.П. Чехов в одном из рассказов обронил удивительную фразу: «Тень от ивы падала на воду и пропадала зря». В ней воспроизведен типично крестьянский взгляд на вещи. Это наблюдение емко и исчерпывающе формулирует важные стороны модели неформальной крестьянской экономики, характеризует их с точки зрения ее природных, натуральных контекстов.

Неформальные экономические акции прочно вплетены и в социальный контекст определенной локальной общности. И это особенно заметно в условиях так называемого аграрного реформирования, когда российская деревня была пущена по траектории самовывживания. Нынешняя экономическая практика субъектов социально-территориальных общностей характеризуется тем, что год от года (начиная с 1991 г.) нарастает мощность и разнообразие «горизонтальных» ресурсных потоков. Отношения между членами сельского сообщества, отношения между семейными дворами насыщаются, наряду с экономическими моментами, требующими расчета и эквивалентности, такими качествами, которые в состоянии гарантировать выживание того или иного двора при любых драматических поворотах жизни. Паутина связей тонка и для постороннего глаза не всегда заметна. Но она достаточно прочна, чтобы не прорваться даже в самых слабых участках. Сельское сообщество сегодня мультицентрично и во многом замкнуто на себя. Поэтому можно говорить, что «центром» для крестьянского семейного хозяйства становится не рынок и не государство. Таким образом, налицо ситуация, которую можно обозначить как доминирование неформальной (эксплоярной) экономики. Остановимся подробнее на нынешнем устройстве сельской семейной экономики, вплетенной в общинную социально-экономическую сеть. Обобщение результатов бюджетных исследований в семи регионах сельской России, осуществленных в 1995 — 1996 гг., показало, что неформальная (эксплоярная) часть семейной экономики построена на трех основных типах взаимоотношений субъектов той или иной социально-территориальной общности:

- родственных, соседских, дружеских, партнерских;
- отношений с основным сельхозпредприятием (крупхозом);
- отношений криминального характера.

В первом разряде взаимоотношений, который играет главную роль в экономическом поведении современного двора, зафиксированы следующие разновидности:

- обмен продуктами, произведенными в личных хозяйствах;
- обмен купленными товарами;
- помощь деньгами;
- помощь вещами, одеждой, инструментами, инвентарем, сельскохозяйственными оборотными средствами;
- помощь в присмотре за детьми и в их воспитании;
- уход и призрение стариков;
- питание у состоятельных родственников;
- временное проживание (зимовка) у родственников, друзей, соседей;
- услуги по ведению хозяйства (подкрепление в самых трудоемких делах);
- кооперация в ведении хозяйства.

Этот тип взаимоотношений позволяет, по самым скромным оценкам, организовать такой поток ресурсов, мощность которого, выраженная в денежной форме, достигает 45 — 55% бюджета среднестатистической сельской семьи, т.е. примерно половина сил, средств, внимания, заботы, нежности, участливости и всего иного, которое невозможно перевести в денежную форму, распространяется «по горизонтали». И «центру» в этом потоке человеческой энергии места просто нет. И он не может «достать» подобного рода усилия с помощью налоговых ловушек, — многих из числа этих социально-экономических акций на поверхности жизни незаметно.

Первый тип взаимоотношений строится на трех основных условиях, расположенных по убыванию значимости:

- безвозмездность;
- неопределенность условий, являющихся базой для отложенной выгоды и т.п.;
- на основе договоренности, как правило, не фиксируемой документально.

В отношениях с крупхозом отражаются те связи семейной экономики, которые существуют в условиях формального приложения труда к различным сферам производства. Главная сфера производства на селе — это, как правило, крупное сельскохозяйственное предприятие (колхоз, АО, ТОО и пр.). Участие в работе крупхоза позволяет (помимо заработной платы, доля которой в бюджете семьи колеблется от 24% на Кубани до 68% в Курганской области) семейной экономике получить:

- деньги в виде беспроцентных ссуд;
- корма;
- удобрения;
- продукты питания за символическую цену (мука, мясо, молоко, масло, крупы и пр.);
- возможность использовать производственную технику (транспорт, трактора, культиваторы и пр.);
- возможность использовать производственное оборудование (помол зерна, обдирка круп, бетономешалки, пилорамы, кирпичные заводы и пр.);
- возможность присвоить материалы, ресурсы, продукты и т.п. Проще говоря, — воровство.

Последняя из указанных возможностей составляет третий тип взаимоотношений — криминальный. Однако этот тип не тотален и не равнодоступен. Чтобы воровать безнаказанно и систематически, необходимо иметь на это негласное право. Воровать в деревне позволено не всем. Поэтому получение кормов, удобрений, продуктов, транспортных и производственных услуг на условиях бесплатности (т.е. кража всего этого) разворачивается на основе ряда неписаных, но очень жестких правил. Семейное хозяйство должно эти права как-то заслужить, оплатить лояльностью, верной службой, родственными услугами и т.п. Оценка доли уворованного в бюджете семьи, в частности по кубанским данным, доходит до 19 — 20%. Но это, на мой взгляд, та цифра, которая выражает лишь минимум.

Таким образом, крестьянское семейное хозяйство сегодня — структура гораздо более плотно «закрытая», чем раньше, когда наблюдалась и продразверстка, и продна-

лог, и другие ограничения и контрольные акции центра по отношению к крестьянскому хозяйству. У этой закрытости есть свои причины. Во-первых, факт преобразования крупных сельскохозяйственных предприятий в акционерные общества существенно ограничил возможности официальной и неформальной «подпитки» семейной экономики. Значительно ослабли финансово-ресурсные потоки от колхоза ко двору, уменьшились относительные размеры денежных выплат, премии исчезли напрочь, в связи с сокращением производства убавились и льготы. Во-вторых, перестроилось и само крестьянское хозяйство. Оно стало активно впитывать внешние ресурсы ради увеличения количества продуктов питания, производимых членами двора. Товарное же производство снизилось из-за трудностей и дороговизны сбытовых операций. Поэтому семейное хозяйство стремительно нарастило сеть горизонтальных, стихийно-кооперативных связей с родственниками и односельчанами, создав тем самым некую самодельную гарантийно-страховую систему, цель которой — физическое и социальное выживание.

Можно сказать, что в качестве «центра» для крестьянского семейного хозяйства выступает оно само, встроенное в систему родственных социально-экономических структур. Такая ситуация, если она понята мной верно, существенно меняет стратегию и тактику отношения федерального центра к аграрной сфере в целом. Деревне как низовому звену территориальной организации общества необходимо предоставлять режим наибольшего благоприятствования с точки зрения самоуправления и постепенного, начиная снизу, строительства элементов гражданского общества.

В. ВИНОГРАДСКИЙ

БЮДЖЕТНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАК МЕТОД ВЫЯВЛЕНИЯ ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА КРЕСТЬЯНСКИХ ДОМОХОЗЯЙСТВ

Трансформация характеристик социального капитала и неформальной экономики детерминирована спецификой повседневных хозяйственных практик современного крестьянства, — практик, в гораздо большей степени, чем обычно в новейшей российской истории, нацеленных на обеспечение приемлемых условий социально-экономического существования. Результирующая этих практик — элементарное выживание, перестраивание семейной экономики в целях сохранения приемлемой стабильности существования. Представляется, что наиболее наглядно характеристики и динамика социального капитала как сетевого поведения субъектов может быть зафиксирована в так называемых качественных бюджетах. Что представляет собой данный инструмент познания социальной реальности? Если в рамках традиционных (применяемых, прежде всего, статистическими органами) исследований семейных бюджетов на первом месте стоят натуральные и денежные показатели домохозяйств, то качественный бюджет стремится зафиксировать целый ряд показателей, объясняющих мотивацию (социальную, культурно-психологическую, нравственно-этическую) акторов повседневных хозяйственных практик. Такого рода мотивация фиксируется в ходе развернутых интервью-комментариев, записываемых параллельно с записью показателей семейного бюджета. В качестве комментариев к бюджетам крестьянских домохозяйств целесообразно использовать шесть параметров описания. Вместе с разделами комментария мы кратко сформулируем «смысловые ядра» указанных параметров, — с тем, чтобы пояснить те аналитические возможности, которые способен дать каждый из этих срезов бюджета.

1. Исходные характеристики: состав семьи, ее возраст, занятость членов, особенности семьи.

Смысловое ядро: данный пункт позволяет оценить некие обобщенные, фундаментальные характеристики социального капитала семьи, — его исходный, первичный, недетализированный потенциал.

2. Характеристика материального благополучия семьи, ее позиция на шкале «бедные-богатые». Элементы собственности. Проявляющаяся в экономическом поведении демонстрация собственных материальных возможностей и достижений. Ориентации на те или иные модели потребления.

Семейное хозяйство: состав, направленность (потребительская, снабженческая, товарная). Кормовая база хозяйства: возможности ее формирования (покупка, легальное и нелегальное получение из крупхоза, бесплатные или обменные поставки от тех, кто имеет доступ к ресурсам). Источники получения молодняка, семян, техники и т.д.

Смысловое ядро: данный пункт позволяет оценить некие необходимые, можно сказать, принудительные, объективно складывающиеся характеристики включенности домохозяйства в экономическую жизнь предприятия и поселения. В экономических связях есть особая информативность. Говорят в народе: «Насильно мил не будешь...» Однако насильно, по произволу — собственному или патронатному — в экономическое пространство войти можно. Но этот факт будет весьма выразительно свидетельствовать о качествах того социального капитала, которым данная семья владеет.

3. Источники доходов семьи: постоянные, временные, сезонные.

Структура денежных доходов. Натуральная компонента, ее весомость.

Характер вторичной занятости и ее связь с основным рабочим местом.

Степень стабильности в поступлении доходов по месяцам, причины колебаний. Видимые последствия такой нестабильности: как семья подстраивается под «рванный» график денежных потоков, как решает проблему «кассовых разрывов» и как приводит свое потребительское поведение в соответствие с оскудением притока денежных средств.

Величины денежных остатков на конец-начало месяца, какие здесь можно зафиксировать колебания. В какой мере по этим величинам можно судить о продуманности и просчитанности финансовой политики семьи и ее воле справиться с непрогнозируемостью и нестабильностью внешних обстоятельств. Источники покрытия кассовых разрывов (что первично — расходы или доходы, какие расходы семья совершает, даже не имея для этого достаточного количества собственных средств?)

Смысловое ядро: специфичность данного пункта качественного комментария к бюджету заключается в возможности всмотреться в степень «формальности-неформальности» экономического поведения семьи и ее членов. Как именно семья умеет стабилизировать параметры своей экономической повседневности? И прибегает ли она при этом к включению неких рычагов, позволяющих задействовать возможности её социального капитала? Насколько семья «отважна» в осуществлении денежного поведения, как она выбирается из финансового «минуса», опираясь на ресурсы социального капитала?

4. Потребительское поведение семьи: повседневное, исключительное (в особые «праздничные» месяцы, связанные с важными событиями для семьи).

Покупаемые продукты питания и предметы хозяйственного обихода: набор, затраты, предпочтения. Что составляет основу покупаемых вещей: продукты первой необходимости или же набор покупок гораздо шире. Доля дорогостоящих и не столь насущных покупок. Изменение расходов на продукты первой необходимости в зависимости от величины денежных доходов семьи: остается ли «продуктовая» статья постоянной, за счет чего она увеличивается в «доходный» месяц и по каким направлениям сжимается в случае «недобора» денежных средств.

Расходы на одежду: как часто они совершаются, кого в семье одевают в первую очередь.

Расходы на содержание дома: постоянно ли семья оплачивает свои затраты на электроэнергию, рассчитывается за газ, воду или имеет задолженность. Пиковые затраты по этим статьям, ремонтные и строительные работы.

Особые расходы на детей, связанные в первую очередь с их обучением.

Расходы на содержание и эксплуатацию транспортных средств.

Крупные покупки: их характер, когда они совершаются, к каким денежным поступлениям приурочиваются.

Расходы на нужды других семей, в какой мере семья тратит не на себя, а на взрослых детей, внуков, участвует в общих акциях по сбору денег на похороны, лечение, праздничные события. Общее впечатление о потребительской политике семьи: может ли семья сознательно ограничивать свои потребности или же склонна поступать по принципу «пока есть деньги — трачу их на что хочу».

Смысловое ядро: данный пункт позволяет оценить факт соблюдения семьей неких общепоселенческих социально-экономических и социально-психологических ритуалов. Своего рода потребительская мода может быть в данном случае зафиксирована. Именно картина потребления, которая в условиях сельского поселения никак не может быть наглухо скрыта от соседей, родных, знакомых, просматривается при изучении конкретных статей расхода. Всё это, несомненно, позволяет более рельефно рассмотреть специфику социального капитала – как общедеревенского, так и семейного.

5. Кредитная политика семьи: какую из моделей выбирает семья — брать в долг или отказываться от внешних займов в сложных ситуациях. В первом случае возможны варианты. Первый: материально стесненные условия, заставляющие семью постоянно одалживать небольшие суммы (у соседей, родственников, в кассе, брать в долг продукты в магазине, в аптеке, пользуясь дружеским расположением работников этих учреждений). Второй: семья занимает деньги, даже получая неплохие по местным меркам доходы, то есть не справляется с финансовым планированием. Третий: семья прибегает к займу только для совершения крупных приобретений, крупных акций (ремонт, газификация, строительство и проч.). Четвертый: семья берет в долг не для себя, а для других, и становится одновременно и гарантом возврата долга, и главным плательщиком.

Одалживание денег: происходит или нет, кому, на каких условиях. Случаи, когда занимают деньги другим, хотя сами нуждаются в них. Случаи возникновения денежных долгов при продаже в долг продукции (мед, корма и проч.).

Денежное вспомоществование: кому, в каких случаях, на каких условиях.

Смысловое ядро: вероятно, данный пункт, касающийся включенности семьи в финансовые проводящие сети, весьма информативен с точки зрения характеристик обязательности. В данном случае семья выпукло рисуется как частичка, атом, своего рода квант и волна в пространстве социального капитала. Надежность и обязательность, разумность и импульсивность, стратегичность мышления или ситуативность, попустительство или стремление принести заведомую пользу контрагенту, — все эти достаточно «тонкие» социально-психологические материи можно поймать и понять с помощью описания и интерпретации кредитной политики той или иной семьи.

6. Сети обменов: с кем, вокруг чего совершаются обмены, оказывается односторонняя помощь. В какой мере объектом обменов становятся ресурсы крупхоза, какие сюжеты разворачиваются благодаря этому. Помощь трудом.

Праздники и празднования. Как часто происходят застолья, принимают гостей и сами ходят по гостям. Какую долю в бюджете занимают расходы на подарки. Виды и стоимость подарков, адресованных разным людям и приуроченные к разным событиям: внутрисемейным — дням рождения, юбилеям, свадьбам, проводам и встреча из армии, крестинам; гражданским праздникам — 8 Марта, 23 февраля, Новый год; церковным датам — Рождество, Пасха и проч. Подарки детям (делимые по возрасту и степени родства) — внуки, дети, крестники, другие родственники и знакомые. Помощь при подготовке праздника. Наличие зависимости между тем, как семья одаривает других и получает подарки сама. Подарки, покупки «без повода», не приуроченные к праздникам и торжествам: бабушки, берущие на себя часть затрат по содержанию своих внуков. Безвозмездные передачи ненужных вещей нуждающимся семьям.

Смысловое ядро: данный пункт — это подлинная классика анализа социального капитала и его динамики. Именно в сетях отношений проявляются буквально все до одной фундаментальные характеристики социального капитала. Сети обменов, сети межсемейной поддержки — это живая материя социального капитала. И именно по этой причине информация по сетям обменов наиболее трудно расчленима в аналитических целях, — что мы и увидим, когда предпримем попытку анализа параметров сетей обмена в двух исследовательских кейсах.

Таким образом, уже подобного рода панорама объясненных самими участниками хозяйственных практик социально-экономических действий позволяет увидеть и обобщить направления и динамику социального капитала как системы многообразных связей и отношений. Формировалась данная картина следующим образом: во-первых, был осуществлен подробный анализ записей в бюджетных таблицах, которые вели семьи респондентов. В этих таблицах респонденты изо дня в день фиксировали все денежные и натуральные поступления в семью, а также все траты, отмены и натуральные «выходы» из семейного хозяйства. Во-вторых, на основе собранных бюджетов нами проводилось специальное прибюджетное интервьюирование, позволившее получить дополнительную информацию. Таким образом, нами была применена методология «двойной рефлексивности», возникшая в рамках крестьяноведческого проекта и сформулированная Т. Шаниным.¹

Сформулируем общий вывод, касающийся форм существования и динамики социального капитала в повседневных хозяйственных практиках сельского населения. Основные параметры социального капитала зависят от интенсивности его использования в социальных интеракциях. Более того, сам социальный капитал есть продукт воспроизводства, возобновления социальных интеракций. Представляя собой пространство особым образом упорядоченных социальных отношений, базирующихся на общих, взаимно разделяемых и поддерживаемых социальных нормах, на устойчивом доверии, на неписаных обязательствах и на правилах, опора на которые позволяет достичь желаемых результатов, социальный капитал существует, во-первых, в виде практической работы этих связей, и, во-вторых, в форме паттернов, образцов, схем этих связей, постоянно сохраняющихся в социальной памяти группы.

Бедная семья обладает, как правило, вполне развитыми и многообразными объемами социального капитала. Это обусловлено, прежде всего, экономическими потребностями данной семьи. Житейское правило «хочешь жить — умей вертеться» действует в данном случае последовательно и феноменологически разнообразно. Рост и снижение интенсивности использования форм социального капитала напрямую детерминируется потребностями сохранения приемлемого уровня выживания. И в этом смысле бедная семья заметно сильнее, чем богатая, «социально капитализирована». И эта капитализированность во многом опирается на акты неформальной экономики, систематически реализуемые в рамках бедной семьи.

Богатая семья, располагая достаточным финансовым капиталом, гораздо меньше и фрагментарней включена в сети социальных отношений. Социальный капитал сводится к привычному повторению отношений с родственниками. Капитал «практикуется» в довольно узком пространстве отношений. И в этом смысле социальная капитализация богатой семьи выглядит менее заметной. Она элементарна и схематична. Таким образом, перед нами — две основные формы бытия социального капитала, детерминированные различными экономическими возможностями семьи.

Как известно, социальный капитал воплощен в работе социальных сетей межсемейной поддержки и солидарности. В недрах такого рода сетей люди взаимно выручают семейные экономики и систематически помогают друг другу. В рамках данных сетей межсемейной поддержки существует вполне ощутимый уровень солидарности, которая

¹ Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни. // Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России. М.: РОССПЭН, 2002.

по природе своей предохранительная, оборонная, а не экстремистская и наступательная. Эти сети межсемейной поддержки представляют собой идеальные рамки для «выкручивания» и «неформальных» экономических практик участвующих в них социальных субъектов.

Необходимо подчеркнуть, что такого рода картина систематически наблюдалась вплоть до 2003—2004 года, то есть в течение самого драматического и наполненного жесткими социально-экономическими испытаниями отрезка новейшей истории России. Но уже в конце этого более чем десятилетия начинают появляться некие эволюционные сдвиги, которые сигнализируют о формировании новой картины «неформального», и, в частности, модернизированной схемы сетей межсемейной поддержки и нового рисунка межсубъектных связей.

А. НИКОНОВ

АГРАРНАЯ РЕФОРМА П.А. СТОЛЫПИНА

Эта реформа связана с именем Петра Аркадьевича Столыпина. О его личности, взглядах, практической деятельности и месте в истории России высказываются самые крайние, диаметрально противоположные и взаимоисключающие суждения, от резко негативных до апологетических. Так было при его жизни, так продолжается и сегодня. И если в прошлом советская историография представляла его крайним реакционером, вешателем, то в последнее время ему приписывают роль великого государственного деятеля, полагая, что, отведи ему судьба долгую жизнь, он обеспечил бы стране неуязвимую экономическую и политическую мощь, процветание и благоденствие. Как известно, пуля Богрова, двойного агента, получавшего исправно жалование в охранном отделе и одновременно состоявшего в революционной террористической организации, помощника присяжного поверенного и сына богатого киевского домовладельца, оборвала жизнь Столыпина, когда ему не было еще и 50 лет.

Неоднозначно отношение и к осуществленной им аграрной реформе. Крайне правые и социалисты с самого начала ее отвергали (и сегодня эти крайности сходятся!); сторонники же ее в наши дни особенно старательно доказывают ее закономерность и последовательный характер и видят возможность ее завершения в новых условиях, в новых попытках решить земельный вопрос.

Полярность точек зрения по вопросу о собственности на землю особенно четко выразилась в полемической переписке Л.Н. Толстого с П.А. Столыпиным, хотя они дружили и были близки семьями. Л.Н. Толстой упрекал Столыпина и писал ему: «...несправедливость состоит в том, что как не может существовать право одного человека владеть другим (рабство), так не может существовать права одного, какого бы то ни было человека, богатого или бедного, царя или крестьянина, владеть землей как собственностью. Земля есть достояние всех, и все люди имеют одинаковое право пользоваться ею». (К этой позиции Л.Н. Толстого примыкают взгляды социалистов и коммунистов, наиболее непримиримых противников и критиков Столыпина.)

П.А. Столыпин отвечал Льву Николаевичу: «Вы считаете злом то, что я считаю благом для России. Мне кажется, что отсутствие собственности на землю у крестьян и создает все наше неустройство. Природа вложила в человека некоторые врожденные инстинкты, как то: чувство голода, половое чувство и т.п., и одно из самых сильных чувств этого порядка — чувство собственности. Нельзя любить чужое наравне со своим и нельзя обихаживать, улучшать землю, находящуюся во временном пользовании, наравне со своей землей. Искусственное в этом отношении оскотление нашего крестьянина, уничтожение в нем врожденного чувства собственности ведет ко многому дурному и, главное, к бедности. А бедность, по мне, худшее из рабств... Смешно говорить этим людям о свободе или свободных. Сначала доведите их благосостояния до той, по крайней мере, наименьшей грани, где минимальное довольство делает человека свободным...

Вы мне всегда казались великим человеком, я про себя скромного мнения... Как же буду делать не то, что думаю и сознаю добром? А Вы мне пишете, что я иду по дороге злых дел, дурной славы и главное — греха. Поверьте, что, ощущая часто возможность близкой смерти, нельзя не задумываться над этими вопросами, и путь мой мне кажется прямым путем...»

В наши дни полемика на страницах печати и с трибун различных форумов идет примерно по такому же сценарию. Противники частной собственности особенно яростно выступают против купли-продажи земли, заявляя, что ею нельзя торговать так же, как своей родиной и собственной матерью. В обществе, где царит беспредел, законы не выполняются, народ нищает и, как метастазы раковой опухоли, разрослись коррупция и мафиозные структуры, это действительно опасно. Но для цивилизованного правового государства частная собственность на землю наряду с государственной — норма.

Столыпинская реформа ведет свой отсчет с 9 ноября 1906 г., когда был издан соответствующий указ. Позднее, 14 июня 1910 г., после утверждения III Государственной думой и Государственным советом, он стал законом. Суть и методы реформы лучше всего изложить словами самого П.А. Столыпина. Ее цель состоит в том, утверждал он, чтобы сделать «...крестьянина богатым, достаточным, так как, где достаток, там... просвещение, там и настоящая свобода. Но для этого необходимо дать возможность способному, трудолюбивому крестьянину, то есть соли земли русской, освободиться от тисков... в которых он в настоящее время находится. Надо дать ему... собственность. Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже нежизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная».

Собственность понималась Столыпиным в полном ее смысле: «Личный собственник, по смыслу закона, властен распоряжаться своей землей, властен закрепить за собой свою землю, властен требовать отвода отдельных участков ее к одному месту, он может прикупить себе земли, может заложить ее в Крестьянском банке, может, наконец, продать ее».

Община сама по себе не ликвидируется административно, «отменяется лишь насильственное прикрепление крестьянина к общине, уничтожается закрепощение личности, несовместимое с понятием о свободе человека и человеческого труда».

Столыпин считает, что «государство у нас хворает. Самой больной, самой слабой частью... является крестьянство... все государство, все части государства должны прийти на помощь той его части, которая в настоящее время является слабой». Речь идет о льготных кредитах, о помощи в землеустройстве, строительстве, помощи в переселении. Дело ставится так, что «все классы населения помогают крестьянам приобрести ту землю, в которой они нуждаются».

Столыпин критикует сторонников уравнительного подхода: «Нельзя ленивого равнять к трудолюбивому, нельзя человека тупоумного приравнять к трудоспособному». Он резко выступает также против национализации земли как проявления насилия, и в речи на заседании Государственной думы 10 мая 1907 г. он произносит знаменитые слова, ставшие афоризмом: «...в деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. Разрешить этого вопроса нельзя, его надо разрешать. В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия».

Итак, крестьянская собственность на землю, свободный выход из общины, льготное кредитование, землеустройство и хуторное расселение, безусловный приоритет сельскому хозяйству за счет всего общества.

Вернемся к содержанию Указа от 9 ноября 1906 г. и процитируем некоторые его статьи.

1. Каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли.

2. В обществах, в коих не было общих переделов в течение 24-х лет... за каждым домохозяином укрепляются в личную собственность, сверх усадебного участка, все участки общинной земли, состоящие в его постоянном пользовании...

3. Домохозяева... сохраняют за собой право пользования в неизменной доле теми сенокосами, лесными и другими угодьями, которые переделываются на особых основаниях...

4. Требование об укреплении в личную собственность части из общинной земли предъявляется через сельского старосту обществу, которое по приговору, постановленному простым большинством голосов, обязано в месячный срок со дня подачи заявления указать участки, поступающие на основании ст. 2 и 3 в собственность домохозяина.

Если в течение указанного срока общество такого приговора не постановит... то все означенные действия исполняются на месте земским начальником...

5. Каждый домохозяин, за коим укреплены участки надельной земли, имеет право во всякое время требовать, чтобы общество выделило ему взамен сих участков соответствующий участок по возможности к одному месту.

6. В тех случаях, когда требование о выделе к одному месту не совпадает с общим переделом, выдел оказывается неудобным и невозможным, обществу предоставляется удовлетворить желающего выделиться домохозяина деньгами по взаимному соглашению, а при недостижении согласия — волостным судом...

7. Действие настоящих правил распространяется на крестьян всех наименований...»

Этот Указ дополнялся и уточнялся. Так, в законе от 14 июня 1910 г. был специальный пункт, которым предусматривались меры против скупки укрепленных наделов в целях спекуляции: «...воспрещается в пределах одного уезда сосредотачивать путем покупки и принятия в дар надельную землю... свыше шести душевых, высших или указанных наделов».

В дополнение к закону от 14 июня 1910 г. был издан закон от 29 мая 1911 г. «О землеустройстве». Этим законом расширялись права ранее созданных губернских и уездных землеустроительных комиссий, а также Комитета по землеустроительным делам. Эти комиссии наделялись судебными функциями по разрешению земельных споров. Главные задачи их состояли в выделении земель, уничтожении чересполосицы, разграничении земельных владений. Всего с начала работы этих комиссий до 1915 г. поступило 5793 тыс. ходатайств по производству землеустроительных работ, из которых было выполнено 3509 тыс.

Всего только уездных комиссий, на которых ложилась основная тяжесть работ, было 463. В состав этих комиссий в качестве председателя входил уездный предводитель дворянства, председатель земской управы, член окружного суда, три представителя уездного земского собрания, три представителя от волостных сходов, представители волостей, где проводились землеустроительные работы. Руководил всеми работами непременный член комиссии, в ведении которого была канцелярия. Техническими землеустроительными работами занимались казенные землемеры, объединенные в землемерную часть.

Реформа Столыпина была рассчитана на 20 лет. Она была начата фактически в 1907 г. и отменена Временным правительством 28 июня (11 июля) 1917 г. Из 10 лет на мирное время приходится 7 лет. Каковы ее итоги? В.И. Ленин и большинство советских историков и экономистов считали, что она провалилась. Едва ли сегодня можно столь категорически и однозначно отвечать на этот вопрос. Ведь прав был Столыпин в том, что нужны были десятилетия упорной работы, преодоления некоторых традиций. Да реформа и не предполагала сплошного насаждения индивидуального хозяйства для всех регионов. Учитывался и различный уровень их экономического развития, и то, что

по природе своей люди никогда все не смогут быть предпринимателями, да еще индивидуальными.

По состоянию на 1 января 1916 г. из общин вышло 2478 тыс. домохозяев с 16,9 млн. десятин земли, что составляет 26% общинных крестьянских дворов и 15% общинных земель. Особенно интенсивным был выход в густонаселенных, малообеспеченных землях региона. Лидировали западные губернии, особенно правобережные губернии Украины. Из 2 755 633 домохозяев по 40 губерниям европейской России, потребовавших землю в собственность, 1 489 980, или 54%, приходится на два первые годы реформы, 1907 и 1908 гг. Очевидно, это наиболее предприимчивые крестьяне. Затем этот процесс стал затухать, особенно с началом войны.

По данным Вольного экономического общества за 1910 — 1911 гг., охватывающим 10 губерний Центрально-Черноземного и Средне-Волжского районов, можно судить о социальном составе крестьян, порвавших с общиной. Это прежде всего зажиточные домохозяева, стремившиеся вырваться из оков мира и самоутвердиться полноценными собственниками, а также люди, не желавшие заниматься вообще сельским хозяйством и решившие воспользоваться правом продать закрепленную за ними землю.

Земельный фонд реформы к ее началу составлял 9 млн. десятин. Кроме того Крестьянский банк располагал 2 млн. десятин. Этот банк в годы реформы резко усилил свою деятельность. Если за десятилетие, с 1896 по 1905 г., через него было продано 504 имения с 961 тыс. десятин стоимостью 68 млн. руб., то в следующее десятилетие, с 1906 г. по 1915 г. — 3257 имений с 4326 тыс. десятин на 465 млн. руб. Крестьяне и товарищества купили за это время с помощью банка 4868,4 тыс. десятин и прочие граждане — 1043,4 тыс. десятин. Из земельного фонда в 1907 — 1916 гг. продано 54,6% отрубникам, 23,4% хуторянам, 17% сельским обществам и 5% прочим владельцам.

В итоге был создан слой предприимчивых самостоятельных крестьян в 2,5 млн. семей, стали интенсивнее развиваться сельская кооперация и банковская система, возросли объемы производства и экспорта, строились перерабатывающие предприятия, расширился внутренний рынок.

Значительный поток безземельных крестьян направлялся в Сибирь и районы Средней Азии. Осуществлялось освоение этих земель. При любой политической оценке реформы это следует считать весьма положительным и прогрессивным явлением. Однако критерии здесь уместнее применять не политические, а экономические. Для сравнения можно сказать, что переселенческое в то время было поставлено в финансовом и организационном отношении не хуже, а, пожалуй, лучше, чем через полвека освоение целины. Люди обеспечивались долгосрочным льготным кредитом, строительными материалами, транспортными услугами вплоть до специальных вагонов, приспособленных для перевозки семьи со скарбом и домашними животными.

При оценке личности П.А. Столыпина одинаково неуместны как очернительство, так и апологетика. Конечно же, он был монархист, непримиримый противник социалистических идей и особенно революционной практики с террором, поджогами и захватами имений и прочими якобинскими методами. Но парадокс в том, что царские охранники и крайне правые не менее повинны в его насильственной смерти, чем террористы-революционеры. Столыпин твердой рукой (как бы помня после многочисленных на него покушений о своей неизбежной гибели) вел государственное дело, болел за экономическую мощь России, последовательно проводил реформу, идеология которой была предначертана еще Н.Х. Бунге, С.Ю. Витте и прогрессивной частью дворянства. Роль Столыпина нельзя приуменьшать. Это был сильный, волевой, бесстрашный человек, полностью устремивший свою деятельность к достижению ясно осознанной цели.

В практической работе по аграрной реформе следует отметить роль Александра Васильевича Кривошеина (1857 — 1921 гг.), возглавлявшего Министерство земледелия России с 1908 по 1915 г. Он непосредственно ведал землеустроительными делами и осуществлял организационную работу. В 1920 г., будучи главой «правительства Юга России», провел аграрную реформу в Крыму.

Так обстояло дело с аграрной реформой и политикой на государственном уровне. Но аграрным вопросом — коренным для условий России — занимались не только государственные органы. Крестьянским делом жили общественность, интеллигенция, возникшие политические партии. Поэтому наряду с правительственной программой существовали аграрные программы различных партий. И мира между ними не было, было много споров, взаимных обвинений, вражды. Как правильно заметил Б.Д. Бруцкус, «ожесточенная политическая борьба, завязавшаяся вокруг аграрного вопроса, не создала надлежащей атмосферы для спокойного обсуждения аграрных реформ». Что же касается реформы Столыпина, то она, как уже было отмечено, вызывала яростные нападки с разных сторон.

В. ДАНИЛОВ

АГРАРНЫЕ РЕФОРМЫ И АГРАРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В РОССИИ

Известно гегелевское высказывание о том, что «народы и правители никогда ничему у истории не учились». Это утверждение справедливо, поскольку каждый раз история предлагает решение даже сходных по существу задач в совершенно особенных конкретных обстоятельствах. Тем не менее знание исторического опыта важно для того, чтобы лучше понимать современность, ее происхождение, способность к переменам, а также хотелось бы избежать опасных повторений. Ход новейших аграрных преобразований, например, часто заставляет вспоминать об опыте прошлых реформ, обнаруживая при этом удивительные аналогии и прямые совпадения, особенно в просчетах и заблуждениях. Хочется одновременно и смеяться и плакать, видя полное тождество восторженно-романтических ожиданий старой и новой бюрократии — ни разу не оправдавшихся на деле ожиданий быстрого успеха проводимых сверху реформ.

Однако главное состоит в сущностном единстве старых и новых аграрных перестроек: все они — суть реформы и контрреформы эпохи первоначального накопления. Именно поэтому они стали основным средством модернизации и ускорения социально-экономического развития страны в целом, заняли совершенно особенное место в историческом процессе, во всяком случае — они определили характер аграрной эволюции России после 1861 г.

Исторические судьбы страны второго или даже третьего «эшелона» перехода к капитализму, связанные с ее социально-экономической отсталостью, толкали Россию на путь догоняющего развития, усиливали роль государственной власти. Государство принимало на себя осуществление необходимых изменений в обществе, выступало их творцом. Придавленность гипертрофированной государственной властью лишало общество способности спонтанных изменений, которые в других странах совершались как бы сами собой. Это обстоятельство многое объясняет в ходе и исходе российских реформ. Бросается в глаза сильнейшее влияние посторонних интересов (государственных, господствующих классов и т.п.) — посторонних тем задачам, которые реформы были призваны решать. С этим была связана прежде всего их вынужденность разного рода политическими событиями: военными поражениями, социальными конфликтами, отставанием в «соревновании» стран и т.п.

Названные особенности в полной мере проявились в реформе 1861 г., положившей начало ликвидации крепостной зависимости крестьян от помещиков. Если обратиться к историческим реалиям, то перед нами возникает картина растянутого, неопределенного в стадиях и формах, мучительного для крестьян процесса. Напомню об «отрезках» крестьянских земель и других ущемлениях крестьян в пользу их бывших владельцев. В помещичьих же интересах вводилось «временнообязанное» состояние крестьян — обязанностью было продолжение барщинной работы или выплаты оброка на все время до перехода на выкуп.

«Временнообязанное» состояние — нечто вроде переходного периода и в качестве такового имело определенный смысл. Важно, что временные обязанности оформлялись в виде соглашений на 3 года. И хотя совершенно очевидным был помещичий диктат, начинал признаваться и юридически и практически голос самих крестьян.

Как часто бывало при проведении реформ в России, почему-то предполагалось, что «временнообязанное состояние» продлится около 9 лет, что за это время крестьянство соберется с силами и начнет выплачивать «выкупные» за землю. Никаких оснований для таких предположений не имелось, ибо тогда вообще не существовало ни статистических, ни социологических данных для расчетов... Впрочем, и сейчас, когда есть и статистика, и социология, реальных данных для оценки возможного хода аграрной реформы все равно нет.

Ожидалось, что крестьянское хозяйство сразу станет на путь подъема. На самом же деле 60-е гг. оказались временем неурожаев и голоданий. В предполагавшийся — девятилетний — срок крестьяне в массе своей не смогли начать выкупные платежи. «Временнообязанное состояние» затянулось надолго, пока 28 декабря 1881 г. не был издан закон об обязательном выкупе с 1 января 1883 г. Выплата «выкупных» была рассчитана на 49 лет и продолжалась бы до начала 30-х гг.

С прекращением «временнообязанного состояния» встал вопрос о дальнейших путях и формах развития сельской жизни. Именно тогда министром финансов Н.Х. Бунге было предложено предоставить крестьянству некоторую — весьма ограниченную — свободу хозяйствования, прежде всего возможность выхода из общины и организации подворно-участкового землепользования — того, что впоследствии стало главным в земельной реформе П.А. Столыпина.

Н.Х. Бунге — ученый-экономист, педагог и публицист, представитель либерально-фритредеровского направления и, следовательно, убежденный сторонник частной собственности. Главной идеей всей его деятельности было превращение крестьян в частных землевладельцев — «консервативный оплот современной цивилизации». Бунге — активный участник реформы 1861 г. Как член-эксперт Редакционной комиссии он предложил план выкупной операции, организации земельного кредита и отмены подушной подати — чисто крепостнического налога, взимавшегося с крестьян. Поэтому, оказавшись в 1880 г. товарищем министра финансов, а в 1881 г. — министром финансов (тогда это было министерство экономики), Бунге начал с перевода бывших помещичьих крестьян на обязательный выкуп, о чем мы уже говорили. В 1886 г. на обязательный выкуп были переведены государственные крестьяне: их оброчная подать превращалась в выкупной платеж, приравненный к таковому у помещичьих крестьян, что увеличивало его на 45%.

В апреле 1882 г. был учрежден Крестьянский банк, призванный, по проекту Бунге, способствовать «распространению частной поземельной собственности между крестьянами» путем покупки земли у помещиков и государства. Наконец, в том же 1882 г. была отменена подушная подать.

Бунге был грамотным и реалистически мыслящим политиком. Примеров этому можно привести много. Ограничусь одним: он считал важнейшим делом организацию переселения крестьян на свободные земли, ставшую впоследствии одним из направлений столыпинской аграрной политики. Разрабатывая программу переселений, Бунге настаивал на возможно более постепенном его развертывании: «передвижение целых масс малообеспеченных поселян может быть сопряжено с большими денежными расходами и потерю населения, которое гибнет от перемены климата и от недостаточной обеспеченности на новых местах».

Вот еще один пример реалистического понимания сельскохозяйственной действительности 70 — 80-х гг. прошлого века. Это было время резкого возрастания хлебного экспорта. Отвечая на восторги некоторых публицистов, Бунге писал, что экспорт хлеба вызван, к сожалению, не успехами сельского хозяйства, а «необходимостью оплачивать налоги и рассчитываться по займам, сделанным в банках».

Имеется достаточно оснований считать, что реализация предложений Н.Х. Бунге могла быть успешной. Впереди было время, необходимое для того, чтобы заложить основы новых социально-экономических структур в деревне, выйти на путь интенсивной капиталистической модернизации сельского хозяйства. Однако это обрекало бы дворянство на довольно быстрое вытеснение из экономической жизни деревни. За 20 лет «временнообязанного состояния» оно ничего не поняло и ничему не научилось. Предложения Н.Х. Бунге были отвергнуты. Начиналась полоса контрреформ. «Победоносцев над Россией простер совиные крыла», — по выражению А. Блока.

Контрреформы для деревни означали укрепление власти общины над своими членами через ужесточение круговой поруки и ограничение выхода крестьян из общины, а тем самым фактическое прикрепление крестьянина к земле, что должно было, по мысли царской бюрократии, предупредить образование «язвы пролетариата» и связанной с ней революционной угрозы. В ходе контрреформ было отменено даже весьма ограниченное разрешение на выход крестьян из общины, содержащееся во 2-й части ст. 165 Положения 1861 г. (она была отменена 14 декабря 1893 г.). Это вполне соответствовало экономическим интересам помещиков.

Контрреформы были призваны вместе с тем увековечить прямое политическое господство помещиков в деревне. В 1889 г. был введен институт земских начальников — жизнь крестьян отдавалась под контроль и управление представителей местного дворянства. Картина положения крестьянства в пореформенной России будет неполна, если не сказать о праве административной (без суда) высылки неблагонадежных крестьян и, наконец, о таком позоре, как сохранявшиеся в деревне телесные наказания — прямой пережиток крепостного рабства.

Россия вступила в XX в. с полукрепостническим режимом в деревне и, следовательно, с нарастающей необходимостью новых реформ, промедление с которыми делало неизбежным революционный взрыв. Он и произошел, причем именно в деревне. Совершенно неожиданно и для правых, и для левых — и для самодержавия, и для революционеров — по черноземной полосе Украины и России в 1902 г. прокатилась волна крестьянских восстаний, сопровождавшихся захватами помещичьих земель, поджогами усадеб и т.п. В России начиналась крестьянская революция, на фоне (и основе) которой разворачивались все другие социальные и политические революции, включая Октябрьскую 1917 г.

Двигателем социального прогресса становилась революция. И это выявилось при первом же социальном взрыве в деревне: в феврале 1903 г. было провозглашено обещание облегчить отдельным крестьянам выход из общины, в марте 1903 г. ликвидирована круговая порука, а в августе 1904 г. отменены наконец телесные наказания крестьян. 1905 год вырвал у крепостников новую уступку: в ноябре было объявлено о прекращении взимания выкупных платежей с 1907 г. и об уменьшении наполовину их суммы в 1906 г. Недоимку же прошлых лет крестьяне продолжали выплачивать до 1917 г.

Сказанное отнюдь не означает согласия с известным утверждением о том, что «реформы есть побочный продукт революции». Исторический опыт свидетельствует о предпочтительности для общества именно реформаторских решений объективно назревших проблем. Революция совершается там и тогда, где и когда общество оказывается неспособным решать такие проблемы с помощью реформ.

Именно революционный взрыв 1902 г. возобновил реформаторскую деятельность самодержавной бюрократии. Вслед за названными частными (хотя и важными) мерами в конце 1904 г. по инициативе С.Ю. Витте вспомнили о предложениях Н.Х. Бунге, то есть о реформе крестьянского землепользования посредством замены общинных порядков подворно-участковым. На протяжении 1905 г. правительство С.Ю. Витте готовило проекты и документы будущей аграрной реформы, вошедшей в историю под именем столыпинской. Поэтому-то назначенный премьер-министром в июле 1906 г. П.А. Столыпин смог уже 9 ноября того же года провести первый указ, положивший начало реформе. Разработка основных законодательных актов, обсуждение в Государственной Думе и их принятие потребовали еще немало усилий и времени: закон о крестья-

янском землевладении и землепользовании был принят 14 июля 1910 г., закон о землеустройстве — 29 мая 1911 г. Эти три законодательных акта и составили юридическую основу аграрной реформы. Точно так же в марте 1906 г., то есть до назначения Столыпина председателем Совета министров, были созданы землеустроительные комиссии в столице, губернских и уездных городах. Они-то и стали главными органами будущей аграрной реформы.

П.А. Столыпин был последним крупным государственным деятелем старой России. В нем многое вызывало симпатию: и мужество, и ум, и ораторские способности. Пожалуй, он был последней надеждой самодержавно-помещичьей России, и именно ее программу он пытался осуществить. Эта программа была четко изложена в верноподданнической записке Балашова — одного из лидеров «Совета объединенного дворянства» в самом начале 1906 г. (опять-таки до назначения Столыпина премьер-министром): отдать «крестьянам их земли» (из общинного владения в «полную собственность»), дополнить незакрытой казенной землей на колонизируемых окраинах и той землей, которую помещики захотят продать в порядке «полюбовной» (рыночной) сделки.

Отмечу в этой связи, что и вспыхнувшая вдруг ненависть помещиков к общине, и смена по отношению к ней охранительной политики на разрушительную были вызваны заботой не о будущем процветании России, а о сохранении помещичьего землевладения, поскольку в 1902 — 1906 гг. община проявила себя в качестве организации массовых антипомещичьих выступлений.

Столыпинская аграрная реформа действительно явилась одним из важнейших событий в истории России начала XX в. Она успешно содействовала уже происходившему в стране становлению капитализма. Реформа была призвана произвести расчистку крестьянских земель от «слабых» в пользу «сильных», решить, наконец, задачи первоначального накопления в деревне, причем решить уже радикальными средствами, прямым административным форсированием разрушения общины.

В то же время социально-политическую опасность такой перестройки понимали разработчики реформы. Они пытались сократить масштабы внутрикрестьянской мобилизации земли и, тем самым, масштабы массового разорения беднейших слоев деревни, которые хлынули бы в города, пополняя армии безработных и бездомных — армии нового социального взрыва. Поэтому был установлен предел скупки земельных наделов — не более 6 «высших душевых наделов» в пределах одного уезда, что давало в среднем на «крепкое хозяйство» от 70 до 100 дес. (при посеве от 50 до 60 дес.), на окраинах и больше, но все же для создания крупного товарного хозяйства недостаточно. Возможности, связанные с помещичьими землями, по самому замыслу реформы, не использовались.

Однако и при этих ограничениях реформа воспринималась крестьянством как насилие. Свидетельств этому очень много и в виде крестьянских жалоб или обращений в прессу, и в виде прямых протестов, вплоть до мятежей. Конечно, все такого рода свидетельства легко представить результатом революционной пропаганды, эсеровского влияния и т.п. Поэтому я сошлюсь на выступление члена Государственного Совета Олсуфьева на заседании этого Совета 22 марта 1910 г. На местах происходит, говорил Олсуфьев, «отнюдь не созидательный процесс хуторского устройства и личной собственности, а происходит успешный процесс разрушения общины... Бессовестная агитация заставляет крестьян думать, что у них отберут землю, если они не выступят из общины. Этот характер развития... заставляет ожидать скорой реакции на это положение в деревне, ибо неминуемо последует обратное движение маятника». Олсуфьев призывал «к осторожности, к отсутствию излишнего энтузиазма».

<...>

Столыпин говорил, что для преобразования России нужны по крайней мере 20 лет «покоя». Этого срока было бы явно недостаточно: за 10 лет реформы из общины уходило, по самым щедрым расчетам, по 1% крестьянских дворов в год. Общая численность крестьян-подворников выросла с 23% в 1905 г. до 30 — 33% в 1916 г. При всем возможном ускорении времени на реформу потребовалось бы намного больше. Да и «покой» был невозможен, ибо Россия не могла не участвовать в первой мировой войне,

что с неизбежностью обрекало народные массы на крайние бедствия, отчаяние и озлобление.

Практически столыпинская аграрная реформа не могла решить поставленную задачу, потому что было уже поздно. Больше того, административно-принудительные методы осуществления реформы только ускоряли революционный взрыв, а ее массовый социальный продукт явился той силой, которая сыграла активную роль в 1917 — 1918 гг. «Ставка на сильных» не просто ослабляла слабых, а гнала их из деревни в город, который не мог принять десятки и сотни тысяч обездоленных и отчаявшихся людей. За 1907 — 1915 гг. свыше 1,2 млн. дворов, вышедших из общины, продали надельную землю (4,1 млн. дес.). В основном они с этой целью и становились «новыми собственниками». Переселение на многоземельный Восток (важное направление реформы) для слишком многих заканчивалось возвращением назад, полностью разоренными и озлобленными (за 8 лет — с 1907 по 1914 г. — свыше 1 млн. официально зарегистрированных «обратников»). В конечном итоге столыпинская реформа лишь умножила ненависть и ярость крестьянских масс против помещиков и царизма, делала неминуемым, по выражению Олсуфьева, обратное движение маятника.

Известно, что требование национализации земли было выдвинуто самим крестьянством в ходе первой русской революции как средство радикальной ликвидации помещичьего землевладения и передачи всей земли *«в пользование только тем, кто будет ее обрабатывать своим трудом»*. Так формулировал крестьянские требования «Земельный проект 104-х», внесенный в Государственную Думу 23 мая (5 июня) 1906 г. — то есть еще до назначения П.А. Столыпина премьер-министром.

<...>

Эпоха первоначального накопления чревата социальными взрывами. Они имели место во всех странах, когда там совершался этот процесс. Однако в развитых странах Европы эта эпоха пришлась на XVI — XVIII вв., в России же — на конец XIX — XX в., что само по себе резко обострило социальную реакцию на все то, что входит в понятие первоначального накопления капитала. Во-первых, человечество в целом стало более человечным, и поэтому в XX в. оказались невозможны те способы подавления социального протеста, которые запросто сходили с рук в XVI или XVII вв. Во-вторых, первоначальное накопление не исчерпывало происходившего в России начала XX в.: здесь мы сталкиваемся с феноменом наложения разных социальных эпох — и предшествующих первоначальному накоплению (натурально-общинный крестьянский мир), и сменивших его (развитые формы капитализма, особенно в промышленности). Революционные взрывы 1905 и 1917 гг. были взрывами народного отчаяния эпохи первоначального накопления, в которые наслоение эпохи промышленного капитализма внесло мощный социалистический потенциал. Отсюда их ярко выраженная антикапиталистическая (а не только антифеодальная) направленность с реализацией в конечном итоге отнюдь не социалистической программы.

<...>

В известном смысле можно говорить вслед за некоторыми экономистами 20-х гг. об «экономически реакционных» результатах аграрной революции в России или вслед за М. Левиным даже об «архаизации» послереволюционной структуры общества. Продолжая рассуждение в этом направлении, можно прийти к выводу о том, что историческим наказанием крестьянству и стране в целом за противодействие объективно необходимому процессу первоначального накопления явился сталинский план накопления капиталов для индустриализации, которое осуществлялось путем катастрофического разорения и беспощадной эксплуатации деревни.

Однако ограничение результатов аграрной революции «архаизацией» допустимо лишь в известном смысле, поскольку (1) из аграрной структуры были устранены помещики (а это меняло ситуацию весьма радикально), поскольку (2) крестьяне, возродившие общинную организацию, сами были уже далеко не архаичны, о чем свидетельствовал довольно быстрый подъем сельского хозяйства и его обновления, как, впрочем, и (3) возобновление с переходом к нэпу и процесса социального расслоения деревни, но

уже как органического, без насильственной экспроприации бедных богатыми. Главное все же состоит в том, что итоги революции в деревне не исчерпывались «архаизацией».

Россия подошла к 1917 г. с развитой системой кооперации и с идеей кооперативного будущего всей страны, особенно деревни. Казалось, что русское общество в кооперации нашло пути преодоления тех социальных трудностей, которые неизбежно сопровождают модернизацию экономики на основе индустриализации. Для аграрной страны особенно важной являлась возможность включения в рыночную экономику с помощью кооперации огромной массы мелких крестьянских хозяйств. Не случайно, быстрый рост кооперации в России — явление именно XX века, когда рыночные отношения достаточно глубоко проникли в толщу крестьянских хозяйств. Достаточно сказать, что за 1902 — 1915 гг. число кооперативов выросло с 1,6 тыс. до 35,2 тыс., что они стали охватывать не меньше третьей части населения страны. Кооперация выдержала испытания гражданской войны и военного коммунизма и возобновила активную деятельность и рост с переходом к нэпу. К 1927 г. она охватывала третью часть крестьянских хозяйств. В товарообороте деревни ее доля достигла двух третей, намного превысив довоенный уровень.

Один из выдающихся теоретиков крестьянской кооперации, А.В. Чаянов, разработал концепцию «кооперативной коллективизации» мелкокрестьянского сельского хозяйства (1919 г.). Процесс кооперирования, по Чаянову, позволял, не разрушая мелкого семейного хозяйства, выделить и организовать на началах крупного производства те отрасли или работы, где это давало несомненный экономический эффект. Создавалась такая система кооперативного хозяйства, где сами крестьяне — в своих интересах и в меру реальных возможностей — определяли степень и формы крупного общественного производства. Практика 20-х гг. подтверждала высокие возможности кооперирования крестьянских хозяйств. Это был реальный преобразовательный процесс, который мог послужить действительной альтернативой и первоначальному накоплению капитала «сильными» за счет «слабых», и сталинской коллективизации...

РАЗДЕЛ III. СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ И СОЗИДАНИЯ

А.В. ЧАЯНОВ

КРАТКИЙ КУРС КООПЕРАЦИИ

Что такое кооперация?

Когда говорят о будущем деревни, то чаще всего возлагают свои надежды на кооперацию. Само слово — «Кооперация» стало теперь одним из самых ходовых слов в нашем обиходе.

<...>

Это обстоятельство заставляет нас с особенным вниманием остановиться на выяснении самой природы кооперации в применении ее к сельскому хозяйству и подробно рассмотреть, какую роль может она играть в нашей деревне и что можем мы ждать от нее для будущего нашего земледелия.

Мы знаем, что наиболее характерной чертой, отличающей хозяйственную жизнь нашего времени <...>, является усовершенствованная машинная техника производства и новая, на научных началах построенная, организация промышленных и торговых предприятий.

<...>

Вся сила промышленных капиталистических стран Западной Европы и Северной Америки и вся их экономическая власть над остальным миром зависела именно от умелого использования этих двух великих начал нашего времени — усовершенствованной техники и правильной организации предприятий.

Однако до сего времени оба эти начала применялись по преимуществу в городской обрабатывающей промышленности, горном деле и транспорте. Сельское хозяйство оставалось как-то в стороне от этих завоеваний человеческой культуры и почти повсеместно велось по старинке в тысячах и миллионах отдельных мелких хозяйств, распыленных, несвязанных ничем между собою и в большинстве работающих весьма малосовершенной техникой. Эта некоторая «отсталость» сельского хозяйства объясняется, конечно, не случайными причинами, а тем, что само производство в земледелии, где главными машинами являются земля, растение и животные, во многом отличается от чисто механического промышленного производства.

<...>

Последние научные исследования американского и русского земледелия доказывают нам даже, что капитализм развивается в сельском хозяйстве главным образом в форме эксплуатации мелкого производителя сельскохозяйственных продуктов всякого рода торговыми фирмами и предприятиями, оказывающими ему кредит под весьма высокие проценты. Крестьянин, сохраняющий на вид свою хозяйственную самостоятельность и независимость, на самом деле оказывается всецело во власти финансового и торгового капитала, которому он задолжал в высшей мере и минуя который он не может ни реализовать произведения своего труда, ни приобрести нужные ему средства производства.

Все это делает организацию земледелия на новых началах делом в высшей степени трудным и сложным.

У всякого организатора сельскохозяйственного производства, имеющего перед собою миллионы мельчайших крестьянских хозяйств, неорганизованных, распыленных, развивающихся самотеком, как течение большой реки, подчас могут опуститься руки, и он может задать себе вопрос, возможно ли вообще организовать сельское хозяйство подобно промышленности на новых началах современной техники и научной организации? Есть к этому какие-нибудь способы и пути?

Мы знаем, что в нашем распоряжении имеется большое количество усовершенствованных приемов сельскохозяйственной техники, улучшенных пород скота, усовершенствованных машин, приемов удобрения и обработки почвы, кормления скота и первичной переработки получаемых сельскохозяйственных продуктов.

Весь вопрос в том, как эти приемы внедрить в толщу деревни, как организовать крестьянство так, чтобы для него сделались доступными все эти завоевания науки и практики, часто возможные только при организации дела в очень крупных размерах?

Этот вопрос есть важнейший для сельского хозяйства вопрос!

И ответ на него дает нам применение к организации деревни кооперативных начал.

Основная идея сельскохозяйственной кооперации в высшей степени проста. Если мы внимательно рассмотрим в состав крестьянского хозяйства, довольно сложного по своему устройству, то мы легко сможем убедиться в том, что для целого ряда отраслей его крупная форма даст сразу непосредственную большую выгоду.

При этом почти всегда оказывается возможным весьма легко, не нарушая работы остальных частей хозяйства и не разрушая трудового семейного хозяйства, выделить отдельные работы и соединить их сообща с соседями в одно общее большое дело.

Всем известны, например, те преимущества, которые в выделке масла дают перед домашним способом изготовления сепаратор и механические маслобойки. Однако пользование ими недоступно мелкому крестьянскому хозяйству, имеющему всего на всего одну или две коровы, потому что для того, чтобы сепаратор окупился, необходимо пустить в обработку такое количество молока, которое можно собрать разве от двадцати или тридцати коров.

Ясно, что ни одно крестьянское хозяйство таким стадом не обладает и, следовательно, оно одно использовать сепаратор не может. Однако столь же ясно, что ничто не препятствует двадцати или сорока хозяйствам объединиться в союз, построить сообща небольшой маслодельный заводик и, бросив домашнюю выработку масла, свозить свои скопы молока в свой кооперативный завод, которому поручается не только выделка масла, но и его продажа.

<...>

Почти всегда на почве кооперативной переработки и сбыта масла начинается кооперативная работа по улучшению скота и условий его содержания, возникают товарищества по совместному пользованию племенными быками и товарищества по страхованию скота от падежа. Говоря иначе, через некоторое время после работы маслодельной кооперации, все главнейшие устои крестьянского молочного дела окажутся построенными на началах крупнейшего производства и наиболее совершенной организации.

Эти же кооперативные начала могут быть использованы крестьянином и для организации других отраслей своего хозяйства.

<...>

Правда, почти повсюду делаются только первые, часто еще робкие и неуверенные шаги, но и на них глядя, убеждаешься, что кооперативная дорога является для нашего крестьянства и единственной и действительно правильной дорогой и что действительно сельскохозяйственная кооперация позволяет организовать распыленные раньше крестьянские массы, соединить их непосредственно с центрами народно-хозяйственной и культурной жизни.

<...>

Посмотрим, однако, что нужно для того, чтобы крестьянские хозяйства образовали кооператив, чтобы созданные им совместные предприятия были бы действительно кооперативными, и что отличает кооператив от частных торговых и промышленных предприятий, с которыми, к сожалению, не редко его смешивают.

Мы уже говорили, что кооператив — это, прежде всего, союз хозяйств, и что хозяйства, входящие в такой союз, от этого не уничтожаются, а по-прежнему остаются мелкими трудовыми хозяйствами.

В кооперативах же только часть производства, та именно часть, где крупное хозяйство имеет преимущество над мелким, объединяется в союзную организацию. Сельскохозяйственный кооператив является дополнением к самостоятельному крестьянскому хозяйству, обслуживает его и без такого хозяйства не имеет смысла.

В дальнейшем развитии кооперации она будет все в большей и большей мере переводить в русло общественного кооперативного хозяйства различные отрасли крестьянского хозяйства. Эти элементы общественного хозяйства и закладывают в крестьянском хозяйстве основные начала будущей социалистической организации земледелия.

Для того, чтобы возможно яснее представить себе самую сущность кооперации, сравним между собою два маслодельных завода — один кооперативный, созданный для своих нужд крестьянами-скотоводами, другой частный, содержащийся каким-нибудь капиталистом-предпринимателем... Спросим себя, чьи интересы руководят и управляют работой того и другого завода.

Достаточно небольшого наблюдения, чтобы убедиться в том, что частный завод будет преследовать выгоды того капитала, который вложен в его оборот. Главной задачей его будет построить все дело так, чтобы на этот капитал получить наибольший барыш, наибольшую чистую прибыль.

Иное мы видим в работе кооперативного завода. Для его устройства и оборотов крестьяне вложили в дело такой же капитал, как и частный предприниматель, но интересы этого капитала, задача получения на него наибольшей чистой прибыли отходят здесь на второе место. Корень всего предприятия, его душа, лежит в выгоде тех крестьян, которые доставляют молоко на завод и которые совместными усилиями создали этот завод для обслуживания своих хозяйств. Завод кооперативный может не давать ни одной копейки барыша на затраченный на его возведение капитал: но он будет выгоден крестьянам, если, благодаря ему, они получают за доставляемое ими молоко значительно большую выручку, чем та, которую могли бы выручить, продавая молоко в чужие руки.

Возьмем далее устройство потребительской кооперации, в которую крестьяне объединяются для совместной закупки необходимых им в домашнем обиходе продуктов. Здесь мы найдем такие же отличия от частной лавочки, какие усмотрели в маслодельной артели.

Если предприниматель лавочник ставит интересы своего капитала на первое место, если он всеми средствами, в ущерб и за счет своих покупателей, стремится вытянуть наибольший барыш из своей торговли, то в потребительской кооперативной лавке интересы получения чистой прибыли на вложенный в товары капитал стоят на втором месте. Капитал, конечно, необходим и для потребительского общества, без него нельзя сделать хозяйственного оборота. Но не его интересы управляют делом, а интересы тех потребителей, тех крестьянских хозяйств, которые соединенными усилиями создали потребительскую лавку для обслуживания своих нужд.

Обыкновенному лавочнику прямая выгода продать плохие продукты по дорогой цене и получить тем наибольшую чистую прибыль.

В кооперативной же лавке прибыль может быть самая ничтожная. Но продукты должны быть хороши и дешевы.

Ни один кооператор не захочет увеличить прибыльность своей лавки подмесью песка в своем хлебе и воды в молоке, потребляемом его детьми.

Подобное перенесение внимания с интересов капитала на интересы тех хозяйств, которые объединились в союз и создали для себя кооперативное предприятие, и является самым важным в кооперации. Кооперация всегда будет пользоваться капиталами и очень большими капиталами, ибо без них в хозяйственной жизни обойтись невозможно, но не интересы этого капитала стоят в ней на первом месте, а интересы тех хозяйств, которые он обслуживает. В кооперации капитал — слуга, а не хозяин. Поэтому и управление делами кооператива устраивается так, что в нем руководят не представители капитала, не те, кто дал большие деньги на ведение кооперативной торговли или производства, а те трудовые хозяйства, для обслуживания которых возник и существует кооператив.

ператив. Таким образом, нам ясно, что деятельность сельской кооперации направляют крестьянские интересы, и вся ее работа определяется ими.

В условиях капиталистического общества, как это установил В. Ленин в своих письмах о кооперации, кооперативное движение крестьян было бессильно разрешить эти задачи и только при переходе власти в руки трудящихся она приобретает при поддержке государственной власти совершенно иное значение и делается основой нового общественного строя деревни.

Поэтому-то кооперация и не может в своей работе ограничиться только торговым или промышленным делом. Интересы крестьянства шире. Крестьяне интересуются не только тем, что бы дешевле купить и дорого продать, но и многими запросами духовной жизни, жизни ума и сердца.

Поэтому задачи кооперации не только помочь крестьянину получить в своем хозяйстве большую выгоду, но помочь ему также в деле просвещения, в деле устройства его духовной жизни. В этом деле кооперация может дать очень много, может быть даже гораздо больше, чем в других сторонах деревенской жизни.

Мы знаем, что, кроме возможности приобрести дешево хорошую земледельческую машину, необходимо прежде всего знать о существовании таких машин и уметь пользоваться ею. Для того, чтобы дать эти знания крестьянству, кооперация, помимо торговой работы, ведет в деревнях культурно-просветительную работу.

Таковые отличия кооперативного производства и торговли от частного предпринимателя и торговца.

Указав на них, мы должны также остановиться на отличии наших кооперативных предприятий от предприятий государственных и выяснить, почему за последнее время государственные органы значительную часть государственных предприятий в области сельского хозяйства нередко передавали и продолжают передавать кооперации.

В руки сельскохозяйственной кооперации передано дело снабжения деревни семенами и сельскохозяйственными машинами, прокатные пункты, племенные быки, местные картофелетерочные заводы, а также в последнем году все молочные предприятия «Госмолоко». Надо думать что после XIII съезда коммунистической партии, определившего государственную политику в отношении сельскохозяйственной кооперации, это переложение хозяйственной работы от государства на плечи кооперации будет происходить еще в большем объеме.

Почему это так? Почему кооперативный аппарат признается в деле обслуживания деревни более совершенным, чем государственные предприятия.

В республике трудящихся и государство, и кооперация являются органами тех же самых трудящихся масс и обслуживают те же самые нужды трудового населения.

Поэтому решение вопроса о том, какому из этих аппаратов поручить выполнение той или иной хозяйственной работы, каждый раз решается в зависимости от того, который из этих аппаратов технически является наиболее приспособленным.

Кооперация, управляемая в самых мельчайших своих органах выборными лицами трудящихся, под ежедневным неусыпным контролем избравших их членов кооператива, не связанная административными распоряжениями центра, гибкая в хозяйственной работе, допускающая наиболее быстрое и свободное проявление выгодной местной инициативы — является наилучшим аппаратом там, где требуется организованная местная самодеятельность, где в каждом отдельном случае надо гибко приспособляться к местным условиям и учитывать мельчайшие особенности каждого местечка и каждого месяца работы.

Все эти требования к работе — и необходимая самодеятельность масс, и гибкость организации и работы, и способность быстрой приспособляемости и исключительная чуткость, к нуждам трудящихся масс — все это как раз и является необходимым для работы в деревне. Вот почему в нашем советском государстве во всех тех случаях, когда кооперация получает достаточную крепость и силу, ей передаются одна за другой разные отрасли хозяйственной работы в деревне, ранее выполнявшиеся государственными аппаратами, состоящими из назначенных центром специалистов и служащих.

Наши читатели могут выразить опасения, что при передаче хозяйственной работы кооперации она тем самым выйдет из влияния руководящих органов советского государства и тем самым разрушит все плановые соображения, совершенно необходимые в тех тяжелых условиях, в которых находится наше народное хозяйство.

Это опасение, однако, совершенно неосновательно, так как сельскохозяйственная кооперация в лице своих финансовых и торговых центров, а также и местных союзов, настолько глубоко втянута в общую систему государственных органов, настолько слитно и согласно работает с ними, что не может быть и речи о каком-либо разном в их работе. Наоборот, именно благодаря передаче всей хозяйственной работы в деревне кооперации, вся деревня в целом втягивается в русло планового хозяйства и только благодаря кооперации и может быть втянута.

Кооперация перестраивает разобщенные индивидуальные крестьянские хозяйства в высшие формы общественного хозяйства, а это и является основной задачей строительства новой деревни.

Сказанного нами вполне достаточно для того, чтобы понять, что может означать для деревни развитие кооперации и какое большое будущее ей принадлежит.

<...>

Само собой понятно, что каждый потребитель в отдельности сделать это не в состоянии. У него, прежде всего, никогда не бывает на руках таких денег, чтобы расплатиться по этим крупным покупкам, да и потребности его домашнего обихода измеряются не вагонами, а фунтами хлеба, несколькими штуками селедок, а не бочонками; аршинами ситца, а не кусками его.

Однако, если десятки, сотни и тысячи покупателей соединятся и будут сообща закупать нужные для них товары, то сразу получают возможность покупать их самыми крупнейшими партиями и превратятся все вместе в *одного очень крупного* оптового покупателя. Приобретаемые товары обойдутся дешево и будут хорошего качества.

Эта простая мысль, лежащая в основе потребительской кооперации, ясна всякому человеку, когда-нибудь размышлявшему над своим хозяйством.

Была она известна, конечно, задолго до появления рочдэльской потребительской лавки в Жабьем переулке. Однако, несмотря на многочисленные попытки, ее не удавалось ранее воплотить в жизнь. Очевидно, далеко не всегда бывает просто осуществить на деле ясный и простой замысел. Постараемся выяснить, в чем же тут дело? Почему только рочдэльцам удалось впервые наладить дело потребительской кооперации?

Самым простым способом совместной закупки будет тот, когда несколько знакомых друг другу семей, задумав, положим, купить себе к лету мануфактуры, устраивают складчину и на собранные деньги покупают... кипу ситца или сарпинки, и, получив товар, разделяют его согласно заказу.

Такая совместная закупка еще не будет, однако, потребительской кооперацией.

Само собою понятно, что если таким способом покупать все продукты, нужные для домашнего обихода, то придется каждый день собираться, устраивать складчину, по очереди каждому из товарищей ездить за покупками. Ни на что другое не останется времени, и хлопоты для всех будут крайне обременительны.

Поэтому, издавна желая наладить по-хорошему совместную покупку всех необходимых товаров, люди складывались, образовывали небольшой оборотный капитал, выбирали из своей среды доверенного человека, которому и поручали открыть небольшую лавку, из которой они могли бы получать совместно ими закупаемые товары.

Такое общество, содержащее на общие средства лавку для нужных им товаров, и получило название потребительского кооператива. Такие лавки устраивали задолго до появления предприятия рочдэльских ткачей, но только им одним удалось найти этому делу правильные основы.

В чем же они заключались?

В первых неудачных попытках совместных покупок общественная лавочка покупала товар по оптовым ценам, начисляла на его стоимость накладные расходы на пе-

ревозку, содержание лавочки, склада и, определив стоимость себе развешенного товара, отпускала по этой стоимости товар своим членам.

Задачи общества как будто достигались. Товар получался доброкачественный и много дешевле, чем в частной торговле. Однако такие общества весьма скоро хирели и погибали.

Дешевая общественная продажа вызывала раздражение соседних лавочников, и они вовлекали еще слабое и неокрепшее общество в ожесточенную конкуренцию, опуская свои цены значительно ниже себестоимости. Потерпев на этом некоторые убытки, они зато достигали своей цели и, пользуясь несознательностью покупателя, отманивали его от общественной лавки и тем до основания разрушали созданный кооператив.

Бывали даже случаи, когда торговцы через недобросовестных членов кооператива скупали по его дешевым ценам товары и затем с выгодой продавали их в своей лавке.

Однако самым большим неудобством при продаже по себестоимости было то, что кооператив никак не мог увеличить своих капиталов. Оборотные средства, составленные из скудных паевых взносов, всегда были незначительны, экономическая сила кооператива ничтожна. Не имея от продажи барыша, кооператив не мог увеличить свои оборотные средства, не имея часто денег в те минуты, как представлялся удобный случай купить дешевый и хороший товар. При малейших убытках его капитал разрушался и кооператив погибал.

Чтобы избежать всех указанных неблагоприятных последствий, рочдэльские ткачи постановили продавать товары в своей общественной лавке не по себестоимости, а по тем самым рыночным ценам, по которым торгуют окрестные торговцы.

Торгуя по рыночным ценам, слабый еще кооператив не вовлекался в непосильную ему для первых шагов борьбу с богатыми торговцами, а получаемые им от этих цен барыши значительно увеличивали его экономическую мощь и пополняли скудные оборотные средства, укрепляя жизнеспособность кооперативного союза.

Вот почему установленный рочдэльскими ткачами принцип продажи товаров членам общества по рыночным ценам признается одной из главнейших основ потребительской кооперации.

Однако могут спросить нас, какие же выгоды для потребителя хлопотать и устраивать кооперативную лавку, если эта лавка будет продавать продукты по таким же ценам, как и частные лавочники?

Ответ на этот вопрос даст нам другое правило, установленное рочдэльскими ткачами, согласно которому те барыши, которые получают с потребителя благодаря торговле по рыночным ценам и в частной торговле идут в доход лавочника, эти барыши в конце года возвращаются назад потребителю.

Положим, наша потребительская лавка продала за год товаров на 10000 рублей и получила 800 рублей прибыли. Эта прибыль получена с членов-потребителей и должна быть им возвращена назад. На каждый рубль забора в лавке пришлось восемь копеек прибыли, а девяносто две копейки была себестоимость товара со всеми накладными на него расходами. Таким образом, если я купил в нашей лавке товара на сто рублей, то лавка имела с меня восемь рублей барыша, который по окончании года мне и возвращает.

Если вы, положим, забрали в год товаров на 800 руб., то с вас лавка получила 84 рубля барыша, который и возвращает.

Если ваш сосед закупил на 125 рублей, то в конце года ему возвратят 10 рублей.

Таким образом, торгуя в своей лавке не по себестоимости, а по рыночной цене, мы, потребители, ничего не теряем, потому что все барыши, которые лавка от этого получит в конце года, все равно возвратятся к нам.

Даже более того, мы имели от барышей лавки значительную пользу. Если бы лавка наша торговала по себестоимости, то мы, ежедневно покупая по мелочам, получали бы каждый день небольшую выгоду в 15 или 20 копеек, а то и того меньше.

Выгода эта была бы малоощутима и совершенно терялась бы в нашем обиходе.

Иное дело, если эти копейки и гривенники наша лавка будет брать себе в барыш. Укрепляя свою силу, она в то же время будет наши гривенники одного дня приклады-

вать к гривенникам другого. Будет для нас заботливой копилкой и сберегательной кассой, которая незаметно для нас скопит и подарит нам в конце года несколько десятков рублей. А эта сумма в скромных приходах крестьянина, рабочего и служащего имеет уже большое значение. Во всяком случае, полученная сразу, принесет в хозяйстве во много раз большую пользу, чем копеечные сбережения, рассыпанные по всему году.

Вот почему возврат полученных барышей потребителя, каждому сообразно величине его забора товаров, почитается за второе великое основание, потребительской кооперации.

Однако, если мы познакомимся с жизнью нашей... потребительской кооперации, то увидим, что в самых лучших наших обществах потребителей, обычно далеко не всю полученную прибыль раздают по рукам покупателям.

Прежде всего значительные деньги оставляют на расширение и укрепление дела, зачисляя их в основной или запасный капитал.

Мы уже знаем, что без большого капитала общественная лавка может захиреть, и дела ее пойдут неважно, будет мало товара и мало выбора; сами члены-потребители не смогут удовлетвориться своей лавкой и будут бегать в частную торговлю.

Поэтому в интересах самого потребителя добиться самого широкого развития дела и собрать в деле такие капиталы, чтобы лавка никогда не испытывала недостатка в оборотных средствах. Собрать такие деньги паевыми взносами очень обременительно для самих членов и легче всего получить их из самого дела, т.е. отчислениями части барыша.

Немалые средства, отчисляют кооперативы так же и на так называемые культурно-просветительные цели.

Кооперация тем сильнее, чем больше членов она к себе привлекает, чем крепче держатся они своего кооператива. Поэтому, чем шире распространены правильные знания о кооперации, тем более крепка и сильна будет сама кооперация.

Затем, кооперация не может забыть и того, «что не хлебом единым будет жив человек».

Продавая дешевый хлеб, сахар, гвозди и мануфактуру, кооператоры не могут забыть и духовной жизни человека. Они стремятся, работая в этом отношении с местными отделами народного образования и под их руководством, снабдить своих членов хорошей, занятой и полезной книгой, устроить им чтения, поучающие, как надо вести земледельческое хозяйство, чтобы вырастить два колоса там, где труд земледельца получает теперь один колос; учредить народный театр, библиотеки, народные дома и чайные. На все это нужны крупные расходы, и потребители-кооператоры охотно отчисляют их из своих барышей.

Таким образом, прибыли кооперативной торговли частью возвращаются потребителю, а в остальной своей части идут на расширение дела и культурно-просветительные расходы, т.е. образуют собою общественные, общепользные капиталы. Подобное создание общественных капиталов, путем отчисления части прибылей, почитается одной из важнейших основ не только потребительской, но и всякой другой кооперации.

Перечисленными правилами не кончаются, однако, те заветы, которые оставили нам рочдэльские ткачи.

Следующее правило, которое так часто забывают русские кооператоры, устанавливает в кооперативной лавке продажу товаров исключительно за наличные деньги. Забор в долг не допустим в кооперативе, — говорили основатели потребительской кооперации. Это требование внушает недоумение и кажется особенно трудновыполнимым для того трудового народа, который устраивает кооперативы. Казалось, что именно общественная лавка должна прийти на помощь трудящемуся, когда у него не хватает денег на хлеб насущный. Однако рочдэльские ткачи настойчиво требовали соблюдения этого правила.

Почему же? Почему лавочник может отпускать свои товары в долг, а потребительское общество не может?

Постараемся разобраться в этом деле возможно подробнее и внимательнее.

Лавочник, отпуская в долг товары, делает это, конечно, не от доброго сердца, а соблюдая свои выгоды. Какая же в этом может быть выгода?

Давно сказано, что дареному коню в зубы не смотрят. Точно так же нельзя быть придирчивым и требовательным к товару, забираемому в долг. Поэтому, отпуская без денег товары, лавочник спускает, таким образом, всякую заваль и продукты плохого качества, а к тому же и набавляет цены против продаж за наличные. Поэтому те убытки, которые лавочник несет от неаккуратного возвращения денег и неуплаты долгов, он с лихвой покрывает прибылями от повышенных цен и от дорогой продажи плохого товара.

Общественная же торговля этого делать не может, не может она ни подсунуть плохого товара за хороший, ни обвесить, ни вздуть цены, отпуская товар бедному покупателю в долг. Поэтому ей нечем покрыть те потери, которые даст всегда случающаяся неуплата долгов. Потери же эти могут приносить значительные убытки и разрушить все дело.

А, кроме того, следует также отметить, что, продавая в долг, общественная лавка будет всегда стеснена в наличных деньгах, она будет вынуждена сама забирать товары в долг, получая их менее аккуратно и худшего качества, и, не имея денег, не раз упустит подходящие случаи дешевых и хороших заготовок товара. Поэтому, как ни тяжело это для трудового кооператора, он должен, если, конечно, он ценит свое потребительское общество и не желает его разорить, совершенно отказаться от отпуска товаров в кредит. Если в этом окажется уж очень большая нужда, то можно образовать, путем отчисления прибылей, особый капитал и из него выдавать ссуды нуждающимся потребителям.

<...>

Сельское потребительское общество

Приступая к описанию отдельных видов кооперативных организаций, мы начнем наше повествование с сельского потребительского общества.

Среди всех видов кооперации потребительская — пользуется наибольшей известностью отчасти потому, что этот вид кооперации практически известен также и всем горожанам, а еще более и потому, что в хозяйственной части Советской России до 1921 г. почти вся кооперативная работа приурочивалась к потребительской кооперации, а ЕПО было почти единственной кооперативной ячейкой, в лице которой проявлялась местная кооперативная работа. Только с развитием новой экономической политики и с развитием новых форм нашей хозяйственной жизни начали развиваться другие виды кооперативного движения. Сейчас главное внимание организаторов деревенской жизни устремляется на эти производственные формы кооперативной работы: маслодельную, льняную, кредитную и другие виды сельскохозяйственной кооперации. Это внимание вполне понятно, т.к. именно в этих отраслях работы лежит путь к увеличению доходов крестьянского хозяйства, к поднятию благосостояния деревни, к переустройству на новых началах земледелия и скотоводства.

Однако за всем тем организатору сельской жизни нельзя забывать и потребительской кооперативной работы, так как при правильно поставленной кооперативной работе экономия, получаемая от кооперативной закупки потребительских товаров, может дать крестьянину огромное сбережение для улучшения своего хозяйства.

Это особенно приходится помнить теперь, когда во многих, даже близких к Москве губерниях и уездах, благодаря нашему кооперативному неумению и неорганизованности, частный лавочник вновь начинает получать преобладающее значение и те средства, которые при сильной кооперативной организации могли бы пойти на усиление производства и укрепление крестьянского хозяйства, вновь пополняют собою прибыли частного капитала.

О том, насколько могут быть велики эти прибыли в случае ослабления потребительской кооперации, нам указывают цифры падения деревенских цен в глухих углах нашей деревни в те года, когда еще до войны туда впервые проникли потребительские кооперативы.

Например, в Курской губернии, в Ставропольском уезде, в те годы, когда впервые появились потребительские лавки, цены на чай и карамель упали на 10%, на сахар — на 13%, спички, гречневую крупу — на 20%, на печенье, рис — на 15%, на лимоны и всякие приправы к чаю — на 25%, на уксус и сельди — на 25%, на дрожжи и соду — на 50%, т.е. вдвое. Это в таком бойком месте, как Курская губерния, где нетрудно попасть в город. Иное мы видим на окраинах. То, что сделано кооперацией в каком-нибудь Чердынском уезде, Пермской губернии, можно вполне назвать баснословным. Бобылев, исследовавший Пермскую кооперацию, указал, что с развитием кооперации, цены изменились таким образом: сахар подешевел на 60%; керосин вдвое, за ножницы металлические, цены которым 60 — 50 копеек, брали до 1 рубля 20 копеек; бархат, который стоил до 3 руб., продавали по 7 рублей. Но больше всего перебора бывало на разных мелочах, особенно на гвоздях. Как только в уезде появились потребительские лавки, все стали покупать в среднем вдвое дешевле. Бобылев вычисляет для Чердынского уезда, что при 800-тысячной закупке крестьянских хозяйств сбережение, которое они сделали благодаря влиянию кооперации, в 400 тысяч рублей, т.е. такую сумму, которая с избытком погашает все местные и государственные налоги и освобождает огромные деньги для улучшения своего хозяйства. Немало столь же ярких примеров видели мы и за последние годы, когда потребительская кооперация при поддержке государства не раз предотвращала бешеную спекуляцию частных торговцев своими твердыми умеренными ценами.

Таковы результаты кооперативной работы в тех местах, где потребительская кооперация прочно стала на ноги. Как мы видим из приведенного примера, потребительская кооперация, давая населению крупные сбережения, тем самым имеет и большое производственное значение, позволяя эти сбережения обратить в с.-х. машины, скот и улучшение семян.

В этом лежит ее глубокое «производственное значение». Но необходимо, однако, тот час же отметить, что нет других таких кооперативов, которые были бы так подвергнуты опасности погибнуть, как потребительские лавки. Это самые слабые из всех кооперативов. И слабы они не своими основами, которые были установлены рождальскими ткачами, а тем, что члены потребительской лавки часто забывают свои собственные кооперативные интересы и оказываются неверными кооперативным правилам.

К тому же потребительским лавкам больше, чем кому другому, приходится выдерживать тяжелую, деревенскую, борьбу с лавочниками, мелкими торговцами. Открывая в какой-нибудь волости кредитное товарищество или маслодельную артель, мы вносим в местное хозяйство новые источники доходов, которых раньше не было и которыми в разной мере могут пользоваться все жители волости. Давая доходы многим, мы в то же время не создаем себе врагов.

Иное дело в потребительской кооперации. Потребительская лавка сразу становится во враждебные отношения с местными лавочками.

Между ней и лавочниками загорается борьба не на живот, а на смерть, и кооперация торжествует только тогда, когда ей удастся совершенно вытеснить лавочников.

Поэтому немудрено, что последние используют все свое влияние и все свои средства для того, чтобы подорвать кооперативное дело и оттолкнуть от него местных крестьян, и часто верное дело кооперации теряет почву под ногами, потому что сами товарищи не покупают в своей собственной лавке, а покупают на стороне.

Однако сколько бы крахов потребительской лавки вы ни видели, если будете присматриваться к их причине, то увидите, что виноваты не правила кооперации, а виноват сам кооператор, который недостаточно сознательно относится к общественному делу и не исполняет этих правил.

Какие же правила существуют у нас для кооперативов и как основать кооперативную лавку?

Необходимо собраться нескольким крестьянам, которые ясно поняли пользу потребительской кооперации и пожелали учредить для себя и для своих односельчан потребительское общество. Учредители должны составить и принять устав общества. Примерные уставы можно получить в любом кооперативном союзе. Подписанный устав

отсылают в установленном порядке на регистрацию, и общество может открыть свои действия.

В предыдущих главах мы уже отметили основные отличия потребительской лавки от коммерческого предприятия.

Посмотрим, чем выражаются эти отличия в уставе.

Для большей наглядности сравним организацию кооперативного общества потребителей с организацией частной компании на паях, торгующей теми же товарами. Предположим, ряд лиц, желающих понажитья от торговли, складываются, вносят свои паи в дело и, образовав капитал, начинают торговать.

Число паев бывает установлено и ограничено, и наши компаньоны, торгуя и получая барыши, уже больше в свою компанию никого не принимают, так как всякое увеличение числа пайщиков уменьшит барыши каждого из них.

В потребительской же лавке число членов и паев неограниченно: всякий трудящийся имеет право требовать, чтобы его включили в союз потребителей, и, чем больше членов, тем сильнее потребительское общество. Таково первое отличие.

Затем во всех частных предприятиях право голоса, право влияния на ход дела товарищества всегда соответствует паевому взносу: если один внес большое количество паев, а другой маленькое, то у одного больше влияния на дела торговой кампании, а у другого маленькое, по капиталу глядя. Иное в кооперации, где каждый член, вне зависимости от того, вносит ли он 10 или 100 рублей, имеет один голос.

Самые паи в обществе потребителей невелики, обычно не больше 10 руб. Поэтому всякий может войти членом в общество, тем более, что паи могут оплачиваться в рассрочку. Однако весьма желательно, чтобы тот, кто по своему достатку может, вносил бы не один, а два и более пая, чем значительно укрепил бы силу общества. Прибыль распределяется, как мы уже знаем, не по паям, а по забору.

Словом, в торговой компании хозяином является капитал, наживающийся с потребителя, а в кооперации хозяин сам потребитель, который, благодаря объединению, заставляет капитал обслуживать его, потребителя, нужды.

Перейдем теперь к устройству общества.

Согласно последним декретам о потребительской кооперации вступление в нее членами является вполне добровольным и доступным для всех трудящихся.

Дела потребительского общества управляются общим собранием всех членов, а там, где членов много, собранием уполномоченных. Собрание решает все основные вопросы и для исполнения выбирает правление, которое заведует всеми делами лавки. Для наблюдения за работой правления и контроля на общем собрании выбирается особая ревизионная комиссия, которая и следит за правильностью работ. На обязанности правления лежит составление сметы, добывание оборотных средств, закупка всех товаров, назначение товарам продажных цен и, наконец, тщательное ведение отчетности и счетоводных книг.

Для самой продажи товара, по указанным правлением ценам, каждое потребительское общество нанимает себе ответственного приказчика, с которым заключается подробный договор о том, как товар должен храниться, как должна производиться торговля.

<...>

Когда собран необходимый капитал, найден ответственный приказчик, правление должно позаботиться о приобретении товаров.

Для закупок потребительское общество поручает одному из членов правления обязанности «закупщика». Закупщик большую часть товара получает от Кооперативного Союза (мануфактура, мука, чай, сахар и пр.) из города, но многое, что составляет продукт местного производства, находит более выгодным купить у себя дома на месте (квашеную капусту, сушеные грибы, мясо, кустарные изделия и пр.).

Какие же товары и в каком количестве следует приобретать?

Ответ на этот вопрос дают покупатели. Очевидно, что потребительская лавка должна иметь те товары, в которых нуждается создавший ее потребитель; те товары, в

которых у него есть потребность, и они вошли в его домашний обиход. Поэтому состав товаров городской потребительской лавки будет иной, чем в лавке сельской, потому что потребности горожанина иные, чем потребности крестьянина. Городская лавка рабочих кварталов будет торговать одними товарами, а городская потребительская лавка, устроенная зажиточными обывателями, другими. Деревенская лавка Полтавской губернии почти не будет торговать хлебом и крупами, потому что у ее членов-крестьян они в избытке, в деревнях же Московской и Владимирской губернии хлеб и мука очень видный товар, потому что здесь крестьянам своего хлеба на зиму не хватает.

Во всяком случае, правление должно держать в лавке все те основные продукты, на которые, среди его членов имеется постоянный хороший спрос. Желательно, конечно, для упрощения дела, чтобы сортов товара было немного, но в то же время следует помнить, что кооперативная сознательность нашего крестьянина, к сожалению, еще недостаточно крепка, и частный лавочник может отманить его от кооператива товарами, более подходящими к его вкусу. Поэтому и кооперативная лавка должна иметь более или менее разнообразный выбор и держать такие товары, которые, хотя и составляют до некоторой степени предметы роскоши, но тем не менее иногда входят в крестьянский обиход — затейливо расписанные чашки, душистые мыла, дорогие конфеты и т.п.

В каком же количестве следует покупать товары? Товары следует держать соответственно спросу так, чтобы они всегда были в наличности, но в то же время нельзя делать особенно больших запасов, так как в них тогда завязывается большой капитал, который лежит без оборота и приносит значительные убытки обществу, стесняя его и без того тощие средства.

Если товар таков, что его всегда легко можно достать по дешевой цене, его следует держать в самых маленьких запасах. Если же товар найти трудно или же за ним нужно далеко ехать, то волей-неволей такого товара следует делать большие запасы.

<...>

Привезенные в лавку запасы следует разместить в лавке и на складе.

Лавка должна быть хорошо оборудована. При ней должен быть подвал, снабженный вентиляцией, погреб для скоропортящихся продуктов и всякие другие склады; в самом лавочном помещении должны быть оборудованы весы, прилавок, касса и шкафы с полками для товаров. Товары по полкам следует класть не как-нибудь, а с толком; следить, чтобы наиболее ходкие, часто по мелочам требуемые продукты были всегда под руками приказчика, чтобы ему не приходилось бегать из угла в угол магазина, доставая из разных концов ходкие товары. Сам товар должен быть разложен опрятно и красиво, чтобы производить на покупателя приятное впечатление. В лавке должна соблюдаться чистота, а стены ее должны быть украшены кооперативными плакатами.

Размещенный в лавке товар перед тем, как поступить в продажу, должен быть расценен.

Назначение цены производится следующим образом: определяют вес или счет товара, принимают во внимание будущую усушку, провес и потери и определяют закупочную цену продажного фунта, аршина или штуки. Затем начисляют всякие накладные расходы на содержание лавки и ее персонала, проценты на капитал, если товар куплен в долг, и ту прибыль, которую хотят взять с этого товара.

Если товар ходкий, капитал оборачивается в нем быстро. Купленный сегодня, он продается завтра или послезавтра, поэтому начисление должно быть маленькое.

Положим, если на хлеб, в котором капитал оборачивается ежедневно, мы начислили две копейки на рубль, то это составит в год, считая в году двести пятьдесят торговых дней, — 50% валовой прибыли.

Если же товар неходкий и оборачивается, положим, всего два раза в год (парфюмерия, бумага и пр.), то начисления накладных расходов должны быть значительно увеличены. Если при обороте капитала два раза в год мы начислим даже 10 копеек на рубль, то это даст всего 20% валовой прибыли, из которой для определения чистой прибыли нужно будет вычесть еще содержание лавки и ее персонала.

Кроме того, высокое начисление делается на те товары, которые подвержены порче или представляют собою продукты роскоши.

Начисление повышается, если исчисленная цена оказывается, благодаря выгодной закупке, значительно ниже обычных цен розничных продаж.

Расценочные товары пускаются в продажу. Нередко, однако, приходится находящиеся в продаже товары переоценивать. Повышают цены, когда в товаре чувствуется недостаток, а на рынке товар дорожает. Понижают цены, если товар почему-либо не пошел и грозит, в виде завали, обременить собою склады потребительского общества.

Вообще заваль товара в потребительской лавке весьма вредит делу и, если она обнаружится, бывает лучше продать ее по дешевой цене, неся даже убытки, чем гноить оборотные средства в застрявшем товаре.

Большое значение для дела имеет правильный порядок в продаже, удобные для потребителя часы торговли и другие мелкие на первый взгляд обстоятельства продажи. Если правление оставит их без внимания, то оно может разогнать своих членов, которые найдут более удобным для себя покупать в соседней частной лавке.

О распределении прибылей, полученных от кооперативной торговли, мы уже говорили немало. Укажем теперь на то, что при расчислении прибыли между членами по забору правление общества должно точно учитывать, кто из членов и на какую сумму купил. Необходимость таких записей осложняет расчет и задает большую работу приказчикам лавки.

Кооперативная практика знает три способа учета того забора, который делают члены.

Первый самый мешкотный — это запись всех покупок в особую книгу приказчика и членскую книжку члена, которую каждый потребитель получает на руки.

Второй значительно более простой — заключается в том, что кассир лавки при расплате дает каждому покупателю особые марки на ту сумму, на которую он сделал покупку. Общий забор всех членов определяется количеством выданных марок, а каждый член предъявляет в конце года все полученные при отдельных покупках марки, по ним подсчитывает и устанавливает сумму своего забора.

Третий способ, очень выгодный для кооперативов, называется авансовым. Каждый покупатель платит в лавку заранее некоторую сумму денег и получает чековую книжку с билетиками-чеками на разную сумму. При покупках в дальнейшем он расплачивается не деньгами, а этими чеками. Сумма уплаченных авансов и составляет собою сумму забора, за вычетом неизрасходованных чеков. Когда выясняется годовая прибыль, из нее отчисляется часть на погашение самой лавки, на оборудование, а другая часть разделяется по членам общества, причем эта задача, как мы уже знаем, не соответствует вашему паевому взносу, а определяется вашим забором в лавке. Предположим, по расчетам выходит, что прибыль на каждые 10 рублей забора 2 рубля, а в течение года вы забрали на 50 рублей, следовательно, вы получаете 10 рублей, забрали на 100 рублей — получаете 20 рублей. Таким образом, вы пользуетесь прибылью не как представитель капитала, вложенного вами в паи общества, а как потребитель.

При разделении прибылей очень часто возникает интересный вопрос. В большинстве потребительских лавок товар продают всем желающим. Поэтому в лавке, кроме членов, покупают и посторонние лица.

От проданного им товара получается прибыль. Спрашивается, как же эта прибыль распределяется? Конечно, не члены на свой забор прибыли не получают, следовательно, прибыль, которая получается от вольной продажи, ведет в пользу общества.

Можно ли, однако, сказать, что общество, таким образом, наживается на счет сторонних потребителей? Думаем, что этого сказать нельзя. Согласно уставу, в члены общества потребителей может вступить каждый желающий, и задачей общества является достижение того, чтобы все окрестные жители сделались его членами. Для того чтобы их привлечь, нужно сделать так, что каждый человек, вступая членом общества, получал бы из этого ясно видимую пользу.

Если бы и не члены общества могли получать прибыль, то какой же расчет был бы кому-нибудь записываться в товарищество: зачем платить взносы, зачем покупать паи, зачем наблюдать, входить в правление, в ревизионную комиссию, раз прибыль от кооперации можно получать и не будучи членом. Таким образом, если никто из вольных покупателей прибылью не пользуется, то это, главным образом, для того, чтобы заставить всех вольных покупателей входить в дело членами.

Прибыль же собранная с посторонних покупателей, часто отчисляется на культурно-просветительные цели и служит для пропаганды кооперативных идей, говоря иначе, привлекает в кооперацию новых членов.

В этом стремлении сделать всех действительными участниками общего кооперативного дела заключается одна из важных особенностей кооперации.

Если капиталист покупает себе акции какого-нибудь торгового дела, то ему важно получить на эти акции наибольший доход, само же дело его может совершенно не интересовать. Получая доход на акции, он может ни разу не заглянуть в то предприятие, акции которого имеет, и даже не знать, где оно находится.

В кооперации дело иное: здесь дело общественное, и нужно, чтобы за этим делом было общественное наблюдение, и благодаря этому всякий член потребительской лавки нравственно обязан следить и участвовать в этом деле: плох тот член, который не интересуется делами лавки; всякое упущение должно его интересовать, за всем он должен наблюдать, и часто для этого в потребительской лавке устраивается из ее членов дежурство. Такое постоянное наблюдение необходимо для того, чтобы общественное дело велось на пользу всех.

Отношение кооперации к разного рода подделкам, фальсификациям, подмеси и порче продуктов тоже совсем иное, нежели в частной торговле. Многим лавочникам бывает выгодно портить свои продукты: подмешивать песок в муку, в молоко подливать воду и т. д., потому что они получают от этого прибыль. Членам же потребительской лавки это не может быть выгодно, так как прибыль здесь распределяется не по тому, сколько вы паев имеете, а по тому, сколько вы забрали в год товара. Если вы, благодаря подмеси, получите больше прибыли, то вы также съедите больше песка и больше воды, подмешанной в продукты.

Если вы хотите из-за большей прибыли питаться песком и (водой, то вы будете фальсифицировать продукты, но всякий потребитель, вероятно, от такой прибыли откажется. Таким образом, по самой сущности кооперативной работы в ней невозможна никакая фальсификация, потому что она сразу отразится на интересах всех потребителей — хозяев дела.

Кроме того, каждый купец, если он правильно понимает свое дело и желает иметь большую прибыль, должен хранить от всех в тайне те цены, по которым он покупает продукты, те места и фирмы, откуда он особо выгодно забирает товар, ту развеску и смеси товаров, которая увеличивает их доходность, потому что ему для получения прибыли необходимо все это сделать так, чтобы этими выгодами не могли воспользоваться его конкуренты — соседи-лавочники.

Кооперативная же лавка не нуждается в сохранении тайн, так как у нее нет конкурентов.

Ее члены покупатели, если они правильно понимают дело, не могут уйти к частному лавочнику, прельстившись какой-нибудь приманкой.

Если их лавочка плоха, если дело не налаживается, то они ее должны переделать, но не бежать из нее к соседним лавочникам, чтобы покупать там.

Поэтому, если в частной лавке купцы полезные сведения стремятся сохранить для себя самих, то здесь, в кооперации, все хорошее, что получено в одной лавке, делается достоянием всех остальных лавок, и, таким образом, все полезное и, действительно, хорошее получает большое распространение.

За последнее время весьма часто, желая приобрести большую крупность оборота и большую экономию на накладных расходах, кооператоры-потребители организуют не маленькие деревенские лавочки, обслуживающие одну или две деревни, а объединяют

в своем обществе население десятков деревень и для их обслуживания заводят не одну, а целую сеть лавок одного и того же потребительского общества. Такие крупные объединения потребителей в отличие от мелкого называются многолапками.

Несмотря на то, что описанное мелкое потребительское общество, а тем более многолапка, по своим оборотам во много раз превышает хозяйственные обороты крестьянской семьи, оно, устранив мелкого торговца, не может все же покупать все товары из первых рук крупными партиями. Говоря иначе, мелкая лавочка не достигает основной цели потребительской кооперации — устранение посредников между потребителем и производителем. Поэтому для укрупнения своих оборотов мелкие сельские потребительские лавочки соединяются в союзы, объединяя в них свою закупку на многие десятки и сотни тысяч рублей... такие союзы кооперативов ныне существуют почти в каждом районе, они в свою очередь объединяются в губернские и областные союзы и сливают всю русскую потребительскую кооперацию в огромный по своим оборотам Центральный Всероссийский Союз Потребительских Обществ — Центросоюз...

Союз этот, совершающий свои обороты на сотни миллионов рублей, не только добился того, что покупает все товары из первых рук, но имеет даже немало своих собственных фабрик, заготовок и других промысловых заведений. Собственное кооперативное фабрично-заводское производство, о котором когда-то мечтали рочдэльская ткачи и которое уже давно было создано английскими потребителями, со времени революции начинает быстро развиваться и у нас в СССР.

Центросоюз, как его сокращенно называют, помогает своим членам, местным союзам и кооперативам не только в деле закупки, но и в деле руководства местной кооперативной работой. Существует особый инструкторский отдел союза, члены которого изучают кооперативные вопросы, выезжают в местные кооперативные союзы, помогают вести отчетность и указывают ошибки. С другой стороны, в работу неторгового отдела Центросоюза входит и распространение идей потребительской кооперации. Союз выпускает целый ряд книг, календарей и брошюр по вопросам кооперации и, наконец, издает постоянно журналы и газеты.

Центросоюз входит в международные кооперативные объединения и представляет советскую кооперацию на международных кооперативных съездах.

Такова каждодневная будничная работа потребительской кооперации.

<...>

Сельскохозяйственное и кредитное товарищество

Гораздо большее значение, чем описанное нами общество потребителей, имеют для нашей деревни производственные сельскохозяйственные кооперативы, так как именно они организуют земледельческое производство и способствуют тому, чтобы там, где ныне растет один колос, в ближайшем будущем выросло два. В этом их исключительное общенародное, государственное значение и именно их мы имели в виду, когда говорили о переустройстве нашего сельского хозяйства на началах крупного производства и научной организации, это значение сельскохозяйственной кооперации заставляет нас остановиться на ее описании с особенным вниманием.

<...>

Сельскохозяйственное товарищество ставит своей задачей помочь крестьянскому хозяйству, прежде всего в организации на кооперативных началах:

1. Закупки сельскохозяйственных машин и орудий, минеральных удобрений, семян и других средств производства.
2. Сбыта тех продуктов хозяйства, которые производятся на продажу как товар.
3. Дешевого кредита на производственные цели.

Кроме перечисленных основных кооперативных операций, сельскохозяйственное товарищество обычно организует ремонтные мастерские, прокатные и зерноочистительные пункты, семейные и племенные рассадники, опытные и показательные поля и вообще стремится на кооперативных началах обслужить все нужды крестьянских хо-

зяйств, которые по техническим условиям не требуют выделения особых организаций, с меньшим районом деятельности.

Постараемся рассмотреть каждый из видов работы сельскохозяйственного товарищества в отдельности.

Начнем наше описание с работы по снабжению крестьянских хозяйств средствами производства. В своей наиболее простой форме эта операция сводится к совместной закупке крестьянами необходимых им в хозяйстве припасов и орудий.

Приближается время льяного сева. Зная по опыту, что урожай, получаемый от своих доморощенных семян, всегда бывает значительно хуже того, который дают чистопородные псковские семена, крестьяне складываются, собирают нужные им деньги и через своего уполномоченного или кооперативный союз покупают на месте в псковской деревне вагон хорошего отборного льяного семени высокой всхожести и чистоты и, разделив между собою покупку, разверстывают попутно все накладные расходы, связанные с покупкой.

Точно таким же образом, готовясь к покосу, группа крестьян вскладчину может купить партию кос непосредственно с завода, их вырабатывающего.

Иногда товарищество не производит предварительно складчины, а берет от своих членов задатки, получает от продавца товара кредит на несколько месяцев и производит расчет со своими членами уже после передачи им заказанных орудий и припасов.

Когда операции товарищества разрастаются, получают достаточный оборот, и само товарищество, собрав паевые взносы и произведя отчисления с совершаемых им закупок, собирает более или менее значительный общественный капитал, оно перестает работать только на заказ, но заводит постоянный склад сельскохозяйственных орудий и машин, удобрений, семян и фуража и держит на нем для постоянной продажи все припасы, обычно необходимые крестьянскому хозяйству.

Организация дела в таком сельскохозяйственном складе, если он строится на кооперативных началах, должна иметь в основе те же принципы рочдэльских пионеров, какие мы отметили в потребительской кооперации. Говоря иначе, закупочный кооператив должен торговать по средним рыночным ценам, отчислять получаемую прибыль в конце года на заборный рубль своим членам, из части прибыли, создавать общественные кооперативные капиталы или направлять их на общественные сельскохозяйственные нужды и, наконец, не отпускать свои товары членам в кредит.

Мы настолько подробно описывали работу потребительского общества, что нам нет нужды повторять сказанное в отношении закупочной кооперации. Сельскохозяйственный склад организуется так же, как и потребительская лавка, с теми, конечно, отличиями, которые вытекают из характера товара, требующего иных помещений и иного их оборудования.

Однако в деле снабжения крестьянских хозяйств средствами производства, работа сельскохозяйственной кооперации не может ограничиться только закупкой орудий и припасов.

Кооперация не должна ограничиваться тем, что она заменит собою лавочника и торговца, но по существу своих социально-экономических заданий обязана более глубоко войти в организацию средств производства крестьянских хозяйств.

Прежде всего, снабдив крестьянина с.-х. машиной, кооперация должна обеспечить ему в будущем смену запасных частей и производство ремонта. Ремонтная мастерская или даже сеть мастерских, разбросанных по району деятельности товарищества, должны быть необходимым дополнением к снабженческой по машинам работе. Опыт весенних ремонтных кампаний последних лет указывает нам на полную возможность использовать для сезонного ремонта не только свои установки, но входить в особые соглашения со всеми механическими мастерскими района — заводскими, железнодорожными и другими, чтобы обеспечить быстрое производство ремонта инвентаря.

Кроме ремонта инвентаря, находящегося в индивидуальном пользовании, с.-х. товарищество может приступить и к организации совместного использования крупных

сельскохозяйственных машин — молотильных гарнитуров, почвоуглубителей, многокорпусных плугов, борон Рандаля, сеялок и, наконец, тракторов.

Это совместное пользование может быть организовано в трех формах.

1. Путем устройства при с.-х. товариществе сети прокатных пунктов, разбросанных по району деятельности кооператива.

2. Путем пропаганды и организации мелких машинных товариществ, объединяющих один-два десятка домохозяев и имеющих небольшой набор машин, использование которых непосильно для каждого крестьянского хозяйства в отдельности.

3. Путем организации совместной обработки земли и уборки урожая механическим способом при помощи тракторов и сложных с.-х. машин.

Прокатные пункты товарищества должны преследовать двоякую цель: с одной стороны пропагандировать — путем опытного ознакомления — усовершенствованные машины и орудия среди своих членов, а с другой давать возможность мелкому хозяйству использовать такие машины, которые могут окупиться только в больших хозяйствах. Последняя работа должна быть по мере развития кооперативного движения передана мелким машинным товариществам, рассеянным по деревням, так как всякие машины должны быть близки к тем полям, на которых они работают.

Сельскохозяйственное же товарищество должно в отношении этих мелких машинных кооперативов играть роль союза и иметь на своих прокатных пунктах такие машины, которые не могут быть, в силу редкости своего употребления, использованы в мелких машинных кооперативах: дерноснимы, почвоуглубители, луговые бороны, корчевальные машины и гарнитур для мелиорации.

Наконец, кооперативная организация средств производства может принять и еще более полный характер и превратить совместное пользование инвентарем в совместную обработку земли, говоря иначе, в объединение всех пахотных земель членов товарищества воедино и совместную обработку их при помощи сложных машин и тракторов.

В районах многоземелья и экстенсивного зернового хозяйства этот способ ведения полевого хозяйства имеет за собою огромное будущее и, надо думать, получит широкое распространение.

Мы не останавливаемся на другом, еще более полном обобществлении средств производства в с.-х. коммунах и артелях, потому что этому большому вопросу нашей аграрной политики посвящены особые курсы и книги, и сам вопрос этот, являясь во многом частью аграрной политики СССР, более широк и выходит за пределы нашей темы.

Точно такую же работу, как и с инвентарем, товарищество должно сделать в области организации семенного дела.

Перед сельскохозяйственной кооперацией в деле улучшения семенного материала стоят три задачи — борьба с засоренностью, доставка хозяевам первоклассного посевного материала и постоянное освежение его, и, наконец, улучшение старых и вывод новых сортов. При этом все три задачи должны разрешаться сразу в массовых размерах, так как по самому существу своему они только так и могут быть разрешены.

Борьба с засоренностью полей, помимо снабжения крестьян покупным посевным материалом, должна вестись пропуском всего крестьянского посевного материала через особые, устраиваемые товариществом зерноочистительные пункты.

Вполне отчетливо сознавая всю выгоду посева чистыми семенами, крестьяне весьма охотно несут свои семена в зерноочистительные пункты, снабженные разного рода сортировками, триерами, куколеотборниками и т.п.

<...>

Вторая задача организации семенного дела — постоянное снабжение хозяйств первоклассным посевным материалом — делается еще более важной мерой и со временем должна вытеснить всякое употребление крестьянами доморощенных семян, нечистопородных, смешанных и постоянно перерождающихся.

В будущем все семенное дело должно быть построено в отношении целого ряда культур на выделении семеноводства в особые семенные хозяйства с особыми условиями чистопородного производства, которые и должны снабжать все земледелие по-

севным материалом. Организация таких хозяйств, испытание разных сортов — вот третья задача с.-х. кооперации в семенном деле.

<...>

Организационная работа, проделанная с.-х. товариществом в семенном и машинном деле, может быть перекинута и в другие области снабженческой работы: доставку удобрений, средств по борьбе с вредителями и пр.

Рассматривая все перечисленные операции по кооперативному снабжению, необходимо постоянно иметь в виду, что они помимо экономии при закупке, преследуют гораздо более широкую задачу, задачу наиболее совершенной организации средств производства земледельческого хозяйства и притом организации в массовых масштабах и общественных формах. Этим закупочная кооперация и отличается от потребительской, которая не ставит перед собою агрономических заданий.

Кооперативная работа над организацией средств производства сельского хозяйства при настойчивом из года в год проведении плана раскрывает исключительные перспективы и может в течение пяти или десяти лет убрать из деревни отсталые орудия, постройки и семена и всецело заместить их технически наилучшими, из которых значительную часть сложных и крупных машин и построек оставить в общественном пользовании. Таковы задачи с.-х. кооперации в области снабжения. Еще более значительны и важны они в области сбыта сельскохозяйственных продуктов. Однако, ввиду того, что в сбытовой работе, помимо сельскохозяйственных товариществ, принимают участие также и другие специальные кооперативы, мы считаем необходимым выделить сбытовую кооперацию и рассмотреть ее в особой главе.

Поэтому, говоря в дальнейшем о работе сельскохозяйственного товарищества, мы главным образом, остановимся на наиболее важной в настоящее время отрасли его работы, — на операциях по мелкому кредиту.

Мы имеем все основания считать восстановление кооперативного кредита одной из важнейших задач в деле развития нашего земледелия.

Крестьянское хозяйство за время войны и революции значительно потрепало свое производственное оборудование — не хватает лошадей и крупного рогатого скота, во многих районах почти уничтожены стада овец, не совсем благополучно и со свиньями, местами огромный недостаток в инвентаре. Но даже если бы средства производства крестьянского хозяйства были бы сейчас теми же, какими они были до войны, то и тогда мы бы могли считать их недостаточными, так как в нашу задачу входит не восстановление старого нашего трехпольного земледелия, а строительство нового земледелия на началах новой техники и организации. А на этом пути каждый шаг требует новых и новых затрат капитала. Мы в настоящее время намечаем целый ряд крупных агрономических реформ. Необходимо себе ясно представлять, что каждая из этих реформ прежде всего требует затраты новых средств.

Слабое еще крестьянское хозяйство в настоящее время не может сберечь этих средств из своих скудных доходов и не имеет ни одного источника к их получению, поэтому единственной возможностью удовлетворить эту нужду является помощь со стороны. Для развития земледельческого производства ему необходим кредит, а многолетний опыт кредитной работы в деревне показывает, что этот кредит может быть организован только на уже рассмотренных нами принципах Райфайзена.

Значение кредита настолько велико для развивающейся земледельческой страны, что, например, до войны в России кредитная работа кооперации была главной отраслью деревенской общественной работы и все другие кооперативные операции выполнялись кооперативами, как дополнительные работы к операциям по мелкому кредиту.

В настоящее время, благодаря отсутствию до 1924 г. устойчивой твердой денежной единицы, кредитная операция сельскохозяйственной кооперации находится в самом зачаточном состоянии и основная кооперативная сеть состоит из общих сельскохозяйственных товариществ. Однако это нимало не умаляет значения кооперативного кредита. По уставу сельскохозяйственное товарищество может вести кредитные опера-

ции, и мы не сомневаемся, что в ближайшие же годы кооперативный кредит займет одно из первых мест среди отраслей кооперативной работы.

Сообразно этому постараемся, возможно, подробнее ознакомиться с экономическими основами кооперативного кредита и с его организацией.

По основному положению Райфайзена, кооперативный кредит является, прежде всего, производительным кредитом.

Выясним, что это значит в условиях нашей деревни. Говоря производительный кредит — мы хотим этим сказать, что крестьянин, взявший в кооперативе ссуду, затрачивает ее не на покупку шубы или чая и сахара, а на хозяйственный оборот и при том на такой оборот, в результате которого ожидается такой доход, из которого не только можно возратить ссуду с процентами за нее, но также и получить прибыль для самого хозяйства.

Несколько примеров пояснят нам эту мысль.

Предположим, что у крестьянина нет семян овса и нет денег их купить. Он берет ссуду в 20 рублей, покупает на эти деньги 40 пудов овса и высевает его. Осенью он получает урожай в 180 пудов, продав который, он выручает 90 руб., из которых легко уплачивает 20 рублей в возврат ссуды и 2 рубля процентов, получая 68 рублей в оплату своего труда, и других издержек. В данном случае ссуда вполне обеспечивалась ожидавшимся урожаем и легко была покрыта его реализацией.

Возьмем другой пример. В год очень большого урожая трав у крестьянина вместо 400 пудов сена было собрано 600. Для содержания двух голов скота ему достаточно 400 пудов, продать же излишние 200 пудов невыгодно, т.к. благодаря большому урожаю цены на сено упали до 15 копеек за пуд и не окупают уборки. Крестьянин берет 100 рублей в ссуду и покупает на эти деньги вторую корову с осенним отелом. В течение зимы корова съедает 200 пудов сена и дает ему 80 ведер молока, передав которое в маслодельную артель, он получает по 120 копеек за ведро всего на сумму 96 рублей. Весной он продает корову за те же 100 рублей, из выручки уплачивает 10 рублей процентов и получает 86 рублей в оплату корма и своего труда. Если бы он продал осенью сено по 15 копеек, то получил бы за сено всего 30 рублей. Взявши же ссуду и с умом пустив ее в оборот, он не только легко покрывает ее, но и увеличивает свои доходы на 56 рублей.

В этом примере ссуда обеспечена прежде всего помещением взятых денег в ценность приобретенной коровы, продажа которой всегда покрывает ссуду, уплата же процентов по ссуде обоснована вполне правильным расчетом на разницу между дешевой ценою сена и более дорогой оплатой корма при кооперативном маслоделии.

Несмотря на некоторое различие, оба примера очень похожи друг на друга. Берем третий, несколько отличный от первых. Крестьянин осенью нуждается в деньгах для продовольствия своей семьи и имеет возможность продать 100 пудов овса по низким осенним ценам, по 50 копеек за пуд, всего, стало быть, за 50 рублей. Эта выручка ему кажется малой. Он привозит свой овес в склад кооператива, закладывает его и берет 45 рублей ссуды, которую употребляет на содержание своей семьи в течение зимы. Весной цена овса поднимается до 70 копеек за пуд и, продав заложенный овес в мае, наш крестьянин выручает 70 рублей, из которых уплачивает 45 рублей ссуды, 4 рубля процентов и извлекает 11 рублей барыша из этой операции. На первый взгляд, ссуда чисто потребительская, на самом же деле она обоснована на правильном хозяйственном расчете использования сезонной разницы цен и в то же время весьма прочно обеспечена заложенными 100 пудами овса.

Во всех рассмотренных нами трех случаях хозяйственный оборот, на который испрашивалась ссуда, начинался и оканчивался в течение 6 – 8 месяцев, естественно, что и сама ссуда бралась на этот же срок, и сам кредит мог носить наименование краткосрочного кредита.

Несколько иной характер имеет кредит, когда он дается на хозяйственный оборот, продолжающийся несколько лет. Положим, нашему крестьянину необходимо осушить свой луг, совсем закисший и дающий с 3 десятин всего только 120 пудов сена. Работы по прорытию канав, закладке фашинного дренажа, срытию кочек, перепашке и засеву

луга смесью трав, помимо своей собственной работы, должны обойтись 210 рублей, т.е. по 70 рублей с десятины. В результате же этих работ луг вместо 120 пудов на три десятины дает 330 пудов, т.е. на 210 пудов больше, или, считая по 40 копеек пуд, на 84 рубля больше, чем до мелиорации. Считая, что с поднятием урожая расходы по уборке с десятины возросли на 9 рублей, мы можем принять повышение дохода луга от мелиорации в 75 рублей. Очевидно, что несмотря на полную выгодность мелиорации, ссуду в 210 рублей, взятую на ее производство, немислимо покрыть из доходов луга. В течение одного года и нужно рассрочить выплату, по крайней мере, на четыре года, сообразно чему и ссуда должна сразу браться на четыре или пять лет и причисляться таким образом к долгосрочным ссудам. Расчет же мелиорации доказывает нам, что ссуда вполне обеспечена повышением дохода луга.

Из приведенных примеров совершенно ясна, с одной стороны, та польза, которую может получить крестьянское хозяйство от правильного и разумного пользования производительным кредитом, а с другой – те основания кредитоспособности крестьянского хозяйства, которые лежат в основе мелкого производственного кредита, построенного согласно принципам Райфайзена.

Недаром в странах, где развит кооперативный кредит, помещение денег в райфайзеновские товарищества почитается самым верным из всех возможных помещений!

Установив, таким образом, экономическую сущность кооперативного кредита, мы можем теперь перейти к выяснению его технической организации.

Порядок кредитования в с.-х. товариществах, ведущих кредитные операции, обычно бывает следующий: каждый член товарищества, желающий пользоваться кредитом, дает правлению кооператива сведения о себе самом и о своем хозяйстве, количестве в нем построек, инвентаря, скота и о размере запашки. Сообщение должно проверяться и на основании его, а также и оценки личных качеств крестьянина, его трудоспособности, предприимчивости и добросовестности, ему открывают кредит, т. е. делают определение, до какого размера можно без риска для товарищества давать указанному товарищу деньги в ссуду.

<...>

Если кредит члену кооператива открыт, то он, в случае нужды в деньгах, может испрашивать у правления ссуду, указывая в своем заявлении назначение ссуды, ее размер и срок погашения. Назначение должно быть производственное и безубыточное, размер сообразно назначению, но по возможности не выше открытого члену кредита, срок не свыше 6 месяцев. На более долгие сроки ссуда выдается только в том случае, если товарищество имеет особые капиталы для долгосрочного кредита и в особом порядке.

Если в товариществе есть наличные деньги и просьба является обоснованной хозяйственно, — ссуда выдается в размере просимой суммы полностью или частью, причем при выдаче ссуды, из нее вперед вычитаются проценты за объявленный в заявлении срок.

Если, положим, крестьянин получает в ссуду 100 рублей на 6 месяцев из 12% годовых, то ему на руки выдают всего только 94 рубля, записав его долг в размере 100 рублей.

Ссуды выдаются под такого вида обеспечения:

- 1) под личное доверие к члену, берущему ссуду;
- 2) под поручительство за него какого-нибудь другого члена;
- 3) под залог продукта или скота.

Под личное доверие кредитуют на сравнительно небольшие суммы, указываемые при открытии кредита.

В случае, если просимая ссуда превышает эту сумму, она выдается только в том случае, если за ее возврат дал свое поручительство какой-либо другой член товарищества.

При таком поручительстве, в случае неплатежа, деньги взыскиваются прежде всего с должника, а если он не в состоянии заплатить, то и с поручителя. Необходимо отметить, что при открытии кредита члену товарищества определяют не только высшие

размеры ссуд, которые ему можно выдать под личное доверие и при наличии поручительства, но также и ту сумму, в которой данный член может давать свое поручительство за других.

При испрашивании ссуды под залог выдаваемая сумма соответствует ценности залога и составляет обычно не более $\frac{3}{4}$ или $\frac{2}{2}$ ее. В залог могут приниматься или продукты сельского хозяйства — хлеб, лен, кожи и пр., или же скот берущего ссуду.

В первом случае отдаваемые в залог продукты обычно передаются на хранение товариществу, которое очень часто организует их совместный сбыт, в случае же, если в залог дается скот, он оставляется в стойлах владельца, но на него «накладывается запрещение», т. е. владелец лишается юридического права его продать, подарить или увести куда-либо без особого на то разрешения кредитующего его кооператива.

Сама ссуда может выдаваться как деньгами, так равно и натурой в виде ордера на сельскохозяйственный склад товарищества. Выдача с.-х. машин, удобрений, семян и прочего по ордеру в данном случае не будет нарушением рочдэльского принципа торговли только за наличные, т. к. из кредитного отделения товарищества соответствующая сумма сейчас же будет переведена на счет склада, что и составит собою наличный расчет. В данном случае мы имеем просто объединение воедино двух видов операций — закупочной и кредитной.

Поскольку ссуда дана и заемщиком выдана товариществу долговая расписка, правление товарищества имеет право проверить, действительно ли выданные деньги пошли по тому назначению, на которое испрашивались, и, в случае обмана со стороны члена, оно может потребовать немедленного возвращения ссуды и исключить недобросовестного заемщика из числа членов товарищества.

В том случае, если хозяйственный оборот, на который взята ссуда, не окончен к моменту назначенной уплаты или, если расчеты хозяина, взявшего ссуду, не вполне оправдались, он может просить правление товарищества об отсрочке платежа, которая, при внимательном рассмотрении обстоятельств и обоснованности просьбы, может быть допущена обычно на срок, не свыше шести месяцев.

В том же случае, если заемщик просрочит с уплатой ссуды на несколько дней, не предупредив о том правление, — на него накладывается особая пеня за каждый просроченный день.

Такова техника кредитной операции при кооперативном кредите.

Откуда же товарищество берет средства для выдачи своим членам ссуд?

Средства товарищества слагаются из:

- 1) основного капитала товарищества;
- 2) запасного капитала товарищества;
- 3) специальных капиталов, в частности, капитала долгосрочного кредита;
- 4) займов, делаемых товариществом на разные сроки;
- 5) вкладов населения, передаваемых товариществу на разных условиях;
- 6) денег, хранящихся в товариществе на разные сроки.

Рассмотрим каждый из этих источников в отдельности.

Основной капитал иногда может состояться из паевых взносов членов товарищества, но согласно принципам Райфайзена, он обычно берется в долг в виде долгосрочной ссуды, которая постепенно покрывается ежегодными отчислениями из прибылей товарищества.

При таком способе образования основного капитала он через ряд лет работы товарищества вырастает, как общественный капитал, накопленный в процессе самой работы товарищества.

В СССР в настоящее время еще не определен окончательно порядок образования основных капиталов для организаций мелкого кредита, однако вероятнее всего обязанность финансировать с.-х. товарищества в их основные капиталы сможет взять на себя Центральный Сельскохозяйственный Банк СССР, опирающийся в своей работе на местные общества сельскохозяйственного кредита и местные кооперативные союзы.

Сельскохозяйственный банк, как центр всего сельскохозяйственного кредита, вообще значительную часть своей работы должен уделять кредитованию крестьянских хозяйств через их кооперативы во всех видах кредита, — кредитование местных товариществ в их основные капиталы должно занять в его деятельности главное место, ввиду простоты этой работы, с одной стороны, а с другой так же и потому, что только этому банку, опирающемуся на крупные и долгосрочные государственные средства, под силу выполнить эту задачу в массовых формах. По всем вероятностям на дело финансирования кооперативного кредита будут направлены частью средства государственных сберегательных касс и некоторые страховые капиталы. Запасный капитал образуется товариществом постепенно при развертывании работы путем отчисления из прибылей и служит обеспечением по всем обязательствам товарищества и источником покрытия возможных случайных убытков.

Специальные капиталы, создаваемые для разных особых назначений, образуются или путем специальных займов или отчислений, сборов и даже пожертвований и, находясь на счетах товарищества, временно могут быть использованы и в кредитных целях. Прямое же кредитное назначение может иметь специальный капитал долгосрочного кредита, составление которого исключительно важно ввиду очень острой нужды нашей деревни в долгосрочном кредите.

Займы делаются товариществом в случае недостатка средств из других источников: обычно на короткие сроки у других кооперативных организаций, местных банков и даже частных лиц, и при правильной постановке работ не должны играть в составе средств товарищества большой роли, как наиболее невыгодная и дорогая форма получения денег.

Главнейший источник средств для кооперативного кредита должно товариществу дать само население в форме передачи своих свободных средств на вклады, делаемые в товарищество как его членами, так равно и всяким желающим местным жителем.

При вполне развившемся и завоевавшем общее доверие кооперативном движении и при сколько-нибудь заметном благосостоянии населения приток вкладов в кооперативные товарищества бывает обычно настолько велик, что вполне обеспечивает собою кредитную работу товарищества.

Население, убедившись в прочности и сложности кооперативных организаций, передает им обычно под весьма невысокий процент те свои сбережения «про черный день», которые ранее оно хранило в кубышках, чулках и сундуках. Затем оно помещает во вклады те свои свободные деньги, которые не могут почему-либо найти более выгодного помещения и, наконец, временно помещает в них свои оборотные капиталы, когда они, в зависимости от мертвого сезона, оказываются на несколько месяцев не связанными производством.

Вклады бывают срочные и без указания срока, до востребования. Если вкладчик помещает свой вклад без указания срока, то обычно он обязуется, в случае желанья взять его назад, предупредить правление товарищества за несколько дней и, в случае крупного размера вклада, и за несколько недель, дабы внезапное изъятие крупной суммы не расстроило бы дел товарищества.

Сумма вкладов, сделанных вкладчиком в товарищество, сохраняется в тайне, на них может быть обращено взыскание или запрещение только по постановлению судебной власти.

Высота платимого товариществом процента по срочным вкладам не может быть изменена до наступления срока вклада. По вкладам же до востребования размер процента может быть изменен во всякое время постановлением правления товарищества.

Таковы источники средств в кредитной работе товарищества.

Заканчивая наше описание кооперативного кредита, мы должны остановиться на весьма важных обстоятельствах кредитной работы.

1. Описывая ссудную деятельность товарищества, мы ничего не говорили о том, каким образом устанавливается высота процента, взимаемого товариществом по ссудам. Мы этого и не могли сделать, не рассмотрев первоначально источников средств

товарищества. Теперь же мы можем указать, что высота процента по ссудам всецело определяется той высотой процента, по которой товарищество может получить средства в заем или на вклады. Получив средства на вклады, положим, по 8% годовых, товарищество набрасывает на этот процент еще 2 или 3%, идущие на содержание аппарата и на создание прибылей, и выдает ссуды под 10% или 11% годовых.

Разница между ссудным и вкладным, процентом называется «напряжением процента» и в хорошо поставленном товариществе должна быть возможно мала. Прибыли же и средства на (содержание аппарата должны преумножаться не высотой «напряжения процента», а увеличением кредитного оборота.

2. Выдавая ссуды, всегда приходится сообразоваться не только с тем, сколько в наличности имеется денег, но также и с тем, на какие сроки они даны товариществу. Деньги, данные на вклад сроком на 4 месяца, никак нельзя выдать в ссуду на 7 месяцев, ибо, когда придет время возвращать вклад, не будет никакой возможности получить этих денег с должника. Говоря короче, сроки выданных ссуд всегда должны быть более или менее согласованы со сроками вкладов и полученных займов, т. к. всякая несогласованность в этом деле может поставить товарищество в исключительно тяжелое положение.

3. Очень большого внимания заслуживает вопрос о распределении прибылей, полученных от кредитных операций. Так как кредитные товарищества не имеют никаких паев, то естественно, что члены товарищества ничего из прибыли на паи получить не могут. Точно так же прибыли не выдаются членам на кредитный рубль или на вкладной рубль, как это мы видим в других кооперативах. Все прибыли кооперативного кредита обычно обращаются в общественные капиталы. До войны обычно в кредитных товариществах 40% прибылей отчислялось в основной капитал, 20% прибылей в запасный и остальные 40% на разные сельскохозяйственные и общекультурные нужды местного населения, а в том числе иногда и на образование специальных капиталов.

Такова в кратких чертах работа кооперативного кредита.

Если вдуматься в эту работу более глубоко, то можно легко усмотреть, что значение кооперативного кредита несоизмеримо выше, чем помощь отдельным хозяйствам в их работе. По мере развития и упрочения кредитной кооперации, она неизбежно впитает в себя в качестве вкладов все свободные деньги деревни, дополняя их государственными средствами и капиталами, получаемыми от банков, она сделает кредит дешевым и доступным каждому крестьянину, введет его в обычный обиход. В сельском хозяйстве так же, как теперь в промышленности, большая часть обращающегося капитала будет занята и притом занята у кооперации. На эти же занятые кооперативные капиталы будут построены и организованы маслодельные и картофелетерочные заводы, племенные, машинные и зерноочистительные пункты, мельницы и другие кооперативные сооружения, на эти же занятые кооперативные капиталы будут происходить все операции по сбыту, закупке и переработке. Говоря иначе, при широком размахе всех перечисленных операций перед нами раскрывается картина постепенного кооперативного обобществления всех капиталов, обращающихся в земледелии и на рынке сельскохозяйственных продуктов.

Современный нам капитализм принято называть финансовым капитализмом потому, что главным хозяином при нем, главной организующей и руководящей силой является банковский капитал, финансирующий, т. е. дающий средства для всех оборотов промышленности и торговли.

При развитии кооперативного кредита и мощном притоке при его содействии средств в крестьянское хозяйство, финансовый капитал получит в деревне руководящую и все определяющую роль. Только в данном случае этот капитал будет не капиталом банкиров, а капиталом общественным, капиталом кооперативным и государственным.

Изложенные соображения придают совершенно иной оттенок скромной работе наших кооперативных товариществ, делают ее, несмотря на ее будничность, крупнейшей работой по созданию нового социально-экономического строя и тем прида-

ют всей системе сельскохозяйственного кредита от местного сельскохозяйственного товарищества и их союзов до сельскохозяйственного банка СССР совершенно исключительное значение в деле социалистического строительства нашей страны.

Заключение

Главнейшие начала, положенные кооперативными работниками в основу кооперации, нами изложены. Описали мы также и те способы и кооперативные предприятия, которыми крестьяне могут добыть себе лучшее будущее. Каждый, смотря на живую деревенскую жизнь и зная великие принципы кооперации, легко увидит, где и как кооперация может прийти на помощь крестьянину.

В сельской жизни найдется множество случаев, где она окажется верной помощницей трудящемуся человеку. На тех же основаниях, на которых устроены маслодельные товарищества, может быть налажена переработка любого земледельческого продукта – сушка овощей, консервное производство, картофельно-терочный завод и даже производство сахара. На тех же кооперативных основах, как и бычий союз, можем завести мы машинное товарищество для совместного пользования машиной.

Великие кооперативные начала могут многому помочь и в кустарных промыслах, и в земельных делах, и в улучшении почвы. Словом, почти все стороны жизни можно обслуживать кооперативно.

Когда шестнадцать лет тому назад, в 1908 г., русские кооператоры впервые собрались на всероссийский кооперативный съезд, наше русское кооперативное движение робко начинало свои первые шаги, скромно учась у своих заграничных товарищей — кооператоров Англии, Франции и Германии.

Теперь, по размаху своей работы, русская кооперация первая в мире. Десятки тысяч кооперативов выросли во всех уголках Советского Союза, объединили в себе миллионы членов крестьян, рабочих и горожан; многие сотни союзов связали кооперативы в одно целое и придали ему исключительную мощь.

На 1 января 1924 г. сельскохозяйственная кооперация РСФСР насчитывала 12000 сельскохозяйственных и кредитных товариществ, 1500 маслодельных артелей, 500 других видов сельскохозяйственных кооперативов и около 11000 сельскохозяйственных коммун, а, следовательно, всего около 25000 кооперативов всех видов.

Вся эта сеть кооперативов включила в свой состав членами около полутора миллионов крестьянских хозяйств по преимуществу средних и бедных слоев деревни.

К общей массе крестьянских хозяйств – число хозяйств, уже вошедших в кооперативное движение, составляет еще незначительное количество, всего около 12%. Однако в целом ряде мест успехи кооперативного движения значительно выше, и мы имели такие места, как, например, Кимрский район Тверской губернии, или картофельный Шунгинский район Костромской губернии, где в кооперацию входит подавляющее количество местного населения.

Тысячи разбросанных кооперативов соединяются для проведения крупных торговых операций и технического руководства в местные уездные или районные союзы, которых насчитывается более 300.

Эти союзы, в свою очередь, для некоторых операций, особенно если они сами удалены от центра, образуют губернские или даже областные союзы.

<...>

Такова довольно сложная схема современного положения и строительства сельскохозяйственной кооперации, являющейся не более как формой хозяйственной организации полутора миллионов крестьянских хозяйств, составляющих его основу.

Все это представляет собою диковинную небывалую экономическую мощь и дает светлое будущее русскому крестьянину, если только сам крестьянин не променяет созданной им самой кооперации, как Иаков свое первенство, на чечевичную похлебку — услужливого лавочника и прасола.

В твоих собственных руках лежит твоё будущее, русский крестьянин! Для тебя к светлому счастью трудовой жизни нет иного пути, кроме пути кооперативного. Знай, что этот путь – единственный путь! Сбиться с него – значит погибнуть.

<...>

Мы видим теперь, что это новое земледелие, новые усовершенствованные машины, племенной скот, улучшенные семена, дешёвый кредит и выгодная продажа доступны трудящемуся крестьянину только тогда, когда он объединится с другими крестьянами.

Только опираясь на союзное, кооперативное, начало обобществленного хозяйства, крестьянство может на своих полях и в стойлах использовать все завоевания агрономической науки, и на том месте, где растёт теперь один колос, действительно, вырастет два, может сбросить со своих плеч бремя ростовщиков и скупщиков и твердыми шагами пойти в лучшее будущее.

Это лучшее будущее рисуется нам как полное кооперирование нашего земледелия. Уже наметившиеся в наши дни кооперативы, несомненно, будут развиваться дальше и дальше, захватывая и организуя в высших формах, общественного кооперативного производства новые и новые отрасли сельского хозяйства. Постепенно эти кооперативные начинания из вспомогательных предприятий настолько мощно разовьются, что превратятся в главную форму организации сельскохозяйственного производства, введя начало крупного производства и механизации всюду, где они могут выявить свои преимущества.

Тогда перед нами вырастает новая невиданная доселе форма земледелия, построенная на принципе обобществления, совершенной техники и научной организации производства. Это будущее заставляет нас видеть в нашей работе, там, где поверхностные наблюдатели видят только продажу масла и покупку плуга, будущий грандиозный социально-экономический переворот, превращающий распыленное стихийное крестьянское хозяйство в стройное хозяйственное целое, в новую систему организации земледелия.

<...>

Т. ШАНИН

КООПЕРАЦИЯ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

Энтузиазм по поводу коллективизации имел в своей основе три причины. Во-первых, народное хозяйство и крестьянские массы, составлявшие большинство населения стран Восточной Европы, вне всякого сомнения, оказались перед необходимостью быстрого наращивания сельскохозяйственного производства и производительности труда. Указанная необходимость подкреплялась идеей «модернизации» и опытом той политической работы, которую европейские социалисты вели в основном в городах. А отсюда следовал вывод: индустриализация сельского хозяйства – это тот магистральный путь развития сельских районов Восточной Европы, который позволит вывести их из плачевного экономического состояния, поднять производительность труда и уровень доходов. В карикатурном виде эта идея была, по существу, воплощена в «агрофабриках», которые недолгое время существовали в СССР в 20-х годах. Теперь предстояло внедрить на селе тот триединый подход, который имел впечатляющий успех в промышленных центрах: крупные предприятия – значительные капиталовложения (в частности, в механизацию) – эффективное использование достижений научно-технического прогресса в производственном процессе.

Во-вторых, считалось, что коллективизация покончит с эксплуатацией крестьянских общин их более состоятельными членами. Тем самым будет завершено уравнивание, начатое ликвидацией огромных поместий и революционными переменами в землепользовании. Осуществление в сельском хозяйстве принципа «каждому – по труду»

приведет к исчезновению остатков капиталистических классов и ознаменует решающий шаг к бесклассовому, справедливому обществу.

В-третьих, подобное развитие событий будет соответствовать подлинным чаяниям основной массы крестьянства, а потому успех обеспечен. С одной стороны, крестьяне глубоко заинтересованы в увеличении объемов сельскохозяйственного производства, равно как и в построении более справедливого и прогрессивного общества, которое сулит коллективизация. С другой стороны, благодаря существованию сельских общин крестьяне уже приобрели опыт местной кооперации (несмотря на низкий уровень развития производительных сил, а, следовательно, простоту и традиционность их организационных форм). Вместо того чтобы сразу оказаться в заводских условиях, крестьянину предстоит промежуточный период. Сельская общность будет существовать и дальше, а тем временем преобразования в технологии и социальной сфере сведут на нет различия между социалистическим городом и коллективизированной деревней.

Между тем перед молодым поколением, а также перед людьми с новыми взглядами, овладевшими современными профессиями, откроется параллельно широкое поле деятельности на крупных сельскохозяйственных предприятиях нового типа. Коллективизация рассматривалась как разумное сочетание модернизации и социализма, эффективности производства и справедливости, быстрых преобразований и преемственности общественного развития, коммунистического партийного руководства и воли народа.

Однако реальные результаты коллективизации оказались разочаровывающими. Производительность труда в колхозах во много раз ниже, чем у западных фермеров, и этот разрыв отнюдь не становится меньше. «Приусадебные участки» – ничтожно малая часть сельхозугодий, которая дает поразительно большую долю общего объема производства сельскохозяйственной продукции Советского Союза. Во всем «социалистическом лагере» бегство крестьян из колхозов привело к принятию целого ряда ограничивающих законодательных актов. В деревнях полностью коллективизированной, промышленно развитой Чехословакии практически не осталось молодых людей, а колхозы превратились в очаги экономического застоя, для которых характерно падение производительности труда. В Югославии и Польше, где крестьянам вернули право выбора, 99% из них предпочли выйти из колхозов, «проголосовав ногами» против коллективизированного хозяйства. Почти каждый год в тех странах Восточной Европы, где была проведена коллективизация, наступают продовольственные кризисы, сопровождающиеся административными передвижками и кампаниями по наведению порядка в сельском хозяйстве.

Все это имеет серьезные последствия для народного хозяйства в целом. Зачастую просто чудовищная разница в темпах промышленного развития, с одной стороны, и производства продовольствия — с другой (притом, что в нем по-прежнему занята чуть ли не одна треть трудовых ресурсов СССР), нашла прекрасное отражение в гуляющей по Москве шутке про ребенка, который объясняет гостям: «Родителей нет дома. Отец улетел на Луну, а мама стоит в очереди за сахаром».

Объяснить эти достаточно хорошо известные факты не так уж просто. В конце концов, широкомасштабная специализация и механизация действительно позволили быстро увеличить промышленное производство, а совместный труд был провозглашен средством освобождения не только бюрократами. Сами инициаторы коллективизации объясняли подобные трудности (всегда «временные» и возникающие «вопреки общему прогрессу») чем угодно: от неискоренимого крестьянского консерватизма до прямого саботажа кулаков и агентов империализма. Отсюда и постоянное возвращение к мысли Каутского о том, что отсталость изначально присуща сельскому хозяйству и потому оно обречено плестись в хвосте промышленного прогресса. С другой стороны, приверженцы «свободной Европы» в этом усматривают доказательство естественной и неизменной склонности любого человеческого существа к рыночной демократии.

Было бы полезно и своевременно несколько демистифицировать риторику вокруг коллективизации. В самом деле, историками уже создано немало крупных работ о генезисе коллективизации. Сторонники коллективизации почти никогда не упоминали основной причины ее проведения в России в 1920 – 1936 гг. Однако эта причина была бле-

стяже вскрыта Преображенским еще в 1922 г. В своей книге «Новая экономика» он утверждал, что необходимой индустриализации должна предшествовать стадия «первоначального накопления капитала». В Англии этот процесс был связан с эксплуатацией колоний, созданием внешнеторговых монополий экспроприацией крестьянства путем огораживаний. Советская Россия не могла воспользоваться первыми двумя способами накопления. Следовательно, оставался только один путь: эксплуатация крестьянства как средство обеспечения экономического «взлета» вплоть до того, как накопление промышленного капитала в промышленности станет достаточным для дальнейшего развития. Коллективизация 1929 – 1933 гг. осуществляла именно эту задачу. То есть в рамках курса на индустриализацию у крестьян изымался прибавочный продукт, чему способствовал всеобъемлющий контроль над средствами производства. К тому же, как показано в работе М. Левина, в этих мерах было не так уж много спланированное и «рациональности», во многом они порождались кризисом снабжения продовольствием, который, в свою очередь, был следствием неадекватности и недостаточной квалификации работников органов управления. Кризис разрешался с помощью грубой силы, что влекло за собой уничтожение ресурсов в огромных количествах. Оправдание, «логическое обоснование» и восхваление происшедшего начались позднее.

Однако исторические корни коллективизации все еще сами по себе не проясняют ситуации в целом. Остается вопрос: почему укрупнение сельскохозяйственных предприятий, механизация и т. д. не привели к более быстрому (и более значительному, чем в Западной Европе) росту производства? Более того, почему в дальнейшем, по завершении стадии «первоначального накопления капитала» и в условиях промышленного подъема, положение дел — пусть с опозданием — так и не улучшилось?

Интересно, что Россия не только впервые явила миру «коллективизацию сельского хозяйства», но и выработала ряд основополагающих подходов, необходимых для ее критического осмысления. После всех идеологических примитивов этот анализ до сих пор позволяет оценить проблему более глубоко и свежим взглядом. Я имею в виду главным образом работу Чаянова и его соратников, их рассуждения о «вертикальной» и «горизонтальной» концентрации ресурсов, а также о кооперации как одном из возможных путей модернизации традиционных крестьянских обществ.

Эта школа черпала вдохновение в основном в коллективном опыте отечественных агрономов, специалистов по экономике и социологии села. Нужно отметить, что в тот период Россия шла впереди всех в мире в исследовании проблем деревни.

Программа, которую Чаянов назвал программой горизонтальной кооперации, предполагала объединение всех ресурсов деревни с целью укрупнения хозяйств. Расчет делался на лучшее использование фактора механизации производства, а, следовательно, на повышение производительности труда. Должны были получить развитие также уравнивательные тенденции, демократия, выраженная в том, что функции управления будут переданы общему собранию трудящихся. По существу, горизонтальная кооперация была сталинской моделью коллективизации.

Чаянов и его соратники подчеркнули необходимость учета специфических особенностей сельскохозяйственного производства и деревенского общества. Вот их основные позиции.

1. Максимальное увеличение размера хозяйств не сопровождается автоматическим ростом объема производства. Если концентрация земли, машин, рабочей силы превышает некий предел, это чревато серьезными трудностями с транспортировкой, разделением труда, эффективностью руководства и т.д. То есть дальнейшее укрупнение становится нецелесообразным. Следовательно, вопрос не в том, чтобы предприятие было как можно больше, а в том, чтобы его размер был оптимальным, и в сельском хозяйстве оптимальный размер будет намного меньше, чем в промышленности. И в довершение этот оптимум неодинаков, если речь идет, скажем, о выращивании зерновых и овощей: в последнем случае хозяйства, как правило, гораздо более мелкие.

2. Приверженность уравнивательным принципам, демонстрируемая передачей функций управления предприятием общему собранию производителей, будет с учетом

существующих условий означать, что в руках небольшой кучки бюрократов окажутся необычайно широкие административные полномочия. Недостаток образованных (да просто элементарно грамотных) людей, организационных навыков, опыта и квалификации — все это неизбежно повлечет за собой низкий уровень компетентности, подверженность коррупции; нижнее звено управления не выдержит напора гигантской бюрократической машины государства и вместо того, чтобы отстаивать местные интересы и чаяния, довольно быстро превратится в ее уполномоченного представителя. Так на смену типам эксплуатации традиционно патриархального уклада крестьянской жизни придет эксплуатация мелких бюрократов. На фоне падения компетентности и ослабления преданности руководства интересам своих коллективов произойдет новое разграничение привилегий их членов.

3. Горизонтально организованный кооператив расщепит типичные для традиционного крестьянского общества «вертикальные» линии социальной организации: власть, разделение труда и взаимная поддержка (взять хотя бы патриархальные отношения между соседями). Иными словами, подрывая привычные устои, такой кооператив не сулит взамен очевидных экономических выгод. Следовательно, внедрение горизонтальной кооперации будет неизбежно сопряжено с преодолением сопротивления крестьянских масс. Под угрозой будут поставлены основы заинтересованности крестьянина в результатах своего труда, что особенно опасно в сельском хозяйстве, где в целом невозможно применить те же методы количественного либо качественного контроля производства, как в промышленности. Это повлечет за собой ожесточенное столкновение между чужаками, полномочными представителями государства и местными крестьянскими вожаками. А в результате — уничтожение и без того скудных ресурсов, а также не менее ценных кадров организаторов и практиков земледелия.

4. В работе Чаянова косвенным образом поставлен еще один вопрос, который был окончательно сформулирован учеными следующего поколения. Советский «кооператив горизонтального типа» в любом случае не сулил крестьянину ничего хорошего: с одной стороны, тот утрачивал относительную свободу мелкого хозяина, а с другой — так и не получал восьмичасового рабочего дня, твердой зарплаты или пенсии по старости, то есть всего того, что предоставляется промышленным рабочим.

В этой связи ответом Чаянова и его единомышленников на необходимость перемен была разработка концепции «вертикальной кооперации», или, можно сказать, кооперативной коллективизации, причем в приемлемых для крестьянства формах. На их взгляд, типичная для промышленности концентрация капитала не дает сходных результатов в сельском хозяйстве. Стихийное развитие крестьянских хозяйств в условиях рыночной экономики ведет, скорее, к общественному разделению труда «по вертикали», то есть к специализации. Торговый капитал отстраняет мелких производителей от решения части производственных проблем (получение ссуд, сбыт готовой продукции и т. д.), ставя это дело на региональную или общенациональную основу. Отсюда — эксплуатация фермеров (Макаров, например, подчеркивал, что американские фермеры в 20-х годах лишались таким образом 65% дохода). В рамках программы вертикальной кооперации должна получить признание и поддержку общая тенденция к общественному разделению труда и специализации, но при этом новые виды услуг нужно передать в руки кооперативных организаций, которые станут руководствоваться исключительно интересами своих членов. Такие кооперативы будут способствовать подъему сельского хозяйства и в то же время не допустят эксплуатации крестьян как капиталистами, так и государственной бюрократией.

Кроме того, вертикальная кооперация призвана обеспечить гораздо более гибкое решение проблемы оптимизации размера хозяйств («теория дифференцированных оптимумов»). Различные отрасли сельскохозяйственного производства можно разделить на разные категории: те, где оптимально привлечение трудоспособного населения нескольких деревень (в другом случае — одной деревни), и такие отрасли, с развитием которых лучше всего справятся отдельные семейные хозяйства. Подобная кооперация, а именно комбинация крупных и мелких хозяйственных форм, гарантирует выход на оп-

тимальные уровни производства, что принесет максимальную пользу как ее членам, так и народному хозяйству в целом. Если события будут развиваться известным и приемлемым для крестьян образом, суля очевидные и прямые выгоды, то можно не сомневаться, что предложенные преобразования найдут поддержку в деревне.

Основные идеи чаяновского исследования представляются удивительно актуальными. По-видимому, коллективизированное сельское хозяйство восточноевропейских стран сталкивается в основном с трудностями структурного характера, как это и было предсказано с помощью аналитической модели, разработанной группой Чаянова. Теперь уже и самым твердолобым чиновникам в Восточной Европе приходится отдавать себе отчет, что сельское хозяйство стало главным из узких мест национальной экономики и что речь не идет о всего лишь временных трудностях, которые исчезнут сами по себе. В самом деле, ожесточенные споры о том, как улучшить положение дел, идут непрерывно и довольно открыто (по крайней мере, со времен Хрущева). В числе предлагаемых решений: крупные капиталовложения в сельское хозяйство, производство удобрений или «инфраструктуру» (дороги, складские помещения); более глубокое овладение секретами сельскохозяйственного производства и/или общей культурой; стимулирование заинтересованности земледельцев в результатах своего труда путем существенного повышения цен на сельскохозяйственную продукцию. Однако за пределами дискуссии, как правило, остается вопрос о социальном устройстве деревни как решающем факторе сельскохозяйственного производства. К тому же рекомендации экономистов (при всей их эффективности в том, что касается управления сталеплавильными заводами или цехами) на удивление мало учитывают специфические особенности сельского хозяйства в реально существующем обществе. И по сей день дальнейший прогресс советского сельского хозяйства зависит от способности перестроить систему земледелия с учетом всего своеобразия этой отрасли производства.

Г. ЛЫЧ

МАЦІ

Усякі раз, як толькі прыходзіць мне на памяць маці, бачу яе ў працы. То яна ўвіхаецца па хаце, падтрымліваючы ў ёй належны парадак і чысціню, мые альбо прасуе бялізну, гатуе абед ці вячэру, латае старую вопратку. То шчыруе на агародзе: капае рыдлёўкай зямлю, старанна барануе граблямі свежа ўскапаны ўчастак, штосьці сее, поле грады, акучвае бульбу, збірае вырашчаны ўраджай і г.д.

Усім гэтым яна займалася толькі ў вольны — ад асноўнай працы ў калгасе — час: уранку, да таго, як бегчы на калгаснае поле, сенажаць ці ферму, у кароткі абедзенны перапынак і позна ўвечары, аж пакуль канчаткова знясіленай не зваліцца нарэшце ў свой ложак. Калі маці была яшчэ маладая, мне здавалася, што яна ўвогуле ніколі не спіць. Як бы позна ні ўкладваўся спаць, маці заўсёды яшчэ працягвала сваю працу, якой не было бачна канца. Калі па якісьці прычынах сон не спяшаўся ісці да мяне, я вельмі доўга бачыў святло, якое пранікала праз шчыліну ў дзвярах з кухні ў спальню, і чуў яе няспынныя прыглушаныя рухі. Аж пакуль мае вочы не зліпаліся і я не правальваўся ў бездань. Раніцай жа, як толькі прачынаўся і выглядаў на кухню, зноў заставаў маці за працай. І так з дня ў дзень, на працягу многіх гадоў.

Застаўшыся ў 36 гадоў без гаспадара з пяццю малымі дзецьмі, маці была вымушана ўзяць на сябе ўсе клопаты аб нас, нават у чымсьці замяніць сабой нашага бацьку. Асабліва цяжка давялося маці ў вайну і ў першыя пасляваенныя гады, калі беларуская вёска пакутавала ад недахопу мужчынскіх рук. У той змрочны час можна было бачыць маці за плугам, з пілой і нават сякерай у руках.

Разам са сваімі старэйшымі дзецьмі яна, як магла, апрацоўвала свой зямельны надзел, які дастаўся нашай сям'і пасля роспуску калгаса нямецкімі акупацыйнымі

ўладамі. І, трэба думаць, маці нядрэнна спраўлялася з гэтай далёка не простаю для жанчыны задачай. Бо ў гады ваеннага ліхалецця наша сям'я не зведала голаду, заўсёды была з уласным хлебам. Нават тое-сёе было і да хлеба. І гэта, заўважу, нягледзячы на тое, што вынікамі сваёй сялянскай працы нам трэба было дзяліцца з партызанамі, якіх тады нямала дыслакавалася ў нашай лясной мясцовасці. Спазнаць голад нам давалося ў першыя пасляваенныя гады, калі аднавіліся калгасы, і дзяржава забірала ў іх амаль ці не ўвесь вырашчаны ўраджай, часта не пакідаючы нават насення. Так што вяскоўцам заставалася разлічваць толькі на свае прысядзібныя ўчасткі ды на дары лесу і Нёмана, на беразе якога раскінулася наша вёска Магільнае.

Не зведала наша сям'я ў тыя змрочныя гады і холаду. І зноў-такі дзякуючы маці, якая добра ўмела выконваць у лесе любую работу па нарыхтоўцы дроў, нават валіць дрэва з пня, з чым сёння можа справіцца не кожны мужчына. Праўда, мы са старэйшым братам Леанідам даволі хутка асвоілі гэту навуку і вызвалілі маці ад неабходнасці ездзіць у лес па дровы, добра разумеючы, што ў яе і без таго, як кажуць, работы па горла. Аднак маці з пілой не развіталася. Разам з вясковымі мужчынамі, якім пашчасціла застацца ў жывых, яна на працягу некалькіх гадоў нарыхтоўвала ў лесе дзелавую драўніну, спачатку для фронту, а потым для аднаўлення разбураных вайной гарадоў і вёсак, заводаў і фабрык. З лесу маці вярталася страшэнна зморанай. І гэта зразумела. Пасля такой цяжкай працы стома валіць з ног нават маладога здоровага мужчыну. Што ўжо тады казаць пра паўгалодную змардаваную саракагадовую жанчыну? Аднак, нягледзячы на сваю стомленасць, маці не давала сабе аніякага перадыху. З'явіўшыся дамоў, яна адразу ўпрагалася ў сваю прысядзібную работу, бо ведала: толькі ў такім разе яе дзеці будуць накормлены, адзеты і абуты.

Вось толькі ніводнага разу не давалося ўбачыць маці з касой у руках. Заўсёды, калі ўзнікала патрэба штосьці скасіць, яна ішла прасіць аб гэтым каго-небудзь з вясковых мужчын, дакляраючы таму, што абавязкова адробиць ягоную паслугу (інакшага спосабу заплаціць за работу чалавеку ў нас у тыя гады не было).

У калгасе, па словах аднавяскоўцаў, маці была ў ліку найбольш працавітых і добрасумленых работніц. Пакуль была маладой і здаровай, яна з дня ў дзень хадзіла на калгасную работу. Толькі, бывала, у нядзелю ці ў святочны дзень дазваляла сабе застацца дома. Ды і то зусім не для таго, каб адпачыць, а каб «падагнаць» хатнюю працу. Хоць мы, дзеці, як маглі, стараліся дапамагчы маці ў рабоце па дому і на прысядзібным участку, але яна заўсёды знаходзіла сабе занятак. Бо, як я цяпер добра разумею, у той час, каб выжыць, адной падняць на ногі пяцярых дзяцей, маці проста нічога іншага не заставалася, як толькі працаваць з апошніх сіл.

Маці выконвала ў калгасе самыя розныя работы: павесіўшы на плечы цяжкую, як падняць, сявеньку, сеяла збожжавыя, рассявала па палетках мінеральныя тукі і гербіцыды, у тым ліку «знакаміты» дуст, рыдлёўкай капала на балоце торф на ўгнаенне, а затым вывозіла яго на палі, стагавала сена і скірдавала салому. Словам — рабіла ўсё, што загадвалі. Абы зарабіць на хлеб якуюсьці капейчыну. І толькі калі з'явіліся машыны і падраслі маладыя хлопцы, маці, як і ўсе астатнія вясковыя жанчыны, была вызвалена нарэшце ад выканання цяжкіх і шкодных для яе здароўя работ.

Асабліва ўражвала мяне праца вясковых жанчын на жніве. Помніцца, амаль не разгінаючыся, з раніцы і да позняга вечара, толькі на некалькі хвілін прысеўшы, каб паабедаць, на працягу многіх тыдняў жалі яны сярпом жыта, ячмень, авёс і іншыя збожжавыя. Гэта ж колькі трэба было мець сіл, фізічных і маральных, каб так працаваць! Сёння маладым, якія прывыклі працаваць не больш за восем гадзін у дзень, такое нават цяжка ўявіць сабе. Але ж тым не менш яно было! І аб гэтым мы, іх нашчадкі, не павінны забыць ніколі.

І, што характэрна, я ніколі не чуў, каб якаясьці з жанчын каму-небудзь наракала на свой лёс ці выказвала нават самае малое незадавальненне надзвычай цяжкімі ўмовамі сваёй працы. Наадварот, часта мне даводзілася быць сведкам, як яны весела жартавалі, а ў час кароткага абедзенага перапынку, ці вяртаючыся дахаты, нават зацягвалі песню.

Пры гэтым падчас працы жанчыны ўважліва сачылі за тым, каб не адстаць ад другіх. Я неаднойчы чуў, як маці ціхенька гаварыла маёй старэйшай сястры Лідзе, якая, як толькі падрасла, часта прыходзіла да маці на калгасныя палеткі, каб разам з ёй больш зарабіць працадзён на жніве: «Давай, дачушка, паспяшаем. Бачыш, Параска нас абганяе».

У поўнай меры я змог спазнаць, наколькі цяжкай была гэтая праца, толькі пазней, калі самому давялося ўзяць у рукі серп і папрацаваць ім некалькі гадзін, а пасля адчуць, як балюча ные паясніца, а салёны пот засцілае і выядае вочы. Усяго толькі пасля некалькіх гадзін, думалася мне. А яны ж, жанчыны, жнуць з самай раніцы і да позняга вечара, аж пакуль не сцямнее, з дня ў дзень. Цэлы месяц, а то і болей. Як кажуць, без выхадных і прахадных. Толькі калі здарыцца дождж, дык адпачнуць з дзень ці з паўдня. А пасля яшчэ похапкам жнуць траву на сваім загоне, хуценька ўкладваюць яе ў посцілку, туга завязваюць яе канцы ў вузел, закідваюць гэтую «ношку» сабе на плечы і — адкуль толькі бяруцца сілы — нясуць дахаты, часам за некалькі кіламетраў.

За сваё дзіцячае жыццё я не раз са здзіўленнем наглядаў за гэтай дзіўнай, у нейкай меры жажлівай «працэсіяй». Звычайна жнеі са сваімі ношкамі за плячыма паяўляліся ў канцы нашай вуліцы ў промнях заходзячага сонца. Жанчыны ішлі размераным грузным крокам, нахіліўшыся станам крыху наперад, каб ураўнаважыць цяжкія посцілкі, што пры кожным кроку пагойдваліся на іх згорбленых спінах. Як правіла, яны ішлі моўчкі, з прыглушаным шумам выдыхаючы паветра. Свабодна дыхаць і гаварыць перашкаджаў цвёрды вузел, які ўпіраўся ў горла. Каб хоць крыху прадухіліць боль і было лягчэй дыхаць, жанчыны падкладвалі пад вузел вольную руку, адводзячы яго ад горла.

Па меры таго, як гэта незвычайная «працэсія» набліжалася да нашай хаты, яе шэрагі няўхільна радзелі: жанчыны адна за адной знікалі ў сваіх дварах, спяшаючыся як мага хутчэй вызваліцца ад цяжкай ношы і выпраміць знясіленыя плечы. Як толькі маці заходзіла ў двор, я імгненна падлятаў да яе, каб дапамагчы зняць са спіны посцілку, і кожны раз здзіўляўся: як гэта яна, здаецца, такая слабая, схуднелая, здолела прынесці з гэткай далечыні такі неймаверна цяжкі груз! Тым не менш — прынесла! І нават радавалася гэтаму, бо, пэўна ж, ведала: толькі такім чынам і можна нарыхтаваць карове на зіму кармоў, а значыць, дзеткі не застануцца без малака.

Даволі хутка, — можна сказаць, з самага маленства — да гэтай гаспадарчай справы сталі пакрысе далучацца і мы з малодшым братам Анатолям. Амаль кожны летні дзень ішлі мы з ім на балота, што знаходзілася недалёка ад нашай вёскі, і там, як умелі, касілі траву, укладвалі яе на каляску і везлі дамоў. Прама на двары, на платах, а то і на стрэхах сушылі прывезеную зялёную траву, а праз колькі дзён высушанае сена ўкладвалі ў гумно.

Давялося папрацаваць маці і на жывёлагадоўчай ферме. Помніцца, год ці два яна даглядала авечак. Работа гэта таксама была не з лёгкіх. Коней у калгасе не хапала і зімой трэба было самім на санках падвозіць з калгаснага двара на ферму кармы, а з Нёмана — ваду. Добра што хоць і калгасны двор, і Нёман былі недалёка ад хлява, дзе ўтрымліваліся авечкі. Справіцца з усімі гэтымі работамі маці змагла толькі дзякуючы нашай актыўнай дапамозе.

Работу на авечкагадоўчай ферме маці вымушана была пакінуць у сувязі з тым, што ў яе раптам пачала моцна балець далонь правай рукі. Боль быў такі нясцерпны, што маці не знаходзіла сабе месца. Працаваць жа яна зусім не магла. Вясковыя ўрачы разгубіліся і нават не ведалі, што рабіць. Давялося ехаць у раённую бальніцу, дзе неўзабаве маці зрабілі аперацыю. Аднак яшчэ даволі доўга яна не магла працаваць правай рукой.

Вярнуўшыся пасля аперацыі дамоў, маці расказала, што ўрачы былі вельмі здзіўлены, убачыўшы, якая тоўстая скура на яе далонях. Яны нават прапанавалі ёй узяць з сабой кавалачак зрэзанай з далоні скуры і паказаць яго сваім дзецям, каб яны лепей зразумелі, як многа і цяжка даводзіцца іх маці працаваць. Аднак маці адмовілася, сказаўшы, што яе дзеці і так усё добра разумеюць і, як могуць, дапамагаюць ёй ва ўсім.

Толькі ва ўзросце каля шасцідзесяці гадоў, калі сілы сталі пакідаць маці, а мы, яе дзеці, разляцеліся па розных гарадах, яна пачала дазваляць сабе тады-сяды не ісці ў калгас на працу. Напачатку не столькі, каб адпачыць, колькі, каб зрабіць штосьці неадкладнае па дому. Бо спраўляцца з хатняй работай для яе станавілася усё цяжэй і цяжэй. І не толькі таму, што пакідалі сілы, але і таму, што ўсё менш і менш заставалася ў доме памочнікаў. З цягам часу маці ўвогуле засталася адна. Канешне, мы яе ніколі не пакідалі сам-насам з цяжкімі клопатамі па дому. Кожны год ездзілі дапамагаць садзіць і капаць на агародзе бульбу, нарыхтоўваць дровы і кармы для каровы. І чым больш слабай станавілася маці, тым часцей і на больш працяглы тэрмін ездзілі мы да яе.

Аднак, якой бы нямоглай ні была маці, яна ніколі не цуралася працы. Нават, калі, здавалася, што ў яе ўжо ні на што не ставала сіл. На ўсе нашы прапановы адпачыць маці заўсёды нам адказвала: «Пакуль працую — я жыву, а як перастану працаваць, дык навошта тады мне жыць». У гэтых простых матчыных словах уся філасофія жыцця вясковай жанчыны. Яна ніяк не можа ўявіць сабе, што можна нічога не рабіць, а толькі адпачываць і чакаць, пакуль хтосьці іншы зробіць за цябе работу.

Мне ўспамінаецца такі выпадак. Неяк познім летам я спецыяльна ўзяў чарговы адпачынак, каб паехаць у вёску і там зрабіць бягучы рамонт матчынай хаты, а заадно выкапаць бульбу. Маці было ўжо за восемдзесят, і яна ледзьве кльпала па хаце і агародзе. Пафарбаваўшы столь, вокны і падлогу, выканаўшы іншыя рамонтныя работы, я вырашыў з'ездзіць ва Узду, каб папоўніць нашы харчовыя запасы. У вясковым магазіне, як заўсёды, на прылаўках было амаль што пуста. Нічога, апрача малака, нельга было купіць і ў аднавяскоўцаў.

Калі вярнуўся дамоў, маці застаў у агародзе. Яна сядзела пад яблыняй, падаслаўшы пад сябе посцілку. Як толькі ўбачыла мяне, адразу ж усміхнулася і задаволеным позіркам паказала на некалькі выкапаных ёю баразён.

Разам з тым па ўсім было бачна: маці вельмі стамілася. Яшчэ больш прыкметна гэта стала, калі яна пачала падымацца з долу. Я кінуўся дапамагчы ёй, і нават узяў маці пад пахі, каб паставіць яе на ногі. Аднак маці рэзка запырэчыла маім шчырым памкненням, сказаўшы, што сваёй дапамогай я толькі прычыняю ёй боль. Яна павярнулася тварам уніз, абапіраючыся абедзвюма рукамі аб зямлю, а затым павольна выпрасталася, цяжка ўздыхнула, і мы пайшлі ў хату. Маці заспяшалася хутчэй пакарміць мяне, свайго сыночка, які, канешне ж, вельмі прагаладаўся ў няблізкай дарозе.

Маці расставіла на сталае міскі, выцягнула з печы чыгунок і пачала разліваць з яго па місках духмяную капусту (аказалася, што яна таксама яшчэ не абедала, бо ёй вельмі хацелася дачакацца мяне, каб паабедаць разам са мной). Я ж выняў з шуфляды стала лыжкі, відэльцы, нож і стаў наразаць лустамі хлеб, увесь час назіраючы за маці. З болем у сэрцы я зазначаў, з якой цяжасцю даюцца ёй самыя звычайныя рухі, як дрыжаць яе рукі. А ў самога ніяк не праходзіла балючае адчуванне ад кастлявага цела маці. Здавалася, у ім зусім няма ні мяса, ні тлушчу. Толькі адны косці ды скура. «Маці і раней ніколі не была поўнай. Але такой худой, як цяпер, здаецца, ніколі яна не была. Нават у самыя галодныя гады. А яна ж усе апошнія гады харчуетца лепш, чым калі б там ні было. Усё, чаго маці не можа купіць у мясцовым магазіне, мы рэгулярна прывозім ёй з Мінска, так што яна практычна ні ў чым сабе не адказвае. Выходзіць, — са скрухай думаў я, — жыццёвыя сілы маці няўмольна згасаюць, і ўжо ніякая ежа не можа выратаваць яе ні ад худзізны, ні ад хуткага трагічнага фіналу».

Гэтая смутная думка ўжо не першы раз халадзіла маю душу. Але апошнім часам, супраць маёй волі, яна часцей наведвала мяне: і калі заўважаў, як усё больш павольна ходзіць маці, амаль у дугу сагнуўшыся пад цяжарам пражытых гадоў, соўгаючы па зямлі нагамі, і калі чуў яе перарывістае з хрыпеннем дыханне падчас неспакойнага сну.

Балюча краналі мяне за сэрца і матчыны рукі. Пачарнелыя ад сажы і куродыму, ад чаго не можа пазбавіцца ні адна вясковая жанчына, карыстаючыся ў сваёй хатняй гаспадарцы рускай печчу, і ад зямлі, не адну тону якой давялося перавярнуць маці сваімі рукамі, працуючы на калгасным полі і ў сваім агародзе. Са скручанымі пальцамі і сінімі пражылкамі, якія выпукла праступалі з-пад скуры па ўсёй тыльнай частцы кісці рукі.

У апошнія гады на руках маці з'явіліся якіясьці гузакі. Мы не адзін раз настойліва раілі ёй звярнуцца да ўрача і, калі трэба будзе, то зрабіць аперацыю. Аднак маці катэгарычна адмаўлялася: «Не, дзеці, якія рукі мне Бог даў, з такімі і застануся». Напэўна, яна ўжо не хацела трываць аніякага болю толькі дзеля таго, как мець прыгажэйшыя рукі і прадоўжыць сваё жыццё.

Не была абдзелена маці і мужнасцю. Гэтая рыса яе характару выяўлялася на працягу ўсяго яе жыцця: і калі яна засталася без гаспадара сам-насам з пяццю дзецьмі, з якіх старэйшай дачцы Лідзе было пятнаццаць, а малодшаму сыну Анатолю — усяго толькі чатыры гады, і калі ў віхурныя ваенныя і галодныя пасляваенныя гады ратавала нас, сваіх дзяцей, ад голаду і холаду, і аднаго за адным выводзіла ў жыццё. Ніводнага з нас не пакінула пры сабе, каб аблегчыць сваю старасць. Кожнаму дала мажлівасць паспрабаваць самому знайсці для сябе шчасце там, дзе ён захоча. Не пабаялася нават застацца ў старасці адна ў сваёй хаце.

З асаблівай выразнасцю мужнасць маці праявілася ў вайну і ў першыя пасляваенныя гады, калі беларускім сялянам даводзілася асабліва цяжка. Неяк на пачатку вайны, калі ў нашых лясах яшчэ не было партызанаў і на Беларусі ва ўсю гаспадарылі нямецкія акупацыйныя ўлады, да нас у хату завіталі іх мясцовыя прадстаўнікі і пачалі выкручваць з хатніх дзвярэй медныя ручкі на патрэбы нямецкага вермахта. Як маці ні супраціўлялася, усе да апошняй медныя ручкі былі выкручаны і забраны старанымі памагатымі нямецкіх акупацыйных уладаў. Заадно яны прыхапілі з сабой і наш латунны самавар.

Як вядома, дзверы без ручак гэта ўжо і не дзверы. Знайсці замену забраным медным ручкам у той час фактычна не было ніякай мажлівасці, і маці рашуча адправілася за імі ва Узду да больш высокага акупацыйнага начальства. Я не ведаю, да якога канкрэтна начальніка маці звярталася са сваёй скаргай і што яму казалася, толькі дахаты яна вярнулася з нашымі дзвярнымі ручкамі, і яны па сённяшні дзень спраўна служаць жыхарам і наведвальнікам нашай роднай вясковай хаты.

Пасля яшчэ некалькі разоў маці ездзіла ва Узду, Негарэлае і іншыя бліжэйшыя нямецкія гарнізоны. Толькі па зусім іншай патрэбе: каб прадаць там на базары гусей, курэй, яйкі ці што-небудзь іншае са звычайных прадуктаў сялянскай працы і купіць запалкі, соль, газу, а таксама ўзяць лекі і перавязачныя матэрыялы, якія перадавалі для партызанаў мясцовыя падпольшчыкі. Адноўчы, вяртаючыся назад, ёй давалося везці ў сваім возе пад саломай нават самыя сапраўдныя вінтоўкі.

Не раз падчас сваіх паездак у нямецкія гарнізоны маці трапляла ў такі пераплёт, што толькі цудам заставалася жывой, непараненай і вольнай. То аказвалася на базары, калі там раптам распачыналася аблава, то па дарозе дадому нарываўся на нямецкі пост альбо засаду і калацілася, як асінавы ліст, калі немец штыком поркаў у салому і сена, што засцілалі воз. Неадноўчы давалося маці чуць свіст куль, якія несліся над яе галавой наўздагон, калі яна ратавалася ад нямецкай аблавы.

Гэтымі рызыкаўнымі справамі маці займалася, аж пакуль моцна не насварыўся на яе родны брат, наш дзядзька Валодзя, які партызаніў у бліжэйшых лясах і часта наведваўся да нас. «Падумай, Жэня, — даводзіў Валодзя, — што будзе з тваімі дзецьмі, калі немцы схопяць цябе. Немцы, як ты сама добра ведаеш, нікому не даруюць за сувязь з партызанамі». Маці з разуменнем паставілася да слоў брата. А тут яшчэ здарылася няшчасце з жонкай стрыечнага брата Косціка: яе схапілі немцы і бясплітасна закатавалі менавіта за тое, чым займалася і наша маці.

Пры жаданні можна было б нагадаць шмат канкрэтных выпадкаў з часоў вайны, якія яскрава сведчаць аб мужнасці маці. Раскажу толькі аб адным. Неяк летнім вечарам 1943 года немцы разам з паліцаямі так раптоўна напалі на нашу вёску, што ў людзей не было нават часу заскочыць у сваю хату, каб схопіць загадзя падрыхтаваную на такі выпадак торбачку з сухарамі. Кожны, дзе б ён ні знаходзіўся, адразу з перапуду імчаў у бліжэйшы лес, каб ужо адтуль употайкі прабірацца ў больш надзейныя аддаленыя мясціны, дзе можна было б хоць крыху перадрамаць у раней выкапанай зямлянцы, не

баючыся, што на цябе соннага нападзе галодны воўк, якіх няма ла развялося ў нашых лясах у гады вайны.

Дома з маці ў той вечар заставаўся толькі самы малодшы сын Анатоль. Як толькі ў вёсцы пачалася паніка, і людзі, ратуючыся ад немцаў, кінуліся бегчы ў лес, маці хуценька схавала торбу сухароў, якая ў нас заўсёды была на пагагове, і яшчэ тое-сёе з ежы, што аказалася пад рукой, пасадзіла сыночка сабе на карак і падбегам заспяшалася падалей ад бяды. Паколькі ў аддаленых лясах было не адно, а некалькі загадзя падрыхтаваных калектыўных сховішчаў, дык атрымалася так, што маці ў адным з іх сустрэлася толькі са старэйшай дачкой Лідай. Дзе апынуліся астатнія два сыны і дачка, было невядома. І вось маці, даручыўшы шаснаццацігадовай дачцэ пяцігадовага брата, рашуча падалася на пошукі сваіх астатніх дзяцей і не супакоілася, пакуль не сабрала іх усіх вакол сябе. А між тым было чутна, як па лясных дарогах раз-пораз раўлі нямецкія машыны, раздаваліся аўтаматныя чэргі і адзіночныя стрэлы. Здавалася б, у такіх умовах не да бегатні па лесе. Аднак маці ёсць маці: яна не магла сабе дазволіць спакойна сядзець у зямлянцы, ведаючы, што яе дзецям пагражае смяротная небяспека.

Не меншай мужнасці запатрабавалі ад маці і першыя пасляваенныя гады. Каб выратаваць сваіх дзяцей ад галоднай смерці, яна, як і многія іншыя вясковыя жанчыны, была вымушана за дзесяткі кіламетраў адпраўляцца за хлебам і бульбай у Заходнюю Беларусь, дзе савецка-партыйныя кіраўнікі яшчэ не паспелі аб'яднаць сялян у калгасы, дзякуючы чаму «заходнікі» не толькі не галадалі, але і нават мелі пэўны лішак прадуктаў харчавання, якія яны былі гатовыя прадаць, каб набыць патрэбную ім тканінуці якую-небудзь іншую каштоўную рэч. Тым больш што «ўсходнікі» асабліва не таргаваліся, прадавалі ўсё, што засталася ў іх з набытага ў перадавае гады, па самых нізкіх цэнах, абы толькі хутчэй купіць на атрыманыя грошы якога-небудзь збожжа ці бульбы і накарміць сябе і сваіх дзяцей. Атрымаць жа больш грошай за сваю рэч можна было толькі тады, калі панясеш яе прадаваць на як мага больш аддаленыя хутары Заходняй Беларусі.

І вось нашы вясковыя жанчыны, прыхапіўшы з сабой тое-сёе са сваіх пажыткаў, што магло там карыстацца попытам, па двое, па тое, а то і ў адзіночку, раз за разам адпраўляліся ў далёкую дарогу. Яны ішлі ад аднаго хутара да другога, гандлявалі, а нярэдка і проста жабравалі, спалі дзе папала, елі што перападзе і толькі пасля таго, як набіралася столькі прадуктаў, колькі можна было падняць і панесці, вярталіся дамоў. Гэтыя «вандроўкі» былі далёка не небяспечныя. Баяцца трэба было не толькі галодных ваўкоў, што цэлымі зграямі хадзілі па лясах, але і ўзброеных рабаўнікоў, якіх таксама няма было ў беларускіх лясах у першыя пасляваенныя гады. Можна было нарвацца і на злых сабак, якіх трымалі хутаране, каб засцерагчыся ад злодзеяў.

Наша маці шмат разоў хадзіла ў Заходнюю Беларусь за харчамі. Адночы з ёй ледзь не здарылася непараўная бяда. Чамусьці маці вярталася дамоў адна. Яна несла вельмі цяжкую ношу і за доўгую дарогу стамілася так, што ўжо зусім не магла ісці. Прысела пад дрэвам каля дарогі, каб перавесці дух, набрацца сілы і затым зноў крочыць далей. Аднак колькі ні сядзела, сілы не вярталіся. Відаць, маці не толькі стамілася, але і настолькі згаладалася, што зусім аслабела. Як потым расказвала нам маці, яна ўжо пачала траціць прытомнасць і развітвацца са сваімі дзеткамі, якім так і не змагла данесці выратавальную ежу, і з усім белым светам.

На наша шчасце, Бог тады не даў маці памерці. Трэба ж было так здарыцца, што ў той самы час па гэтай жа дарозе вяртаўся аднекуль дамоў адзін мужчына з нашай вёскі. Звалі яго Антоць. Да вайны ён сябраваў з маім бацькам, а затым, у вайну, зблізіўся з маміным родным братам Валодзем, з якім выпадкова аказаўся ў адным партызанскім атрадзе. Дарэчы, Антоць вельмі паважаў дзядзьку Валодзю за мужнасць і гатоўнасць да ўзаемавыручкі.

— Іду я, — распавядаў пасля Антоць, — і бачу: сядзіць пад сасной каля дарогі якаясьці жанчына, прыхіліўшыся клункам, які так і не зняла з плячэй, да ствала, нізка схіліла галаву да грудзей і не варушыцца. Прыпыніўся, гляджу моўчкі на яе колькі хвілін, а яна і галавы не падымае. Падышоў бліжэй, прыгледзеўся лепей і аж жахнуўся: дык гэта ж Жэня Паўручава (нашая вясковая мянушка). Пачаў яе зваць «Жэня! Жэня!», а яна як

маўчала, так і маўчыць, зусім не рэагуе на мае словы. Крануў асцярожна рукой яе галаву. Жэня паволі расплюшчыла вочы і паглядзела на мяне якімсьці невідучым позіркам. Стаў яе катурхаць, а яна і не варушыцца. Штосьці мармыча сабе праз цесна сцятыя вусны і не шавеліцца. Ледзь-ледзь удалося прывесці яе ў прытомнасць. Зняў з жэніных плячэй клунак, даў ёй крыху паесці са сваіх прыпасаў і дапамог падняцца. Пастаялі колькі хвілін, а затым узваліў яе клунак сабе на плечы, і мы паволі рушылі дамоў.

Так і крочылі яны да самай нашай вёскі: Антось цвёрда ступаў па дарозе, з напругай несучы, апроч свайго, і матчын пакунак, а маці ішла ўлегцы, з цяжкасцю перастаўляючы ногі. Потым не раз ён гаварыў аднавяскоўцам: «Ну і цяжкі ж пакунак несла Жэня. Я, здаровы мужчына, ледзьве данёс яго да Магільнае. Не магу ўявіць, як збіралася данесці яго дахаты гэтая знясіленая, згаладалая жанчына?»

Калі стаў дарослым, а затым сталым чалавекам і пачаў усё часцей і глыбей задумвацца над сэнсам чалавечага жыцця, я не раз задаваўся пытаннем: ну і што ж зарабіла мая маці за доўгія гады сваёй цяжкай напружанай працы? Які здабытак, аддаўшы ёй усе свае сілы, яна прынесла ў хату, пакінула сваім дзецям і ўнукам? Як і чым аддзячыла маці дзяржава за тое, што яна, рызыкуючы ўласным жыццём і лёсам сваіх дзяцей, дапамагала здабываць перамогу над ворагам, а затым, не шкадуючы сябе, мужа пераадольваючы неймаверныя пасляваенныя цяжкасці, адна, без мужа, выгадала пяцярых дзяцей, якія добрасумленна, кожны на сваім пасту, аддана служылі Айчыне? І кожны раз мае адказы на гэтыя пытанні былі вельмі сумныя.

Бо і сапраўды, чаму радавацца? Увесь час, пакуль мы, дзеці, падрасці і выбіваліся «у людзі», наша сям'я жыла ў асноўным на мізэрныя даходы ад удзелу ў грамадскай вытворчасці і ад уласнай падсобнай гаспадаркі і пастаянна ва ўсім трывала вялікую нястачу. Мы хранічна недаядалі і былі бясконца рады чэрствай скарынцы чорнага хлеба альбо некалькім бульбінам. Не раз даводзілася есці зацірку з «пышак» (сапсаваныя зімовымі маразамі клубні, якія выкопвалі вясной на мінулагоднім бульбянішчы) і зерня мінулагодняга алкалоіднага лубіна, лебяду, крапіву, лугавое шчаўе і т.п. Хадзілі ў шматразова залатаным адзенні, у дзіравых бацінках і лапцях. Чаго толькі ні прыдумвалі, каб засцерагчы ногі ад холаду! Увесну пачыналі хадзіць басанож, калі каля плоту і ў іншых зацэненых месцах яшчэ ляжаў снег, а надзявалі на ногі які-небудзь абутак, толькі калі зямля пакрывалася снегам.

У сваім побыце ў асноўным карысталіся рэчамі, якія калісьці змайстраваў бацька. Калі якая-небудзь з іх псавалася, як маглі, рамантавалі. Асабліва вялікія клопаты прыносіла захаванне ў належным парадку хаты, якая была пабудавана ў 20-я гады. Ужо напрыканцы вайны яе саламяная страхы ў многіх месцах прадзіравілася і таму, як толькі пачынаўся дождж, даводзілася хуценька лезці на гарышча і падстаўляць пад кожны струмень вады якую-небудзь пасудзіну. Аб тым, каб адрамантаваць страху, не магло быць аніякай гаворкі — не было грошай. Калі пасля вайны калгас распачаў будаўніцтва кароўнікаў і свінарнікаў, я часта хадзіў на месцы будоўлі і там падбіраў з зямлі забракаваную шчапу, нёс яе дамоў і спрабаваў хоць неяк залатаць ёю ў страсе хаты дзіркі. Вядома, гэтая мая работа не магла даць жаданага плёну, але пэўную палёжку ў выратаванні хаты ад патопу ўсё ж такі давала.

Вялікія праблемы складала для нас нарыхтоўка дроў. Каб купіць іх і прывезці дамоў, у нас тады ніколі не ставала грошай. Таму былі вымушаны на сабе вазіць іх з бліжэйшага лесу: зімой — на санках, а летам — на калясцы. Ды і што гэта былі за дровы: ніжнія паўгнілыя сукі, якія адсякалі са старых дрэў, і рознае ламачча. Ад такіх дроў халоднай зімой добрага цяпла ў хаце не дачакаешся. Да ўсяго, і іх трэба было эканоміць, бо на сабе асабліва не навозішся. Таму зімой у нашай хаце было заўжды холадна. Калі на двары стаяў моцны мароз, дык на дзвярах, якія вялі з сяней у першую палову хаты, можна было лёгка пералічыць усе да апошняга цвічкі: плешка кожнага з іх пакрывалася тоўстым пластом лёду.

Перакананы: каб не пашчасціла нам, найперш яе сынам, прабіць сабе дарогу «ў людзі» і ўзбіцца на прыстойныя заробкі, гаравала б наша маці ў нястачы, голадзе і холадзе ўсё сваё жыццё. Бо, як вядома, дзяржава не пецціла калгаснікаў высокімі

пенсіямі. Як і ўсе астатнія аднавясковыя жанчыны яе ўзросту, маці атрымлівала пенсію спачатку ў памеры 12, затым — 28 і 40 рублёў у месяц. І гэта, заўважу, у той час, калі гараджане, выходзячы на пенсію па ўзросту, атрымлівалі ў месяц да 100 — 120 і нават 132 рублі.

Мізэрныя памеры пенсіі калгаснікаў дзяржаўныя чыноўнікі звычайна тлумачылі тым, што яны, маўляў, атрымліваюць істотныя даходы ад сваёй уласнай падсобнай гаспадаркі. Аднак пры гэтым «забывалі» ўлічваць, колькі дзеля гэтага спярша трэба ў яе, тую гаспадарку, укласці. Прычым не толькі сваёй працы, на што, дарэчы, здольны далёка не кожны сельскі пенсіянер, але і матэрыяльных сродкаў. Каб, да прыкладу, выгадаваць кабанчыка і такім чынам забяспечыць сябе салам, трэба спачатку купіць малое парся, а затым альбо загадзя закупіць неабходную колькасць камбікармоў, альбо кожны дзень купляць у сельскай краме па некалькі буханак чорнага хлеба. Бо, як вядома, на адных адходах ад беднага стала сельскага пенсіянера аніякага сала кабанчык не нагуляе. А дзе на ўсё гэта сельскі пенсіянер ці пенсіянерка маглі ўзяць грошай, калі той пенсіі не ставала нават на тое, каб сабе купіць буханку хлеба і які-небудзь батон, з літр малака і бутэльку алею, солі, запалак. А яшчэ ж трэба было заплаціць за электраэнергію і радыёкропку, за адну-дзве машыны дроў, пасадку бульбы на ўласным агародзе і ці мала на што пазарэз патрэбны грошы састарэламу нямогламу вяскоўцу.

З хранічнай нястачай, недаяданнем і холадам маці развіталася, па сутнасці, толькі тады, калі мы, яе дзеці, найперш сыны, атрымалі рэальную мажлівасць сістэматычна аказваць ёй істотную фінансавую дапамогу. Прынамсі, першы капітальны рамонт найбольш прадзіраўленай паловы страхі нашай хаты быў зроблены з маёй фінансавай дапамогай. На гэту важную справу я выдаткаваў першы ў сваім жыцці ганарар за публікацыю артыкула ў часопісе «Сельская гаспадарка Беларусі» і першыя ў сваім жыцці адпускныя. Дзесьці праз год-два ўдалося перакрыць і другую палову страхі. І якая ж з гэтай нагоды была ў нас радасць! Нарэшце, нашай маці не трэба будзе, як толькі пачнецца дождж, таропка ўзбірацца па драбінах на гарышча, каб ратаваць хату ад патопу.

Неўзабаве не без нашай дапамогі ўдалося замяніць на кухні гліняную падлогу на дашчатую. Гэта была адна са шматлікіх бацькавых недаробак, якія на дзесьцігоддзі заставаліся нявыпраўленымі. Выправіць жа асноўны бацькаў недаробак — прыбудаваць да хаты светлую веранду замест цёмных цесных сенцаў, складзеных са спаранелых бяргвенняў, што засталіся ад старой хаты — мы змаглі толькі летам 1969 года, прыкладна праз сорак гадоў пасля таго, як была пабудавана ў асноўным наша хата. Прычым з-за недахопу сродкаў гэта работа цягнулася ажно два гады.

На пачатку 90-х гадоў агульнымі намаганнямі здзейснілі даўнюю заповітную мару маці: у сваім двары, прама насупраць ганка, выкапалі калодзеж. З гэтага часу маці не трэба было болей далёка хадзіць па вадзі, што з кожным годам давалася ёй усё цяжэй і цяжэй.

У тыя ж гады ў хаце адна за адной сталі з'яўляцца больш-менш якасныя рэчы фабрычнай вытворчасці, якімі замяняліся адпаведныя прадметы, зробленыя калісьці бацькам ці кімсьці з масцеравых аднавяскоўцаў. Напачатку гэта былі ў асноўным традыцыйныя прадметы побыту: сталы, крэслы, ложка, шафа, канапа і т.п. Затым з'явіліся новыя для вёскі рэчы: радыёпрыёмнік, халадзільнік і тэлевізар.

Усё гэта набывалася з нашай дапамогай альбо за кошт грошай, якія маці атрымлівала ад кватарантаў, што практычна заўсёды жылі ў нашай хаце пасля таго, як мы, яе дзеці, павыляталі з радавога гнязда. Але толькі не за кошт заробкаў маці ад удзелу ў грамадскай працы і не за мізэрную пенсію, якую ёй вызначыла дзяржава. Гэтых грошай ёй не ставала нават для аплаты сваіх надзённых жыццёвых патрэбаў: набыцця прадуктаў харчавання, адзення, абутку; аплаты камунальных паслугаў; вядзення хатняй і асабістай падсобнай гаспадаркі.

Застаецца толькі здзіўляцца, як маці, амаль усё сваё жыццё знясільваючы сябе бясконцай цяжкай працай і пры гэтым не атрымліваючы ад яе належнай аддачы, змагла так доўга не заняпасці духам, захоўваць у сабе ўпэўненасць, што яна здольная пераадолець любую перашкоду, якая б толькі ні ўзнікла на яе жыццёвым шляху.

Пастаянна знаходзіць у сябе сілы, каб прывіваць гэтую ўпэўненасць і нам, сваім дзецям, падбэдзёрваць кожнага з нас, хто пачынаў распускаць «нюні» ад напаткаўшай яго няўдачы, ды яшчэ дапамагаць іншым людзям, трапіўшым у бяду. Калі не справай, дык хоць добрым словам, слушнай парадаю.

Не менш здіўляла мяне і матчына прага да ведаў. Жыццё распарадзілася так, што маці не давялося вучыцца ў школе. Яна з вялікай цяжкасцю выводзіла сваё прозвішча, калі трэба было пад чымсьці падпісацца. Каб папоўніць свой багаж ведаў, яна часта прасіла каго-небудзь з нас пачытаць ёй услых кніжку. Першым адгукнуўся на гэту матчыну просьбу Леанід. У прыватнасці, ён прачытаў маці ўслых усю кнігу Рафаэла Джаваньелі «Спартак». І хоць падчас чытання яна заўсёды была занята якойсьці сваёй справай, слухала вельмі ўважліва. Як раскажаў мне аднойчы Леанід, калі ён чытаў пра пагібель Спартака, маці нават не ўстрымалася і заплакала.

Пасля чытаў услых кніжкі для маці я. Звычайна гэта адбывалася доўгімі зімовымі вечарамі, калі ўся работа на двары была зроблена, і маці прала кудзелю. Яна няспынна круціла нагой кола калаўротка, а я чытаў ёй старонку за старонкай. Нярэдка маці прасіла перачытаць тое ці іншае месца, якое не зусім зразумела, альбо чамусьці ўвогуле прапусціла па-за сваёй увагаю...

Калі ў нашай хаце з'явіліся радыё, а затым і тэлебачанне, маці вельмі любіла слухаць апошнія паведамленні, імкнучыся даведацца, што адбываецца на Беларусі і далёка за яе межамі. Яна шчыра перажывала за Патрыса Лумумбу, калі той трапіў у бяду за сваю адданасць сацыялістычнай ідэі, і радавалася прыходу да ўлады ў Савецкім Саюзе Міхаіла Гарбачова. «Нарэшце, і ў нас з'явіўся малады і прыгожы кіраўнік, — не раз казалы мне маці. — На яго хоць прыемна паглядзець і за яго зусім не сорамна, калі ён бывае за мяжой і выступае не па бумажцы».

Яна нават пажадала мець у сябе партрэт новага генсека. Каб дагадзіць сваёй бабулі, Аня, мая дачка, выразала з «Огонька» вялікую, на ўсю старонку, фатаграфію Гарбачова і ўставіла яе ў рамку, якую сама змайстравала з кардону, пасля чаго маці ўрачыста павесіла «партрэт» свайго любімца на самым пачэсным у хаце месцы — у куце пад іконай. Праўда, правісеў ён там нядоўга, усяго толькі год ці два. Неяк прыехаў я ў чарговы раз дахаты і адразу ж заўважыў: на месцы, дзе вісеў «партрэт» Гарбачова, стала пуста. «Дзе ж Ваш любімец?» — не ўтрымаўся я і паказаў позіркам на кут. «Спаліла ў печы, — адказала маці. — Надта ж многа балбоча, а нічога добрага не робіць»...

Пакуль маці заставалася маладой і ўсе мы жылі разам, адной сям'ёй, да нас у хату любіла збірацца вясковая моладзь. Спачатку гэтыя былі аднагодкі сястры Ліды, а затым брата Леаніда. І вельмі часта маці аказвалася ў цэнтры іх агульнай увагі. Яна вучыла дзяўчат і хлопцаў розным калектыўным гульням і забавам, якімі ў свае маладыя гады бавіла свой вольны час. Развучвала з імі старадаўнія народныя песні. Дарэчы, маці ведала іх шмат і ўмела цудоўна, пранікнёна спяваць, не хаваючы сваіх пачуццяў. Прынамсі, калі яна выконвала песню «Люблю наш край, старонку гэту», на яе вачах часта можна было бачыць слёзы. Асабліва добра атрымлівалася ў маці выкананне абрадавых песень, чаму яна навучылася ў сваёй маці Марыі, якая таксама славілася як добрая п'явуння...

Добрае веданне беларускіх народных песень спалучалася ў яе з любоўю да ўсяго беларускага. Яна любіла і беларускую мову, і родную старонку і вельмі перажывала, калі хтосьці пачынаў кпіць з беларускага слова ці гаварыць штосьці кепскае пра нашу Бацькаўшчыну...

На вялікі жаль, з гадамі, па меры таго, як цяжкая праца і бясконцыя жыццёвыя нягоды адымалі ў маці фізічныя і духоўныя сілы, гэтыя яе высокія маральныя якасці паступова слабелі, а асобныя з іх знікалі назусім. Не апошняю ролю тут, безумоўна, адыграла і тое, што маці ўрэшце рэшт засталася жыць адна. Нашы наезды дадому, якімі б частымі яны ні былі, не маглі задаволіць матчыну патрэбу ў пастаянных цесных стасунках са сваімі роднымі дзецьмі. Усё больш часта і падоўгу застаючыся сам-насам са сваімі невясёлымі думкамі і хатнімі клопатамі, маці няўхільна губляла сваю былую

жыццярэдаснасць. Усё радзей і радзей даводзілася бачыць светлы бляск у матчыных вачах і чуць яе вясёлыя размовы і спевы...

Мы, як маглі, стараліся дапамагчы маці захаваць радасць жыцця, засцерагчы яе ад непажаданых зменаў у характары, якія, па нашым перакананні, да дабра не даводзяць. Каля дзесяці гадоў запар я прывозіў маці да сябе ў Мінск на ўсю зіму, калі ёй было асабліва тужліва заставацца адной у сваёй вясковай хаце. Некалькі разоў я спрабаваў угаварыць маці напастаянна застацца жыць у нашай сям'і, каб такім чынам яна змагла, нарэшце, пазбавіцца ад сваіх паўсядзённых жыццёвых клопатаў, якія, на маю думку, былі галоўнай прычынай яе пастаяннага кепскага настрою. Аднак кожнай вясной, яшчэ да таго, як шпакам вяртацца з выраю, маці пачынала мяне прасіць: «Вязі, сыноч, мяне дадому. Пара рыхтаваць насенне бульбы да пасадкі. Ды і хату трэба прыбраць, пакуль не распачаліся ў агародзе веснавыя работы. Бо тады не будзе калі».

Даводзілася, канешне, везці і там заставацца на пару дзён, каб дапамагчы маці хутчэй абагрэць хату, астыўшую за доўгую зіму, і хоць крыху навесці ў ёй такі-сякі парадак. Пасля і я, і Леанід з Анатолем прыязджалі садзіць, матычыць і капаць бульбу. Нярэдка хто-небудзь з нас дома праводзіў свой чарговы водпуск, і тады ўсёй сям'ёй дапамагалі маці знішчаць каларадскага жука, палоць грады і выконвалі любую іншую работу, аб якой яна нас прасіла.

Напачатку мне падавалася, што маці адмаўляецца назаўсёды пераехаць жыць да мяне ў Мінск толькі таму, што проста не можа выцерпліваць тую цеснату, у якой ёй даводзілася быць падчас першых гасцяванняў у нашай сям'і (тады на сваю сям'ю з чатырох чалавек — мы з жонкай і двое дзяцей — я меў двухпакаёвую кватэру жылой плошчай усяго толькі ў 31,7 квадратнага метра). Ніякіх іншых прычын гэтага, на маю думку, не існавала. Як і я, мая жонка таксама з належнай увагай і пашанай ставілася да маёй маці. Гэтага ж мы патрабавалі і ад сваіх дзяцей, і я ні разу не заўважыў з іх боку нічога такога, што магло б пакрыўдзіць матулю.

Аднак жадання назаўсёды звязаць сваё жыццё з маёй сям'ёй не з'явілася ў маці і пасля, калі я, нарэшце, атрымаў добраўпарадкаваную чатырохпакаёвую кватэру і змог выдзеліць для яе асобны, даволі прасторны пакой...

Як мы ні стараліся, з цягам часу нам усё цяжэй і радзей удавалася дагадзіць маці. Пры гэтым яе папрокі на наш адрас тычыліся галоўным чынам вядзення хатняй сельскай гаспадаркі. То, на яе думку, мы спазніліся з выкананнем той ці іншай работы, то зрабілі штосьці не так, як належыла. Магчыма, так яно і было, але ці ж трэба было з-за гэтага крыўдзіцца на нас і адчуваць сябе няшчаснай!

Некалькі разоў мы казалі маці: «Мама, давайце засеем агарод травой і няхай суседзі косяць яе сабе на сена, а Вас за гэта будуць частаваць малаком. Усё ж астатняе, неабходнае для Вас, мы купім і прывязём з Мінска». Але яна цвёрда стаяла на сваім, быццам вырашчванне бульбы на прысядзібным участку было галоўным сэнсам усяго яе жыцця, і толькі злавалася на нас за такія недарэчныя — па яе глыбокім перакананні — парады.

Мы, яе дзеці, стаўшы ўжо зусім сталымі людзьмі, ніяк не маглі зразумець гэтыя паводзіны сваёй маці. Часам яны здаваліся нам звычайнымі старэчымі капрызамі. Інакш мы проста не маглі растлумачыць: чаму маці не можа пагадзіцца з тым, што для ўсіх нас, у тым ліку і асабіста для яе, будзе значна лепш, калі мы не будзем займацца сваім агародам, што для яе дзяцей куды прасцей купіць у магазіне і прывезці сваёй маці патрэбныя ёй бульбу і агародніну, чымсьці вырашчваць усё гэта на прысядзібным участку. Стваралася ўражанне, быццам маці прыкута да свайго агарода якімісьці хоць і нябачнымі, але вельмі моцнымі ланцюгамі, парваць якія сама была не ў стане, а іншым не дазваляла. Яна аддавала яму свае апошнія сілы і патрабавала гэтага ад нас, сваіх дзяцей. А паколькі з цягам часу маці ўсё цяжэй і цяжэй удавалася ўвесь час утрымліваць свой агарод ва ўзорным парадку, нават з дапамогай сваіх дзяцей, дык гэта не давала ёй спакою ні днём, ні ноччу. Маці непакоіла нават, што станецца з ім пасля яе смерці. Не раз яна папракала нас: «Баюся, без мяне вы так запусціце мой агарод, што мне мёртвай будзе сорамна перад суседзямі».

Свой смутак і адчай з гэтай нагоды маці не хавала не толькі ад сваіх родных, але і ад суседзяў. Мне не раз даводзілася быць сведкай, як яна, седзячы побач з імі на лаўцы, казалі: «Пара ўжо мне адпраўляцца на той свет да свайго Міхася. Ён там даўно мяне чакае»...

Маці памерла ўвечары 24 лютага 1995 года, на восемдзсят дзевятым годзе свайго жыцця, за адзін дзень да майго шасцідзсяцігадовага юбілею. Увесь той дзень мяне мучыла нядобрае прадчуванне. Часцей, чым звычайна, накіраваліся на мяне ўспаміны пра маці, якой я яе бачыў падчас сваёй апошняй паездкі ў Магілёнае.

Трэба ж было такому здарыцца, што якраз тады яе разбіў інсульт. Уранку мы з Анатолем сядзелі на кухні і разважалі аб хатніх праблемах. Недалёка ад нас, на сваім ложку, ляжала маці. Яна ўжо таксама не спала, а толькі слухала, пра што мы гаворым, і тады-сяды ўстаўляла ў нашу размову сваё слова. Затым маці вырашыла, што ёй пара ўставаць, каб пачаць пячы на сьнеданне блінцы (наша любімая з дзяцінства ранішняя страва). Аднак з уставаннем у маці нічога не атрымлівалася. Кожная яе спроба сесці, а пасля стаць на ногі заканчвалася тым, што яна, як мяшок, валілася на ложак. Хутка мы заўважылі гэтыя незвычайныя рухі маці, падбеглі да яе і пачалі пытацца: «Мама, мама! Што з Вамі?» Замест таго, каб адказаць на наша пытанне, маці глядзела на нас спалоханымі вачыма, неяк нязграбна махала правай рукою і з цяжкасцю выціскала з горла незразумелыя гукі.

Нешта падобнае з маці ўжо было колькі гадоў таму назад. Мясцовыя ўрачы тады паставілі матчынай хваробе дыягназ інсульт, і з іх дапамогай, а таксама пры нашай актыўнай падтрымцы маці, дзякаваць Богу, даволі хутка акрыяла і зноў пачала весці свой звычайны спосаб жыцця. Але цяпер усе прыкметы гэтай небяспечнай сардэчнай хваробы былі значна больш выразнымі.

Анатоль адразу ж пабег за ўрачом, а я застаўся каля маці. Хоць і быў выхадны дзень, урач з'явіўся даволі хутка, паслухаў маці і аб'явіў: «Інсульт». Мы сталі пытацца ў яго, што нам трэба рабіць, як лепей ратаваць сваю маці, ці не павезці яе лячыцца ў Мінск... Урач адмоўна хіснуў галавой і сказаў: «Усё, што трэба зрабіць для Вашай маці, мы зробім тут, на месцы. Не трэба яе нікуды весці. Гэтым вы толькі спрычыніце ёй дадатковыя пакуты і боль. А наогул, жыццё вашай маці — у руках Бога: вырашыць ён, што ёй яшчэ трэба пажыць некалькі гадоў — паправіцца, а не... І ніякі ўрач зараз не ў стане памяшаць гэтай боскай волі». Пасля гэтых слоў ён выпісаў маці патрэбныя, з ягонага пункту погляду, лекі і пайшоў.

Я застаўся ў Магілёнае яшчэ на адны суткі. Назаўтра раніцай брат мне сказаў: «Знаеш, Генадзь, едзь да сябе ў Мінск. Там у цябе адказная работа, тут жа ты маці нічым не дапаможаш. Мы з Лідай як-небудзь справімся самі. Калі што якое, мы вам патэлефануем». Маці, ціха лежачы на ложку, пачула нашу размову (мы якраз былі недалёка ад яе) і, каб звярнуць на сябе ўвагу, выціснула некалькі незвычайных гукаў. Мы падышлі да маці, а яна паглядзела на мяне і паказала рукой на дзверы, сказаўшы тым самым, каб я варочаўся ў Мінск. Затым некалькі разоў перавяла вочы з мяне на Анатоля. У гэтых матчыных позірках я прачытаў яе апошняю да мяне просьбу: «Калі мяне не стане, не пакідайце аднаго, без вашай увагі і падтрымкі, майго малодшага няшчаснага сыночка». У мяне з вачэй ручаём пацяклі слёзы, і я прыпаў сваімі вуснамі да матчынага твару. Затым апрануўся, пажадаў маці з Анатолем усяго самага найлепшага, што толькі можна было пажадаць ім у тую часіну, развітаўся, выйшаў з хаты і накіраваўся да аўтобуса на прыпынку.

З таго моманту ў мяне на душы ўжо ніводнага дня не было спакою. Я раз за разам успамінаў сваю родную матулю, асабліва яе апошні развітальны позірк. Я бачыў: маці так многа хацелася мне сказаць, але яна не магла вымавіць ніводнага слова. І гэтыя памнажаныя яе душэўныя пакуты. Матчын боль адчуваўся літаральна ва ўсім: у яе вачах, міміцы, рухах.

Але так цяжка, як 24 лютага, мне не было раней ніколі. Прышоўшы пасля працы дамоў, я сказаў жонцы: «Давай не будзем сёння запрашаць да сябе гасцей. лепш зробім гэты заўтра раніцай. Надта ж цяжка ў мяне на душы. Ці не здарылася толькі там самае

страшнае?» Жонка не стала прэчыць і працягвала гатаваць стравы для заўтрашняга святочнага стала з нагоды майго юбілею.

Каля васьмі гадзін вечара раптоўна прагучаў тэлефонны званок. Па званку было ясна — тэлефанавалі па міжгародняму. Я з хваляваннем схопіў тэлефонную трубку, пачуў у ёй Лідзін голас і адразу ж падумаў: канец, маці не стала. Так яно і аказалася. Ліда, не перастаючы плакаць, паведаміла, што хвілін пятнаццаць-дваццаць назад маці памерла.

Перагаварыўшы са старэйшай сястрой, я тут жа патэлефанаваў Леаніду і паведаў яму страшную навіну. Дамовіліся, што заўтра з самай раніцы пачнем збірацца ў дарогу. Затым звязаўся па тэлефоне з кіраўніком упраўлення справамі прэзідыума Акадэміі навук Беларусі і папрасіў яго даць машыну для паездкі ў Магільнае на пахаванне маці.

Як і дамаўляліся, на наступны дзень з самага ранку Леанід прыехаў да мяне на кватэру. Напачатку мы адправіліся купляць пахавальны вянок. Вярнуўшыся назад, акуратна ўпакавалі ў машыну ўсе стравы, што папярэдне прызначаліся да святочнага стала, а таксама жалобную куццю, якую жонка спецыяльна зварыла ўчора вечарам, паклалі на сядзенне ўсе жывыя кветкі, якія ўчора ўручылі мне мае сябры і калегі, віншуючы з юбілеем, селі ў машыну і рушылі ў дарогу.

У Магільнае мы прыехалі перад самым абедам. Зайшлі ў хату. Маці, чыста памытая і ўбраная ў прыгатаванае на гэты выпадак адзенне, са скрыжаванымі на грудзях рукамі, ляжала ў труне. Абапал яе, на крэслах і табурэтках, сядзелі людзі, у асноўным сталыя і састарэлыя вясковыя жанчыны, і ціха перагаварваліся паміж сабой, успамінаючы пра асобныя эпізоды з жыцця маці, найперш пра тое дабро, якое яна паспела зрабіць сваім аднавяскоўцам.

Я глядзеў на маці і не пазнаваў яе. Маці была зусім не падобнай на тую, якой бачыў яе жывой у апошні раз. Перш за ўсё мяне здзівіў яе рост: выпрастаўшыся ў труне, яна аказалася даволі высокага для жанчыны росту, куды большага, чым калі хадзіла з сагнутай спіной і апушчанымі да долу рукамі. Твар маці праяснеў і пасвятлеў. Кудысьці дзеліся цёмныя плямы, якія апошнім часам не сходзілі з матчынага твару. Усе маршчынкі на ім разгладзіліся.

Мы з Леанідам і Анюта (мая дачка, якая папрасіла нас узяць яе з сабой у Магільнае, каб развітацца з бабулей) таксама па некалькі разоў садзіліся на крэслы каля труны, і кожны раз я пільна ўзіраўся ў матчын твар. Хацелася па ягонаму выразу даведацца, аб чым думала маці ў апошнія мінуты свайго жыцця, што яна ўзяла з сабой у магілу, і як мага надалей захаваць у сваёй памяці вобраз любай матулі. Сваімі заплаканымі вачыма я падоўгу пяшчотна лашчыў матчыны спрацаваныя рукі, якія столькі добра зрабілі мне і маім дзецям.

Заходзячы ў хату, вяскоўцы адзін за адным падыходзілі да нас, блізкіх родных нябожчыцы, каб выказаць нам сваё глыбокае спачуванне. Са свайго боку, я ўважліва прыслухоўваўся да іх гаворкі. Хацелася як мага больш даведацца, як адносіліся аднавяскоўцы да маёй маці, якой яна застанецца ў іх памяці. Раптам адна старэнькая вясковая бабуля, што сядзела на крэсле каля труны, пільна, не адводзячы вачэй, углядаючыся ў твар нябожчыцы, цяжка ўздыхнула і нягучна вымавіла: «Адпакутавала раба Божая».

Гэтая кароткая фраза, нібы абухом, ударыла мне па галаве. «Як адпакутавала? — абураўся я. — Хіба ж мы, яе дзеці, не шанавалі сваю матулю і не дапамагалі ёй ва ўсім? І чаму раба Божая? Маці па-сапраўднаму ніколі не верыла ў Бога. Як жа тады яна можа быць ягонай рабой? Калі і была маці рабыней, дык толькі не Бога, а дзяржавы, грамадства, у якім селянін быў пазбаўлены права і рэальных мажлівасцяў жыць вольна і заможна». Я, канешне ж, нічога не сказаў той бабулі, але яе горкія словы надоўга заселі ў маёй памяці.

Маці заставалася ляжаць у труне ў сваёй хаце яшчэ цэлыя суткі. Пахавалі яе так, як і прасіла, калі яшчэ была жывой, як здаўна заведзена ў нашых вяскоўцаў: пасля абеды, з папам і царкоўнымі пеўчымі, якіх спецыяльна дзеля гэтага прывезлі з Узды, а не з духавым аркестрам. Калі жалобная працэсія павольна рухалася да могілак, на вуліцы,

каля сваіх хатаў, стаяла шмат людзей, каб правесці нябожчыцу ў апошнюю дарогу (была якраз нядзеля, і большасць жыхароў Магільнае знаходзілася дома, не на працы). Многія з іх, хто добра знаў і паважаў нашу маці, далучаліся да жалобнай працэсі і разам з намі крочылі да могілкаў. Пасля пахавання маці ўсіх, хто прымаў у ім удзел ці проста хацеў памянуць добрым словам нябожчыцу, запрасілі да жалобнага стала, за якім хапіла месца ўсім жадаючым. Карацей кажучы, пастараліся зрабіць усё так, каб ніхто ніколі не змог папракнуць нас, быццам мы не па-людску пахавалі сваю матулю, парушылі даўнія магільнянскія традыцыі і звычаі...

Міналі дні, тыдні, месяцы, гады з моманту, як не стала маці, а боль па ёй нікольні не сціхала. Не дала спакою і кароткая пякучая фраза, якую я пачуў ад адной вясковай бабулі падчас пахавання маці, — «Адпакутавала раба Божая». Усё хацелася ўясніць для сябе: адпакутавала мая маці свае гады ці пражыла іх па-людску, так, як і належыла ёй пражыць? Аднак колькі ні напружваў свае мазгі, так і не змог знайсці поўны і дакладны адказ на гэтае вельмі важнае для мяне пытанне.

З аднаго боку, на мой погляд, у маці не было важкіх падстаў наракаць на свой лёс. Як маці-жанчына яна, безумоўна, адбылася: нягледзячы на ўсе цяжкасці і нягоды ваеннага і пасляваеннага ліхалецця маці выгадала сваіх дзяцей і ўсім ім дапамагла «выйсці ў людзі». Больш таго, яна мела поўнае права ганарыцца сваімі дзецьмі. Усе тры яе сыны атрымалі вышэйшую адукацыю, закончылі аспірантуру і сталі вядомымі ў сваёй краіне вучонымі. Адзін з іх дасягнуў вучонай ступені кандыдата, другі — доктара навук, а трэці нават дарос да вучонага звання акадэміка Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Адна дачка (Ада) закончыла тэхнікум і толькі старэйшая дачка Ліда абмежавалася няпоўнай сярэдняй адукацыяй, што, аднак, не перашкодзіла ёй больш-менш нармальна уладкаваць сваё асабістае жыццё. Перакананы: мала знойдзеца на Беларусі яшчэ такіх жанчын-маці, якія б маглі пахваліцца падобнымі поспехамі ў выхаванні сваіх дзяцей.

І, што не менш важна, мы, дзеці, ніколі не цураліся сваёй матулі, заўсёды шанавалі яе і былі гатовыя па першаму клічу прыйсці ёй на дапамогу. Прынамсі, я шчыра жадаў, каб наша маці апошнія свае гады, калі стала нямоглай, пражыла ў маёй сям'і, не ведаючы ніякіх жыццёвых цяжкасцяў і клопатаў, і добра ведаў, што мая жонка з дзецьмі таксама былі не супраць гэтага. Нягледзячы на тое, што не па маёй віне мае жаданні не спраўдзіліся, я не пакрыўдзіўся на маці, а разам са сваімі братамі і сёстрамі працягваў клапаціцца аб ёй. Калі мы падраслі і сталі атрымліваць больш-менш прыстойныя заробкі, маці ні ў чым не цярпела нястачы. Я не прыпомню ніводнага выпадку, калі б мы ёй у чым-небудзь адмовілі. Затое магу ўзгадаць шмат такіх выпадкаў, калі мы прапаноўвалі маці купіць для яе тую ці іншую рэч, а яна ўпарта адмаўлялася. Асабліва стараліся пачаставаць сваю матулю гарадскімі ласункамі, добра ведаючы, колькі давалося ёй пагаладаць за свае гады.

Аднак, з другога боку, даводзіцца прызнаць, што, як ужо зазначалася вышэй, менавіта ў апошнія гады, калі мы, яе дзеці, сталі сталымі самастойнымі людзьмі, маці найбольш часта выяўляла незадаволенасць сваім жыццём. Гэта — бяспрэчны факт, ад якога нікуды не дзенешся. «Значыць, маці апошнія свае гады ўсё ж такі не жыла, а мучылася? — з горыччу думаў я. — Што тады магло быць прычынай яе душэўных пакутаў?»

Перш за ўсё я спрабаваў адшукаць яе ў характары самой маці, які сфарміраваўся пад уплывам выключна цяжкіх умоў, у якіх ёй давалося пражыць большую частку свайго жыцця. Вымушаная адна, без гаспадара, падымаць на ногі сваіх пяцярых дзяцей у змрочныя гады ваеннага і пасляваеннага ліхалецця, маці добра разумела: паспяхова выканаць сваю місію яна зможа толькі тады, калі цалкам падпарадуе сваёй волі сваіх дзяцей, даб'ецца ад іх поўнай паслухмянасці. І, трэба сказаць, маці гэтага дамаглася. Мы, дзеці, без аніякага пярэчання выконвалі любую яе просьбу. Яна была для нас як загад, які мы не мелі права абмяркоўваць, а лічылі сябе абавязанымі бездакорна, як мага лепей, выконваць. Перакананы: гэта вельмі дапамагло нам выжыць, паспяхова справіцца з усімі цяжкасцямі і нягодамі, якія выпалі на нашу долю ў тыя далёкія гады.

Але, зразумела, вечна так працягвацца не магло. Калі мы выраслі і абзаваліся ўласнымі сем'ямі, то, натуральна, кожны з нас пачаў заводзіць у сябе свой парадак, які ў найбольшай меры адпавядаў нашым уяўленням на гэты конт і далёка не ва ўсім быў падобны на той парадак, якога прытрымлівалася маці. Дарэчы, інакш і быць не магло, паколькі сельскі ўклад жыцця ў прынцыпе не можа быць перанесены ў горад з улікам істотных адрозненняў ва ўмовах і характары жыцця і працы жыхароў горада і вёскі.

Верагодна, маці не змагла гэтага зразумець і толькі ўсё больш перажывала і злавалася на ўсё і ўся з-за таго, што не можа дамагчыся, каб яе дзеці працягвалі жыць так, як было заведзена ёй у яе сям'і. Магчыма, менавіта пагэтану за дзесяць гадоў, на працягу якіх маці зімвала ў мяне ў Мінску, яна так і не змагла прывыкнуць да маёй сям'і.

Разам з тым маці, канешне ж, не магла не разумець, што з цягам часу будзе ўсё цяжэй і цяжэй ёй жыць адной у вёсцы, а нам, яе дзецям, — наведваць маці з тым, каб рэгулярна дапамагаць ёй па гаспадарцы і прывозіць з горада ўсё неабходнае для яе жыцця. З гэтай нагоды маці ўсё больш шкадавала як сябе, так і сваіх дзяцей, але зрабіць штосьці, каб выправіць становішча, яна не магла, і гэта, трэба думаць, таксама выклікала ў яе абвостраны душэўны дыскамфорт, які мог стаць прычынай яе агульнага незадавальнення сваім жыццём...

Далейшыя разважанні прывялі мяне да высновы, што яе, гэтую галоўную прычыну, трэба шукаць у асаблівых адносінах маці да зямлі, прынамсі, да таго яе кавалка, на якім размяшчаўся наш прысядзібны ўчастак. Мне ўзгадаліся яе незвычайныя, так бы мовіць, пяшчотныя адносіны да свайго агарода. Яна не толькі сама старанна, з любоўю апрацоўвала кожны квадратны метр «сваёй» зямлі, але і прывучала да гэтага нас, сваіх дзяцей. Літаральна песціла і люляла кожнае каліва бульбы, морквы, капусты... Часта прыводзіла нас у агарод, каб мы разам з ёй палюбаваліся, як дружна расце бульба і агародніна, як хараша цвітуць яблыні, грушы і вішні, як большаюць і наліваюцца сокам плады і ягады.

І мне падумалася: наш прысядзібны ўчастак для маці быў не проста звычайным кавалкам зямлі, які даваў ёй і яе дзецям жыццёва неабходныя прадукты харчавання, а нечым значна большым, нейкай жывой істотай, якой яна пакланялася і лічыла сябе абавязанай служыць вечна, перад якой, на думку маці, яна ў неаплачым даўгу. Менавіта таму, падумалася мне, маці ўвесь час імкнулася падтрымліваць свой агарод ва ўзорным парадку і вельмі расстройвалася, калі гэта ёй па якісьціх прычынах не ўдавалася.

Гэтае сваё пачуццё маці, безумоўна, успрыняла ад сваіх бацькоў і больш далёкіх продкаў, якія заўсёды любоўна называлі зямлю карміцелькай і аддавалі ёй усе свае сілы і час. Маці, канешне ж, хацела перадаць такія пяшчотныя адносіны да зямлі сваім нашчадкам з тым, каб наш агарод квітнеў вечна. І, магчыма, перш за ўсё ў гэтым маці бачыла свой асноўны доўг і перад сваімі продкамі, і перад зямлёй-карміцелькай. Аднак з гэтым у яе фактычна нічога не атрымалася. Верагодна, маці лічыла, што яна не выканала сваю галоўную сялянскую місію і, такім чынам, фактычна здрадзіла сваім продкам і вечнай карміцельцы селяніна, што, безумоўна, не магло не адбівацца на матчыным настроі і яе ацэнцы ўласнага жыцця.

З цягам часу я ўсё больш і больш схіляўся да думкі, што менавіта ў гэтым караніца галоўная прычына матчынай незадаволенасці сваім лёсам, якая назіралася ў яе напрыканцы жыцця. Да такой высновы мяне падштурхоўвала, апрача ўсяго іншага, і тое, што ў сельскай мясцовасці пражывала і пражывае шмат іншых састарэлых жанчын, якія гэтак жа сама, як і наша маці, з вялікай пашанай і любоўю адносяцца да сваіх агародаў і ў глыбокім смутку дажываюць у адзіноце свой век на вёсцы, маючы ў горадзе дзяцей, готовых прыняць іх у свае сем'і і забяспечыць ім бязбеднае і бесклапотнае жыццё.

Безумоўна, усё сказанае вышэй — не больш як мае асабістыя здагадкі. Што было на самай справе галоўнай прычынай незадаволенасці маці сваёй доляй, яе, так бы мовіць, трагедыі, дакладна было вядома толькі ёй адной. Для нас, яе дзяцей, гэта — неразгаданая да канца тайна, якую маці забрала з сабой у магілу. Нам аб ёй ужо ніколі не даведацца.

МОРАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА КРЕСТЬЯНСТВА КАК ЭТИКА ВЫЖИВАНИЯ

«В ряде уездов положение сельского населения можно уподобить положению человека, по горло стоящего в воде: достаточно легкой ряби, чтобы утопить его».

Так Тауни писал о Китае в 1931 г., и это яркое описание вполне применимо к Верхней Бирме, Тонкину и Аннам в Индокитае или к Восточной или Центральной Яве начала XX века. Здесь те же карликовые наделы, традиционная техника, капризы погоды и дань деньгами, трудом и натурой, взыскиваемая государством, подводящие к воротам каждой деревни недоедание, нехватку продуктов, а иногда и голод.

Определенная экологическая ниша, занимаемая отдельными слоями крестьянства в Юго-Восточной Азии, подвергает их существование больше, чем кого бы то ни было, серьезной опасности. Всегда зависевшая от милости своенравных дождей, сухая зона Верхней Бирмы испытала катастрофическую эпидемию голода в 1856 — 1857 гг., вскоре после британского покорения Нижней Бирмы. «Дождей не было, и рис высох на полях... и люди умирали. Они умирали на полях, глодали древесную кору; они умирали на дорогах, выйдя в путь в поисках пищи; они умирали у себя дома». В Аннаме, на северо-востоке Таиланда, и в других местах, где природа жестока, многие взрослые в течение своей жизни хотя бы раз испытали такую нужду, при которой слабые и очень молодые умирают, а остальные вынуждены поедать свой домашний скот и предназначенный для посева рис, пробавляться просом, корнеплодами, отрубями корочке, всем тем, что обычно скармливается домашнему скоту.

Великий голод 1944 — 1945 гг., обрушившийся на крестьянство Северного Вьетнама, был голодом такой силы, что все остальные продовольственные кризисы XX века в этом регионе отошли на задний план. Если Великая депрессия оставила неизгладимый след страха на ценностях и привычках целого поколения американцев, то можем ли мы себе представить, какой след должны были оставить периодические продовольственные кризисы на страхах, ценностях и привычках крестьян, производящих рис в условиях муссонной Азии?

Боязнь нехватки продовольствия дала в большинстве докапиталистических крестьянских обществ толчок тому, что условно можно назвать «этикой выживания». Эта этика, которую крестьяне Юго-Восточной Азии разделяли с французскими, русскими и итальянскими крестьянами XIX века, была следствием жизни на пределе. Плохой урожай означал не только урезанные нормы потребления; за еду нужно было платить унижением, обременительной зависимостью или продажей части земли и скота, что подрывало шансы обеспечения существования на следующий год. Поставленная ребром проблема крестьянской семьи состояла в том, чтобы произвести достаточное количество риса, чтобы прокормить свою семью, купить необходимого товара, как соль или одежда, и удовлетворить нужды не крестьян, от чего нельзя было уклониться. То количество риса, которое может произвести семья, частично зависит от превратностей судьбы, но местная традиция в том, что касается выращиваемых культур, агротехники и сроков проведения работ, предписана опытом веков и направлена на производство при данных условиях как можно более стабильных урожаев. Это были технические приемы, выработанные крестьянством для сглаживания тех «волн, что могут утопить человека». Существует и много социальных приемов, служащих той же самой цели. Образцы взаимопомощи, вынужденная щедрость, общинная земля и разделение труда помогали выровнять неизбежные провалы в семейных ресурсах, которые в противном случае должны были бы столкнуть семью ниже уровня выживания. Испытанная ценность этих техник и социальных образцов — это, возможно, именно то, что придает крестьянам брехтовское упрямство в общении с агрономами и работниками служб развития, приезжающими из столицы на помощь крестьянам.

Из вышесказанного возникает мысль — поставить этику выживания в центр анализа крестьянской политики. Сама по себе эта мысль возникла у меня из многочислен-

ных и долгое время предпринимавшихся попыток понять некоторые из крупных крестьянских восстаний, которыми была охвачена большая часть Юго-Восточной Азии в период Великой депрессии 30-х годов. Два из них — восстание Сая Сана в Бирме и так называемые Нгеан-Хатинские советы в Центральном Вьетнаме.

В широком взгляде на колониальную историю Юго-Восточной Азии эти и другие подобного рода восстания должны быть признаны не самыми главными событиями, хотя они вряд ли были незначительными для тех мужчин и женщин, которые умирали под их знаменами. Оба восстания были наголову разгромлены, оба они не достигли ни одной из ставившихся крестьянами целей, оба рассматривались как побочные линии в политической драме, которая все больше определялась борьбой между националистами и колонизаторами. Впрочем, и в другом, более глубоком историческом смысле эти движения были маргинальными, поскольку были обращены к замкнутой и автономной крестьянской утопии в том мире, где централизации и коммерциализации не было альтернативы. Это были более или менее спонтанные восстания, имевшие на себе все меты крестьянского локализма в мире, где большие отряды националистов были единственной эффективной оппозицией колониальному государству. Как и другие обращенные в прошлое движения крестьян и ремесленников, они были, говоря словами Хобсбоума, «неизбежными жертвами», поскольку не могли «противостоять ходу истории».

Однако, посмотрев на вопрос в другой перспективе, мы можем многому научиться на опыте бунтов, разгромленных около полусотни лет назад. Если мы поймем негодование и ярость, толкавшие крестьян рискнуть всем, мы сможем понять то, что я решил назвать моральной экономикой, а именно: их понимание экономической справедливости и их рабочее определение эксплуатации — их взгляд на то, какие из притязаний на произведенный ими продукт терпимы, а какие нетерпимы. В той мере, в какой их моральная экономика окажется характерной для крестьян в другом месте, а я надеюсь, что мне удастся показать, что это так, — мы сможем продвинуться к более полному пониманию нормативных основ крестьянской политики. Далее, если мы поймем, как важнейшие экономические и политические преобразования эпохи колониализма приводили к систематическому нарушению крестьянского видения социального равенства, мы сможем понять, каким образом класс «со слабо выраженной классовостью» много чаще, чем пролетариат, давал материал для пополнения ударных отрядов, участвовавших в бунтах и революциях.

Именно принцип «прежде всего безопасность» лежит в основе громадного большинства технических, социальных и моральных приспособительных приемов докапиталистического аграрного строя. Использование нескольких разновидностей семян, традиционная для Европы практика обработки расположенных в отдалении друг от друга полос — вот только два примера классической техники избегания чрезмерного риска, часто ценой сокращения среднего дохода. В деревне в целях обеспечения жителям минимального дохода обычно действует широкая сеть социальных приспособительных приемов. Это периодическое перераспределение общинной земли, отчасти в соответствии с потребностями, или использование аналогичным образом общинных выгонов и пустырей в европейских деревнях. Кроме того, общественное давление в докапиталистической деревне имеет определенный перераспределительный эффект: от богатых крестьян ждут щедрого финансирования пышных празднеств, помощи временно нуждающимся родственникам и соседям, великодушных даров местным святыням и храмам. Как заметил Майкл Липтон, «многие выглядящие странными деревенские обычаи имеют смысл в качестве скрытых форм страхования».

Легко впасть в серьезную ошибку, если романтизировать эти социальные приспособительные приемы, столь много определяющие в крестьянском обществе. Они не являются радикально уравнительными. Они, скорее, подразумевают только то, что все имеют право на жизнь на основе деревенских ресурсов и что возможной платой за это часто была утрата статуса и самостоятельности. Кроме того, они действовали, широко используя шлифующую силу слухов, зависти и осознания того, что лишенная поддержки беднота может стать реальной угрозой для зажиточных хозяев. Эти скромные, но исклю-

чительно важные перераспределительные механизмы обеспечивали, по крайней мере, минимальные гарантии существования для деревенских жителей. Поланьи на основе исторических и этнографических данных утверждает, что в традиционных обществах подобная практика была почти повсеместной и что она отличает его от современной рыночной экономики. Он заключает: «Именно отсутствие угрозы индивидуального голода делает примитивные общества в определенном смысле более гуманными, чем рыночная система, но в то же самое время и менее эффективными в экономическом отношении».

Обеспечение гарантий выживания не ограничивалось лишь деревенским миром; оно также включало моральную экономику отношения к внешним элитам. Как отмечает Эрик Вольф, «важным является, однако, то, что до капитализма... социальное равновесие зависело как в ближней, так и в дальней перспективе от баланса передачи крестьянских излишков правителям и обеспечения минимальной безопасности земледельцу. Раздел ресурсов внутри общинных организаций и упование на могущественных патроннов были теми проторенными путями, на которых крестьяне стремились сократить риск и укрепить свою стабильность, они допускались (прощались) и часто поддерживались государством».

И снова мы должны поостеречься от идеализации этих приспособительных приемов. Даже если они и работали — а работали они не всегда, — то были результатом не столько альтруизма, сколько жизненной необходимости. Если земля была в избытке, а рабочих рук не хватало, страхование выживания было действительно единственным путем закрепления рабочей силы; если средства принуждения, которыми располагали элиты и государство, были крайне ограничены, было благоразумным выказать некоторое расположение к нуждам подчиненного населения.

Хотя стремление гарантировать выживание проистекает из потребительских нужд земледельца, из функционирования крестьянского хозяйства, свое социальное проявление оно находит в виде системы моральных прав или ожиданий. Баррингтон Мур уловил нормативный тон этих ожиданий.

«Этот опыт (разделение риска внутри общины) создает почву, на которой произрастают крестьянские обычаи и моральные нормы, в соответствии с которыми они оценивают поведение — как свое собственное, так и окружающих. Суть этих норм — в жестком понимании равенства, подчеркивающим справедливость и необходимость минимума земельных ресурсов для выполнения насущных общественных задач. Эти нормы обычно бывают чем-то вроде религиозных установлений, и, видимо, в силу того, что крестьяне акцентируют эти моменты, религия крестьян отличается от религии других общественных классов».

Можно ожидать, что насилие над этими нормами вызовет возмущение и сопротивление и не только потому, что нужды останутся неудовлетворенными, но и потому, что нарушаются права.

Несмотря на поразительные аналогии, весьма показательны, что процесс трансформации оказался во всех отношениях более болезненным для колониальных народов. Прежде всего, трансформация спрессовала в несколько десятилетий тот процесс, который в Англии или во Франции шел в течение трех столетий. Более того, в Европе, как это ярко показал Поланьи, местные силы, которые могли много потерять от полного перехода к рыночной экономике (в том числе монархия, известная часть аристократии, ремесленников, крестьян и рабочих), порой оказывались в состоянии воспрепятствовать или, по крайней мере, ограничить игру рыночных сил, апеллируя к старой моральной экономике. Создание сильного консервативного государства в Германии и Японии открыло путь тому, что Мур назвал «революцией сверху», сохранявшей, пока шла модернизация экономики, не тронутым в исходной социальной структуре столько, сколько было возможно. И хотя возникли предпосылки для развившегося затем фашизма и милитаризма, результаты этого процесса были менее болезненны в ближней перспективе для крестьянства. Но в колониальном мире у политических сил, которые могли бы противостоять рыночной экономике или смягчить всю мощь ее воздействия, было мало или

вовсе не было способностей, чтобы заставить себя объединиться, за исключением тех случаев, когда дело касалось бунтов.

Рассматриваемая в этой перспективе проблема крестьянства в период капиталистической трансформации «третьего мира» — это проблема обеспечения минимального дохода. Хотя минимальный доход имеет четкие физиологические параметры, мы не должны упускать из виду его социальные и культурные аспекты. С тем чтобы быть полноценным членом деревенского общества, двор должен располагать определенным уровнем ресурсного обеспечения для выполнения необходимых ритуально-обрядовых и социальных обязательств, равно как и кормить себя так, чтобы быть в состоянии продолжать заниматься земледелием. Опуститься ниже этого уровня означает не только угрозу голода, но и полную потерю положения в общине и возможность попасть в постоянную зависимость.

Докапиталистическая община была в определенном смысле организована вокруг этой проблемы минимального дохода, — организована с целью минимизировать риск, которому подвергаются ее члены со стороны капризов природы и ограниченности их техники. В этой перспективе можно взглянуть на традиционные формы отношений патрон — клиент, взаимность и перераспределительные механизмы. Хотя докапиталистическое общество было чрезвычайно слабо оснащено для того, чтобы обеспечить своих членов в случае массового бедствия, но через развитую систему социального обмена оно давало крестьянскому двору социальную страховку на случай «нормальных» рисков сельского хозяйства.

Разумеется, в более позднее время само государство взяло на себя роль по обеспечению минимального дохода с помощью таких средств, как антициклическая фискальная политика, компенсация по безработице, программы социального вспомоществования, бесплатная медицина и отрицательный подоходный налог. Одним из последствий этих гарантий, между прочим, было создание более сильных стимулов для поведения, ориентированного на максимизацию прибыли.

Колониальный период в Юго-Восточной Азии, да, в сущности, и везде, был отмечен почти полным отсутствием каких бы то ни было мер для поддержания минимального уровня доходов, в то время как коммерциализация сельского хозяйства вытесняла большинство традиционных форм социального страхования. Далекие от того, чтобы защищать крестьянство от колебаний рынка, колониальные режимы были, скорее, склонны усилить в случае падения цен нажим для поддержания уровня своих доходов. Результат оказался парадоксальным. В условиях растущего, переживавшего бум экспортного хозяйства, роста новых возможностей, открывавшихся перед местными землевладельцами, чиновниками и ростовщиками, и, между прочим, увеличения среднедушевого дохода имел место также рост беспокойства сельской задолженностью и бедностью и ускорявшимся ритмом крестьянских волнений. То было подобие роста пауперизма во времена английской промышленной революции. Объяснение этого парадокса следует искать в новых угрозах минимальному доходу, которые нависли над наиболее бедными слоями населения. И хотя средний заработок был достаточным, занятость была в высокой степени неопределенной; хотя средние цены на крестьянский продукт имели повышательную тенденцию, их колебания были драматичными; хотя налоги были скромными, они были тяжелым бременем для весьма изменчивого крестьянского дохода; хотя экспортное хозяйство создало новые возможности, оно же сконцентрировало собственность над производственными ресурсами и нарушило уравнивательные механизмы старой деревенской экономики.

Моральную экономику этики выживания можно ясно увидеть в темах крестьянского протеста в тот период. Преобладали две. Первая: притязания на крестьянские доходы со стороны помещиков, ростовщиков или государства никогда не признавались законными, если они распространялись на то, что считалось минимальным культурно зафиксированным уровнем существования. Вторая: продукт земли должен быть распределен таким образом, чтобы всем гарантировать нишу существования. Почти в каждом случае имела место апелляция к прошлому, к традиционной практике, а восстания, о

которых у меня идет речь, лучше всего видятся как защитные реакции. Такая обращенная в прошлое реакция сейчас нашла общее место в анализе крестьянских движений. Как утверждает Мур, цитируя Тауни, «крестьянский радикал был бы удивлен, услышав, что он подрывает основы общества; он всего лишь пытался вернуть назад то, что ему давно принадлежало по праву». Бунты были, говоря теми же словами, в сущности, бунтами потребителей, а не бунтами производителей. За исключением тех случаев, когда общинная земля присваивалась местной знатью, само по себе требование перераспределения земли поразительным образом отсутствовало. Протест против налогов и рент был выражен в терминах их влияния на потребление: то, что считалось приемлемой ставкой налога или ренты в хороший год, было неприемлемо в плохой год. Крестьян побуждала к бунту чаще недостаточность того, что им оставалось, чем величина того, что у них изымалось (и хотя обе эти вещи взаимосвязаны, они не идентичны).

ДЖ. СКОТТ

ОРУЖИЕ СЛАБЫХ: ОБЫДЕННЫЕ ФОРМЫ СОПРОТИВЛЕНИЯ КРЕСТЬЯН

Скрытая область политического конфликта

В литературе о политических противоречиях преобладают описание и анализ открытых политических действий. Так обычно представляют события историки, политологи, журналисты, государственные деятели и лидеры народных движений. При анализе конфликта очень важно составить адекватное представление о том, при каких обстоятельствах конфликтующие группы обращаются к той или иной форме открытого политического действия. Скажем, почему некоторые группы при определенных обстоятельствах склоняются к ожесточенным формам политического действия (бунт, восстание, революционное движение), предпочитая их более спокойным способам открытого действия (петиции, массовые митинги протеста, мирные марши, стачки, бойкоты). Путем тщательного сравнительно-исторического анализа социологи начинают улавливать, каким образом форма политического действия зависит от социальных структур, государственных систем, культурных ценностей и исторических ситуаций.

Но несомненные успехи, достигнутые в этом направлении, существенно обесцениваются слишком узким взглядом на политическое действие и убогим представлением о нем. Существует обширная область политического действия, на которой взгляд исследователя по привычке почти не задерживается. О ней и пойдет речь ниже. Ее не замечают, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, она никогда открыто не провозглашалась политическим действием в рамках того, что мы обычно именуем «политикой». Во-вторых, ее нельзя назвать групповым действием в обычном понимании коллективного действия. Здесь пойдет речь о том, что политическое действие низших слоев и групп по большей части попадает в категорию обыденных форм сопротивления, что эту их деятельность со всей определенностью следует считать политической, что она, в самом деле, представляет собой форму коллективного действия и что любое исследование, не принимающее ее во внимание, игнорирует тем самым важнейшие формы, в которых подчиненные классы выражают свои политические интересы. Данный очерк ставит своей целью показать все это, по возможности, убедительно.

В небольшом арсенале безвластных групп и слоев важное место занимает то, что известно нам как брехтовские, или швейковские, формы сопротивления. Это нерадение при выполнении работ, симуляция, фальшивое, для виду, согласие, притворное понимание, уклонение, подворовывание, незаконные промыслы, браконьерство, злословие, саботаж, поджоги, нападение исподтишка и убийство, анонимные угрозы и т.п.

Вот такие вещи, по большей части весьма прозаические, и есть обычные средства классовой борьбы. Они служат «первым прибежищем» в тех обычных исторических

условиях, когда открытое неповиновение невозможно либо чревато смертельной опасностью. Если их широко практикуют в противостоянии элите и государству представители угнетенного класса или даже класс в целом, совокупные последствия такого противостояния не идут ни в какое сравнение с их внешней обыденностью и банальностью. И об адекватной оценке классовых отношений не может быть речи, если не брать во внимание это их значение. Вполне понятно, что их обычно упускают из виду или только слегка затрагивают при анализе классовых отношений, — ведь весь смысл этих приемов и методов состоит в том, чтобы стоящее за ними отношение было незаметно.

Как ни парадоксально, но сопротивление этого рода всегда неосознанно поощрялось властями и неосознанно приветствовалось учеными-социологами, чье внимание всегда и было приковано к тем формам сопротивления, которые, как считалось, несут главную угрозу правящей элите: социальным движениям, организациям инакомыслящих, революционеров и другим формам открытой организации политической оппозиции. Все эти организации в изобилии составляют письменные свидетельства своей деятельности — манифесты, протоколы, списки членов, журналистские свидетельства, полицейские отчеты, все это весьма способствует тому, что в писаной истории они занимают свое прочное место.

В этой связи представляется полезным различать обыденные формы классового сопротивления и те основные формы политической борьбы, на которые делает упор историография крестьянства и других подвластных групп. Простейший путь высветить это различие состоял бы в построении парных оппозиций: первой в каждой паре можно представить форму обыденного сопротивления (по моей терминологии), а второй — более прямую и открытую форму противостояния, преследующую ту же цель. Так, если к первой отнести тихое, постепенное прирезывание крестьянами новых и новых земель и регулярное их браконьерское появление в государственных и частных лесах, то вторая включала массивное вторжение в сферу чужой собственности и открытый вызов существующим отношениям собственности. В данном примере и те и другие действия направлены на перераспределение контроля над собственностью, но в первом случае это делается тихо и скрытно де факто, во втором главной целью является открытое признание этого де юре. Подобную же пару представляют собой, с одной стороны, массовое уклонение от военной службы и дезертирство, а с другой — открытые выступления солдат против офицерства и за отмену офицерских чинов или подворовывание из государственных и частных зерновых запасов и открытый разгром магазинов и складов с целью перераспределения продовольствия. Эти оппозиции помогают лучше понять, что ведущие сопротивление в обыденных формах никак не заинтересованы в привлечении к их действиям внимания. Подобные формы очень практичны, потому что дают вполне осязаемый результат, они не требуют никакой организационной работы, опираются только на освященную веками народную традицию сопротивления, без которого было не выжить. В каждой из приведенных парных оппозиций общей является цель. И исподтишка прирезывающие себе земли, и открыто захватывающие чужую землю рассчитывают приумножить свою земельную собственность; и дезертиры, и мятежники вполне могут считаться выразителями примерно одного отношения к войне. Относительная безопасность — а она именно относительная — обыденных форм сопротивления объясняется мелким масштабом действия. Тихие захватчики обычно просачиваются на новую землю малыми группами, часто ночью, чтобы избежать лишних взглядов; дезертиры предпочитают тихонько ускользнуть, выждав удобный случай. Такие мелкие нарушения часто остаются незамеченными, во всяком случае, нарушители только об этом и мечтают. Однако в совокупности мелкие события могут вдруг обернуться крупными последствиями: небоеспособная армия; разоряющиеся предприятия, на которых работают спустя рукава; бегущие из деревни помещики от пожаров, угроз и нападений; целые пространства государственной земли, подвергшиеся самовольному захвату; сведение на нет через уклонения и увертки налоговых притязаний государства.

Резонно предположить, что вся разница между формами обыденного сопротивления и открытыми формами политического столкновения сводится к практическим со-

ображениям. Крестьяне, убежденные в своем праве на считающиеся государственными земли, в каждом конкретном случае сами решают, как лучше поступить — потихоньку прирезать или брать землю открыто, имея в виду, что последнее может обернуться кровопролитием. Когда общеполитическая ситуация сводит эту угрозу к минимуму, крестьяне не упускают случая взять землю, практически не скрываясь. Конечно, при организации большого коллективного действия крестьяне и другие подвластные группы сталкиваются с естественными трудностями: географической разбросанностью, этническими и языковыми барьерами, отсутствием навыков и опыта организации и т.п. Не менее существенным при выборе той или иной формы сопротивления является следующее: крестьяне по опыту знают, что такое надзор, подавление протеста, и этот опыт призывает к осторожности. В случае, если те же результаты вполне достижимы, хотя и не сразу, средствами обыденного сопротивления, как правило, избирается этот путь как значительно менее рискованный. Неизменное подавление рабских восстаний в южных штатах Америки в период перед Гражданской войной позволяет предположить, что негры предпочитали такие формы борьбы, как побег, воровство, сделанную кое-как работу, симуляцию согласия или непонимания, — тактически это мудро.

Кто-то возразит, что подобные формы сопротивления нельзя относить к категории классовой борьбы, во-первых, потому, что они индивидуальны, а во-вторых, потому, что от них выигрывают не классы, а индивиды. Первое соображение мы отвергаем, поскольку нетрудно доказать, что неотъемлемым условием самого существования обыденного сопротивления было достаточно явное и осязаемое безмолвное согласие на уровне класса в целом. Позже это будет показано на примерах. Второе соображение приемлемо; но если учесть, что индивидуальная выгода достигается не в ущерб другим представителям данного класса, то вряд ли это исключает данные формы из категории классовой борьбы. В конце концов, основные формы обыденного сопротивления и направлены-то были именно на ущемление интересов высших классов и государства. Но уж если сопротивление оказывалось успешным, то материальную выгоду оно, разумеется, приносило сопротивляющемуся персонально. Главный вопрос классовой борьбы — вопрос обладания материальными благами. Если речь идет о нескольких браконьерах, поджигателях или дезертирах — это, конечно, еще не классовая борьба. Но если такое становится устойчивым стереотипом социального поведения, то очевидно, что подобное явление имеет прямое отношение к классовому конфликту.

Рассмотрим следующее определение социального сопротивления: «К сопротивлению крестьянства как низшего класса относится любое действие (действия) его представителя (представителей), направленное на ограничение или пресечение претензий (например, на налоги, выплаты, на почтительное отношение), предъявляемых этому классу высшими классами (например, помещиками, государством, собственниками средств производства, банкирами), или выдвижение собственных претензий (например, на работу, землю, вспомоществование, уважение) к этим высшим классам».

Три аспекта этого определения стоит коротко прокомментировать. Во-первых, оно не требует, чтобы сопротивление обязательно выражалось в коллективном действии. А ведь некоторый уровень согласованности вполне очевиден в обыденных формах сопротивления, поскольку раб, идущий на мелкое воровство или уклоняющийся от обязанностей, явно рассчитывает на заговорщическое молчание других рабов. То же относится и к браконьеру, который абсолютно убежден, что и он и ему подобные имеют право на рыбу в этой реке, на дичь и дрова в этом лесу. Просто на данном уровне классовой солидарности все в основном зависит от его личного везения. Во-вторых — и это крайне важно, — определение охватывает такую вещь, как намерения и побуждения. Из него следует, что, если побуждение к сопротивлению становится обычным делом, оно может привести к совершенно неожиданным последствиям. Наконец, в-третьих, определение признает то, что можно назвать символическим или идеологическим сопротивлением (например, сплетни и злословие, навешивание унижительных ярлыков, непочтение), как неотъемлемую часть классового сопротивления. Если шире взглянуть, то это определение, как и подобает, по-моему, любому убедительному определению крестьянского со-

противления, делает упор на действия, диктуемые личной заинтересованностью. Таким образом, подтверждается тот факт, что классовый конфликт есть, прежде всего, конфликт по поводу присвоения труда, собственности, продукции и налогов. С этой точки зрения потребление есть цель и результат, как сопротивления, так и его подавления. На мелкое воровство зерна с тока можно взглянуть как на один из обыденных способов крестьянина «приспособиться» к жизни, а можно и шире — как на одну из форм классовой борьбы по поводу распределения урожая.

Множество средств и единство цели

Конкретных проявлений и форм того, что может быть отнесено к обыденному сопротивлению, не счесть. Внешнему наблюдателю может показаться слишком смелым отнесение всех их к единой категории. Но их разнообразие — не более чем зеркальное отражение форм присвоения, для каждой из которых существует одна или более форм обыденного сопротивления, препятствующих присвоению. Что их всех действительно объединяет, — все они тихо, скрытно и замаскировано пресекают и ограничивают претензии и поползновения власть имущих. Рассмотрим кратко четыре формы обыденного сопротивления, и это поможет лучше понять их единство, а также то, какие обстоятельства благоприятствуют такому сопротивлению, как оно маскируется, каких результатов и в каких пределах оно позволяет добиться. Примеры специально подобраны достаточно разнообразные, чтобы по возможности всесторонне рассмотреть феномен обыденного сопротивления.

Браконьерство

Можно смело утверждать, что на протяжении трех веков — с середины XVII по середину XIX в. — самым популярным преступлением в Англии было браконьерство. И хотя под браконьерством обычно понимают что-то вроде «воровства» чужой собственности в виде дичи, рыбы, леса, на самом деле это более сложное явление. Крестьяне, батраки и фермеры могли покушаться на собственность знати или короны, запасая дерн, торф, вереск, тростник для крыш или для топлива, глину, камни, мел, уголь, выпасая скот, заготавливая лекарственные травы или обрабатывая землю. И объекты браконьерства, и его масштабы были разными в разные времена, в соответствии с тем, чем выгоднее было «промышлять» и насколько надавлены крестьяне, в чем у них больше потребность, какова опасность попасться, что сделают, если попадешься, каковы традиции местной общины. Для землевладельцев и короны проблема приняла такие масштабы, что в XVIII в. были приняты драконовские законы, каравшие за браконьерство смертью. Более того, очень опасно становилось просто попасться в лесу переодетым до неузнаваемости — ты автоматически оказывался браконьером («Черный» закон).

Для нас основное значение имеет то обстоятельство, что браконьерство было неотъемлемой частью существования и пропитания сельского населения — оно было освящено обычным правом. Рассмотрение его как преступления относилось к сфере принятых норм социального поведения. Просто государство вдруг взяло и на законодательном уровне перевело эту обычную практику в разряд форм сопротивления. То же самое, естественно, было сделано в большинстве колоний. Леса объявили собственностью правительства, ввели соответствующие регламентации и поставили чиновников следить за их соблюдением. Но трудно было ожидать, что местное население признает это логичным и справедливым и с готовностью оставит свою вековую, освященную традицией практику. Мишель Фуко писал о подобном изобретенном государством «преступлении» в контексте французской послереволюционной истории: «Многое выигравшая от революции буржуазия узаконила новый режим собственности на землю — и крестьяне стали действовать незаконно она установила новую систему законной эксплуатации труда — и рабочие стали действовать незаконно, порой открыто и вызывающе, скажем,

сокрушая станки и механизмы чаще скрытно и обыденно: уход с работы, бездельничанье, расхищение сырья».

В истории обыденных форм сопротивления браконьерству по праву принадлежит почетное место. Во многом это объясняется той простотой, с которой лес (или другие уголья) мог удовлетворять насущные потребности. Сравним для примера, насколько легче стащить дрова в огромном лесу, чем зерно из охраняемого амбара. Дары леса столь многообразны и так разбросаны, что проблема охраны практически нерешаема. Что могли поделаться лесники и егеря с браконьерами, если имя им легион? Если и застукают когда, то численное превосходство обычно на их стороне. Как описывает Э.П. Томпсон, угрозы, побои, поджоги, а иногда и расправы не способствовали большому рвению лесничих.

Но не только соображениями географии и демографии объясняется популярность браконьерства. Не менее важную роль играло молчаливое, но единодушное поощрение этой деятельности в той среде, которая и породила браконьеров массовым порядком. Представим, с какими трудностями пришлось бы столкнуться браконьеру, если бы местные жители относились к этому делу враждебно и с охотой давали бы показания в суде. Браконьерство как устойчивый социальный механизм перераспределения собственности просто немыслим без устойчивой атмосферы поощрения или хотя бы терпимости. Иначе выловить нарушителей было бы легче легкого. Показать, в каких формах существует такая солидарность, чрезвычайно трудно. Как пишет Томпсон, «секрет браконьерского братства и взаимопомощи, весьма вероятно, следует искать в самой природе традиции, проходящей сквозь века». Но очень существенно, что эта солидарность и взаимопомощь базируются на фундаменте неформальных деревенских взаимоотношений, участники которых имеют веские причины (и эффективные средства), чтобы скрывать существование подобных вещей от властей и от историков.

Крестьянское сопротивление налогообложению

Если обыденное сопротивление через браконьерство есть попытка отстоять традиционные формы пользования благами и ресурсами в условиях вторжения новых форм собственности, то сопротивление налоговой политике — защитная реакция на прямое изъятие продукции. Опыт успешного сопротивления крестьян Малайзии возложенной на них исламским государством десятине поможет лучше понять, что такое формальное согласие и очковтирательство.

Исламская десятинна, как и ее христианский и иудейский аналоги, — это налог в одну десятую часть валового сбора натурой, направляемый на цели исламской благотворительности и образования. До 1960 г. сбор ее осуществлялся местными силами и на добровольной основе; затем власти решили ужесточить контроль путем централизации и регистрации посевных площадей и урожайности. Сопротивление новой десятине в деревнях, где я проводил исследования, было настолько единодушным и неистовым, что уловить саму технику уклонения от налога оказалось сравнительно простым делом. Оно сводилось в основном к четырем формам. Некоторые земледельцы, в особенности мелкие собственники земли и арендаторы, просто уклонялись от попыток агента по сбору десятины зафиксировать возделываемые ими площади. Другие занижали данные о своих площадях и сборах, а кто похрабрее — шли еще дальше и реально сдавали даже меньше риса, чем полагалось по их заниженным данным. Наконец, зерно сдавалось худшего качества — подмоченное, проросшее, вперемешку с соломой и камешками, — и в результате муки из него получалось значительно меньше по весу, чем предполагалось.

Последствия такого тихого сопротивления были поистине впечатляющи. В одном месте отчета, в какой-то мере, видимо, характерном для ситуации в целом, говорилось, что государству поставлено менее одной пятой от предполагавшегося объема десятипроцентного налога. Но самое примечательное — молчаливое согласие главных участников этой борьбы. В связи с новой десятиной не было ни бунтов, ни демонстраций, ни петиций, ни бурных столкновений, ни каких-то других открытых видов протеста. К чему

они, когда проверенные тихие средства гарантируют те же результаты при минимальном риске? Можно было сколько угодно сравнивать действительный урожай с поставками по десятине, но как достигались такие результаты сопротивления на уровне общественного сознания, уловить было трудно, поскольку для сопротивлявшихся было надежнее и спокойнее формально сохранять десятину, на практике ее ликвидировав.

Можно спорить о том, насколько такая практика может быть квалифицирована как форма коллективного действия или общественного движения, но результатов она достигала не меньших, не предоставляя при этом государству открытого и четкого повода для репрессий. Нет никаких организаций, которые можно было бы запретить, никаких подпольных вождей, которых можно было бы выследить и изловить или подкупить, никаких бунтарей, которых можно было бы отдать под суд, — есть только несогласие, в общем и целом тысяч и тысяч крестьян.

Молчаливая согласованность, без которой немислимо такое сопротивление, основывается на общей системе ценностей, экономических интересов и на хорошем представлении о тех приемах и способах, которыми осуществимы уклонения и увертки. Чисто экономического интереса здесь недостаточно. Крестьяне имели множество принципиальных, с их точки зрения, причин для уклонения от десятины. Они видели большую несправедливость в обложении налогом (под него не попадали те, кто выращивал не рис, а другую продукцию, помещики, разные дельцы, чиновники, а также богатые китайцы) и, наконец, в его распределении (ни одного мешка собранного по нему зерна не вернулось в деревню для помощи бедным). Скептику все эти принципиальные соображения могут показаться не более чем красивой драпировкой, за которой стоит грубый материальный интерес. Но тогда трудно объяснить, почему большинство обитателей деревни продолжает добровольно, «частным порядком» одаривать по десятине бедных родственников, соседей, религиозных учителей, сезонных работников. Другими словами, можно достаточно убедительно показать, что не столько сам факт изъятия зерна встречается неприятием, сколько несправедливый способ его изъятия и присвоения. То же единодушие, с которым крестьяне сопротивляются несправедливостям официальной десятины, побуждает большинство из них делать дары по десятине жителям своей деревни и членам своей большой семьи.

Успех сопротивления десятине или другого подобного сопротивления не связан напрямую с отношениями власти. Не приходится сомневаться, что власти могли бы собирать по десятине больше, если бы ужесточили наказание за уклонение, организовали тысячи случаев примерного наказания, укрепили аппарат по сбору налога. Может быть, подобные меры и не принесли бы значительного увеличения сбора, но они могли быть приняты. Однако этого не было сделано, поскольку правящая партия борется за голоса избирателей и кладет здесь на вторую чашу весов политический ущерб, связанный с потерей голосов крестьян-мусульман. Отметим два аспекта проблемы, с которой здесь приходится сталкиваться правительству. Во-первых, успешное сопротивление десятине стало возможно потому, что крестьяне изначально отдавали себе отчет в своем политическом весе, чувствуя, что правительство семь раз подумает, прежде чем предпримет решительные действия против них. По этой же причине крестьянам с успехом удается уклоняться от налогов и сельскохозяйственных займов правительства в условиях режимов, так или иначе зависящих от их активной поддержки. Во-вторых, ирония состоит в том, что поскольку пассивное сопротивление входит в обычную практику, оно вырабатывает свою систему представлений о том, что можно, а что нельзя. И если правительство намерено всерьез скорректировать эту систему в соответствии со своими представлениями и соображениями, оно должно быть готово к политическим и административным издержкам. Поэтому прибегать к обыденному сопротивлению относительно безопасно, причем любой успех здесь имеет свою инерцию, создает свое энергетическое поле.

Описанному здесь способу сопротивления можно было следовать на протяжении столетий, когда силовые линии в обществе благоприятствовали то властям, то крестьянам. Так, например, история сопротивления французских крестьян католической деся-

тине, которую отменила только Французская революция, насчитывает более чем три столетия и дает нам большое разнообразие приемов и способов сопротивления. При внимательном знакомстве с этой историей поражаешься изобретательности, упорству сопротивления и его успехам. Были там и стачки, и бунты, и петиции, направленные против десятины, однако совершенно ясно, что главную роль в доведении ее размеров до приемлемого уровня играли увертки и отговорки, менее заметные для историка. Леруа Ладюри и Гей, обзревая источники, советуют историкам «исследовать изобретательность крестьян перед, лицом бедствий, чтобы объяснить, почему в течение столетий размеры десятины оставались для них вполне терпимыми».

Марк Блок занимался проблемой значимости обыденных форм сопротивления в истории аграрных отношений в целом. Он призывал переключить внимание с восстаний, записи о которых занимают в архивах привилегированное место, на незаметные формы классовой борьбы. «Почти неизбежно обреченные на поражение и расправу, — писал он, — великие восстания, в общем, были слишком плохо организованы, чтобы достигнуть каких-то устойчивых результатов. Терпеливая и тихая борьба, которую годами и десятилетиями упорно вели сельские общины, была в состоянии достигнуть большего, чем эти недоразумения».

Дезертирство

При рассмотрении браконьерства и уклонения от налогов может сложиться впечатление, что формы обыденного сопротивления строятся на тихом использовании сиюминутных возможностей и дают соответствующую выгоду, мало влияя на отношения власти в обществе в целом. Но тривиальные, на первый взгляд, индивидуальные действия в масштабах страны могут иметь совсем нетривиальные последствия. Исторический взгляд на кризисы государств и режимов может обнаружить, что для многих из них решающее значение имел совокупный эффект обыденных форм сопротивления. С наибольшей очевидностью это, наверное, проиллюстрирует такая форма сопротивления, как армейское дезертирство.

Армстед Робинсон документально доказал, что решающую роль в крахе Конфедерации во время Гражданской войны в США сыграло именно обыденное сопротивление. Подогреваемые законами, освобождавшими от призыва многих сыновей плантаторов, чтобы в условиях кризиса 1862 г. спасти их семьи от полного разорения, и, вообще, имея небольшой интерес в защите рабства, белые фермеры стали покидать армию конфедератов в огромном количестве. По оценке Робинсона, 250 тыс. белых жителей деревень и холмов дезертировали или уклонились от призыва — в пять раз больше, чем число белых жителей южных штатов, принявших участие в войне. Их отказ участвовать в том, о чем они сами говорили («воюют богатые, а дерутся бедные»), был решающей причиной поражения Ли при Антьетеме в восточном Теннесси. Как выразился один священник-южанин, «наша армия растаяла как снежный ком, и все из-за дезертирства». Бегство из армейских рядов усугублялось массовым уклонением, неподчинением, распространением побегов среди рабов, которые оставили Конфедерацию без продовольственных запасов и доходов, необходимых для ведения войны. Ни дезертирство, ни увивания, ни побег невозможны были бы в таких масштабах, если бы в определенных слоях населения не было широко распространено общее отношение поддержки этой практики и осуждения любых попыток властей прекратить ее. Эти «мятежные» действия не представляли собой восстания, они никем не организовывались и не координировались — тем не менее их кумулятивный эффект был настолько убийственен, что в другой обстановке просто недостижим никаким подстрекательством и организацией.

История изобилует подобными примерами. Можно ли, к примеру, объяснить крах царской армии и последующую победу большевиков, не воздав должного массовому дезертирству с фронта летом 1917 г., проходившему на фоне стихийных захватов помещичьей земли в деревне? Мало кто из этих рядовых крестьян думал о революции (если вообще думал), но они сделали все для ее подготовки. Под этим углом зрения

Р. Кобб описывает практику уклонения от военного набора и дезертирство во Франции послереволюционной и времени ранней Империи, приводя еще одно убедительное доказательство того, как обыденное сопротивление может низвергать режимы.

Причем отнюдь не только армейское дезертирство может создавать большие проблемы для режимов. Социальный историк, исследующий налоговую политику в отношении мелких производителей, может обнаружить, что периодические «финансовые кризисы государства», за которыми часто следует радикальное изменение политики, имеют под собой незаметную каждодневную деятельность тысяч людей, направленную на мелкую выгоду. В результате режим порой неожиданно оказывается без средств к существованию. Не говоря уже о революциях, даже большие повороты в аграрной политике стран «третьего мира» наверняка одной из причин имеют массовое стихийное крестьянское сопротивление.

Сопротивление деревни государственному социализму

Существующие в обществе отношения собственности во многом определяют, какие формы принимает борьба по поводу присвоения. В условиях либерального режима и частной собственности на землю борьба обычно разводит по разные стороны баррикад прямых производителей, будь то мелкий собственник, наемный работник или арендатор, и владельцев остальных средств производства (землевладельцы, банкиры и т.д.). Если и случаются конфликты с государством, они, скорее всего, связаны с его налоговой и кредитно-финансовой политикой, в радикальном случае — с существующей формой земельной собственности. Иначе обстоит дело в системе государственного социализма. Все основные решения по ценам на продукцию, капиталовложениям, кредитованию, профилю специализации — а в условиях коллективизации и по регламентации труда и заработной платы — есть прерогатива государственной политики. В этих условиях на первый взгляд, частные конфликты, в которых государство вроде бы ни при чем, на поверку оказываются прямыми столкновениями с государством. Для крестьянина государство оказывается и работодателем, и покупателем, и снабженцем, и кредитором, и прорабом, и кассиром, и налогосборщиком.

Неудивительно, что в подобных условиях политические исследования тяготеют к тому, чтобы во всем усматривать элементы сопротивления режиму. Отчасти это иллюзия, вполне объяснимая, если государство стяжало роль прямого собственника, как средств производства, так и производимой продукции. Отчасти же это отнюдь не иллюзия. Может быть, где-то государственный социализм и улучшает условия жизни отдельных своих подданных, по большому же счету он призван резко ограничить автономию тех, кого прежде сам же классифицировал как мелкую буржуазию. Государственные и коллективные хозяйства обычно разрушают ту прямую связь между производством и потреблением, что характерна для мелкобуржуазных производителей, и это создает новую почву для сопротивления. Для крестьянина ослабление производственных усилий может самым непосредственным образом отразиться на рациионе; для работника госхоза — совсем необязательно. Наконец, важной причиной, по которой обыденные формы сопротивления получают большое распространение среди сельскохозяйственного населения в системе государственного социализма, является то, что подобная система практически не оставляет других возможностей для сопротивления. Напрямую контролируя средства подавления, государство, как правило, в корне пресекает открытый протест; а структуры, якобы представляющие интересы сельскохозяйственных работников, — обычно не более чем приводные ремни государственной аграрной политики.

В течение длительного времени, часто с большими потерями, люди, осуществляющие каждодневное сопротивление в привычных формах, могут инициировать финансовый кризис, ведущий к перемене политического курса. Так было в Китае, когда в 1978 г. там начались глубокие экономические реформы, связанные с именем Дэн Сяопина. С определенной точки зрения демонтаж колхозов и внедрение «системы семейной ответственности», поощрение мелкой торговли и рынков может рассматриваться

как рациональный политический курс центра на обеспечение экономического роста путем далеко идущих реформ. И хотя такую точку зрения не назовешь неверной, она полностью упускает из виду тот факт, что сам этот поворот в центральном политическом курсе был исподволь подготовлен двумя десятилетиями крестьянского сопротивления прежней политике — тихого обыденного сопротивления. Во время голода, ставшего следствием Большого скачка и унесшего, по современным оценкам, от 10 до 20 млн. жизней, отчаявшееся крестьянство, часто при поддержке и попустительстве местных кадров, удвоило свое сопротивление ужасающей политике. Разнообразнее стал арсенал средств сопротивления, включавший ложные сведения об обрабатываемых площадях, возделываемых культурах, урожайности, преувеличенные рапорты о воровстве и порче зерна, тайные закупки, припрятывание зерна для местных страховых фондов и т.д. А вдобавок, поскольку рабочий день сельского труженика принадлежал коллективному хозяйству, продукция которого была жестко обложена поставками и налогами, очень существенной формой выживания и сопротивления было тихое перераспределение трудовой энергии в пользу личного подсобного хозяйства. Все эти хитрости и уловки были направлены в основном на то, чтобы местная бригада или коммуна могла отдавать как можно меньше зерна властям. Занижение отчетности и тому подобная практика часто шли с подачи руководителей хозяйств и местных партийных кадров, хорошо помнивших горькие уроки постановки сверху новых задач от достигнутого. «Если он (руководитель хозяйства) слишком часто рапортовал о доходе нашего хозяйства, то сверху следовало ожидать год от года все более повышенных заданий. А это означало бы меньший доход для членов хозяйства. Поэтому руководитель обычно рапортовал наверх то, что обязан был, но действительное положение умалчивал».

Китайские крестьяне придерживали зернопоставки государству с целью обеспечить свое существование и выживание. Но в конечном итоге все их тихие и скрытные действия в этом направлении обернулись тем, что к 1978 г. отношения между государством и сельскохозяйственными производителями зашли в тупик. Рост населения и вялый рост урожаев означал отсутствие роста, и даже снижение душевого потребления. Без реорганизации производства государство могло повышать расходы на индустриализацию и управление только ценой увеличения риска больших беспорядков. Местные, а иногда и провинциальные власти, молча поддерживали сопротивление, чтобы не дать захиреть местному производству.

Многие из «реформ», начатых в 1978 г., были не чем иным, как узаконением того, что втихомолку практиковали крестьяне и местные кадры. И хотя они не преследовали более глобальных целей, чем «сведение для себя к минимуму недостатков системы», именно это их сопротивление во многом обернулось резкой сменой экономического курса, имеющей явно ощутимые на сегодняшний день последствия.

Такая молчаливая солидарность большинства деревни в тихом сопротивлении слишком большим претензиям социалистического государства — ни в коем случае не специфика исключительно Китая. Когда в конце 40-х — начале 50-х годов венгерским крестьянам пришлось защищаться от госпоставок, угрожавших их минимуму пропитания, они на открытую конфронтацию не шли. Хотя они и обрабатывали свои собственные небольшие участки или состояли в формально независимых кооперативах, система обязательных поставок фактически ставила их в положение крепостных, жестко диктуя, что сеять, в каких количествах поставлять и по каким ценам. Одним из проверенных крестьянских средств облегчить эту ношу было сокрытие данных о фактически обрабатываемых площадях. Когда земля переходила из одних рук в другие (по наследству, в кооператив, изъятие у «кулаков»), часть ее таинственным образом исчезала; подсчитано, что к 1954 г. таким образом испарились 1,3 млн акров обрабатываемой земли, что эквивалентно возделываемым площадям крепкого административного округа. Это было уже необратимо. Втайне от государства быстро разрастался черный рынок продовольствия. Подделывались свидетельства о рождении, и все больше местных жителей попадало в категорию старше 65 лет, что давало право на снижение квот на поставки. Местные власти поощряли эту практику, так как любое снижение местной квоты

облегчало для них выполнение плановых заданий. Скот тоже имел свойство исчезать непонятным для властей образом. Кулаки передавали свой скот крестьянам победнее, а те — своим родственникам в городах. Одним из известных способов они прятали овец в колодцах, забивали свиней ночью при мерцающем свете фитиля, тайком доили коров, держали цыплят и даже свиней под кроватью.

Результатом этих защитных мер стало снижение поставок. К 1954 г., самому неудачному в плане заготовок, было уже совершенно немыслимо искать какие-то новые способы обложения все более решительного и непокорного крестьянства. Как отмечает Рев, может и не вполне корректно говорить, что правительство в 1956 г. было сброшено крестьянством, но есть резон утверждать, что дух освобождения сгустился после 1954 г. в результате крестьянского сопротивления. Последовавшие экономические и социальные реформы в Венгрии и в целом в Восточной Европе, по его утверждению, основывались на легализации основных форм сопротивления, что во многом определяло основной абрис нового политического курса. Параллель с Китаем поразительна. Опять тот же эффект, причем достигнутый не через открытое политическое столкновение, а скорее в результате однотипных действий миллионов сельских тружеников. И хотя между ними не было конспиративной договоренности, каждый из них знал, что он не одинок в своих действиях. Подобно любим другим крестьянам Восточной Европы, венгерские крестьяне имели возможность опереться на многовековые традиции молчаливого сопротивления, понимая, насколько этот вид борьбы снижает персональный риск для каждого ее участника. И все же крестьяне несли ощутимые потери; к 1953 г. число арестованных и сосланных в лагеря достигало 20% всего сельского населения.

Однако необязательно обыденное сопротивление и вызываемый им кризис заготовок приводят к уступкам со стороны государства. Об этом с наибольшей очевидностью свидетельствует история Советского Союза. К 1921 г. ленинское государство потерпело тяжелое поражение от крестьянства и оказалось в тупике, за которым последовала либерализация нэповского периода. К 1929 — 1930 гг. сталинское государство оказалось в столь же безвыходном положении, потому что крестьяне прятали и пускали в частную продажу подлежащий поставкам хлеб, выводили из строя свои орудия труда, забивали скот. Они и сами были на пороге голодной катастрофы. Но на этот раз решительным ответом была сталинская сплошная коллективизация. Последовавшие расправы, депортации и голод, по сдержанным оценкам, стоили 10 млн жизней. Когда М.А. Шолохов, впоследствии нобелевский лауреат, написал вождю о надвигающейся угрозе голода и грубых перегибах в политике коллективизации, Сталин в своем ответе зло и язвительно коснулся «тихих» форм сопротивления, практикуемых крестьянами: «А другая сторона состоит в том, что уважаемые хлеборобы вашего района (и не только вашего района) проводили «итальянку» (саботаж) и не прочь были оставить рабочих, Красную Армию — без хлеба. Тот факт, что саботаж был тихий и внешне безобидный (без крови), этот факт не меняет того, что уважаемые хлеборобы, по сути дела, вели «тихую войну с Советской властью».

Путем использования всей мощи советского государства, посылки партийных кадров на село для организации колхозов (многих из них пришлось потом заменять как проникшихся крестьянскими интересами), путем расправ над теми, кто сопротивлялся коллективизации, и высылки их в трудовые лагеря, путем изъятия зерна, невзирая на то, что это может обернуться угрозой голода для крестьян, власть победила в той войне. Результаты для производства были разрушительными, но теперь оно значительно сильнее контролировалось советским государством, равно как и жизнь производителей. Хотя открытые разговоры о «голоде» были в тот период под строжайшим запретом, один партийный деятель очень прямолинейно высказался однажды о том, что за война тогда велась: «Жестокая борьба идет между крестьянами и нашей властью. Это борьба насмерть. *Этот год был решающей проверкой нашей силы и прочности.* Потребовался голод, чтобы показать им, кто здесь хозяин. Это стоило миллионов жизней, но колхозная система создана. Мы выиграли войну».

Эта победная реляция лишней раз подтверждает, что в случае прямого столкновения с властью почти всегда выигрывает государство, чей аппарат принуждения отлажен и мобилен. Однако если взглянуть исторически на последствия тех событий, то под большим вопросом оказывается, так ли уж оно выиграло. Современные колхозники, чьи заработки в общественном хозяйстве едва достигают прожиточного минимума, отвечают не слишком большим трудовым энтузиазмом, подворовыванием, побочными заработками — часто с использованием госсобственности, — а также тем, что по-настоящему трудятся только на своем личном подворье. Правда, и им дорогой ценой обходится это их сопротивление. В личном хозяйстве практически приходится отработывать второй рабочий день, причем оно является «колоссальным эксплуататором детей, стариков и инвалидов». Внешнему наблюдателю может показаться, что здесь имеет место попытка мелкой буржуазии возродиться, но процесс проходит в таких стесненных условиях, что результаты напоминают ту самую самоэксплуатацию, какую Хэммондс описал у английских ткачей, а Чаянов — у российских крестьян в прежние времена, когда они переходили на возделывание льна. С результатами такого сопротивления советских тружеников села Горбачев столкнулся в форме вечной и непреодолимой проблемы слабости государственного сельского хозяйства. Причем результаты эти вряд ли были бы столь масштабны без скрытого, а может, и не очень-то скрытого соучастия в такого рода сопротивлении местного начальства, конторских служащих, водителей, агрономов, бригадиров и специалистов, из которых редко кто боролся с соблазном рассматривать свой кусочек государственной власти как личную собственность. Уклонение же основных производителей от активной работы в общественном секторе — естественная и обыденная реакция на конфискацию их труда в государственной экономике. Само по себе это не может повлечь реорганизации аграрной экономики на иной, менее эксплуататорской основе, но может со всей определенностью показать, какие условия не способствуют активным объединенным производительным усилиям в сельском хозяйстве.

Почему так мало письменных свидетельств

Рассматривая проблематику обыденного сопротивления, мы исходим из того, что в историографии классовой борьбы существует огромный перекосяк в сторону государственного направления исторических исследований. Событиями, заслуживающими внимания, считаются те, что в свое время привлекали внимание государства, правящих классов, интеллигенции. Так, какому-нибудь пустяшному и вздорному бунту может уделяться внимание, совершенно несоизмеримое его месту в истории классовых отношений, в то же время куда более значимые для этой истории бегства, саботаж, воровство могут совсем обходиться вниманием. Небольшой бунт, вроде заведомо обреченного восстания рабов, привлекает своими разбоями, погромами и революционными лозунгами, но для большинства угнетенных классов такие исторически редкие эпизоды имели меньшую значимость, чем осуществляемая ими день за днем упорная партизанская борьба против власти имущих.

Обыденные формы сопротивления не создают шума вокруг себя. Но подобно тому, как миллионы окаменевших полипов создают коралловый риф, тысячи и тысячи мелких актов неподчинения и уклонения создают свой собственный экономический и политический барьерный риф. И уже в развитие этого образа: когда государственный корабль налетает на такой риф, все внимание обычно сосредоточено на самом кораблекрушении, но не на том, откуда же возникла махина, пустившая корабль на дно. Авторы тысяч и тысяч мелких актов сопротивления и не ищут к себе внимания. Им без него спокойнее. Маленькие хитрости крестьян потому и удаются, что никто не представляет, как они делаются, а потому нет более заинтересованных лиц в том, чтобы не попасть в архивы, чем сами крестьяне. Их трюки не оставляют улики и следов. Историк, как правило, лишь по косвенным уликам может обнаружить в архивных записях следы обыденного крестьянского сопротивления — если, конечно, он знает, что ищет. Изменения в объемах зернопоставок из определенных районов, необъяснимое падение скотопоголовья

в крестьянских хозяйствах, провалы с проведением армейских наборов, демографические сдвиги, объяснимые только бегством населения, жалобы помещиков и местных властей на увиливание крестьян от обязанностей и воровство — вот такие сигналы может принимать историк из зоны политической активности, в которой классы-антагонисты отвоевывают или теряют жизненное пространство. Но даже и такие свидетельства, скорее всего, сигнализируют о значительных сдвигах в уровне сопротивления, а не о той кропотливой и ежедневной деятельности, которая стремится остаться незамеченной.

Редко случается так, чтобы государственные чиновники обнаруживали желание опубликовать свидетельства неподчинения на уровне обыденного сопротивления. Сделать это — значит признать свою политику непопулярной и, более того, обнаружить, сколь непрочна и эфемерна их власть в деревне, — то и другое явно не в государственных интересах. Таким образом, и сама природа этих действий, и само желание противоборствующих сторон — каждой в своих интересах, — чтобы они оставались незамеченными, создает ситуацию заговорщического молчания, которое вычеркивает их из официальной писаной истории.

Подобной ситуацией определяется прежний взгляд на крестьянство как на класс, который швыряло от периодов задавленной пассивности к коротким разрушительным и бесполезным взрывам гнева. Конечно, верно, что «обычное» поведение крестьян в периоды спокойствия рисует нам картину смирения, страха и осторожности. Напротив, крестьянские восстания выглядят как проявления животной ярости. Но от такого взгляда ускользает то важное обстоятельство, что «обычная» пассивность крестьянства заполнена тихой и молчаливой борьбой вокруг урожая, налогов и платежей, труда — и в этой борьбе тупое смирение есть не более чем поза, тактика. Официальные записки о согласии и почтении отражают только часть двойной жизни, которой, по разумению У. Дюбуа, принуждены были жить все подвластные группы. «Такая двойная жизнь с двойными мыслями, двойными обязанностями... должна была определять и двойное отношение к работе, двойные идеалы и метания ума от отговорок к бунту, от лицемерия к радикализму». Взрывы открытого конфликта, которыми полна писаная история, были обычно знаком того, что обычные, но скрытые от глаза формы классовой борьбы не дают угнетенным нужного результата или, наоборот, успешны настолько, что вызвали политический кризис. Такие открытые проявления войны со смертельным риском бывают лишь после длительной и упорной борьбы в иных условиях.

Что считать сопротивлением

Можно возражать — и часто возражают — против большого внимания к этой деятельности, которая относится к категории обыденного сопротивления, поскольку она представляет собой тривиальные механизмы приспособления и политические формы самопомощи или, в лучшем случае, дополитические. На этих позициях, по-моему, стоят Э. Хопсбаум, Ю. Дженевезе и др.

Аргументация против более внимательного рассмотрения форм обыденного сопротивления в рамках анализа классовых отношений исходит из того, что эта деятельность несущественна, поскольку она: 1) неорганизована, несистематична и индивидуальна; 2) ловит удобный случай и преследует личную корысть; 3) не имеет революционных последствий и 4) всей своей логикой подразумевает приспособление к доминирующей структуре. Такая аргументация, очевидно, предполагает, что «настоящее сопротивление» идейно и организационно оформлено и имеет четкие революционные намерения.

Вопросы подходящего случая и личной корысти здесь уже рассматривались. Еще раз лишь подчеркнем, что если классовое господство — это процесс систематического присвоения, тогда действия, препятствующие этому присвоению, составляют форму классового сопротивления. Вся классовая борьба — неизбежное сочетание личного материального интереса и социального конфликта.

Что до намерений и последствий обыденного сопротивления, то «сопротивляющиеся» действительно редко претендуют на, то, чтобы совершить революцию, и стара-

ются своими действиями не бросать открытый вызов существующему режиму. Однако может быть вполне убедительно показано, что реальные намерения и тех крестьян, и даже пролетариев, которые участвуют в революциях, редко (если вообще когда-либо) можно квалифицировать как революционные цели. Другими словами, революционное действие обычно совершается рядовыми участниками событий, не имеющими революционных целей. Возможно, действия вроде воровства, браконьерства, дезертирства и саботажа и отличаются от революционных действий тем, что они избегают открытой конфронтации, а потому в определенном смысле приспособляются к существующим отношениям власти. С подобной точки зрения, скажем, браконьер самой скрытностью своих действий уже признает существующий правопорядок, в отличие от революционеров, которые открыто в него вторгаются, перераспределяя собственность во имя справедливости. Однако не рассматривать всерьез браконьерство на этом основании — значит упускать из виду определяющее значение отношений власти для тех форм сопротивления, которые доступны подчиненным классам. Если открытое сопротивление явно связано со смертельной опасностью, многие формы сопротивления оказываются просто нереальны; но, если открытое сопротивление все же имеет место, его масштаб и реальные результаты во многом определяются уровнем и размахом ответных репрессий. Под их напором крестьянство не однажды моментально переходило от открытой организованной радикальной деятельности к спорадическим актам мелкого сопротивления. Изменялись в таких ситуациях не цели крестьянства, а напор властей.

Но есть еще одна проблема, возникающая в связи со спором, что считать организованной деятельностью, а что нет. Обыденное сопротивление соткано из индивидуальных действий, которые, разумеется, никак формально не координируются. Существует, однако, концепция организованной деятельности, связанная с наличием бюрократических координирующих органов. В нее не укладывается понимание того, как все эти мелкие акты могут координироваться посредством сложных социальных связей и традиций в сельских сообществах, а также глубоких и богатых исторических традиций сопротивления претензиям со стороны внешних структур. Не будет, например, преувеличением утверждать, что народная культура, крестьянская «малая традиция», во многом восходит к оправданию или даже к восхвалению тех самых скрытых и лукавых форм сопротивления, о которых здесь идет речь. Теми или иными путями (сказки про разбойников, обманщиков, крестьян-ловкачей, религиозные мифы, пародирование властей во время празднеств и карнавалов) крестьянская субкультура способствует пропаганде разного рода симуляции, браконьерства, воровства, уклонения от налогов и от армейского призыва и т.д. Не будучи координирующей силой в формальном смысле слова, народная культура создает определенный «моральный климат», который в более формализованном обществе достигается массированными пропагандистскими кампаниями. Одной из поразительных черт крестьянских обществ является то, до какой степени отлажен многовековой практикой и пониманием весь сложный комплекс жизнедеятельности — от труда до свадебных приготовлений и обрядов. Это относится и к бойкотам, и к уклонению от налогов и завышенных зернопоставок, и к заговорщическому молчанию, которым окружена практика подворовывания у помещика. Никаких формальных координирующих органов тут нет за ненадобностью; тем не менее мы ощущаем во всем этом такой уровень согласованности, что об отдельных беспорядочных действиях и речи быть не может. Не будет, наверное, слишком смелым и то предположение, что исторический опыт крестьян побуждает их склониться к таким формам социального действия, как неуловимым для внешнего надзора и контроля.

Подчеркнем, что обыденные формы сопротивления не есть крестьянская монополия. Те, кому приходилось анализировать действия помещиков перед лицом грядущей земельной реформы (отказ от титулов, подкуп чиновников, изменение севооборотов), не могут не увидеть сходства. В данном случае сопротивляющихся роднит с крестьянством то обстоятельство, что противодействовать приходится более мощной общественной силе — государству. Получается, что данный тип сопротивления — в сущности, обычная уловка более слабой общественной силы с целью ограничения претензий своего

политического или классового оппонента, обладающего полнотой власти в обществе. Против такого всеобъемлющего определения может быть выдвинут ряд возражений. Например, вопрос может быть поставлен так, что сам термин «обыденное сопротивление» применим только к классам, занимающим нижние ступени социальной лестницы. Но этот аргумент не представляется слишком веским, поскольку раз есть концепция определенного социального поведения, любое поведение, отвечающее ее основным понятиям, имеет к ней прямое отношение. Есть два более существенных возражения. Во-первых, классы, более высокостоящие в социальной стратификации, располагают обыкновенно и другими средствами политического давления на власти и чиновничество. Так, у средних и высших классов в либерально-демократическом обществе существуют такие возможности, как проведение политических кампаний, лоббирование и легальное сотрудничество, чтобы реализовать свое влияние на властные структуры. Для крестьянства и других низших слоев практически на протяжении всей истории обыденные формы сопротивления были единственным прибежищем, помимо восстания. Во-вторых, весьма проблематичен вопрос мотивов сопротивления. По определению, обыденное сопротивление ведется против претензий и домогательств, которые единодушно признают несправедливыми, но открытый протест невозможен из-за боязни репрессий. Именно на этом единодушном ощущении несправедливости основывается молчаливое согласие сопротивляющихся, чьи намерения и мотивы трудно распознать, поскольку есть серьезные основания скрыть их. Но когда налицо и сложившиеся формы обыденного сопротивления, подкрепленные устойчивыми на социально-психологическом уровне представлениями о должном и справедливом, и решимость сопротивляться, и реальная возможность жестких репрессий со стороны власти, в этом случае сопротивление почти наверняка будет развиваться в рамках данного определения.

Подчинение и политическое лицемерие

Сдерживание проявлений гнева и агрессии низших слоев и групп есть неотъемлемая часть социализации их членов. В ответ эти группы и слои всегда широко практиковали политику лицемерия и притворства, с тем, чтобы завуалировать свое реальное сопротивление. Вместо открытых выпадов — сплетни, слухи, прозвища, террор исподтишка; вместо прямых столкновений — саботаж, поджоги, ночные угрозы людей в масках (капитан Свинг и т.п.); вместо трудовых конфликтов — увиливание, нерадение, вредительство; вместо бунтов против налогов и выборов — уклонение и укрывательство.

Все эти формы политической борьбы могут вестись под личиной уважения, почтения и согласия. Никаких публичных вызовов, никакой открытой конфронтации. С наибольшей вероятностью эти формы обнаруживаются в тех сферах политических отношений, где уровень контроля со стороны властей наибольший. Для государства куда проще обложить акцизным сбором роскошные импортные автомобили, прибывающие в главный порт, чем защищаться от контрабанды зерна или собирать подоходный налог со своих крестьян.

Преимущество обыденных форм сопротивления не только в меньшей опасности быть схваченным за руку. Не менее практичным их свойством является и то, что при благоприятных условиях они могут быстро приобретать размах и качество открытого противостояния, а в обратном случае — практически мгновенно сворачиваться. Положение арендатора, задолжавшего хозяину земли, отличается от положения крестьян, имеющих недоимки в тех же размерах, которые могут тянуть с уплатой под тем предлогом, что у них свое право на эту землю. Если власти усмотрят в этом угрозу своему положению и обнаружат соответствующую готовность и решимость, крестьяне вполне могут перевести свое сопротивление в более безопасное русло, например самовольного использования чужой земли. Вся их тактика направлена на сведение к минимуму возможных потерь. Скваттеры, скажем, даже если их действия имеют политическую поддержку, столкнувшись с применением силы, скорее всего, уйдут с частных или государственных земель, с тем чтобы потом потихоньку вернуться. Если обыденному сопро-

тивлению и не хватает решительного действия или четко сформулированных требований, они с лихвой восполняются его способностью неумолимого давления на власти и обеспечения сопротивляющимся секретности и относительной безопасности.

Наверное, самая удивительная черта обыденного сопротивления подвластных групп — как символического, так и сугубо материального — состоит в широком использовании маскировки. Она сводится к двум основным типам с множеством промежуточных вариантов. Первый и наиболее распространенный — стремление сопротивляющегося остаться незамеченным, анонимным. Браконьер, воришка, дезертир или укрыватель своего добра от налоговых претензий — все они надеются, что их действия пройдут незамеченными. А те, кто пускает всякие слухи и сплетни, анонимны по определению — никогда не найдешь автора, хотя охотно распространяющих слухи, не счесть. Стремление замаскироваться часто обретало не метафорические, но самые буквальные очертания. Протест крестьян и сельскохозяйственных работников в Европе во множестве дает примеры движений, требования которых были ясны и открыты, а сами требовавшие маскировали свои лица. В «беспорядках» капитана Свинга в 1830-е годы работники ферм устраивали факельные шествия по ночам в масках, требуя разломать механические молотилки. Все было ясно с этим протестом, включая классовую принадлежность протестовавших, кроме их личностей. Традиции маскировать свое лицо, с тем, чтобы высказать хозяевам горькую правду, нашла свое отражение в карнавалах и других ритуалах народной культуры.

Второй тип маскировки в обыденном сопротивлении крестьянства исходит из обратной посылки — когда нет необходимости маскировать личность требующего, поскольку весьма смутно и неясно само требование. Многие сказки в народных культурах крестьян и рабов попадают в эту категорию. Необычайная популярность образов ловкачей и обманщиков (Тиль Уленшпигель, Братец Кролик и др.) объясняется, по-видимому, тем, что они несут не просто протест, но и представление о рациональных формах протеста. Поскольку он завуалирован, властям трудно понять, куда должен быть направлен ответный удар. Духовные песни черных рабов, в которых с силой звучат ветхозаветные темы свободы и справедливости, или так называемые плакаты «Мир вверх тормашками» (например, гравюра, изображающая крепостного, который едет верхом на своем господине) можно рассматривать с этих позиций. Для крестьян всегда было характерно претензии и угрозы в адрес властей и верхов облекать в иносказательную форму. Так, во Франции в начале XVIII в. поджигатели обычно формулировали свои угрозы богатым хозяевам или землевладельцам-аристократам таким образом: «Тебя разбудит красный петух!», «Я раскурю твою трубку», «Я пришлю тебе человека в красном, он тут все снесет». Значение сказанного сомнений не оставляло, но форма была такова, что всегда, можно было избежать наказания.

Многие формы сопротивления в опасные времена тяготели к неопределенности, двойственности, чтобы всегда можно было представить дело так, что никакого открытого вызова тут нет и для прямых репрессий нет оснований. На этом основании можно утверждать, что настало время для разработки специальной теории политической маскировки угнетенных слоев. Типология их поведения по вуалированию своих политических действий и анализ ситуаций власти, в которых они тяготеют к тому или иному поведению, позволил бы нам лучше понять, как им, по терминологии А. Гиршмана, удастся «сказать свое слово» в условиях угнетения. Вместо открытого вызова мы сталкивались бы здесь с эвфемизмами и иносказаниями; вместо ясного изложения претензий — с ропотом и ворчанием; вместо явной конфронтации — с глубоко запрятанным вечным несогласием.

В этом кратком очерке обыденных форм сопротивления нет возможности для развития каких-то положений такой теории, но ниже дается представление об одном из возможных направлений исследований.

Угнетение и маскировка сопротивления

Форма угнетения	Формы замаскированного сопротивления
Материальное угнетение: присвоение зерна, труда, взимание налогов и т.п.	Обыденные формы сопротивления: браконьерство, самовольный захват земли, дезертирство, уклонение, не-радивость в работе на сторону. Прямое сопротивление при скрытности сопротивляющихся: разбои и грабежи, «карнавальные» представления.
Отрицание человеческого статуса: унижение, поползновения на достоинство и неприкосновенность.	Глубоко запрятанные гнев, агрессия и размышления о достоинстве: ритуальная агрессивность, сказки о мести, создание автономного социального пространства для утверждения достоинства.
Идеологическое угнетение: оправдание правящими классами рабства, крепостничества, кастовости, привилегий.	Развитие диссидентской субкультуры: тысячелетняя религия, «тихие беседы» рабов, народные религии, мифы о благородных разбойниках и героях — защитниках своего класса.

Политические жесты, сопротивление и восстание

Чтобы лучше представить реальность, стоящую за понятием обыденных форм сопротивления, следует коснуться и проблемы политического жеста. Браконьер, стремясь получше спрятать свои истинные намерения, может на публике всячески демонстрировать свое почтение и преданность тем, на чью собственность он тайком покушается. Очень часто органической частью акта сопротивления является охотно обнаруживаемое внешнее одобрение устоев того порядка, на который направлено сопротивление, — так практичнее подрывать эти устои. Когда акт обыденного сопротивления неизбежно должен быть замечен, когда подразумевается, что он должен сигнализировать о наличии сопротивления — как в случае с поджогом или саботажем, — тогда сопротивляющиеся принимают очень тщательные меры по сокрытию своего авторства — часто за фасадом внешнего конформизма.

В этих случаях острая нацеленность акта сопротивления на достижение результата в сфере материальной как бы компенсируется демонстративной его ненацеленностью на конфликт в сфере духовной, идейно-политической. Можно привести для контраста примеры, где логика акта сопротивления прямо противоположна. Во время гражданской войны в Испании антиклерикалы-республиканцы врываются в церкви и соборы, извлекали из склепов останки священников, аббатов, кардиналов, монахинь, а затем разбрасывали эти останки по ступеням церквей, демонстрируя тем самым глубокую вражду и неприязнь к противникам республики. Трудно представить себе более мощный акт антиклерикального символизма, более крайнее проявление неприятия и презрения. Этот исторический эпизод до сих пор памятен в Испании, и правые силы порой обращаются к нему, чтобы показать, насколько чревато варварством резкое полевение в политике. Примечательно в этих революционных эксгумациях в Испании то, что они представляют собой символический, идейный протест почти в чистом виде. Здесь нет никакого передела собственности, никто не убит, никак не изменился баланс в противостоянии военных сил. Цель состояла лишь в том, чтобы открыто продемонстрировать крайнюю степень презрения к испанской церкви, ее символам и столпам. Можно сказать, что если тихое браконьерство находится на одном конце всего диапазона форм сопротивления,

то революционные эксгумации — на противоположном, как форма объявления открытой войны режиму.

Огромное разнообразие форм политического конфликта относится к тому же типу открытой символической конфронтации. Черные нарукавные повязки в знак солидарности с политическими мучениками, голодовки протеста, не говоря уже о различных формах культурной конфронтации, включая появление групп, явно бросающих вызов официальной культуре, — все это спорадические акты отрицания существующих порядков. Сами по себе они их, разумеется, не в состоянии разрушить, но они привлекают внимание. Будучи открытой формой конфронтации символике господствующего режима, они вместе с обыденными формами тихой борьбы по поводу собственности интегрированы в большое политическое противостояние.

Сторонники «тихого сопротивления» подобны противникам закона, считающим, что проще от него уклониться или обойти, чем изменить. Для крестьян, конечно, государство с его законами чаще всего недостижимо, отчужденно и деспотично. Коллективное политическое действие, направленное, скажем, на изменение законодательства в области собственности или гражданских прав, — удел в основном образованного среднего класса или интеллигенции.

Исследование основных причин относительно низкого уровня обыденного сопротивления может пролить некоторый свет на то, как происходят изменения в формах политического действия. Обыденное сопротивление, бесспорно, менее угрожающе для системы власти, поскольку всячески избегает выхода на уровень открытой конфронтации с ней. Если самовольные захватчики частных и государственных земель действуют не потихоньку, а открыто, провозглашая свое право на эти земли, они бросают вызов сложившимся отношениям собственности, но тем самым перестают быть традиционными фигурами тихих захватчиков. Подобное явление более опасно для политического режима. Так действовали диггеры во время Английской революции, когда расстановка сил временно позволяла им делать свое дело открыто. Таким образом, обыденное сопротивление, не идя на открытое оспаривание существующих норм права, обычая, вежливости, почтения, лояльности и т.д., в какой-то мере охраняет этот миропорядок и, более того, порождая демонстративные акты одобрения и послушания, где-то и укрепляет его. В то время как любая акция публичного протеста открыто угрожает устоям (например, отказ вставать во время исполнения национального гимна США), обыденное сопротивление на них не покушается.

Однако если в отношениях власти начинает происходить явный сдвиг в пользу угнетенных слоев, обыденное сопротивление может без лишних сложностей обернуться и открытым политическим вызовом, и тайное, глубоко запрятанное несогласие с символикой власти может стать публичным отрицанием всей системы угнетения. Эзопов язык может уступить место выразительной брани, а тихое сопротивление — самому вызывающему поведению.

Предысторию многих больших восстаний можно ретроспективно проследить под этим углом зрения. Привычное тихое сопротивление как символам власти, так и ее материальным претензиям вдруг становится массовым и открытым, когда политическая ситуация открывает новые возможности, прежде казавшиеся совершенно нереальными. Если французские крестьяне в 1789 г. жгли замки и монастыри, то вряд ли в 1788 г. они были столь уж преданными слугами своих королей и господ. Сдвиги в системе власти, делающие возможными новые формы сопротивления, часто происходят по внешним для рассматриваемой сферы политических отношений причинам, как то: резкое сокращение торговых отношений в мире, поражение в войне и т.д. Могут они породиться и самими процессами сопротивления и его подавления. Бальзак, хоть и без больших симпатий к браконьерству и воровству, в действительности точно отразил подобные процессы: «Не думайте, что Тонсар или его старая мать, или жена и дети стали бы так многословно объяснять, что мы, мол, воруем, чтобы жить, и делаем это с умом. Эти привычки складывались постепенно. Семья начала с того, что спутала несколько зеленых сучьев с сухими, затем, воодушевляемая привычкой и видимой безнаказанностью...

двадцатью годами позже семья дошла уже до того, что брала лес как свой собственный и вообще жила почти исключительно воровством. Мало-помалу они таким образом присвоили себе право пасти где угодно коров, прибирать чужие колоски и чужой виноград. Со временем Тонсары и другие ленивые крестьяне долины вошли во вкус широкого пользования этими четырьмя правами, которые деревенские бедняки считали своими и которые были доведены до масштабов настоящего грабежа. Отнять у них это теперь можно было только силой, превышающей их отчаянную наглость». Бальзак подчеркивал, добавим, что многие из этих новых «прав» крестьяне закрепили за собой, воспользовавшись ситуацией революции и последовавшего за ней политического вакуума.

На обыденные формы сопротивления можно взглянуть как на постоянное давление со стороны угнетенных в поисках слабых мест в обороне их угнетателей и в постоянном поиске пределов такого рода сопротивления. В случае с браконьерством, например, естественна постоянная напряженность в отношениях между браконьерами и егерями. Но если, скажем, оказывается, что за последние несколько месяцев случаи наказания или предотвращения отлова кроликов стали значительно более редкими, число охотников вполне может разрастись до такой степени, когда эта практика грозит перерасти в сознании практикующих в святое право. Могут и какие-либо иные обстоятельства — например, неурожай, рост цен на мясо, повышение налогов — побудить браконьеров на более рискованные действия, когда их число и решительность опрокидывают возможности тех, кто поддерживает порядок. Если браконьерство становится обычным делом для целых деревень, тут, как отмечает Бальзак, требуется иной уровень принуждения, чтобы вернуть прежний порядок. Гидравлическая метафора с водой, которая с разной силой давит на подвижную (!) подпорную стенку, дает грубое, но в целом верное представление об этом.

Подобный подход приемлем не только в случае с вызывающим действием, но и с вызывающим словом. Рабы, крепостные, крестьяне-арендаторы, работники на публике обычно говорят то, что угодно слышать их хозяевам и помещикам. Но им, конечно, есть и еще что сказать, и это говорится между собой и в завуалированной форме отражается средствами культуры (народные сказки, карнавальные представления). Существование этой сферы скрытых взглядов и тайных суждений обуславливает постоянное прощупывание сегодняшней линии дозволенного. Всегда находится особенно отважный и рискованный, озлобленный и неуправляемый представитель угнетенных, который публично высказывается на грани перехода этой линии. Если никто его не останавливает и не наказывает, остальные следуют его примеру, и линия дозволенного фактически сдвигается, образуя новое пространство для возможных высказываний и проявлений. Наблюдаемый в революциях необузданный гнев — это выход из берегов системы недозволенных прежде суждений и мнений. Не следует приписывать их содержание внешним агитаторам с их идеологиями или даже духу и настроениям революции. Будущие революционные действия уже вполне угадывались в предшествовавшей практике тихого сопротивления и сокрытых умонастроений. Просто изменились условия, заставлявшие прежде прятать эту деятельность, сдерживать и маскировать эти чувства.

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ СЕТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НА СЕЛЕ

<...>

Исследование семейных сетей социальной поддержки, как правило, включает изучение потоков взаимообменов материальными и «моральными» ресурсами¹ между семьями. Интенсивность этих потоков, качество и количество материальной и моральной помощи, которую семьи оказывают друг другу, является важным фактором устойчивости экономической и социальной жизни как отдельных семей, так и всего села в целом.

Однако в природе возникновения и существования этих сетей есть множество неясных вопросов по факторам, определяющим типы сетей, их величину, надежность и стабильность по времени и составу участников. На первый взгляд, если исходить из предположения, что стабильность сетей социальной поддержки определяется, с одной стороны, количеством времени, которое они тратят на взаимопомощь, совместный отдых или поддержку в экстремальных для семьи обстоятельствах (в период болезни, при потере имущества, утрате близких и т.п.), с другой — размером материальной поддержки (помощь в денежном или натуральном выражении, в том числе своим трудом), то сети с мощными потоками временных и материальных ресурсов будут самыми стабильными.

В реальной же жизни есть примеры, когда такие сети нередко распадаются гораздо быстрее, чем социальные, в которых аналогичные потоки намного слабее. Это зависит от типа сетей, характера взаимоотношений между ее членами, культурных традиций и обычаев данного народа, от местных и внутрисемейных норм и правил поведения. Важно также учитывать временные этапы существования сети. Например, взаимообмены между родственниками одного из семейных кланов наших респондентов вначале были достаточно интенсивны. Часто ходили в гости друг к другу, помогали вести подсобное хозяйство, ремонтировать хозяйственные постройки, обменивались продуктами и одалживали деньги. Однако их многочисленная родня, среди которой многие злоупотребляли алкоголем, начали подрывать экономическое благополучие семьи респондентов, что привело к разрыву отношений.

Поэтому стабильность сети социальной поддержки скорее определяет значимость взаимообменов для материального и морального благополучия семьи, чем их количество. Значимость взаимообменов подразумевает признание важности такой помощи для семьи, осознание, что помогающая сторона идет на определенные жертвы, оценку их справедливости.

Исходя из этого надежность социальной сети поддержки в селе, где родители-пенсионеры оказывают помощь своим детям в больших размерах, чем получают в ответ, зависит от состояния тонкого механизма социальных отношений между членами семейного клана, соседями и друзьями. Он представляет собой установки, связанные с безвозмездной помощью детям независимо от их возраста и их способности зарабатывать на жизнь, низкой оценкой собственного вклада живым трудом или продуктами со своего подворья, уверенностью в гарантированность «отсроченной» помощи, т.е. как бы оказывая поддержку сегодня могут рассчитывать на ответную помощь в будущем. Кроме того, важны местные и национальные традиции, и обычаи, а также индивидуальный жизненный опыт и мировоззрение членов сети.

Например, факт признания детьми неэквивалентности обмена ресурсами в сети (родители дают больше, чем они могут предложить взамен) является положительным фактором для стабильности сети, но только тогда, когда дети, создавая свою семью,

---

¹ * Под моральными ресурсами мы понимаем все виды психологической помощи и поддержки, которые члены семей оказывают друг другу. Они выражены в степени эмоциональной вовлеченности членов семейных сетей в жизнь всех семей, которые входят в сеть социальной поддержки. Это разнообразные способы выражения дружеского участия, например, разделение радости или горя в разных жизненных ситуациях, моральная поддержка в трудные моменты. Это готовность выслушать проблемы, поступиться своими интересами, временем и силами. Определенная степень альтруистичности в мотивации помощи членам сети.

убеждены в том, что они должны кормить себя сами и в будущем также помогать своим родителям.

Так, наша респондентка А-ва на вопрос о равноценности взаимопомощи ответила: *«Нет, она очень неравноценна. Я даже не знаю как... Мы очень мало родителям помогаем по сравнению с тем, что они делают для нас. Это несправедливо. Я считаю, что мы должны больше родителям помогать и, если уж мы создали семью, то мы должны как-то сами для себя больше работать стараться».*

Сегодня в Поволжском селе одним из наиболее распространенных типов социальной сети является *семейно-родственный*, где основу «сетевых» отношений составляют взаимосвязи между близкими родственниками в рамках семейного клана, а включенность в сеть друзей или соседей не очень значима для стабильности и развития сети. В такой сети помощь родителей детям в период становления молодой семьи может быть очень значительной, а потом ослабевает и затем начинает усиливаться обратная связь — помощь детей родителям, если они в ней нуждаются, становится преобладающей в их взаимоотношениях. Такой тип сети социальной поддержки можно назвать патриархальным.

Вместе с тем существуют сети, в которых потоки ресурсов со стороны детей (оказываемая ими помощь родителям) преобладают над теми, что могут предоставить родители, причем происходит это на достаточно раннем этапе. Более же частое явление — когда родители поддерживают своих детей практически до конца своей жизни. Сегодня одна из причин материальной родительской опеки в семейной сети — проблема трудовой занятости молодежи, нестабильное положение сельскохозяйственных предприятий. В то же время родители-пенсионеры регулярно получают пенсию, что выгодно отличает их от работников кооперативов и фермерских хозяйств.

И, наконец, встречаются сети, в которых взаимообмен ресурсами между родственниками настолько эпизодичен, что можно поставить под сомнение сам факт ее существования.

Другой тип сетей основан на преобладании взаимообменов между друзьями, соседями, членами трудовых коллективов и общественных организаций. Такую социальную сеть можно условно назвать *коллективной, или «общинной»*. В селе такая сеть характерна для мигрантов либо сельских семей, у которых по разным причинам семейный клан не сложился. Ее основу составляют также семьи, но отношения строятся не на родовых обычаях взаимопомощи, а на традициях и нормах отношений между соседями, друзьями, земляками, товарищами по работе или по другим видам деятельности.

Рассматривая типичную для современного села социальную сеть поддержки, которая типична для Поволжья, нельзя обойти вниманием влияние на ее формирование социального контекста села. Например, интенсивность и размеры взаимообмена ресурсами между членами сельской сети поддержки не определяют характер эмоциональных связей, от которых зависит в основном стабильность сети во времени и по составу участников. Респонденты отмечают, что в последние несколько лет хождение в гости, праздники стали проблемой, так как нет возможности купить подарки. *«Ну стараешься хоть конфет горсть принести, а что-то приличное, так денег нет. А как с пустыми руками придешь? Вот и ходим реже».*

Препятствием для интенсивного общения между соседями, знакомыми и родственниками является имущественное расслоение на селе. Например, фермер из Саратовской области так говорит об этом: *«С соседом реже стали общаться. Запросто уже не заходим друг к другу. Ну вот как, он ко мне приходит, у меня всегда и выпить и закутить, как говорится, все по-человечески, угостить в любой момент могу, хошь налью, хошь что. А у него встретить гостей иной раз нет ничего. Вот ему неудобно передо мною. И мне перед ним тоже неловко. Вроде достатком своим хвалюсь. Деньги он у меня занимает, а я у него нет, ну потом-то задержит, то так, давно уже не спрашивал, может, у других занимает. А так отношения хорошие у нас с ним».*

В оценке прочности сети социальной поддержки сегодня большую роль играет сравнительная ценность оказываемой материальной и моральной помощи. Так, о зна-

чимой помощи можно говорить, если она, **по мнению участников обмена**, составляет весомую долю бюджета семьи, которая ее оказывает, или больших физических и временных затрат. Однако субъективное восприятие размеров часто значительно различается от объективных данных о обменах между семьями в рамках сети социальной поддержки. Наибольшую наглядность дает метод триангуляции², когда данные качественных интервью накладываются на семейные бюджеты, отражающих ежемесячную фиксацию доходов и расходов семьи. Так, родительская семья респондентки М. получила от семьи своей дочери Л., живущей в этом же селе, продуктов животноводства и овощей на сумму около 3500 руб. В свою очередь, они передали дочери продуктов на 1500 руб. Другой своей дочери О., живущей в городе, ими было передано продуктов и денег на 1700 руб., а от нее получено на 30 руб.

На вопрос интервьюера об эквивалентности обменов в их семейной сети и справедливости существующего положения, респондентка ответила, что они больше помогают Л., чем она им, что большая поддержка идет от дочери, живущей в городе, которой они должны помогать больше, но не могут. Эта оценка выглядит еще более субъективной, если учесть, что Л. постоянно помогает ей в ведении подсобного хозяйства. Когда она попала в больницу на два месяца, Л. взяла к себе домой отца, где он жил до ее выздоровления.

В то же время О. приезжает к матери примерно один раз в месяц, помощи в подсобном хозяйстве родителям не оказывает, и материальная поддержка от нее за год оказалась почти в 100 раз меньше, чем от Л.

Этот субъективизм как раз и позволяет увидеть скрытые механизмы существования сети, которые скорее относятся к области «моральной экономики», где действуют свои правила эквивалентности обменов. Например, треть натурального дохода в бюджете сельской семьи одного из наших респондентов уходила на обеспечение продуктами городских родственников. Попытки оценить степень эквивалентности обменов между семьями респондента и семьей его брата, живущего в городе, показали, что из села вывозится в 2—2,5 раза (в денежном перечислении) больше, чем привозится из города. Однако в беседах с респондентом выяснилось, что субъективно городские подарки (колбасные и кондитерские изделия, консервы, фрукты и т.п.) и помощь в обработке огорода, сборе урожая и других мелких услугах воспринимаются, наоборот, как гораздо большие затраты горожан. На просьбу исследователя прокомментировать свой бюджет в части «помощь родственникам», респондент сначала выразила удивление по поводу столь больших расходов, но потом сказала: *«Ну это еще как посмотреть, кто кому больше дает. Он (брат) вон зимой огурцы свежие привез, где бы я здесь их нашла? В городе всегда есть, где остановиться. Когда что-то надо, лекарство там или еще что, он купит, привезет. Да даже не в этом дело, брат все-таки. Чего я буду считать, кто кому больше дал. Мы так не делаем»*³.

Здесь можно увидеть и специфическую для села недооценку своего живого труда и его результатов по сравнению с затратами городского родственника, и моральную позицию, и своего рода эквивалентность в обмене, которые имеют свои безусловные преимущества.

Таким образом, мы можем сделать несколько выводов об особенностях сельской сети социальной поддержки в селе:

1. *Под семейной сетью социальной поддержки мы будем понимать систему социальных отношений семьи на основе родства с представителями формальных и неформальных институтов общества, которые обеспечивают семье доступ к необходимым ресурсам и поддерживают ее социальный и экономический статус.*

² Ковалев Е.М., Штейнберг И.Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999. С. 308—311.

³ Штейнберг И. Русское чудо: Локальные и семейные сети взаимоподдержки и их трансформация // Неформальная экономика: Россия и мир / Под. ред. Т. Шанина. М., 1999. С. 227-239.

Однако поддержка социального и экономического статуса семьи в реальной жизни редко ограничивается только помощью со стороны родственников. Ведь может быть ситуация, когда семья их не имеет. Как правило, семья включена в более широкий круг социальных отношений и получает материальную и психологическую поддержку не только от родственников, но и локального сообщества, в жизнь которого она включена. И так, *под локальной сетью социальной поддержки понимается система социальных отношений, направленных на осуществление материальной и психологической поддержки членов локального сообщества на основе дружественных связей между ними, а также традиций и формальных и неформальных норм социальной помощи, принятой в данном сообществе.*

2. На основе результатов, полученных в ходе наших исследований, можно выделить несколько факторов стабильности в неформальных сетях поддержки. К ним относятся:

относительно постоянный состав элементов сети, включая представителей социальных институтов и физических лиц, которые включены в отношения взаимобмена в пределах этой сети и идентифицируют себя с теми, кто в ней задействован, например, выражают свою принадлежность к семейному клану, производственному коллективу, дружеской компании и т.п. Кроме этого, отождествление себя с данным сообществом сопровождается удовлетворенностью своим статусом в ней;

особые отношения доверия и взаимопомощи; совместимость между членами сети, подтверждением чего являются многочисленные непосредственные контакты друг с другом; поддержание групповых норм оказания в случае необходимости материальной и психологической поддержки;

насыщенность сети материальными ресурсами и (или) социально значимый символический капитал (престиж, социальный статус, признание, безопасность), несущие в себе элемент страховки и в случае непредвиденных обстоятельств дающие ее членам уверенность и другие позитивные последствия от включенности в сеть;

наличие тенденции развития сети в сторону расширения круга ее деятельности и контактов с другими сетями внутри села и за его пределами. Здесь важно подчеркнуть, что сеть имеет свои ограничения по своему размеру как в сторону увеличения числа членов сети, так и пределы минимального числа ее участников. Мы наблюдали ситуацию, когда сеть социальной поддержки семьи была практически разрушена быстрым увеличением числа ее членов за счет многочисленных родственников мужа дочери главы семьи, которые остро нуждались в материальной помощи.

Позитивный субъективизм восприятия реальных размеров взаимопомощи в сетевых обменах основан на традициях, эмоциональных связях и внутренних нормах и ценностях семьи.

Как в городе, так и в селе прагматическая ценность социальных связей сельской семьи зависит от количества и качества «узлов» горизонтальных и вертикальных отношений в локальных и семейных сетях поддержки. Это так называемый «блат», который, по определению А. Леденевой, является «обменом доступами к дефицитным ресурсам, где главную роль играют личные отношения, действующие в обход официальных процедур»⁴.

В современных условиях межсемейные сети социальной поддержки, которые, располагаясь преимущественно в области неформальной экономики, служат важным системообразующим элементом экономического поведения сельского населения. От состояния этих сетей во многом зависит способность семейной экономики адаптироваться к неблагоприятным условиям политической и экономической ситуации в России.

---

⁴ Ledeneva A. Economy Favours: Networking & Informal Exchange in Russia. Cornell University Press, 1988.

**КРЕСТЬЯНСКИЕ СЕМЕЙНЫЕ ХРОНИКИ:
РЕПОРТАЖ С ДИКТОФОНОМ НА ШЕЕ**

Крестьянская семья как субъект истории и ее свидетель

Если согласиться с тем, что крестьянин до сих пор остается «великим незнакомцем», то верным будет и то, что время, прожитое и проживаемое сейчас крестьянством, можно назвать «великой неизвестностью». В самом деле, многое ли мы знаем о былой и нынешней деревенской повседневности? Каковы ее подробности и структуры? Не складывается ли наше понимание уже ушедших и продолжающих жить сегодня крестьянских миров на неких поверхностных впечатлениях, внушающих нам мысль о принципиальной элементарности, неразвитости, «скудельности» и, как весьма крепко выразился один мыслитель, «идиотизме» сельского существования?

Каковы бы ни были ответы на подобные вопросы, крестьянство и по сей день продолжает оставаться загадкой — социальной, экономической, психологической, политической и культурной. Наше исследование было задумано как попытка в очередной раз поглубже изучить и попытаться объяснить хотя бы некоторые элементы этой загадочности и неизвестности. Размышляя о том, с какой стороны следовало бы подойти к изучению крестьянской жизни, мы пришли к заключению, что пределом деления сельских общностей должна стать семья. Именно семья, за плечами которой всегда прослеживаются более или менее глубинные процессы данного крестьянского рода, выступающие в качестве особого, не похожего на иные, «кванта» социально-экономической и культурной истории деревни. *«А вот послушаем да поглядим, какого ты, есть роду-племени!»* — вот выраженное на языке самих крестьян понимание семьи как самостоятельного, иного, чем другие, исторического субъекта. В то же время семья является и свидетелем, инстинктивным «хронотопографом» того исторического поля, где она движется. Как субъект крестьянской истории она может быть достаточно объективной, когда попробует заняться реконструкцией обстоятельств собственного повседневного существования. Приведем одну из таких простодушных, но удивительно точных «реконструкций».

«А как в колхоз стали загонять, погодили годик, поупрямились, а потом видим — уж нельзя, и перестали упрямитесь, и пошли все в колхоз. А в колхозе полюбилось всем что? А тут беззаботно: дадут наряд, и пойдешь его выполнять. Пахать поедем, боронить, жать... Жать — серпами все жали, молотить — приводом молотили. В колхозе все у нас готовое. Не надо ни борону, ни телегу, все сладят. Мужики были мастера и кузнецы, дадут им наряд, вот они все и сделают. А наряда очень слушались, никто не отпирался. Куды пошлют, туды и пойдём. Раз надо работать, дак... Не спорили. Дадут наряд и не разговаривали, — ступай, да и все. Да когда и поспорят, не понравится — дак чего ж, делать нечего. Вот и я так попала. Не хотелось мне, все боялась, как идти... Попросили и пошла. И пошла, а потом пристала к одной работе, думаю: так уж, и так, — знай свою работу. Встанешь и знаешь свой наряд. По наряду: день — сюды, да день — сюды. А уж тут вся твоя работа, знаешь ее. Вот я и любила, что на одной работе. Привыкла. А привыкла, так и хорошо» (М. Лаврентьева).

Семейные истории как универсальный первоисточник

Приступая к работе, нам нужно было с самого начала определить, что будет служить центральной информационной волной. Мы остановились на том, что доминирующим информационным корпусом будут различные сведения, получаемые в ходе записи устных семейных историй. Важность блока «Семейные истории» объясняется тем, что до сих пор существует почти 50-летний разрыв в знаниях о российской дерев-

не. С одного края этого разрыва мы видим немало исторических исследований по коллективизации, с другого — многочисленные исследования по современному положению села. Наиболее приемлемый метод для заполнения этого пробела — сбор как можно более широкой информации через память крестьян.

Первое методическое требование, предъявляемое к отбору семей, с которыми предстояло работать — продолжительность исторической памяти. Кто-либо из членов семьи должен был помнить начало коллективизации, желательно — из первых рук. Если переложить это правило на возраст респондентов, то нам предстояло отбирать в качестве рассказчиков тех крестьян, которые родились не позже 1913—1914 гг. В этом случае к началу коллективизации им уже исполнилось 16—17 лет. По деревенским меркам это немало: крестьяне взрослеют гораздо раньше городских жителей. Они могли рассказать о различных обстоятельствах коллективизации на основании личных наблюдений и, кроме того, передать сведения, связанные с судьбами отцовского (а возможно, и дедовского) поколения, представители которого для нас были уже недоступны. В 1990 г., когда начался сбор семейных историй, найти в селах памятливых 75-летних стариков было достаточно легко. Но уже спустя всего три-четыре года живых свидетелей коллективизации пришлось бы отыскивать с большим трудом. Да и многие наши респонденты начали умирать еще в ходе проекта буквально на наших глазах. Однако мы все-таки успели расспросить их, подружиться с ними, а некоторых проводить к вечному покою.

Понимание метода, жанра семейных историй как универсального информационного первоисточника далось нам не сразу, а только в результате довольно длительного пребывания в деревнях. Многочисленные «разговоры запросто» внушили нам несложную, но очень важную мысль о том, что память неискушенных, доверчивых людей нельзя использовать лишь для реализации каких-то специальных, научных и, стало быть, неких ограниченных целей. Если человек разговорился, если он почувствовал азарт воспоминаний и отдался ему, то нельзя людей прерывать, нельзя переставать их слушать и нельзя задавать, не дав старикам выговориться, очередные программные вопросы, отмахиваясь (пусть и очень вежливо) от их самодеятельных повествовательных инициатив. Любой из вопросов, заданных нами, «вытаскивал» из памяти респондентов множество ассоциативных воспоминаний, — люди хотели выговориться. По отношению к нам они ощущали себя «просветителями», «учителями», входя иногда в объяснение таких деталей крестьянской повседневности, спрашивать о которых нам никогда не пришло бы в голову.

«Бывало, пололи. Двадцать пять копеек из зари в зарю выбивали. Двадцать пять копеек, а?! А ведь осот, руки колет, кормильцы! А обедать-то поведут не вдруг. Часов-то не было — бригадир намерит лапами тень: рано иль не рано? Как намерит? Да очень просто! Встанет спиной к солнышку. Заметит, в каком месте тень от головы кончается. И до этого места тень свою лапами мерит. Ну, представляет ноги одна к одной, идет. Если четыре ноги будет, это значит, двенадцать часов. Обедать пора. А если больше, — нет еще двенадцати. Нет, стало быть, и обеда...» (А. Симакина).

Социологическая кухня: рецепты и опыты

1. Как мы получали информацию: «принцип мягкости»

Основной способ сбора информации по истории крестьянской семьи — это развернутое, многочасовое или порой даже многодневное интервьюирование респондента. Наиболее крупные тексты устных семейных историй, записанные во время полевого исследования, потребовали пятидневной ежедневной работы интервьюера. Каждая беседа продолжалась в среднем два-три часа, занимая не менее двух полуторачасовых кассет магнитной ленты. Такой способ получения первичной информации достаточно утомителен. Но он является единственно приемлемым и результативным для глубокого и всестороннего погружения как в «биографию» крестьянской семьи, так и в

ее историческую «судьбу». Мы различаем эти два понятия. Событийную канву («биографию») семейного хозяйства можно воспроизвести и зафиксировать в ходе довольно непродолжительного, однократного контакта с респондентом. Но для того чтобы добиться сперва реконструирования, а затем и понимания «судьбы двора», требуется время и, что самое важное, — не опрос, а живая, взаимноинтересная беседа, диалог социолога и респондента. Требуется установить с рассказчиком-крестьянином индивидуальный, неповторимый по характеристикам человеческий контакт. Мы к этому постоянно стремились. И не случайно очень многие респонденты стали не только нашими добрыми знакомыми, но и друзьями, которым есть что вспомнить вместе. Связи с ними систематически поддерживаются и после завершения полевого исследовательского цикла. Несмотря на отдаленность и нынешнюю транспортную труднодоступность деревень, мы время от времени навещаем наших старших друзей, выполняем их скромные просьбы: везем им подарки, лекарства, фотографии и, что выглядит особенно трогательным и вызывает массу положительных эмоций, дарим крестьянам написанные нами книги и статьи, где черным по белому объективированы следы наших дружественных повседневных контактов.

Таким образом, специфичность способов получения информации состоит в том, что они (при всей строгости поставленной научной задачи) принципиально неформальны, ненасильственны. Сведения не «выбиваются» из крестьян. В противном же случае искомого результата ты можешь и не получить. Так произошло, когда я пытался выяснить у И.В. Цаплина его видение различий между характером жителей Красной Речки и сопредельных сел. Вот образец моего профессионального поражения:

В. Виноградский: «Давайте ответим на такой вопрос: какие вы, краснореченские, по сравнению со всеми другими? Вы — иные люди или же нет?»

И. Цаплин: «Ну, какие они?! Да все такие же люди, тур твою мать! Зачем ты это пытаешь?!.. Это — лишнее...»

В. Виноградский: «Нет, дядя Ваня, это не лишнее! Бывает так, что одна деревня — такая, а другая деревня — совсем иная. Как говорится, и настроение, и повадки... Другие там люди, понимаете? Или они хитрее, или они, наоборот, проще...»

И. Цаплин: «Но ведь в каждом селе народ-то разный имеется. (Умолкает...) Не знаю, что тебе ответить... Я не знаю, чаво тут к чему. Что, чаво, у кого какое настроение, у кого как жизнь идет?! Село — оно село и есть. Все такое же село. Ну, не знаю я! Как я тебе могу сказать про них? Ну, бывал я и в Оркино, и везде. Ну, побудешь там, да и все! Приедешь, а кто ее знает, какие они есть, жители-то?! Да мне это и не нужно было — как он живет, как он скитается!..»

Этот разговор меня многому научил. Прежде всего, тому, что «коротких путей» к истине не бывает: не следует добиваться от крестьян мгновенных обобщений. Их представления о мире предметны, рассыпаны в подробностях, прикреплены к конкретным жизненным ситуациям. Оценки и обобщения существуют, главным образом, в растворе повседневного опыта, вырастают и формулируются снизу, а не накладываются на жизнь.

2. Как мы организовывали «голос снизу»

Полевой этап настоящего исследовательского проекта весьма специфичен и в определенном смысле уникален для обычной социологической практики. В чем это проявляется? Ведь если смотреть со стороны, контакты исследователя с респондентом выглядят весьма обыденно и привычно — два человека сидят и мирно, неторопливо беседуют о жизни. Однако внутренняя их сложность и интеллектуально-эмоциональная напряженность заключаются в том, что данный исследовательский контакт обязан быть максимально развернутым, пространственным, множественным, разнородным. Это задается и замыслом всей работы, и временем, отведенным на каждый деревенский исследовательский цикл (восемь месяцев). Полевые социологические процедуры в рамках данного проекта принципиально неторопливы. Они не экономят время исследователя, но весьма бережно относятся ко времени респондента, тотчас прерываясь, когда это становится необходимым для постоянно занятого крестья-

нина. Будучи многочасовым и порой многодневным, общение с респондентом не может не иметь свою развернутую драматургию, свои смысловые и моральные акценты, свое прошлое, настоящее и будущее.

Социологический инструмент почти никогда не позволяет нам начать и завершить свое действие в рамках однократной встречи и беседы с респондентом. Больше того, пакет социологических инструментов не выступал, как это обычно бывает, в качестве главного «энергетического» механизма всего проекта. Замысел работы как раз и состоял в том, чтобы повторяющиеся встречи с одним и тем же респондентом, намеренное или случайное возвращение к уже пройденным вопросам, уточнение и переформулирование их, внимательное отношение к «информационным инициативам» рассказчика, желающего поведать о собственных печалях и радостях, чтобы все эти естественные для обычного разговора моменты творчески «отменили» тот или иной социологический вопросник. Чтобы последний выполнил роль хотя и продуманного, структурированного и имеющего внутреннюю логику, но все же лишь **тематического ориентира**. Да и сам исследователь как главный социологический инструмент проекта в интересах дела должен продуктивно «забыть» все то, что он обсуждал с коллегами и к чему готовился в библиотеке. Забыть постольку, поскольку ему необходимо на время полевого этапа максимально раствориться в деревенском сообществе, стать в глазах крестьян обычным собеседником и, если удастся, хорошим знакомым и другом.

Поводя итоги, можно сформулировать одно из первых правил для полевого исследователя, который приехал в деревню почти на год. Оно звучит так: «*Не делать умного лица*». Иначе говоря, не быть в глазах крестьян явным специалистом, исследователем, ученым. Социолог должен быть максимально открытым для свободного, неприхотливого общения. Он должен сосредоточиться на том, чтобы его программные разговоры с респондентом были интересны последнему, чтобы у крестьянина не возникало тени подозрения, что его **расспрашивают**, т.е., в конечном счете, используют для неких внешних и порой не совсем ясных для него целей. Все это необходимо для того, чтобы максимально мягко, незаметно, ненавязчиво организовать откровенное крестьянское повествование, так называемый «голос снизу». Организовать и внимательно вслушаться в него как в целостность, а не только как в набор актуальных высказываний. Организовать и внимательно запротоколировать его для нынешних и будущих исследователей. Однако «голос снизу» — это не любой крестьянский рассказ и не любая, пусть даже самая доверительная и сердечная беседа с деревенским жителем. В идеале «голос снизу» — это непроизвольно, т.е. не с помощью понуканий интервьюера, а вполне самостоятельно выстраиваемая самим респондентом **система, круг** воспоминаний, размышлений, взглядов, пристрастий, оценок, сетований и надежд, которые существуют в крестьянском сознании и памяти не порознь, а взаимопираясь одно на другое и взаимопродуцируя друг друга. Именно **система**, а не набор беспорядочных высказываний, продиктованных чаще всего сиюминутным настроением, реакцией на конкретную ситуацию, стремлением понравиться городскому собеседнику или, наоборот, его обидеть или подшутить над ним.

В. Воротников: «А отец мой был по профессии портной. И довольно образованный. Я потом тебе покажу его фотографию. И еще покажу, какой у него почерк был. Он ведь кончил высшее учебное заведение, в Бурасах».

В. Виноградский: «А было разве такое здесь в старину?»

В. Воротников: «Да зачем же?! (Покровительственно усмехается.) Как ты не понимаешь?! Ну, школа это простая, четырехклассная... Это я так, со смехом, тебе говорю — «высшая». Выше-то ничего не было в Бурасах, кроме этой школы! Чего же это ты такой доверчивый, Валерий?..»

Подобные моменты в процессе общения социолога и респондента возникают довольно часто, однако к подлинному «голосу снизу» они имеют косвенное отношение. И задача ученого состоит в том, чтобы (и в процессе непосредственного общения, и после него, расшифровывая диктофонную стенограмму) терпеливо расчистить подобный словесный шлак и еще, и еще раз коснуться натуральных пластов памяти рассказ-

чика. Организация «голоса снизу» — задача непростая и требует постоянной осматрительности и внутренней настороженности полевого исследователя. Все начинается с того, что мы называем «правильным входом в село».

3. Как мы входили в село

Внезапное появление в деревне новых людей никогда не проходит незамеченным и вызывает у местных жителей смешанные чувства любопытства, опасения и стремления, если это возможно, извлечь какую-то пользу из контактов с приезжими. Поскольку реализация ни одного из этих ожиданий не входит в намерения социолога, появление его в деревне необходимо организовать так, чтобы оно было как можно более незаметным. Необходимо постараться приучить деревенских наблюдателей к мысли, что в село пришли люди, которым ничего (или почти ничего) не нужно. Которые ничего не добиваются, ничего не просят и не вмешиваются в повседневные дела и жизнь местного населения. На самом деле это, конечно, не так, — потребность социолога в информации огромна. Но всему свое время и свое место, в том числе и тому, ради чего все затеяно, — долгим беседам с крестьянами. Правильный вход в село — это, прежде всего, незаметный вход. Незаметный в том смысле, что появившийся в деревне новый человек в сознании жителей не должен ассоциироваться с исследователем, ученым, обладающим некоторыми знаниями (в том числе знаниями деревенской жизни) и имеющим определенную цель.

В первые дни и недели социологу предпочтительнее всего предстать перед жителями в качестве просто любопытного человека, поскольку поведение любопытствующего чудака не дает крестьянину оснований для подозрений в каких-то специальных намерениях, а выражение лица не отражает наличия какой-то скрытой и непонятной цели. Подобная простодушная хитрость необходима в начале исследовательского цикла для того, чтобы, повторяем, деревенское сообщество не почувствовало в специалисте его профессиональной нацеленности, его целеустремленного интереса ко вполне определенной информации, требующей сотрудничества с немногими, в сущности, сельскими жителями, которые обладают даром памяти и слова. Наоборот, специалист-социолог должен быть поливалентен в том смысле, что для него интересным, близким и поучительным является все, происходящее на его глазах в деревне.

Однако это лишь общая канва поведения исследователя в первые недели его пребывания в селе. Уточнения и варианты здесь не только возможны, но и, как показывает опыт, неизбежны. Все зависит от деревенских нравов, которые не жестко стандартны и имеют интересные региональные различия. Если же быть более точным, то вход в село начинается с визитов к местному начальству. Избегать их — неосмотрительно, а порой и просто вредно с точки зрения успешной реализации исследовательских целей. Самым безобидным и вместе с тем широко контактирующим с местными жителями деревенским начальником до недавнего времени считался председатель сельского совета, а после упразднения должности — глава сельской администрации. Предстать перед ним целесообразно все в том же обличье любопытствующих субъектов, цель которых, например, — собрать материал для книги или для документального киносценария, рассказывающего об истории данного села. Патриотизм и гордость местных жителей свои селом, в том числе и лиц, облеченных властью, немедленно проявляется и они, безусловно, положительно реагируют на этот интерес городских людей.

При первом контакте с руководством необходимо добиться того, чтобы социологов поселили на какой-нибудь «нейтральной территории», даже если бытовые условия там невыносимы. Прожить в каком-нибудь клубе, подсобке, сторожке, мастерской и пр. хотя бы несколько первых дней полезно для того, чтобы с самого начала не предстать перед местными жителями, включенными в какую бы то ни было привилегированную деревенскую нишу. Несколько позже параметры распорядка и условий жизни социолога в деревне урегулируются как бы сами собой, поскольку постепенно налаживается, расширяется и укрепляется сеть разнообразных отношений с местным населением, которое обычно не остается безучастным к людям, не собирающимся покидать их деревню на следующий день.

Первые действия при входе в село состоят в поиске и отборе будущих рассказчиков-респондентов. Формально отбор следует начинать в кабинете главы сельской администрации. Объяснив нашу общую задачу, следует поинтересоваться, имеются ли в селе крестьяне, которые могут и умеют рассказывать о прошлой деревенской жизни, о временах как единоличной, так и колхозной форм организации хозяйства. И в этот момент, как показывает опыт, возникает весьма интересная ситуация. Местное начальство, хотя и понимает безобидность профессиональной задачи социологов, все же как-то неосознанно, инстинктивно намечает список таких сельских респондентов, которые, как выясняется позже, по складу их характера и воспитанию не склонны к обнаружению неких корпоративных деревенских «тайн», т.е. таких эпизодов местного существования, которые могли бы бросить хоть малейшую тень на «честь мундира» поселения. Подобный поворот событий, конечно, не неизбежен, но миновать его — хотя бы и в стертой, едва уловимой форме — нам не удавалось никогда. Вот почему первоначальный отбор будущих респондентов мы и называем формальным. Окончательный состав респондентов формируется несколько позже, когда социолог уже вошел во множество непосредственных контактов с местными жителями. Имена новых респондентов могут и не совпадать с теми, которых рекомендовало руководство деревни.

Однако данный рекомендательный список целесообразно беречь и постоянно держать на рабочем столе. Ибо в ходе полевого этапа нередко возникают моменты, когда не только интересно, но и весьма поучительно иметь перед глазами обе исторические картины: и выпрямленную, идеологизированную, и ту, которая составлена неангажированным властями очевидцем. Например, история коллективизации в селе Тепловка Новобурасского района Саратовской области существенно различно освещается в представлениях, с одной стороны, В.И. Воротникова и, с другой — Н.В. Рычагова. И дело тут вовсе не во владении деталями, а в оценке событий, в их определенной, педагогической идеологической интерпретации.

На все стартовые процедуры — незаметный вход в село, устройство быта, первые содержательные знакомства с местными властями и жителями, формирование списка будущих респондентов — уходит в среднем, как показал наш опыт, от двух-трех до пяти недель. Естественно срок от одного исследовательского деревенского цикла к другому укорачивается. Но времени оказывается достаточно, чтобы перейти к непосредственной работе по сбору информации в соответствии с различными программами с помощью специально подготовленных социологических инструментов. Но для этого нужно подготовиться к тому, чтобы войти уже непосредственно в крестьянский семейный двор.

4. Как мы входили в семью

Если существуют некоторые практические правила незаметного входа в село, обеспечивающие последующий исследовательский «комфорт» и позволяющие в значительной мере избежать ненужного для социолога ажиотажа, то войти в определенный крестьянский двор, в конкретную деревенскую семью столь же незаметно нельзя. Специальный приход в семейный дом приехавшего издалека городского человека, несомненно, событие для крестьянина, в определенном смысле — фактор тревоги. Это очень заметно и отражается в первую очередь на выражении лиц хозяев, появляется некоторая скованность, подчеркнутая предупредительность, они сразу же соглашаются познакомиться и идут на контакт, но если всмотреться пристальнее, то все это — следствие стремления поскорее отделаться от необычных визитеров. И здесь нужно, что называется, «брать быка за рога». Необходимо спокойно, но настойчиво объяснить собеседникам, что именно они являются нужными для специалистов свидетелями тех изменений, которые произошли в деревне за последние 50—60 лет. Важно постараться внушить возможным респондентам, что в наших разговорах речь пойдет прежде всего о былом, о тех событиях, которые уже улеглись и устоялись в их сознании, и что никто, кроме них, не может восстановить ушедшие события в деревне в их живой связи. Но эти общие, проговариваемые социологом положения должны быть минимальными по объему. «Пережимать» здесь не нужно. Умный собеседник поймет вас с полу-

слова. Однако он должен решиться на контакт, заранее понимая, что однократной встречей здесь вряд ли обойдешься. Помочь принять такое решение, разбудить азарт воспоминаний можно, спрашивая о безобидных конкретных вещах. Исходя из своего опыта, я вижу, что положительные результаты контактов с сельскими респондентами возникали тогда, когда в ходе общего разговора я задавал конкретный вопрос (например, где были расположены гумна и мирские амбары, какой престольный праздник отмечается в селе, каковы старинные названия его улиц или отдельных районов и т.п.) и в ответ на него, как правило, следовал краткий увлеченный рассказ, переходящий на другие сюжеты. И поскольку такой рассказ почти всегда имеет тенденцию разворачиваться, длиться, приходится вполне искренне сожалеть о том, что разговор этот пока не записывается, мягко останавливать рассказчика, говоря ему, что мы не хотим и не имеем право пропустить ни одной подробности, и потому в следующий раз обязательно принесем «электрическую записную книжку». Тем самым респонденту внушается мысль о сугубой ценности его воспоминаний и легализуется диктофон как будущий свидетель наших бесед.

Подобный вход в семью не всегда, а лишь в трех четвертях случаев, является эффективным. Бывает и так, что наталкиваешься на отказ, мотивируемый обычно беспомощностью и неинтересностью их собственной жизни посторонним. В данном случае не стоит распространяться об общих целях сбора информации, а сразу задать несколько конкретных вопросов, чтобы убедиться в обоснованности отказа от бесед.

Когда все процедуры пройдены, наступает время основной работы, время длинных бесед с крестьянами, от начала до конца протоколируемых с помощью звукозаписывающей техники. Но прежде следует обдумать и принять решение по вопросу о степени одновременной «широты захвата» семей-респондентов, т.е. с каким числом семей надо начинать работу. И это не формальная процедура.

Дело в том, что, как показал опыт полевого этапа, в различных деревнях люди по-разному относятся к тому, что у них появились и ходят по домам приезжие люди. И вслед за тем, как уляжется первое чувство обеспокоенности и любопытства к социологам, возникает или стремление залучить их к себе в дом, или спокойное ожидание того, что и их двор не минуют. Это зависит от традиций, сложившихся в деревне. Скажем, когда престиж семьи вырастает в глазах односельчан в зависимости от того, выбрана ли она для регулярных визитов или нет, целесообразна практика именно «широкого захвата». То есть разумно заходить одновременно в несколько соседних дворов, работая в каждом из них не слишком продолжительное время, но не выпуская из вида, что основной «информационной базой» на тот период является одна или максимум две семьи. Посредством подобной тактики в значительной степени нейтрализуется ревнивое отношение соседей к тому двору, который часто и охотно посещается приезжими людьми. Когда же внутридеревенские отношения организованы иначе и налицо ровное отношение к визитам городских людей (что заметно прежде всего в больших придорожных селах), то уже можно исчерпывающе опрашивать сначала одну семью, а затем переходить в другую. Такие, на первый взгляд, организационные мелочи на практике очень важны и могут или способствовать получению значительных объемов качественной информации, или же незаметно препятствовать этому.

Здесь уместно упомянуть еще об одном, по форме — организационном, а по существу — нравственном, условии, выполнение которого социологом будет, как показал опыт работы в деревне, постоянно поддерживать его репутацию как любопытствующего безобидного чудака и в то же время наполнять ее серьезностью и почтением. Это условие таково — быть человеком слова. Все обещания, если они даются крестьянину, должны неукоснительно и точно в оговоренный срок выполняться (например, опустить письмо в городе, купить лекарство, конфеты, резиновые сапоги и т.д., навести в городских учреждениях различные справки и пр.). Оговоренные заранее дни и часы прихода в крестьянскую семью должны соблюдаться социологом с точностью до минуты. На первый взгляд, это — обычная вежливость. Но перечисленные моменты не слишком характерны для нынешнего повседневного деревенского существования. И, будучи бе-

зоговорочно и систематически выполняемыми людьми из города, эти поведенческие акты без лишних слов дистанцируют социологов от местного населения. Дистанцируют в том смысле, что исследователь, «не делая умного лица» в общении с деревенскими людьми, систематически обнаруживают такое лицо в стиле своего поведения, в образцовости поступков, в пунктуальности, в стремлении выполнить различные просьбы, в скромном, но решительном уходе от панибратства и спонтанных хмельных гулянок, на которые столь охоча современная российская деревня. И эта «дистанция» не отдаляет исследователей от их респондентов, а напротив, только усиливает доверие крестьян к ученым, способствует открытости в общении и в конце концов получению достоверной социологической информации. Когда отобраны семьи и принята тактика повседневного общения с крестьянами, полевое исследование вступает в свою главную фазу.

5. Как мы работали внутри семьи

Исследовательская работа социолога, вступившего в круг крестьянской семьи, представляет собой довольно продолжительный и сложно координируемый акт, состоящий из ряда организационно-технических и собственно исследовательских процедур, и буквально в каждой семье ощущается и вспоминается как неповторимое, занимающее особое место в душе и сознании его участников, событие. В точности воспроизвести в каждой из крестьянских семей необходимые организационные и научные действия интервьюеру вряд ли когда-нибудь удастся. Но здесь важна последовательность и состав действий социолога. Так, в ходе полевой работы в селе выработалась определенная схема, позволяющая не только начать, но и результативно завершить каждый семейный исследовательский микроцикл. И, что самое важное, выйти из сельской семьи не только с солидным информационным багажом, но и создав в ней ощущение, что у крестьян появились новые друзья.

Как мы фиксировали главного рассказчика. Войдя в крестьянскую семью, необходимо закрепить за одним из ее членов (обычно это самый старший по возрасту человек) роль основного рассказчика. Это нужно для систематического поддержания порядка и размеренности социологического опроса, для того чтобы уберечься от возможных информационных взрывов, когда вдруг шлюзы памяти распахиваются и присутствующие в момент разговора с главным рассказчиком члены семьи, перебивая друг друга, спешат «выложить на стол» все, что вспоминается ими по тому или иному поводу, периоду жизни и пр. Подобная ситуация, уместная в вольной беседе, очень нежелательна в процессе длительного программного интервью, к тому же от начала до конца записываемого на магнитную ленту. И поэтому исследователю нужно организовать работу таким образом, чтобы возможные свидетели и участники опроса четко уяснили, что центральной для социолога фигурой является совершенно конкретный человек — основной респондент.

Каждый полевой исследователь может выбрать собственный способ решения проблемы. Скажем, он «фиксирует» основного информанта, внятно указав на то, что именно к нему посоветовали обратиться весьма авторитетные в деревне лица. Или же подчеркнув, что социологу необходим развернутый рассказ о давно минувших событиях и потому он обращается к их непосредственному очевидцу. Либо обращая внимание всех на то, что старший член семьи имеет неоспоримое и преимущественное право говорить и высказываться. Возможны и иные, более «мягкие» (без лишних слов, организуемые только с помощью знаков особого внимания и подчеркнутого уважения) варианты фиксирования главного рассказчика. Важно только не пренебречь этим, по существу, организационно-техническим моментом, чтобы потом не быть вынужденным возвратиться к нему, когда тебя вдруг охватит тревога за качество и элементарную разборчивость выговариваемых текстов.

Как мы относились к людям, внезапно вступающим в беседу. У людей (родных, знакомых, соседей), присутствующих при интервьюировании основного информанта, время от времени появляется желание вступить в беседу, уточняя, опровергая или соглашаясь с тем, что говорит главный рассказчик. Такие моменты, с одной стороны, очень опасны, поскольку могут спровоцировать более или менее тяжелый

сбой в развертывании воспоминаний, смутить информанта и мгновенно перестроить его на некие новые сюжеты. Прежняя тема разговора обрывается при этом буквально на полуслове. Но, с другой стороны, вход в беседу других людей может быть весьма полезен, так как способен вызвать «форсаж памяти» информанта и внести в его дальнейшее повествование поистине драгоценные эпизоды и детали. Имея в виду этот двойной эффект, необходимо организовать ход опроса таким образом, чтобы, во-первых, нейтрализовать спонтанные вмешательства свидетелей беседы и, во-вторых, поощрить их инициативу и не препятствовать их желанию высказаться. Вот пример удачного «парного конферанса».

Е. Шаронова: «Вы, ребята, хоть бы про колхоз книжку написали: как бабы в колхозе работали, как на коровах пахали. Мне, вот, соседка доверила корову. И я одна пахала с ней, только с этой коровой. Ни с кем не ругалась через это. А то ведь как обычно было — восемь коров запрягали и восемь баб. Идут, идут... Ну, щелкнул корову, — погонять-то надо! Ну, одна щелкнула, а другая кричит: «А, чертова сопля, — че мою корову бьешь?!» А другая в ответ: «Ах, чертов пупок!..» И пошло дело! И вот эдак свяжутся, — и дрались, и разбивали друг другу морду...»

Я. Клочков: «А ты ж говорила, что твоя корова хитрая была: она в ярмо не шла никак».

Е. Шаронова: «Дак эта старая не шла, а другая-то шла».

Я. Клочков: «Тебя же обзывали — кулацкое отродье и корова, мол, у тебя кулацкая — в колхозное ярмо не идет!»

Самое простое и самое действенное в этом случае правило — «говорить по очереди». И его нужно систематически внушать собеседникам, чтобы в пространстве общения возникли и укрепились некие устойчивые поведенческие ориентиры, к которым собеседники довольно быстро привыкают. Однако распределенность внимания социолога обязана быть неравномерной, в фокусе этого внимания должен постоянно находиться основной информант. И эту преобладающую нацеленность необходимо систематически демонстрировать с помощью серии не только словесных, но и вазомоторных приемов: выбирая место поближе к рассказчику, сочувственно наклоняясь в его сторону, стараясь не сводить с него внимательного взгляда и т.п. Этим достигается эффект временного, ситуативного «отсечения» остальных участников разговора от основного канала информации, поступающей к социологу. Вместе с тем информационные связи с присутствующими должны быть постоянно готовыми к их мгновенному включению. И как только в ходе основного интервью вдруг возникает новый, неожиданный информационный поток, следует немедленно повернуть голову в сторону говорящего, а еще лучше, приблизить к нему диктофон и полностью включить его в основной разговор.

Эффективным методом иерархической расстановки собеседников является такой прием: возвращаясь от факультативных эпизодов общего разговора к регулярному интервьюированию главного информанта, нужно запомнить и повторить последнюю сказанную им фразу. Этот нехитрый прием (я называю его «эффектом эха») способен в подавляющем большинстве случаев возратить память и эмоциональную настроенность рассказчика в ту позицию, когда его вдруг прервали или он сам остановился, раздумывая и вспоминая. И если даже рассказываемая устная история крестьянской семьи по форме будет выглядеть прерывистой, наполненной разного рода отступлениями, все же главная содержательная магистраль окажется вполне ощутимой и видимой, неуклонно проложенной через весь записанный на магнитную ленту текст.

Как мы обходились с текстом вопросника. В ходе работы с информантом постоянно возникает вопрос: держать ли брошюру с программой интервью на столе и глядеть в нее или же задавать вопросы по памяти? Поскольку каждый из участников полевого исследования принимал участие в формулировании, обсуждении и уточнении каждого социологического инструмента проекта, то их содержание, вплоть до малейших деталей, прочно отпечатались в памяти и особой нужды заглядывать в текст вопросника у социолога не возникало.

Казалось бы, в этой ситуации можно вполне обойтись без текста и строить разговор преимущественно в форме свободной беседы, в ткань которой вкраплены все составленные заранее вопросы. Однако, пробуя использовать оба метода опроса (с использованием брошюры-методички и без нее), мы убедились, что при почти полной их содержательной равноценности первый вариант определенно вносит в ход общения с информантом по крайней мере один дополнительный психологический нюанс, некое новое качество и особую настроенность, незамеченные при отсутствии на столе текста социологического инструмента. И эта настроенность возникает, как мы понимаем, в силу того, что социолог, постоянно заглядывающий в перечень вопросов, прочитывающий их в том виде, как они были составлены, а затем переформулирующий их в более облегченном, разговорном варианте, предстает перед информантом все в том же облике любопытствующего чудака-ученого, опасаться которого незачем.

Ибо человек, который «тычет в книжку пальчик», не опасен и не хитер, а лишь дотошен и любознателен. И по отношению к нему информант склонен, как мне показалось, занимать покровительственную позицию учителя, отца, человека знающего и опытного. К тому же наличие у социолога довольно объемного вопросника имеет свойство разжигать любопытство самого информанта. Мы не раз были свидетелями того, как респондент, подробно ответив на очередной вопрос, с нескрываемым нетерпением спрашивал: «Ну, что еще там у тебя написано?..» Разбуженный азарт воспоминаний требует пищи — все новых и новых вопросов. И, уже войдя в эту стадию опроса, можно (и, по-видимому, нужно) временами отходить от схемы интервью, позволяя информанту и даже поощряя его вдаваться в обширные факультативные отвлечения, существенно дополняющие ответ на конкретный вопрос. И тогда ситуация общения складывается так, что социолог-интервьюер и крестьянин-информант, естественно, вступают в область взаимной, открытой и свободной импровизации, разворачивающейся на базе строгой и продуманной партитуры программного интервью.

Простейший способ ввести импровизацию в заданные программой рамки состоит в том, чтобы вернуться к тому пункту списка вопросов, с которого оба участника беседы пустились в свободное путешествие по биографии самого информанта и его семьи. Процедура возвращения, повторенная в ходе опроса раз, другой и третий, без лишних слов внушает респонденту, что ученый — не просто внимательный слушатель и собеседник, а человек, который хочет узнать многое и узнать это многое, систематически возвращая респондента к тем или иным моментам их беседы. Что для него нет ничего лишнего, и все рассказанное крестьянином годится в дело. Поэтому очень выразительна, на наш взгляд, следующая стандартная ситуация, участниками которой мы оказывались не один раз. Информант, уже согласившись дать интервью, обычно продолжает сомневаться в своей способности вспомнить интересующие социолога вещи, и не устает повторять: «Да разве я смогу рассказать?! Да я уж ничего не помню! Да Вам все это будет неинтересно!..» и т.д. И уже после того, как интервью состоялось, и сомневающийся информант наговорил несколько магнитофонных кассет, он искренне удивляется: «Как это я смог все это вспомнить и все рассказать?!» Думается, что подобная ситуация весьма симптоматична, ибо путь от мнимой беспомнятности и незнания к возникающей на глазах системе воспоминаний, к подлинному «голосу снизу» пройден информантом во многом с помощью социолога, который со всей своей научной «машинерией» (включая раскрытый на столе текст вопросника) выглядит как безвредный и любознательный человек, не жалеющий времени на расспросы. Последнее обстоятельство «провоцирует» информанта на развернутые воспоминания, на то, чтобы он, зная о былом не понаслышке, научил собеседника этим знаниям, ввел его внутрь истории российского крестьянства.

Как мы использовали диктофон. Вся устная информация, поступающая от крестьян, фиксировалась с помощью портативного диктофона, применение которого ограничивается лишь его своевременным включением и остановкой. Он должен быть легализован в пространстве общения не только как момент технологии, но и содержательно, — и как свидетель беседы, и как ее незримая аудитория, и как своеобразный

«детектор правды». Как показал опыт, от правильного оперирования со звукозаписывающей аппаратурой (дела, на первый взгляд, сугубо технического), очень часто зависит «градус откровенности» информантов, уровень насыщенности общения моментами доверительности, сердечности и, если так можно выразиться, «степень неблагодарности» участников интервью, позволяющая, оставив в стороне условности, высказываться крепко, определенно и азартно.

Техника использования диктофона предполагает две возможности: 1) работать с ним, когда он полностью замаскирован, и 2) держать аппарат принципиально на виду, демонстрировать его собеседникам. В первом случае общение с информантом принимает форму обычного, хотя и довольно продолжительного разговора, который, будучи временами предельно откровенным, все же несет на себе заметный отпечаток обыденности и, что самое важное, необязательности, — в том смысле, что информант, отвечая на вопросы интервьюера, не стремится выстраивать некую систему фактов, оценок и мнений. На наш взгляд, при такой организации беседы довольно велик объем информационной «пустоты», своеобразного «белого шума». И здесь ничего не поделаешь, так как никаких особых событий не произошло: два человека встретились, поговорили и разошлись. И потребность в сохранении, тщательном сбережении подробностей устного рассказа является для респондента в данном случае как бы незапрограммированной, поскольку в поле зрения нет фиксирующего разговор прибора. Кроме того, о наличии скрываемой от него аппаратуры информант может догадаться, случайно ее обнаружить, услышать шум мотора, щелчки и т.п. И тогда все усилия, которые были употреблены на организацию данной беседы, пропадают зря — человек смущается, обижается, умолкает и в конце концов делает все, чтобы поскорее расстаться с социологом. И хорошо, если он не расскажет об этой невинной хитрости приезжих специалистов родне или соседям!..

Второй вариант действий (при котором следует демонстративно держать диктофон на столе), как нам, исходя из собственного опыта, представляется, гораздо предпочтительней. Выкладывая на общее обозрение диктофон, запасные кассеты и аккумуляторы, брошюру с набором текстов социологического инструментария, бланк генеалогической схемы, записную книжку, карандаши, линейку, часы и прочее, социолог создает буквально на глазах информанта своего рода научную микролабораторию, к наличию которой крестьяне относятся, как мы заметили, весьма почтительно <...>

Г. РОДИОНОВА

**СОВРЕМЕННОЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ
И СТРАТЕГИИ ВЫЖИВАНИЯ СЕЛЬСКИХ СООБЩЕСТВ:
СИМБИОЗ ФУНКЦИЙ И ВЕЛИЧИН**

<...>

Современное российское сельскохозяйственное предприятие далеко не всегда представляет собой бизнес в чистом виде (что находит отражение в этимологии: гораздо чаще называют его хозяйством, нежели предприятием). С одной стороны, такое хозяйство ориентировано на получение прибыли, а с другой — поддерживает сохранившуюся на селе социальную инфраструктуру даже в тех случаях, когда последняя передана на баланс местных администраций, обеспечивает личные подворья кормами по заниженным ценам, обрабатывает огороды жителей, предоставляет транспортные и ритуальные услуги (бесплатно или по заниженным ценам), не допускает массовых сокращений рабочих мест, т.е. совершает массу операций, не только не сулящих прибыли, но несущих прямой убыток. Следовательно, для него характерны особые мотивы хозяйственной деятельности, отличные от стремления максимизировать чистый доход.

Наиболее тесно сельскохозяйственное предприятие взаимодействует с личными подсобными хозяйствами, причем характер этого взаимодействия существенно изменился за последние годы.

Личные подсобные хозяйства работников сельскохозяйственных предприятий стали основным источником их доходов. Еще три-четыре года назад основную часть денежных выплат работники получали на предприятиях, а продукты, произведенные в ЛПХ, большей частью шли на стол их семьям и родственникам. Но повальная убыточность сельскохозяйственных предприятий привела к господству бартерного товарообмена. Натуральная форма утвердилась и в отношениях предприятий с работниками, — все большую часть зарплаты последние получают зерном и другой продукцией, вследствие чего перед ЛПХ встает нетрадиционная задача превращения в деньги заработной платы, получаемой в натуральной форме.

Руководители хозяйств осознанно осуществляют перемещение ресурсов из коллективных хозяйств в ЛПХ. Они исходят из того, что односельчане видят в них не столько свободных предпринимателей, сколько представителей властных структур и что лично на них в первую очередь будет направлено массовое недовольство в случае обострения социальной напряженности.

Изменение соотношения доходов, получаемых от работы в сельскохозяйственном предприятии и в личных хозяйствах, в пользу последних вызывает и перераспределение трудовой нагрузки в пользу ЛПХ. Падает заинтересованность в результатах труда на предприятиях, усиливается растаскивание их ресурсов по личным подворьям. Эти факторы способствуют еще большему ослаблению предприятий, а за развалом предприятий следует и оскудение ЛПХ.

Изменился, по сравнению с 80-ми и началом 90-х годов, бюджет времени селян: вместо простаивания в очередях и поездок в облцентр за продуктами они заняты выращиванием овощей и картофеля, уходом за своей скотиной, ремонтом одежды, обуви, бытовой техники и жилища. Труд их становится как будто более универсальным, но остается малопродуктивным и все более ограничивается рамками ЛПХ. Сельская семья сталкивается со все новыми проблемами, в решении которых может положиться только на себя. Коротко сформулировать суть соответствующей стратегии выживания можно как *сохрани себя сам*. Но реализация этой стратегии проявляется не столько в отказе от иждивенчества, сколько в ослаблении традиционных социальных связей, взаимном недоверии, попытках унести из колхоза то, что не успели растащить другие.

В сельских сообществах сложилась и другая практика выживания. Потребности ЛПХ в кормах и технике учитываются и закладываются в план производства сельскохозяйственных предприятий. Соответствующая часть произведенной продукции распределяется по ЛПХ и не показывается в отчетности предприятия. На таких предприятиях занижается урожайность, заработная плата и некоторые другие показатели, но сохраняется трудовая дисциплина и пресекается воровство. Бухгалтер и директор рискуют, идя на правонарушения. В районных администрациях об этом знают и относятся терпимо, воспринимают как нечто неизбежное. Районные власти понимают, что в случае массовых беспорядков дело может не ограничиться столкновениями с первым эшелоном (руководителями предприятий) и коснется непосредственно их самих, — они жизненно заинтересованы в социальной стабильности, она им дороже буквы закона.

Предприятия не отражают в своей отчетности хозяйственные операции с ЛПХ в полном объеме не потому, что прячут от государства прибыль от этих операций: они ее не получают и цель этих операций — не получение прибыли, а выживание сельского сообщества. Стратегия выживания отличается от стратегии развития. Ее цель — не допустить падения существующего уровня потребления при сокращении поступающих в сообщество ресурсов. Ее принцип — помощи слабому, в то время как экономический расчет диктует — поддержи сильного. Столкновение стратегий развития и выживания происходит в жизни российского села не впервые (вспомним, как сельская община, следовавшая стратегии выживания, воспринимала столыпинские реформы).

Сельскохозяйственное предприятие вынужденно сочетает предпринимательский интерес с функциями социальной службы села, решающей проблему выживания сельского сообщества. Это обусловлено советской традицией, неразвитостью местного самоуправления, ослабевшей государственной поддержкой (в частности в плане пенсионного обеспечения), тяжелой экономической ситуацией.

Как будут складываться в дальнейшем отношения между предприятиями и ЛПХ? Способны ли последние стать самостоятельными производителями товарной продукции, а со временем превратиться в крепкие фермерские хозяйства? Ведь уже сегодня в этом секторе производится 50% валовой продукции.

Информация, приведенная ниже, получена в ходе экспертного опроса по проблеме расширения ЛПХ и их взаимодействия с сельскохозяйственными предприятиями. Опрос проведен весной 1998 г. в Волгоградской, Нижегородской и Самарской областях сотрудниками Росагрофонда Л.А. Овчинцевой и Г.А. Родионовой при финансовой поддержке Британского фонда Ноу-хау. Опрошены 78 экспертов — начальники и специалисты районных и областных управлений сельского хозяйства, руководители и главные специалисты сельскохозяйственных предприятий, начальники районных отделов статистики.

Динамика производства продукции в ЛПХ различается по регионам. В Нижегородской области в последние годы наблюдается спад производства животноводческой продукции на личных подворьях. В Самарской области падает производство молока и яиц, а производство мяса остается стабильным. В Волгоградской области производство молока в 1996 г. несколько сократилось по сравнению с предыдущим периодом, а производство мяса и яиц растет. Эксперты полагают, что статистика правильно отражает динамику производства в ЛПХ, хотя абсолютные показатели по ЛПХ постоянно занижаются, особенно по поголовью свиней, — соответствующие данные берутся раз в году, на 1 января, когда многих свиней уже забили, а молодняк еще не приобрели. Занижение данных по численности поголовья вызвано и тем, что владельцы ЛПХ боятся возможного налогообложения и введения обязательного страхования и поэтому не показывают при опросах, проводимых сельскими администрациями, все поголовье.

<...>

По оценкам экспертов, согласующимся с данными облкомстатов, 50% ЛПХ в Нижегородской и Самарской областях и 60% в Волгоградской области держат скот. На одну семью приходится одна-две коровы и несколько поросят.

По мнению экспертов, земель ЛПХ обеспечены в достаточной мере. Средние размеры личных хозяйств варьируются от 8 до 30 соток. Имеется возможность расширить ЛПХ в счет земельной доли, но только единичные ЛПХ увеличиваются до ее размеров (несколько га), используя большую часть своей площади под сенокосы. Техническое обеспечение ЛПХ недостаточно, и, как правило, они не располагают средствами для того, чтобы его улучшить.

Проведенные ранее исследования показали, что доход, получаемый работниками сельскохозяйственного предприятия от ЛПХ, зависит от экономического положения первого. При этом на развитие ЛПХ оказывают влияние две противоположные тенденции: с одной стороны, получая очень низкую зарплату или не получая ее совсем, работники слабых предприятий вынуждены все больше сил отдавать ЛПХ, с другой — крепкие хозяйства оказывают значительную поддержку крестьянским подворьям, а слабые не в состоянии делать этого. Это приводит к тому, что все больше их жителей испытывают трудности со вспашкой своих огородов и с обеспечением кормами своих животных. В сильных хозяйствах трудности со вспашкой отметили 14-16% работников, а в слабых — 30-31%. На трудности с обеспечением кормами указали в сильных предприятиях 18-20%, в слабых 35-36%.

Эти факты свидетельствуют о том, что с ослаблением предприятий ЛПХ в целом оскудевают, а не расширяются и крепнут. Потребности увеличить земельные ресурсы большинство ЛПХ не испытывают, а удовлетворить их потребности в технических ресурсах, передав им в собственность имеющуюся технику, большинство предприятий не в состоянии. Поэтому на селе боятся раздела предприятий на ЛПХ, так как для боль-

шинства жителей это означает прекращение доступа к ресурсам предприятий. Этот доступ станет более неравномерным: несколько ЛПХ смогут получить технику в собственность, а большинство лишатся той поддержки, которую пока получают от предприятия (вспашка огородов, транспортные услуги, корма).

Если сравнить нынешние ЛПХ с крестьянскими хозяйствами первой четверти века, то придется отметить существенные различия: ЛПХ менее товарны, менее самостоятельны, рынок сельскохозяйственной продукции более монополизирован. Крестьянские хозяйства, обложенные немалой данью, в целом не снижали уровень производства, а ЛПХ, по единодушной оценке экспертов, не в состоянии сохранить существующий уровень без подпитки, получаемой от сельскохозяйственных предприятий. На умении самостоятельно вести хозяйство сказываются те десятилетия, в которые крестьянский труд был заменен трудом наемным.

Пока складывающееся стихийно взаимодействие ЛПХ и предприятий ведет к деградации и тех, и других: если имеет место откровенное воровство, то экономические потери сопровождаются моральными, если работает двойная бухгалтерия, то управление предприятием оказывается вне правового пространства.

Выйти из этого тупика помогли бы следующие меры:

1) реструктуризация долгов сельскохозяйственных предприятий и последующее размораживание расчетных счетов большинства из них (пока же утверждающееся господство бартера уводит экономику все больше в тень);

2) разделение труда между предприятиями и ЛПХ, что означает передачу в ЛПХ вместе с ресурсами некоторых функций предприятия и позволяет последнему сосредоточить усилия на выполнении других функций (предприятие превращается в кооператив по обслуживанию личных дворов);

3) передача предприятиями функций социальной службы села органам местного самоуправления: при этом важно не просто «отдать», но передать так, чтобы «взяли», т.е. чтобы органы самоуправления мобилизовали местные ресурсы для поддержания социальной инфраструктуры: трудовые и денежные ресурсы населения, технические ресурсы местных предприятий.

В качестве иллюстрации того, как местное самоуправление реализует стратегию «выживем всем селом», приведу опыт Большебакалдинской сельской администрации Бутурлинского района Нижегородской области.

В 90-х годах началась газификация населенных пунктов на территории этой администрации. Проводилась она за счет бюджета. В 1994 г. деньги на газификацию в бюджете кончились, и жители явились в администрацию: «Как же так: односельчане получили газ бесплатно, а нам оставаться без газа?!» Перед сотрудниками администрации встала задача обеспечить всех газом в условиях, когда бюджетное финансирование прекращено.

Жителям пришлось решать: отказаться от газификации или проводить ее за свой счет. Работники администрации несколько раз собирали жителей по этому поводу. Сравнили затраты на газификацию и на печное отопление. Стоимость угля постоянно растет, поэтому решили продолжить газификацию. Вместе с бригадой, которая проводила газ, обсчитали, сколько будет стоить газификация улицы. Получилось на 50% дешевле, чем из бюджета, поскольку жители стали бы оплачивать наличными.

Поначалу на газификацию решились 68 домов, точнее семей, потом, в течение двух месяцев переговоров, их число возросло до 90. Каждая семья должна была заплатить около 2 млн. руб. Конечно, не у всех были такие деньги. Но не вся сумма требовалась сразу — бригаде платили постепенно, по мере выполнения работ (всего на зарплату им ушло 80 млн. руб.). Что могли сделать сами жители, они делали, — копали, красили. Районная администрация выделила беспроцентную ссуду (3 млн руб.), поэтому те семьи, у которых денег не доставало, смогли получить в долг и потом постепенно расплачивались. За полтора года по долгам рассчитались. В районе помогли с материалами — бакалдинцы получили 2 км труб.

Летом 1996 г. в Бакалдах построили новый водопровод. Расчистили ключ, поставили насос, накопитель, построили башню. И проектировали, и строили сами жители. С материалами опять помогла районная администрация, но всю работу выполнили сельчане.

Организовать это сумела сельская администрация. Интерес в бакалдинском опыте представляет не сам факт строительства газопровода и водонапорной башни, а то, что это осуществлено не государственной структурой и не отдельным двором, а всем селом.

Хотя на селе издавна повелось сообща решать насущные проблемы, но в последние десятилетия эта практика подзабылась. В Бакалдах умеют мобилизовать местные ресурсы для выхода из критических ситуаций и для предупреждения таких ситуаций. Можно было биться над печным отоплением и водоснабжением с каждой отдельной бабушкой, но здесь нашли другое решение. Имеются и другие примеры того, как люди сами решают возникающие проблемы. Так, если у кого-то пала корова, все владельцы коров скидываются по 5 тыс. — это решение схода. В сельской администрации собирают сумму, которая позволит семье приобрести хотя бы телку.

Летом на каждой улице дежурят по ночам — не дай Бог, пожар. Один двор отдежурил, переставляет «пожарную» доску к соседям — всем видно, кто отвечает за следующую ночь.

Таким образом, развитие сельского самоуправления позволяет сельскохозяйственным предприятиям освободиться от содержания инфраструктуры и сосредоточить усилия на достижении экономических результатов, а тесное взаимодействие предприятий и ЛПХ позволяет сельским жителям, все более лишаящимся поддержки государства, выживать.

Г. ОМВЕДТ

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КРЕСТЬЯН

Крестьянские общества проявляют интерес к экологическим проблемам (иначе говоря, к взаимосвязям между человеческим обществом и природной средой) с тех самых пор, когда с развитием земледелия начался процесс «покорения» природы.

Известно, что причиной крушения таких древнейших цивилизаций, как хараппская и майя, явилось истощение природных ресурсов применявшимися в то время системами земледелия. В дальнейшем феодальным обществам удалось пережить стихийные бедствия вроде наводнений, голода и чумы лишь ценой неисчислимых жертв среди крестьян.

Развитие капитализма (особенно во второй половине XX века) отрицательно сказалось на жизни сохранившихся крестьянских общин, и не в последнюю очередь из-за его воздействия на среду обитания. В результате строительства гигантских плотин нередко оказывались в запущенном состоянии оросительные системы, которые раньше как-то справлялись с подачей воды на поля. Ради создания быстро заилившихся водоемов, появления переувлажненных, подверженных засолению и заболачиванию почв (что сопровождалось ростом заболеваемости) с насиженных мест были согнаны сотни тысяч людей. Внедрение химических удобрений и высокоурожайных сортов положило начало «зеленой революции», которая провозгласила своей целью повышение продуктивности сельского хозяйства. Но часто за это приходилось платить снижением естественного плодородия почв и гибелью тысяч сортов местных культур. Немало крестьян, сельскохозяйственных рабочих становятся жертвами отравления пестицидами и удобрениями, а трагедии наподобие бхопальской оборачиваются тысячами человеческих жертв.

И наконец, вырубка лесов, которая осуществляется быстрыми темпами в странах «третьего мира», наносит ущерб крестьянским общинам, обосновавшимся как в лесных, так и в равнинных районах. Крестьяне, живущие на равнинах Северной Индии, уже давно лишились своих общинных лесов в результате грабительской колониальной полити-

ки и потому вынуждены использовать коровий навоз (одно из лучших органических удобрений!) в качестве топлива, а не средства повышения плодородия почвы. В результате продолжающегося процесса уничтожения лесов в холмистых районах за последние годы участились засухи и внезапные наводнения. Но даже там, где леса сохранились, традиционному образу жизни скотоводов-кочевников и оседлых земледельцев приходит конец. Дело в том, что в странах, которые после обретения независимости встали на путь капиталистического развития, широко развернулось строительство дорог, шахт, плотин и промышленных объектов, то есть продолжилась вырубка лесов. Программы «общественного лесовосстановления» только ухудшили положение, ибо они нацелены на создание монокультурных лесопосадок, предназначенных для промышленной эксплуатации, за счет вытеснения природных смешанных лесов.

Поэтому неудивительно, что во многих странах «третьего мира» возникли массовые экологические движения. В Индии все началось с движения «Чипко» («Обними дерево»): в 1973 г. гималайские крестьяне заслоняли собой деревья в попытке защитить их от вырубки. Затем это движение приобрело более широкий характер. Жители деревень стали сажать деревья, бороться с пьянством, выступили в поддержку полной занятости. Были сформулированы принципы, согласно которым восстановление лесов необходимо поставить под контроль местных органов власти, а породы деревьев подбирать не с учетом их ценности для промышленного производства, но исходя из потребностей в фураже, топливе, удобрениях, волокне и продуктах питания. В 1978 г. земледельческие племена южного штата Бихар начали движение за вырубку деревьев, посаженных правительством в соответствии с программами Международного банка реконструкции и развития. Дело в том, что посадки тика стали вытеснять местные леса, и в особенности священное сандаловое дерево, имевшее широкую область применения. Под лозунгом «Сандал — наш, тик — эксплуататоров!» начались столкновения с полицией. В ходе одного из них во время ожесточенной перестрелки были убиты десятки людей. Подобно местному населению в других районах мира, бихарские племена выступили и против строительства плотин.

Обосновавшиеся в лесах общины нередко первыми выступали за решение экологических проблем, поскольку разграбление природных ресурсов проходило буквально у них на глазах. Крестьянам же, живущим в равнинных районах, было не так-то просто понять, что наносящие им ущерб наводнения и засуха обусловлены социальными причинами. Кроме того, развитие капитализма породило или же усилило классовое расслоение, что отнюдь не способствовало росту сопротивления со стороны крестьянских масс. Богатые арендаторы, которые получают доход от искусственно орошаемых плантаций товарных культур; оптовые торговцы, наживающиеся на том, что бедные крестьяне вынуждены продавать свою продукцию за бесценок; специалисты и чиновники, занимающиеся осуществлением крупномасштабных проектов, — все эти люди очень удобно прикрываются идеей «развития». В Индии во главе движений, борющихся с засухой и строительством плотин, часто стоят левые политические партии. Тем не менее, выдвигаемые требования, как правило, относятся к сфере распределения. Речь идет о предоставлении работы, воды, другого земельного участка, привлечении безработных к общественным работам и т.д. Направление и характер экономического развития сомнению не подвергаются. Редко анализируются основные причины засух, наводнений и прочих «стихийных бедствий». Однако с обострением экологических проблем в 80-х годах XX века обозначились и новые тенденции. Деревни стали совместно выступать против строительства какой-нибудь загрязняющей реку фабрики. Появились массовые требования шире внедрять орошаемое земледелие, не сводя все к поливу таких товарных культур, как сахарный тростник, но подвести воду и на поля под продовольственными культурами. Со временем местные политические деятели станут лучше разбираться в вопросах экологии, а также в новых экспериментах с сельским хозяйством и общиной. Поэтому в будущем мы можем стать свидетелями качественного изменения тех движений, в которых участвуют крестьяне и сельскохозяйственные рабочие. Ясно одно: экология уже не является предметом забот средних слоев общества или же только населения Европы и Северной Америки.

**ДОБРОВОЛЬНАЯ КООПЕРАЦИЯ КРЕСТЬЯНСКИХ
ХОЗЯЙСТВ — ЗАЛОГ ЭФФЕКТИВНОГО
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА НА СЕЛЕ**

Крестьянство как объект социологического исследования специфично не в смысле, что оно обладает какими-то таинственными свойствами («таинственный незнакомец» по Т. Шанину), особыми потребностями, отличными от горожан, а в том, что сам факт проживания в сельской местности предоставляет им неодинаковые возможности для удовлетворения потребностей и, соответственно, определяет своеобразие экономического поведения и образа жизни сельчан. Это различие возможностей и способностей удовлетворения потребностей обусловлено, по меньшей мере, тремя факторами: особым характером социального взаимодействия между людьми в целях использования сельскохозяйственных природных ресурсов; производственной деятельностью, обусловленной территорией и сельским ландшафтом; поведением, опосредованным рефлексией человека по отношению к сельской местности и сельскому образу жизни.

Именно различие возможностей получения средств для удовлетворения потребностей определяет специфику жизненных стратегий: экономическое поведение, крестьянский труд, образ жизни, культуру, политическое сознание и отношение к традициям. В этом смысле можно сказать, что стратегии поведения сельчан определяются нормативными системами, складывающимися в действиях по использованию природных ресурсов, в условиях крестьянского образа жизни и среды, а также в результате осмысления своего бытия в ней. При этом в крестьянской социально-культурной среде данные нормативные системы закрепляются и воспроизводятся в процессе дальнейшей социализации. В основе стратегий поведения сельчан лежит, прежде всего, труд и экономическое поведение в целом.

Экономическое поведение как совокупность действий для получения средств удовлетворения потребностей включает в себя действия по отношению (владения, распоряжения и др.) к коллективному, государственному и личному имуществу, труд как источник материальных средств, куплю-продажу товаров и услуг и др. Все эти действия направлены на достижение возможностей удовлетворять свои материальные и духовные потребности материальными средствами.

Осознание того, что принятый тип экономического поведения не обеспечивает реализацию насущных потребностей, может снижать трудовой потенциал либо вынуждать сельчан менять свои жизненные стратегии, принимая инновационную, приспособительную, миграционную модель или вовсе разрушительную, неадекватную сложившейся ситуации. Инновационная модель поведения способствует поддержке людьми политических и социально-экономических реформ, осуществляемых государством; использованию возможностей расширения разнообразия рабочих мест в СПК и развития социальной инфраструктуры; улучшению социально-психологического климата, природной и культурно-исторической среды сельских поселений. В отличие от нее приспособительная модель поведения связана с желанием жить без существенных изменений, сохранить то, что есть; как правило, она характеризуется недоверчивым отношением к любым новациям. Миграционная модель поведения ориентирует на миграцию из села, уход из среды, которая не способна, по мнению сельских жителей, предоставить им возможности для удовлетворения потребностей, в среду, более предпочтительную (в город, за рубеж).

От того, каково экономическое поведение сельских жителей, на что направлен их трудовой потенциал, зависит будущее села и судьба конкретных индивидов. Труд, общение, демографическое и миграционное поведение являются отражением их интересов и формируют жизненное пространство, призванное обеспечить успешную адаптацию к условиям проживания на нем.

Результаты социологического исследования показывают*, что развитие производственной инфраструктуры в результате реформы АПК воспринимается большинством сельского населения как существенный прорыв в судьбе белорусской деревни: 43,7% респондентов уверены, что благодаря этому их жизнь улучшится, а 22% посчитали, что ничего не изменится. К сожалению, 31,3% респондентов не смогли дать определенного ответа и только 1,7% ответивших не верят в успех реформы, их жизнь только ухудшится. Нужно отметить, что именно та треть респондентов, которые не ответили на данный вопрос, не увидели также никаких перемен в своем хозяйстве. Все остальные обратили внимание на улучшение технической базы СПК, на новые формы и способы обработки земли и многое другое (таблица 1).

Таблица 1 - Положительные изменения в СПК за последние 2 — 3 года, в % к общему числу опрошенных

Наименование изменений	%
1. Улучшилась техническая база, приобретена новая техника	42,6
2. Построены новые формы, сельскохозяйственные комплексы	18,9
3. Приобретены новые виды удобрений, новые средства химической обработки сельскохозяйственных культур; в животноводстве — новые виды кормов	16,2
4. Внедрены новые способы обработки земли, посадки и уборки урожая, новые технологии в растениеводстве и животноводстве	14,8
5. Приобретены и выведены новые сорта сельскохозяйственных культур; в животноводстве выведены породы скота	8,3
6. Развивается не только производство сельхозпродукции, но и ее переработка	21,8
7. Изменений нет Нет ответа	8,7

(В сумме больше 100%, так как один респондент мог дать несколько вариантов ответа)

При этом треть опрошенных определенно утверждают, что произошедшие изменения в их СПК положительно повлияли не только на успехи самого сельхозпредприятия, но и на быт и работу сельских жителей. В частности, 30,6% респондентов отметили, что улучшился внешний вид села; 21,2% — построено новое жилье, медицинские и дошкольные учреждения; 15,6% - усилилась трудовая дисциплина; 13,4% — улучшились условия труда, 11,6% — стали держаться за рабочие места; 11,1% — стало больше молодых специалистов; 9,2% — стали больше зарабатывать.

Почти двум третям тех, кто в настоящее время работает в общественном производстве, нравится их работа. Еще одна треть не совсем удовлетворены ею, и только 3% респондентов их работа в СПК вообще не нравится. Ценят сельчане, прежде всего, возможность работать в трудовом коллективе (37,5%); уважение и высокую оценку работы (22%); хорошие условия труда (20%); хорошую заработную плату (14,8%); возможность реализовать свои способности (13,5%). На основании этих ответов можно говорить, что отношение жителей села к труду не лишено идеальных мотивов. Коллективистские архетипы крестьянского труда продолжают мотивировать экономическое поведение людей.

*Социологическое исследование проведено Институтом социологии НАН Беларуси в рамках сектора социологии села весной 2007 г. Всего опрошено по республиканской выборке 1005 сельских жителей. Из них 53,8% - работающих в системе общественного производства и 39,25% не работающих (7% респондентов не ответили на данный вопрос).

Как сказалась аграрная реформа на характере работы, свидетельствуют ответы на вопрос: «Как Вы считаете, легче или труднее стало работать за последние 2-3 года?» (таблица 2).

Таблица 2 - Изменение интенсивности труда за последние 2 — 3 года (в %)

Интенсивность труда	В личном подсобном хозяйстве	На Вашем рабочем месте
Легче	11,1	10,0
Как и прежде	44,1	45,7
Намного труднее	16,4	26,9
Затрудняюсь ответить	15,0	10,4
Нет ответа	13,5	7,0

Как видим, интенсивность труда в общественном производстве стала выше, нежели в ЛПХ, при этом 45,5% респондентов указали, что могли бы работать с еще большей отдачей. Тем не менее, в системе общественного производства не во всех СПК в полной мере используется такой мотив, как зависимость заработка сельчан от результатов их труда: 31,2% респондентов заявили, что их заработок не зависит от результатов их трудового вклада. Видимо, поэтому, по оценке респондентов, половина работников их сельхозпредприятия работает «когда как», и только 23,1% — работают добросовестно. Это свидетельствует о невостребованности того трудового аспекта человеческого потенциала, на который способны работники при соответствующей мотивации.

Новые формы хозяйствования, утверждающиеся в аграрном секторе, повлекли за собой изменения в кадровой политике. На селе традиционно рынок труда был ограничен. Правда, в советские времена колхозно-совхозное сельское хозяйство не только обеспечивало всеобщую занятость, но и всегда нуждалось в дополнительной рабочей силе (студенты, интеллигенция, школьники на «картошке» и др.). Современное сельхозпредприятие, ориентированное исключительно на экономическую эффективность, не заинтересовано держать лишних работников, недисциплинированных, пьющих. Поэтому освобождаются от них, обрекая таких работников на физическую и духовную эксклюзию. Делая все по закону, строя отношения на контрактной основе, новые СПК постепенно меняют образ жизни на селе. В отличие от прежних лет сегодня 44% работников СПК боятся потерять работу. При этом треть опрошенных тяготеют своей работой и хотели бы поменять ее. К сожалению, развитие производственной инфраструктуры в агросфере пока не привело к диверсификации производства и расширению рынка труда. Только 1,8% респондентов заметили, что в результате реформ появилась возможность найти новую работу. Более того, для 44,6% респондентов работа в общественном производстве потеряла значение: именно столько заявили, что если бы они были материально обеспечены, то не стали бы работать в сельхозпредприятии. Если учесть, что 46% школьников старших классов сельских школ и учащихся ПТУ не связывают свое будущее с агросферой, мечтая о городской жизни, то возникают проблемы с трудовыми ресурсами на селе. Однако 40,1% работников агропредприятия хотят работать на производстве, невзирая на уровень зарплаты и условия труда, что свидетельствует об устойчивости у них отношения к крестьянскому труду как жизненной потребности.

Вместе с тем возникает вопрос: если 44,6% респондентов не хотят работать в общественном производстве, а удерживает их только необходимость иметь хлеб насущный, то куда и где можно приложить свой труд, чтобы было желание и соответствующая мотивация трудиться? Чаще всего — в ЛПХ. Как правило, сельские жители, не ограничиваясь работой в СПК, свободное время отдают личному подсобному хозяйству. Из числа опрошенных 64% респондентов имеют ЛПХ, хотя доля тех, кто считает, что оно необходимо для сельских жителей, несколько выше — 70,5%. В отличие от общест-

венного производства личное хозяйство ведется на крайне низком техническом и технологическом уровне: только у 6,7% респондентов есть трактор, у 4,8% — мотоблок, у 6% — лошадь, у 5% — маслобойка. У 5,7% ответивших нет вообще никакой техники. За счет тяжелого ручного труда ЛПХ тем не менее дает сельским жителям возможность восполнить свой бюджет и даже кое-что продавать. Как показывают данные опроса, продается продукции из ЛПХ очень мало, т.е. оно не носит товарного характера: 41% респондентов ничего не продают, 18,8% — продают картофель, 18,2% — молоко, 11,7% — мясо, 7,9% — яйца, 4,4% — овощи и фрукты, 2,6% — масло, творог, сметану. Продукции ЛПХ производится на продажу так мало и выручка от продажи так незначительна, что только 5,6% респондентов смогли бы жить в основном от доходов, получаемых в личном подсобном хозяйстве. Тем не менее, 26,4% ответивших хотели бы увеличить производство продукции ЛПХ при условии более высоких цен на сельхозпродукцию (19,6%) и помощи со стороны СПК. Как оказалось, СПК всегда помогает в ведении ЛПХ лишь 17,6%, иногда — 26,8% и никогда — 18,5% респондентов. То есть, СПК, ориентированное на эффективность, не заинтересовано помогать сельчанам, и делает это только при особых условиях (сдача за бесценок молока, выход в неурочное время на работу и т.п.). Но, согласно ответам сельчан, без помощи СПК вести ЛПХ крайне трудно. Поэтому сельские жители ведут его только в потребительских целях, хотя трудовой ресурс затрачивают огромный.

Таким образом, можно сказать, что ЛПХ, являясь разновидностью неформальной экономики, пока неэффективно ни для сферы общественного производства и рыночной экономики, ни для личного потребления и материального благосостояния крестьян.

Общественное сельскохозяйственное производство использует труд лишь половины сельских жителей (53,8%), остальные либо на пенсии (32%), хотя продолжают вести личное подсобное хозяйство, либо не работают, не найдя подходящей работы (3%), либо их не берут на работу из-за пьянства и недисциплинированности. По существу, половина человеческих ресурсов не задействована.

Чтобы разорвать этот порочный круг, необходимо укреплять систему «колхоз (СПК) — подворье», где колхоз ограничивается теми производствами, которые однозначно выгоднее производить «массово», где затраты человеко-часов на единицу продукции ниже, чем в индивидуальном производстве, например, производство зерновых. Подворье, в свою очередь, должно стать значимой частью общественного производства такой продукции, которую выгоднее производить в ЛПХ.

Для того чтобы подворье стало более значимым на селе, не только обеспечивало личное потребление крестьянина, но и создавало товарный продукт, необходимо укрепить его новыми (забытыми старыми) формами ведения хозяйства, такими, как, например, добровольная кооперация крестьянских хозяйств. Достоинством кооперации является способность мотивировать крестьянина, подключая к процессу производства личный интерес. Так, крестьянину, имеющему одну или две коровы, нет экономического смысла заниматься переработкой молока или вести его в город для продажи. Ему приходится молоко сдавать колхозу (СПК) за такие низкие закупочные цены, что его производство в ЛПХ теряет смысл. Как результат, личное стадо резко сокращается. А чтобы появилась возможность самостоятельной реализации или переработки, требуются гораздо большие объемы продукта, и в этом смысле решением может стать кооперация.

Стоит вспомнить и кооперативное движение русского крестьянства в конце 19-го начале 20-го веков. Маслодельческие кооперативы позволили резко увеличить производство масла, экспорт его за границу, а также существенно поднять доходы крестьян, участвующих в маслодельных артелях. Этот опыт вполне может быть повторен в новых условиях.

Укрепление подворья за счет кооперации позволило бы решить целый ряд экономических и социальных проблем села. Появится прямой смысл в увеличении количества молочного скота в личном пользовании, улучшении его породы, увеличении удоев и т.п. В социальном плане это закрепит крестьян на селе, ибо от крепкого

хозяйства, приносящего весомый доход, не будет желания уехать в город. При этом нужно помнить, что на селе проживает большое количество пенсионеров, которые хотя и не работают в колхозе, но готовы трудиться и трудятся в личном подворье. Это также громадный трудовой потенциал, готовый к кооперативной деятельности. Кооперация – это не частное предпринимательство, основным принципом которого является подешевле скупить продукцию у крестьян и подороже продать на рынке. Кооперация — это так переработать и продать продукцию, чтобы всем участникам было выгодно. Понятно, что крестьяне не готовы сразу, не имея знаний и опыта, организовывать кооперативы. И тут кооперативному движению должно поспособствовать государство: это и льготные кредиты на покупку сепаратора и иного маслодельного оборудования (еще лучше организовать выпуск практически готового небольшого маслодельного цеха, удовлетворяющего всем санитарным и др. нормам), и обучение специалистов, и кредиты на покупку высокопородного скота, и многое другое. В наиболее успешных случаях, возможно, развернуть производство сыров, как продуктов более высокого передела.

Если в начале века подобные кооперативы организовывали энтузиасты-бессребреники, вроде морского офицера Верещагина (брата знаменитого художника), то сегодня на это рассчитывать сложно. Было бы правильно, если бы государство взяло на себя организацию кооперативов, выдавая на это соответствующие гранты, например, менеджерам и управленцам, выпускникам Академии управления и др. вузов.

При этом не следует бояться, что крестьянские кооперативы создадут конкуренцию молокоперерабатывающим заводам. Хотя бы уже потому, что существует множество товаров, которые сами крестьяне производить не в состоянии (от сгущенного и сухого молока до детского питания). Но главное заключается в том, что будет востребован весь человеческий потенциал села, а не только те работники, которые работают в СПК (ЧУП и др.).

Современное состояние крестьянского экономического поведения в Беларуси свидетельствует о формировании некой адаптивной формы хозяйствования: ЛПХ в симбиозе с крупным сельхозпредприятием. Устранение одной из этих форм чревато в данный момент разрушением крестьянства как класса (сословия, сообщества). Поэтому чрезвычайно важно расширять ЛПХ, стимулировать их развитие, помогать агротехнически, научно, организационно. Одной из форм укрепления ЛПХ является добровольная кооперация крестьянских хозяйств. Крестьянская кооперация способна укрепить личное подворье, сделать крестьянский труд привлекательным, приостановить миграцию молодежи в города, исключить отчуждение сельскохозяйственных работников от крестьянского образа жизни и труда, сохранить крестьянство как базовый слой общества, обеспечивающий национальное единство и сохраняющий культурную идентичность белорусского народа.

Научно-популярное издание

КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР

Сборник статей и рассказов

Составители:

Рыжанков Михаил Федорович
Рыжанкова Оксана Валентиновна
Рыжанков Игорь Михайлович

Ответственный за выпуск *М.Ф. Рыжанков*

Редактор, корректор *Г.В. Анисимова*
Компьютерный дизайн и верстка *О.П. Помозова*

Подписано в печать 7.12.2009 г. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 28,8. Уч.-изд. л. 11,27. Тираж 100 экз. Заказ 1081.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Белорусский государственный аграрный технический университет»
ЛИ №02330/0131734 от 10.02.2006.
ЛП №02330/0131656 от 02.02.2006.
Пр-т Независимости, 99-2, 220023, Минск.